

Св. Антоній Великій

(его жизнь, писанія и нравственно-подвижническое учение).

Священникъ Стефанъ Лобачевскій.

ОДЕССА.
Типографія Е. И. Фесенко, Ришельевская улица,
собственный домъ № 49.
1906.

Отъ Кіевского Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

Кіевъ, 10 ноября, 1905 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаниъ Корольковъ.

6
196

1946

ВВЕДЕНІЕ.

Источники и пособія.

Появившееся въ Египтѣ христіанское монашество было явленіемъ настолько замѣтнымъ и важнымъ въ исторіи Церкви Христовой, что сразу обратило на себя всеобщее вниманіе современныхъ его появленію христіанскихъ церковныхъ писателей и возбудило въ нихъ живѣйшее желаніе ближе познакомиться съ нимъ. Они входили въ непосредственныя сношенія съ египетскими подвижниками, иногда посѣщали ихъ уединенныя келліи, и вообще знакомились съ ихъ жизнью, которую впослѣдствіи описывали въ своихъ сочиненіяхъ. Сами подвижники также описывали внѣшніе и внутренніе опыты своей жизни. Такимъ образомъ составила значительная литература, изображающая всесторонне жизнь первыхъ подвижниковъ, дающая возможность понять и обрисовать личность Антонія Великаго такъ, какъ представлялась она его современникамъ. — Этою литературою пользовались и мы при составленіи настоящаго труда. Входящія въ составъ этой письменности сочиненія служатъ для насъ первоисточниками, о которыхъ считаемъ необходимымъ сказать слѣдующее.

Самымъ важнымъ источникомъ для біографіи Антонія Великаго служить написанная Аѳанасіемъ, еп. Александрійскимъ, „Жизнь Антонія“. Это произведение Аѳанасія носитъ слѣдующее заглавіе: „Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀντωνίου συγγραφείς καὶ ἀποσταλείς πρὸς τοὺς ἐν τῇ ξένῃ μονάχους“ ¹⁾. Будучи однимъ изъ близкихъ учениковъ Антонія и его почитателемъ, Аѳанасій, даже послѣ смерти Антонія, составилъ описаніе жизни и дѣятельности сего великаго подвижника, посланное италійскимъ монахамъ (πρὸς τοὺς ἐν τῇ ξένῃ μονάχους), просившимъ его объ этомъ. Цѣль названнаго сочиненія была дидактическая. Такъ какъ жизнь Антонія, по словамъ Аѳанасія, представляетъ для иноковъ достаточный образецъ подвижничества ²⁾, то описаніе ея должно было возбудить въ италійскихъ монахахъ ревность къ подвижнической жизни. Не смотря на заявленіе Аѳанасія, что онъ сообщилъ объ Антоніи только немногое ³⁾, его „Vita Antonii“ настолько полна и подробна, что даетъ намъ вполнѣ цѣльный образъ великаго отца монашества, изображая его жизнь съ молодыхъ лѣтъ и до самой смерти.

Но этотъ главный источникъ свѣдѣній о жизни Антонія Великаго подвергался и въ настоящее время подвергается сомнѣнію со стороны нѣкоторыхъ западныхъ критиковъ. Они никакъ не соглашались признать Аѳанасія авторомъ „Vitae Antonii“, считая это произведение недостойнымъ пера великаго отца вселенской церкви, а автора его безпощадно поносили, называя его человѣкомъ пошлымъ (insulsum), изобрѣтателемъ

¹⁾ Migne. «Cursus completus patrologiae», t. XXVI, ser. gr. p. 835. Есть это сочиненіе Аѳанасія и въ русскомъ переводѣ его твореній, ч. III, стр. 178—250. Св. Троицкая Сергіева Лавра. 1903.

²⁾ In vitam Antonii poemium, Migne XXVI, ser. gr. p. 837.

Ibid.

необыкновенной лжи и безнравственности (insignis mendacii, insignis scorti). Но на подобныя нападки въ свое время издатели „Vitae Antonii“ замѣтили, что гораздо легче сражаться ругательствами, чѣмъ доказательствами ¹⁾. Вейнгартенъ не признаетъ „Vita Antonii“ произведеніемъ Аѳанасія и даже историческимъ сочиненіемъ, а полагаетъ, что это—произведеніе неизвѣстнаго автора, жившаго во время процвѣтанія монашества, называетъ его изображеніемъ вымышленнаго идеала монашества, представленнаго дальнѣйшимъ поколѣніемъ въ образѣ Антонія ²⁾.

Нельзя не замѣтить, что Григорій Назіанзинъ далъ нѣкоторое основаніе такому взгляду, когда назвалъ „Жизнь Антонія“ „законоположеніемъ монашеской жизни въ формѣ историческаго разсказа“ ³⁾, и самъ Аѳанасій Великій, назвавшій „Vita Antonii“ достаточнымъ образцомъ подвижничества для иноковъ ⁴⁾. Но Григорій Назіанзинъ вовсе не хочетъ этими словами высказать какое-либо сомнѣніе относительно принадлежности „Vita Antonii“ Аѳанасію. Въ своемъ похвальномъ словѣ Аѳанасію онъ упоминаетъ о своемъ желаніи вмѣсто бѣглой рѣчи написать въ особомъ сочиненіи исторію Аѳанасія въ наученіе и услажденіе потомкамъ, „какъ онъ (Аѳанасій) самъ написать житіе божественнаго Антонія“. Трудно думать, чтобы Григорій Назіанзинъ, хорошо знавшій св. Аѳанасія, ошибочно считалъ его авторомъ книги, оказывавшей тогда большое вліяніе на общество, какъ это видно

¹⁾ In vitam Anton. monitum, Migne XXVI p. 831—834.

²⁾ Jahrbücher für protestantische Theologie 1880, Jahrg. VI, s. 428. Leipzig.

³⁾ „τοῦ μοναχικοῦ βίου νομοθεσίαν ἐν πλάσματι διηγήσιως“. Orat. 21.

⁴⁾ „Μοναχεῖς ἱκανὸς χαρακτὴρ πρὸς ἀπαρτίαν“. — In vitam Antonii Prooemium.

изъ „Исповѣди“ блаж. Августина¹⁾. Что касается выражения самого Аѳанасія о своей „Vita Antonii“, то искренность всего рассказа не позволяет намъ видѣть въ вышеприведенныхъ словахъ Аѳанасія указанія на то, что его „Vita Antonii“ есть не дѣйствительная исторія, а только изображеніе идеала монашества въ образѣ Антонія. Если бы „Vita Antonii“ была только изображеніемъ идеала монашества, то Аѳанасій Великій не говорилъ бы такъ ясно и увѣренно о своемъ личномъ и, притомъ, близкомъ знакомствѣ съ Антоніемъ, а съ другой стороны исторія жизни Антонія однимъ именемъ Аѳанасія не приобрѣла бы исторической извѣстности. Между тѣмъ церковные писатели, хорошо знавшіе Аѳанасія, приписываютъ его перу „Жизнь Антонія“ и считаютъ ее не изображеніемъ идеала монашеской жизни, а дѣйствительнымъ описаніемъ жизни великаго подвижника.

Вейнгартенъ приводитъ пять основаній, въ силу которыхъ онъ приходитъ къ заключенію, что „Vita Antonii“ не могла быть написана Аѳанасіемъ. Между прочимъ онъ указываетъ на то, что въ церковной исторіи Евсевія ничего не упоминается объ Антоніи Великомъ, и потому самую личность Антонія считаетъ вымышленною. Но это молчаніе Евсевія объ Антоніи вовсе не говоритъ въ пользу вымышленности рассказа. Личность Антонія сдѣлалась извѣстною многимъ, благодаря Аѳанасію, а Евсевій не былъ поклонникомъ сего епископа и его воззрѣній. Естественно, что онъ умолчалъ объ Антоніи, какъ умолчалъ и объ Аѳанасіи; кромѣ того нужно замѣтить, что церковная исторія Евсевія доведена только до перваго вселенскаго собора, а „Vita Antonii“ написана значительно позже, — уже послѣ смерти Антонія.

¹⁾ Кн. VIII, гл. 6.

Другія возраженія Вейнгартена не болѣе основательны, чѣмъ указанное нами, и потому нисколько не могутъ поколебать всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ и внутреннихъ данныхъ, которыя говорятъ въ пользу принадлежности Vitae Antonii Аѳанасію¹⁾.

Ни одно изъ сочиненій св. Аѳанасія Великаго не имѣетъ такой массы историческихъ свидѣтельствъ относительно своей подлинности, какъ его „Vita Antonii“. Церковные писатели IV и V вѣковъ такъ или иначе говорятъ, что авторомъ „Жизни Антонія“ былъ св. Аѳанасій Великій. Блаж. Иеронимъ въ своей „книгѣ о знаменитыхъ мужахъ“ свидѣтельствуется, что „антиохійскій епископъ Евагрій перевелъ съ греческаго языка на латинскій житіе блаженнаго Антонія, написанное Аѳанасіемъ“²⁾. Въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ объ Антоніи-отшельникѣ, „жизнь котораго описалъ въ замѣчательной книгѣ (insigni volumine) Аѳанасій, александрійскій епископъ“³⁾; или просто въ числѣ сочиненій, принадлежащихъ Аѳанасію, называетъ „исторію, заключающую въ себѣ житіе Антонія отшельника“⁴⁾. Григорій Назіанзинъ, какъ мы видѣли, въ своемъ похвальномъ словѣ въ честь Аѳанасія Великаго торжественно заявилъ, что Аѳанасій „написалъ жизнь божественнаго Антонія (Ἀντωνίου τοῦ θείου βίου τὴν ἱστορίαν)“⁵⁾. Ефремъ Сиринъ, убѣждая своихъ слушателей быть внимательными къ себѣ, указываетъ имъ на Антонія Великаго, какъ на образецъ въ этомъ отношеніи. „Таковъ, говоритъ онъ, былъ св. Антоній, какъ св.

¹⁾ Небъ эти возраженія Вейнгартена очень подробно изложены и довольно обстоятельно разобраны г. Гаке въ „Jahrbücher für protestantische Theologie“, 1880, Jahrg. VI, s. 433—438.

²⁾ „De illustr. eccles. scriptor.“ cap. 125.

³⁾ Ibid. c. 88.

⁴⁾ Ibid. c. 87.

⁵⁾ Orat. 21.

Аѳанасій, архієпископъ, упомянулъ при описаніи жизни его¹⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ упоминаетъ о книгѣ, въ которой содержится жизнеописание Антонія, но авторомъ ея Аѳанасія не называетъ, такъ какъ не было въ этомъ надобности²⁾. Точно также упоминаетъ объ отдѣльной книгѣ, заключающей въ себѣ житіе Антонія, и блаж. Августинъ, не упоминая, впрочемъ, имени ея автора. Церковный историкъ Руфинъ говорить, что о добродѣтеляхъ Антонія, о его наставленіяхъ, трезвости ума, объ уединенной жизни, побѣдѣ надъ демонами и проч.... написано Аѳанасіемъ и переведено даже на латинскій языкъ³⁾. Церковный историкъ Сократъ, говоря о томъ, что Антоній Великій видѣлъ душу Амуна Нитрійскаго, возносимую ангелами на небо, ссылается на „житіе“ Антонія, написанное Аѳанасіемъ александрійскимъ⁴⁾. О другомъ чудѣ Амуна говоритъ Палладій, еп. Еленопольскій, указывая также на житіе Антонія, написанное Аѳанасіемъ⁵⁾. Сократъ прямо даже указываетъ на особую книгу, содержащую въ себѣ жизнеописание Антонія, и написанную Аѳанасіемъ александрійскимъ⁶⁾. Авторъ „Vitae Raschomii“ и другіе, болѣе поздніе церковные писатели (Іоаннъ Дамаскинъ, Никифоръ), также признали „Vita

¹⁾ О „вонми себѣ“, гл. 10. Твор. Ефрема Сирива, ч. I, стр. 479 Москва. 1858.

²⁾ 8-я бесѣда на Еванг. Маттея. Твор. св. Іоанна Златоуста. т. VII, кн. 1-я, стр. 89.

³⁾ Histor. eccles. Lib. I, cap. 8. Migne XXI, ser. lat.

⁴⁾ Церк. Ист. кн. IV, гл. 23, стр. 351.

⁵⁾ Historia Lausaica, c. 8. — „Τούτου θαῦμα διηγήσατο ὁ μακάριος Ἀθανάσιος ὁ ἐπίσκοπος, γράψας εἰς τὸν περὶ Ἀντωνίου βίον“....

⁶⁾ Histor. eccles. Lib. I, c. 21. — „Ἐφθασε γὰρ Ἀθανάσιος ὁ Ἀλεξανδρείας ἐπίσκοπος μονόβιβλον εἰς τὸν αὐτοῦ (Ἀντωνίου) βίον ἐκθέμενος“.

Antonii“ произведеніемъ Аѳанасія Великаго¹⁾. Всѣ приведенныя свидѣтельства очень убѣдительно говорятъ въ пользу того, что „Vita Antonii“ есть подлинное произведение Аѳанасія Великаго. Обратившись къ содержанию этого произведенія, мы должны придти къ тому же заключенію.

Прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе то, что „Vita Antonii“ написана къ монахамъ, находящимся внѣ Египта, какъ думаютъ, къ монахамъ итальянскимъ²⁾. Въ этомъ случаѣ вполне естественно, что авторомъ ея былъ Аѳанасій, такъ какъ онъ находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Западомъ и знакомилъ его съ появившимся на Востокѣ монашествомъ³⁾. Жизнеописание Антонія и имѣло въ виду указать этимъ инокамъ истинный образецъ монашеской жизни и возбудить въ нихъ ревность къ подвижничеству⁴⁾. Аѳанасій, какъ думаютъ нѣкоторые, былъ связанъ историческою необходимостью написать это произведение, такъ какъ цѣлью его было показать, въ чемъ собственно состоитъ монашеская жизнь, куда должно быть направлено все вниманіе инока, пользующагося постами и лишеніями для достиженія внутренней святости, описать ведущія туда средства, охранить ихъ отъ всѣхъ заблужденій и, наконецъ, показать, какъ монахъ, не находясь въ общеніи съ людьми, долженъ быть благодѣтелемъ по отношенію къ нимъ⁵⁾. Личность Аѳанасія Великаго, какъ автора „Vitae Antonii“, довольно

¹⁾ Migne XXVI, ser. gr., p. 823—834 et t. LXXIII, ser. lat., p. 115—118.—Roswejdī „De vitis Patrum“, Lib. I.

²⁾ Migne XXVI, ser. gr., p. 823—824.

³⁾ Творенія блаж. Іеронима (Письмо къ дѣяицѣ Принципиѣ), ч. III, стр. 294. Кіевъ. 1880.

⁴⁾ In Vitam Ant. prooem. Migne XXVI, ser. gr.

⁵⁾ Clarus. „Die Grundzüge der christlichen Mystik im Leben des h. Einsiedlers Antonius“, s. 42. Münster. 1858.

ярко выступаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ аріанахъ, мелетіанахъ и вообще всѣхъ отщепенцахъ православія¹⁾. Въ „Vita Antonii“ разсказывается, что Антоній, когда аріане распустили слухъ, будто онъ держится одинаковаго съ ними образа мыслей, явился въ Александрію и въ публичной рѣчи осудилъ аріанъ, какъ наихудшихъ еретиковъ, предтечъ антихриста²⁾. Въ этой рѣчи такъ и звучитъ голосъ александрійскаго епископа, великаго борца противъ аріанъ и ревнителя православія. „Когда же, говорится далѣе въ житіи, Антоній отходилъ (изъ Александріи), и мы сопровождали его, тогда, какъ скоро дошли до городскихъ воротъ, одна женщина воскликнула позади насъ: „остановись, человѣкъ Божій! Дочь мою жестоко мучить бѣсъ. Остановись, умоляю тебя, чтобы и мнѣ, бѣжа за тобою, не потерпѣть бѣды“. Старецъ, услышавъ это и упрощенный нами, охотно остановился....“³⁾. Это выраженіе ясно указываетъ, что авторъ „Vitae Antonii“ принадлежалъ къ церкви александрійской и былъ однимъ изъ вліятельныхъ и уважаемыхъ ея членовъ. Такимъ лицомъ скорѣе всего, конечно, можно назвать Аѳанасія Великаго, который, какъ извѣстно, приглашалъ Антонія въ Александрію и сопровождалъ его въ самомъ городѣ⁴⁾.—Произведеніе это настолько цѣльно, что, по словамъ Газе, ни одну часть его нельзя признать позднѣйшею вставкою, поэтому, если идетъ вопросъ о его подлинности, то необходимо или все произведеніе признать подлиннымъ, или же отвергнуть его цѣликомъ, какъ апокрифическое⁵⁾. Если

¹⁾ Vita Antonii, §§ 68, 70, 82, 89, 91.

²⁾ Ibid. §§ 68--70.

³⁾ Ibid. § 71.

⁴⁾ Созоменъ. Церк. Ист., кн. II, гл. 17, стр. 119; Сравни. Церк. Истор. Θεοδωριτα, кн. IV, гл. 27, стр. 294.

⁵⁾ Jahrbücher für protest. Theologie. 1880, jahr. XI, s. 432.

сопоставить между собою внутреннія данныя и свидѣтельства церковныхъ писателей, то станетъ несомнѣннымъ, что авторомъ „Vitae Antonii“ былъ не кто иной, какъ Аѳанасій Великій.

Одни (Бароній, Росвейдъ) время написанія этого сочиненія относятъ къ 343-му году, когда еще живъ былъ Антоній, и конецъ жизнеописанія считаютъ прибавленіемъ какого-либо другого автора. Мнѣніе это основываютъ на томъ, что въ „Vita Antonii“ ни однимъ словомъ не упоминается о встрѣчѣ Антонія съ Павломъ Ѳивейскимъ, о чемъ Аѳанасій не умолчалъ бы, если бы писалъ послѣ смерти Антонія; другимъ основаніемъ для такого мнѣнія служитъ свидѣтельство блаженнаго Іеронима, который говоритъ, что римлянка Маркелла въ Римѣ узнала отъ Аѳанасія о жизни Антонія и Пахомія, когда еще живъ былъ Антоній¹⁾. Другіе относятъ написаніе „Vitae Antonii“ къ 355 или 356 году, т. е. ко времени послѣ смерти Антонія, полагая смерть его около указаннаго времени²⁾; иные же къ 365 году, т. е. немного спустя послѣ смерти императора Іовіана, когда Аѳанасій мирно пребывалъ въ Александріи³⁾.

Относительно перваго мнѣнія надо замѣтить, что неупоминаніе Аѳанасіемъ о встрѣчѣ Антонія съ Павломъ Ѳивейскимъ несколько не говоритъ въ пользу того, что „Vita Antonii“ была написана еще при жизни Антонія. Аѳанасій Великій могъ не упомянуть объ этомъ фактѣ, какъ забыть, можетъ быть, упомянуть и о мно-

¹⁾ Твор. блаж. Іеронима (Письмо къ дѣвицѣ Присциллѣ, ч. III, стр. 294.

²⁾ Проф. Казанскій. Объ источникахъ для исторіи монашества египетскаго въ IV и V вѣкахъ. Прибавл. къ твор. св. Отцовъ. 1871, ч. 24, стр. 623.

³⁾ Migne XXVI, ser. gr. p. 823--824; Cellier, Histoire générale des auteurs sacrés et ecclésiastiques, t. V, p. 243.

гомъ другомъ изъ жизни Антонія, или же не знали лично всѣхъ обстоятельствъ этой встрѣчи, и потому не придавъ ей большаго значенія. Въ своемъ предисловіи къ житію Антонія Аѳанасій говоритъ читателямъ, что сообщаетъ „только немного, что припомнилъ объ Антоніи“, такъ какъ по недостатку времени не имѣлъ возможности вызвать и разспросить о подробностяхъ жизни Антонія тѣхъ иноковъ, которые чаще другихъ бывали при немъ. Поэтому онъ убѣждаетъ своихъ читателей разспрашивать о жизни Антонія всякаго, кто плыветъ къ нимъ съ Востока¹⁾. Что же касается указаннаго свидѣтельства Іеронима о Маркеллѣ, читавшей будто бы письменное житіе Антонія, то лучше всего намъ разъясняетъ это самый текстъ Іеронимова свидѣтельства, изъ котораго видно, что отъ Аѳанасія, бѣжавшаго во время аріанскихъ гоненій въ Римъ, Маркелла узнала „о жизни блаженнаго Антонія, тогда еще бывшаго въ живыхъ, объ уставѣ монастырей Ѡивайдскихъ и Пахоміевыхъ, о правилахъ дѣвственницъ и вдовицъ“ и проч. Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь объ устныхъ бесѣдахъ Аѳанасія съ Маркеллой, а не о письменномъ житіи Антонія и письменныхъ уставахъ монастырей Ѡивайдскихъ и Пахоміевыхъ, тѣмъ болѣе, что имя Антонія Великаго еще при жизни его сдѣлалось извѣстнымъ въ Испаніи, Галліи, Римѣ и Африкѣ²⁾, и, слѣдовательно, разспросы о немъ Маркеллы были вполне естественны. Въ предисловіи къ „Vita Antonii“ св. Аѳанасій говоритъ своимъ читателямъ: „требовали вы у меня свѣдѣній о житіи блаженнаго Антонія и пожелали знать, какъ началъ онъ свою подвижническую жизнь, каковъ былъ до вступленія въ оную, какой имѣлъ конецъ жизни,

¹⁾ In vitam Antonii Prooemium.

²⁾ Vita Anton. § 93.

и справедливо ли все о немъ рассказываемое.“ Слѣдовательно, въ своей „Vita Antonii“ Аѳанасій хотѣлъ представить *посмертную* біографію Антонія на основаніи личнаго съ нимъ знакомства и достовѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Въ самомъ же житіи довольно подробно говорится о послѣднемъ завѣщаніи Антонія и его смерти, что и было обѣщано въ предисловіи, поэтому не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что „Vita Antonii“ написана послѣ его смерти.

Не можемъ мы признать временемъ написанія „Vitae Antonii“ ни 355—356-й годы, такъ какъ въ это время Антоній, по нашему мнѣнію, еще былъ живъ, ни 365-й годъ, такъ какъ „Vita Antonii“ предполагаетъ гоненіе аріанъ еще не прекратившимся (§ 82), откуда ясно, что Аѳанасій во время написанія жизни Антонія не могъ мирно пребывать въ Александріи. Намъ кажется болѣе правильнымъ относить время написанія этого произведенія ко времени между 358—361 годами, т. е. считать его написаннымъ послѣ смерти Антонія, но до возвращенія Аѳанасія на александрійскую кафедру при Юліанѣ¹⁾, потому что въ житіи гоненіе аріанъ на православную церковь представляется еще не оконченнымъ, и только выражается увѣренность въ торжествѣ православія надъ еретиками²⁾. Написано оно, конечно, не въ Александріи, а гдѣ-нибудь въ пустынномъ убищѣ, откуда Аѳанасій Великій посылалъ въ различные мѣста свои посланія и письма.

„Vita Antonii“ была написана Аѳанасіемъ Великимъ на греческомъ языкѣ и вскорѣ затѣмъ была переведена на латинскій языкъ Евагріемъ, пресвитеромъ антио-

¹⁾ Изъ исторіи извѣстно, что въ 356 году соборная александрійская церковь ночью подверглась нападенію отрядовъ Констанція и аріанинъ. Георгій занялъ кафедру Аѳанасія, а въ 357 году Аѳанасій былъ осужденъ на соборѣ въ Сиріи и лишенъ кафедры.

²⁾ Vita Anton. § 82.

хійскимъ, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ Іеронимъ¹⁾. Переводъ этотъ былъ сдѣланъ до 368 года, такъ какъ въ 368 году Евагріій уже былъ епископомъ²⁾. Изъ того, что Ефремъ Сиринъ цитируетъ „жизнь Антонія“, написанную Аѳанасіемъ, видно, что во время его жизни она уже существовала въ сирскомъ переводѣ³⁾. Въ первый разъ „Vita Antonii“ была издана на латинскомъ языкѣ въ 1478 году въ „Vitis Patrum“ въ Нюрнбергѣ; на греческомъ же языкѣ впервые обнародовалъ ее въ 1611 году Давидъ Гешелій, который также перевелъ ее на латинскій языкъ съ нѣкоторыми комментаріями, откуда уже заимствовали ее и парижскіе издатели⁴⁾.

Другимъ источникомъ для біографіи Антонія Великаго служитъ „Жизнь Павла Пустынника“, написанная Іеронимомъ. Здѣсь разсказывается очень важный эпизодъ изъ жизни Антонія Великаго, именно: встрѣча его съ Павломъ Ѡивейскимъ. Обиліе чудеснаго элемента въ этомъ сочиненіи побуждаетъ нѣкоторыхъ признать его вымысломъ Іеронима, но въ пользу истинности этого разсказа говоритъ существованіе другихъ редакцій этого сочиненія, независимыхъ отъ Іеронимовой. Мы пользовались этимъ житіемъ не только въ редакціи Іеронима, но и въ редакціи недавно открытаго г. Амелино коптскаго житія Павла Ѡивейскаго, текстъ котораго по всѣмъ признакамъ первоначальнѣе текста Іеронима⁵⁾. Онъ болѣе простъ, ясенъ и согласенъ съ характеромъ египетской жизни.

¹⁾ De illustr. eccles. script. c. 125.

²⁾ Migne XXVI, ser. gr. p. 825—826.

³⁾ Ефремъ Сиринъ приводитъ довольно значительную выдержку изъ „Vita Antonii“, говоря о подвигахъ Антонія словами Аѳанасія Великаго.—Твор. Ефрема Сирина, ч. I, стр. 479—480. Москва. 1858.

⁴⁾ Acta Sanctorum. Bolland., Januarii, t. II, p. 117.

⁵⁾ Amélineau „Annales du musée Guimet“, t. XXV. Histoire des monastères de la Basse—Égypte, p. 1—14 Paris. 1894.

Очевидно, что Іеронимъ имѣлъ его подъ руками, когда писалъ свое житіе Павла Пустынника.—Есть свѣдѣнія объ Антоніи и въ другихъ сочиненіяхъ Іеронима, каковы, напримѣръ: „жизнь св. Иларіона“, „книга о знаменитыхъ мужахъ“, нѣкоторыя его письма къ различнымъ лицамъ и проч.; эти свѣдѣнія касаются какъ обстоятельствъ жизни Антонія Великаго, такъ и приписываемыхъ ему сочиненій.

Очень цѣнными источниками для настоящаго сочиненія служатъ труды трехъ церковныхъ историковъ: Сократа Схоластика, Ермія Созомена и Θεодорита, еп. Кирскаго. Всѣ они описываютъ одни и тѣ же времена. Сократъ въ семи книгахъ излагаетъ исторію церкви отъ 306 до 439 года; Созоменъ въ девяти книгахъ обнимаетъ тотъ же періодъ, хотя и не вполне, именно отъ 323 до 423 года; Θεодоритъ описываетъ время съ 325 по 428 годъ. Всѣ три, слѣдовательно, говорятъ о томъ времени, когда жилъ и славился Антоній Великій, и поэтому всѣ три сообщаютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Антоніи, имѣющія для насъ значеніе полной достовѣрности, какъ свидѣтельства современниковъ и очевидцевъ. Болѣе другихъ сообщаетъ свѣдѣній объ Антоніи Созоменъ. Воспитанный подъ руководствомъ благочестивыхъ подвижниковъ, онъ на всѣ происшествія постоянно смотритъ съ нравственной и религіозной точки зрѣнія и съ особенною полнотою излагаетъ тѣ историческія событія, которыя касались египетскихъ, сирскихъ, палестинскихъ и другихъ пустынниковъ. Какъ историкъ, Созоменъ считаетъ своимъ долгомъ разсказать о томъ, „какіе гдѣ были отцы и учредители такъ называемаго монашества, и кто, сколько дошло до его слуха, составлять рядъ славнѣйшихъ ихъ преемниковъ. Изъ этого будетъ видно, говоритъ Созоменъ, что мы не неблаго-

дарны къ нимъ и не забыли ихъ добродѣтели, но знаемъ исторію ихъ жизни¹⁾. Антонію Великому онъ посвящаетъ цѣлую главу, въ которой даетъ намъ прекрасную характеристику его личности и сообщаетъ нѣкоторые факты изъ его жизни, о которыхъ умалчиваетъ Аѳанасій Великій въ своей „Vita Antonii“.

Въ „церковной исторіи (historia ecclesiastica)“ Руфина и приписываемой ему же „исторіи монаховъ (historia monachorum)“ также есть важныя свѣдѣнія, касающіяся какъ Антонія, такъ и ближайшихъ его учениковъ, бывшихъ непосредственными выразителями аскетическихъ воззрѣній своего великаго учителя²⁾. Руфинъ въ своей церковной исторіи заявляетъ, что онъ „говоритъ только о томъ, что лично видѣлъ, и повѣствуетъ о подвигахъ мужей, принять участіе въ дѣлахъ которыхъ онъ удостоился“³⁾. Ближайшее знакомство съ этими двумя сочиненіями показываетъ, что они составлены на основаніи личнаго знакомства автора съ подвижниками и по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ лицъ самыхъ близкихъ къ описываемымъ подвижникамъ⁴⁾, а потому мы вполне можемъ пользоваться ими, какъ первоисточниками.

Очень важнымъ и обильнымъ для насъ источникомъ является „Лавсаикъ“ Палладія, еп. Еленопольскаго, написаніе котораго относятся къ 420 году⁵⁾. Палладій долгое время былъ монахомъ, путешествовалъ по Египту, Сиріи и Палестинѣ, посѣщая всѣхъ болѣе

¹⁾ Церковная Исторія, кн. I, гл. 1.

²⁾ Migne. Patrol. curs. completus, t. XXI, ser. lat.

³⁾ Histor. eccles. Lib I, c. 4.

⁴⁾ Это вполне возможно, такъ какъ извѣстно, что Руфинъ былъ лично знакомъ со многими подвижниками, и даже провелъ нѣсколько лѣтъ среди отшельниковъ Египта.

⁵⁾ Архим. Сергій. „Лавсаикъ и исторія египт. монаховъ“. — Чтенія въ Общ. Любит. Духовн. Просвѣщ. 1882 г. ч. I, стр. 207.

или менѣе извѣстныхъ отшельниковъ и узнавалъ отъ нихъ о подвигахъ отшельниковъ болѣе раннихъ. Въ 20-й годъ своего епископства, когда Лавсъ, правитель Каппадокіи, попросилъ его описать ему жизнь пустынниковъ Египта, Ливіи, Фиваиды и Синая, Палладій составилъ книгу, озаглавленную по имени этого правителя: „ιστορία πρὸς Λαύσον“. Книга эта пользовалась извѣстностью; объ ней не преминулъ упомянуть и церковный историкъ Сократъ¹⁾. Она важна для насъ въ томъ отношеніи, что представляетъ довольно подробныя свѣдѣнія о первомъ поколѣніи иноковъ египетскихъ; причемъ авторъ старается указать отличительныя черты каждаго подвижника, обращая вниманіе на его особенные подвиги. Достоверность событій, описанныхъ въ Лавсаикѣ, признается всеми безпристрастными изслѣдователями памятниковъ церковной исторіи. Палладій описывалъ то, что самъ видѣлъ или слышалъ отъ достоверныхъ лицъ, и называетъ ихъ. Отъ такого человѣка, который потерпѣлъ много скорбей въ борьбѣ за дѣло св. Іоанна Златоустаго и многолѣтнее заточеніе, трудно ожидать неправды въ повѣствованіяхъ; и тѣмъ болѣе, что о нѣкоторыхъ лицахъ и событіяхъ писали и другіе современныя ему писатели, какъ напр., Руфинъ.

Важное значеніе для уясненія личности Антонія и его нравственно-подвижническаго ученія имѣютъ записи египетскихъ подвижниковъ, извѣстныя подъ названіемъ „изреченій св. старцевъ о подвижничествѣ“ (Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων ὑγρότων); въ русскомъ переводѣ они изданы подъ именемъ „Достопамятныхъ сказаній о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ“. Болѣе обстоятельная критическая оцѣнка этого источника сдѣлана нами въ третьей части настоящаго тру-

¹⁾ Церк. Истор. кн. IV, гл. 23.

да, здѣсь же мы скажемъ только, что онъ представляетъ обильный и важный источникъ свѣдѣній о первыхъ подвижникахъ Египта, важный потому, что записи эти дѣлались болѣе опытными иноками, стоявшими болѣею частью очень близко къ описываемымъ ими подвижникамъ.

Считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о новомъ коптскомъ текстѣ „Достопамятныхъ сказаній“ объ Антоніи, такъ какъ онъ представляетъ нѣкоторыя разности въ сравненіи съ текстомъ, изданнымъ Котелеріемъ¹⁾. Этотъ коптскій текстъ изреченій св. Антонія нашель г. Амелино въ одномъ изъ египетскихъ монастырей и издалъ въ 1894 году параллельно на двухъ языкахъ: коптскомъ и французскомъ²⁾. Нужно сказать, что большинство находящихся здѣсь изреченій служатъ повтореніемъ того, что есть въ „Достопамятныхъ сказаніяхъ“, нѣкоторыя изъ нихъ разсѣяны въ „Verba seniorum“³⁾, и приписываются то Антонію Великому, то неизвѣстному старцу; но много между ними есть совершенно новыхъ, благодаря которымъ болѣе полно и всесторонне можетъ быть обрисована замѣчательная личность основателя монашества. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ указанная коптская рукопись повторяетъ то, что сказано въ „Verba seniorum“, мысль Антонія выражена яснѣе и, по свидѣтельству Амелино, вполне согласно съ нѣкоторыми особенностями египетской рѣчи. Авторъ этой рукописи неизвѣстенъ, какъ неизвѣстны и авторы „Достопамятныхъ сказаній“. Вѣроятно онъ былъ однимъ изъ учениковъ Антонія, если не непосредственнымъ, то во всякомъ слу-

¹⁾ Ecclesiae Graecae monumenta, t. I, p. 340—353.

²⁾ Annales du musée Guimet. Histoire des monastères de la Basse—Égypte. t. XXV, p. 15—45.

³⁾ Migne, LXXIII, ser. lat. p. 739—1062.

чаѣ ближайшимъ къ его времени, такъ какъ по изложенію эти сказанія очень близко подходятъ къ „Достопамятнымъ сказаніямъ“. Мы не можемъ ручаться за неповрежденность этого памятника, но уже одно то, что онъ написанъ на коптскомъ языкѣ, и содержаніе его согласно съ „Достопамятными сказаніями“ объ Антоніи, съ его жизнью и ученіемъ, говоритъ намъ въ пользу его сравнительной неповрежденности и важности для насъ, какъ памятника, сообщающаго новыя свѣдѣнія объ Антоніи¹⁾. Въ виду научнаго интереса и важности указаннаго коптскаго памятника мы познакомились съ нимъ въ изданіи г. Амелино на французскомъ языкѣ. Всѣ открытыя г. Амелино изреченія Антонія переведены съ коптскаго языка на русскій архимандритомъ Палладіемъ (нынѣ епископомъ). Сперва переводъ этотъ былъ помѣщенъ въ Православномъ Собесѣдникѣ (мартъ, 1898 г.), а затѣмъ вышелъ и отдѣльными оттисками²⁾. Сплошной коптскій текстъ раздѣленъ здѣсь на параграфы, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ отдѣльное сказаніе объ Антоніи, подобно тому, какъ это сдѣлано въ „Достопамятныхъ сказаніяхъ“. Но къ указанному переводу мы должны сдѣлать слѣдующія дополненія. Въ изреченіи подъ § 41 послѣ словъ: „я совлекаю съ себя свою одежду, я иду обнаженнымъ“—пропущена фраза: „если же я вхожу, я опять надѣваю ее въ другой разъ“, между тѣмъ фраза эта существенно необходима для того, чтобы понятна была дальнѣйшая рѣчь. Кромѣ того между §§ 47 и 48 опущено цѣлое изреченіе Антонія. Приводимъ его цѣликомъ. „Авва Антоній сказалъ:

¹⁾ Эти апофегмы взяты изъ Cod. Vat. sor. 64, fol. 39 verso in fol. 57. На поляхъ ихъ было замѣчаніе, что ихъ читали въ первое воскресенье Карема, т. е. Четырдесятницы.

²⁾ „Новооткрытыя изреченія преп. Антонія Великаго“. Казань. 1898.

„человѣкъ, который въ Евангеліи идетъ среди ночи искать своего товарища, говоря: дай мнѣ взаймы три хлѣба, потому что ко мнѣ пришелъ съ дороги другъ... Три хлѣба,—это три дѣла: гостепріимство, бѣдность и скорбь, когда раскаяніе ударяетъ въ дверь, прося милосердія, какъ будто зная, что это принадлежитъ человѣку, исполняющему волю Божию“¹⁾.

Всѣ указанные источники касаются главнымъ образомъ внѣшней стороны жизни и дѣятельности Антонія Великаго. Для опредѣленія же и уясненія аскетическихъ воззрѣній Антонія самымъ важнымъ и почти единственнымъ источникомъ служатъ дошедшія до насъ съ его именемъ произведенія (письма, наставленія, увѣщанія), въ которыхъ довольно ярко обрисовывается великій отецъ монашества, какъ аскетъ и христіанинъ²⁾. Мы пользовались этими источниками только послѣ критической обстоятельной оцѣнки ихъ подлинности и неповрежденности, такъ какъ нѣкоторые произведенія, дошедшія до насъ съ именемъ Антонія Великаго, ни въ какомъ случаѣ принадлежать ему не могутъ. При сопоставленіи же аскетическихъ воззрѣній Антонія съ таковыми же воззрѣніями ближайшихъ его учениковъ и послѣдователей, каковы, напримѣръ, Макарій Египетскій, авва Исаія, Маркъ Подвижникъ, мы пользовались писаніями этихъ подвижниковъ³⁾. Въ данномъ случаѣ очень цѣнными для насъ явились научныя примѣчанія и комментаріи капитальнаго труда профессора К. Д. Попова: „Блаженный Діадохъ, епископъ Фотики Древняго Эпира и его творенія“. Кіевъ. 1903.

¹⁾ Amélineau. Annales du musée Guimet. Histoire des monastères de la Basse—Égypte. pag. 41

²⁾ Migne, t. XL, ser. gr.

³⁾ Migne, ser. gr. tom. XXXIV XL LXV.

Какъ источники, заслуживаютъ также вниманія восточные мартирологи: египетскій и маронитскій¹⁾, такъ какъ въ нихъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія объ Антоніи. Патерики, Прологи и Четьи-Миней не имѣютъ для насъ особеннаго значенія, потому что въ нихъ большею частью повторяется то же, что сказано уже Аѳанасіемъ Великимъ въ его „Vita Antonii“.

Изъ ученыхъ пособій по разсматриваемому предмету мы должны указать на различные патрологическіе сборники, начиная съ XVII вѣка, въ которыхъ для насъ являются очень цѣнными различныя ученныя примѣчанія и комментаріи. Таковы:

- 1) „De vitis Patrum“ Rosweydi, помѣщенный у Миня въ 73 томѣ его „Cursus compl. patrologiae“, ser. lat.
- 2) „Acta Sanctorum“. Bolland. januarii, tom. II, Venediis. 1734.
- 3) Ceillier. „Histoire générale des auteurs sacrés et ecclésiastiques“, tom. IV, V, VII—X, XIV. Paris.
- 4) Cotelierius. „Ecclesiae Graecae monumenta“, tom. I, III. Parisiis. 1677, 1686.
- 5) Ellies du Pin. „Nouvelle bibliothéque des auteurs ecclésiastiques“. tom. II. Paris. 1693.
- 6) Combefis. „Bibliotheca patrum concionatoria“, tom. I. Paris. 1667.
- 7) Bigne. „Maxima bibliotheca veterum Patrum“, tom. IV. Lvgduni. 1677.
- 8) Oudin. „Supplementum de scriptoribus vel scriptis ecclesiasticis“. Parisiis. 1686.
- 9) Fabricius. „Bibliotheca Graeca“. tom. IX. Hamburg. 1719.

¹⁾ Они помѣщаются послѣ приписываемыхъ Антонію произведеній у Миня — ser. gr. t. XL и у Галландія — „Biblioth. veterum Patrum“, t. IV, p. 713—714.

10) *Guillon*. „Collectio selecta ss. Ecclesiae Patrum“. Paris. 1834.

11) *Erdinger*. „Septem epistolae s. Antonii abbatis“. Oeniponti. 1871 и другіе.

Сюда же надо отнести и „*Annales ecclesiastici*“ (tom. III, edit. 1624) Баронія, гдѣ свѣдѣнія объ Антоніи помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ вслѣдствіе изложенія Бароніемъ всѣхъ вообще событій по годамъ.

Въ различныхъ церковныхъ исторіяхъ, русскихъ и иностранныхъ, и въ лексиконахъ есть болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ Антоніи, иногда съ критическими замѣчаніями на нѣкоторые факты изъ его жизни. Труды проф. Казанскаго („Исторія православнаго монашества на востокѣ“, ч. I. Москва, 1854) и Монталамберта („*Les moines d'Occident*“, t. I. Paris. 1868) по исторіи монашества вообще имѣютъ для насъ значеніе въ томъ отношеніи, что даютъ намъ сжатую, но вѣрную исторію первыхъ иноковъ египетскихъ. Но проф. Казанскій, приводя часто выдержки изъ сочиненій, приписываемыхъ Антонію Великому, выбираетъ ихъ изъ всѣхъ произведеній, какъ принадлежащихъ Антонію, такъ и носящихъ только одно имя Антонія. Вообще у проф. Казанскаго отсутствуетъ критическій элементъ въ отношеніи къ произведеніямъ, дошедшимъ до насъ съ именемъ Антонія Великаго. Объяснить это можно только тѣмъ, что цѣлью его было написать исторію монашества вообще, а не представить спеціальное изслѣдованіе объ Антоніи.

Наиболѣе обстоятельное изслѣдованіе объ Антоніи Великому представляетъ собою трудъ г. Извѣкова: „Преп. Антоній Великій“, (Христ. Чтеніе 1879 г. ч. II). Этотъ трудъ стоитъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій и отличается богатствомъ содержанія. Въ немъ сперва сдѣланъ краткій обзоръ источни-

ковъ, затѣмъ слѣдуетъ біографія Антонія Великаго, и, наконецъ, рассматриваются произведенія, носящія имя Антонія. Хотя въ критической оцѣнкѣ дошедшихъ до насъ съ именемъ Антонія произведеній видна иногда нѣкоторая поверхностность сужденій, но въ общемъ оцѣнку эту мы должны признать удовлетворительною. Но авторъ вовсе не представилъ намъ въ системѣ аскетическихъ воззрѣній Антонія Великаго; онъ удовлетворился тѣмъ, что въ біографіи Антонія мимоходомъ сдѣлалъ краткія извлеченія изъ писаній Антонія для характеристики его личности.

Изъ другихъ монографій объ Антоніи Великому мы можемъ указать на слѣдующія, бывшія у насъ подъ руками:

1) „*La Thébaïde chrétienne, ou s. Antoine le Grand*“. Par l'abbé Antoine prêtre. Lyon. 1854.

2) *Verger*. „*Vie de saint Antoine le Grand*“. Paris. 1890.

3) *Hello*. „*Saint Antoine le Grand*“. Paris. 1873.

4) *Hauber*. „*Der heilige Antonius der Grosse*“. Augsburg. 1840.

5) *Архим. Агапитъ*. „Жизнь преп. отца нашего Антонія Великаго“. Спб. 1865.

Всѣ указанныя монографіи представляютъ собою большею частью (небольшое исключеніе составляетъ только первая изъ нихъ) популярное изложеніе жизни Антонія Великаго главнымъ образомъ на основаніи „*Vita Antonii*“ Аѳанасія, и нѣкоторыя выдержки изъ приписываемыхъ Антонію сочиненій, причемъ онѣ совершенно не касаются вопроса объ ихъ подлинности. Кромѣ того въ первыхъ трехъ изъ этихъ монографій говорится о судьбѣ тѣла Антонія послѣ его смерти и погребенія.

Нельзя не упомянуть объ изслѣдованіи *Contzen'a*: „*Die Regel des heiligen Antonius*“. Jahresbeilage des Gym-

nasiums Metten für das Schuljahr. 1895—96. Здѣсь Контценъ критически разсматриваетъ правила, приписываемыя Антонію Великому. Онъ обстоятельно сравниваетъ содержаніе правилъ съ другими произведеніями, носящими имя Антонія, а также съ правилами другихъ подвижниковъ, и на основаніи внѣшнихъ и внутреннихъ данныхъ дѣлаетъ выводъ о составителѣ правилъ. Трудъ очень добросовѣстный.

Можемъ мы указать также на труды г. Амелино: „Les actes des martyrs de l'église copte“. Paris. 1890 и „Annales du musée Guimet“. tom. XXV. „Histoire des monastères de la Basse-Égypte“. Paris. 1894, которые проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на жизнь египетскихъ христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ, и представляютъ намъ въ первоначальномъ коптскомъ текстѣ изреченія первыхъ подвижниковъ. Сюда также надо отнести и недавно вышедшій трудъ г. Пономарева: „Догматическія основы христіанскаго аскетизма по твореніямъ восточныхъ писателей—аскетовъ IV вѣка“. Казань. 1899, въ которомъ мы находимъ обзоръ христіанскаго аскетизма первыхъ трехъ вѣковъ. Книга *Clarus'a*: „Die Grundzüge der christlichen Mystik im Leben des h. Einsiedlers Antonius“ (Münster. 1858) не имѣетъ для насъ особеннаго значенія, такъ какъ, не давая того, что обѣщано въ ея заглавіи, представляетъ большею частью общія разсужденія объ аскетическихъ упражненіяхъ, разсужденія, нисколько не уясняющія характера жизни и дѣятельности Антонія Великаго. Гораздо важнѣе для насъ критическая статья Газе въ „Jahrbücher für protestantische Theologie“ (1880. jahrg. VI), въ которой очень основательно разобраны всѣ возраженія противъ принадлежности „Vitae Antonii“ Аѳанасію Великому.

Думаемъ, что нѣтъ особой надобности перечислять другія книги и нѣкоторыя статьи нашихъ духов-

ныхъ журналовъ, которыми мы пользовались, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ для насъ второстепенное значеніе и обозначаются въ соотвѣствующихъ мѣстахъ нашего сочиненія.

Въ нашихъ духовныхъ журналахъ дѣлались переводы произведеній, дошедшихъ до насъ съ именемъ Антонія Великаго, но переводы эти не отличаются точностью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они отличны отъ своихъ подлинниковъ до неузнаваемости. Таковы переводы „писемъ“, „рѣчей“, „правилъ“ и нѣкоторыхъ „духовныхъ наставленій“ въ Христіанскомъ Чтеніи за 1821, 1825—30 и 1837 годы. Въ Воскресномъ Чтеніи за 1840, 1842, 1852 и 1859 годы помѣщены: „наставленія Антонія, какъ смотрѣть на явленія злыхъ духовъ“, „бесѣды Антонія съ учеными язычниками“, „поученіе Антонія Великаго“, „нѣсколько уроковъ Антонія Великаго“, „мудрое правило Антонія Великаго“ и другіе отрывки, взятые изъ „Vitae Antonii“ и изъ „Достопамятныхъ сказаній“.

Наше изслѣдованіе объ Антоніи Великомъ раздѣляется на четыре части. Въ первой части мы разсматриваемъ аскетизмъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства до появленія Антонія въ Египтъ, а затѣмъ указываемъ, какое положеніе занимаетъ Антоній Великій въ исторіи христіанскаго монашества. Вторая часть заключаетъ въ себѣ біографію Антонія, изложенную главнымъ образомъ на основаніи „Vita Antonii“ Аѳанасія Великаго. Въ третьей части подвергаются критической оцѣнкѣ всѣ дошедшія до насъ съ именемъ Антонія произведенія и указывается сравнительная ихъ подлинность и неповрежденность. Наконецъ, въ четвертой части излагается нравственно-подвижническое ученіе св. Антонія Великаго по сохранившимся до нашего времени его произведеніямъ. При этомъ ука-

ывается связь его аскетических воззрѣній съ такими же воззрѣніями ближайшихъ его учениковъ и послѣдователей: преп. Макарія Египетскаго, аввы Исаіи и Марка Подвижника. Эта послѣдняя часть раздѣляется на два отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ излагаются воззрѣнія Антонія Великаго на взаимныя отношенія между Богомъ и человѣкомъ до грѣхопаденія прародителей и послѣ него, а во второмъ—его аскетика въ собственномъ смыслѣ этого слова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Начало монашества и Св. Антоній Великій.

Аскетизмъ внѣ христіанства. Съ именемъ Св. Антонія Великаго, который считается основателемъ монашества, тѣсно соединенъ вопросъ о происхожденіи иноческой жизни, поэтому намъ необходимо коснуться этого вопроса, чтобы насколько возможно опредѣленнѣе выяснить происхожденіе монашеской жизни, и указать мѣсто Антонія Великаго въ исторіи монашества.

Монашество, какъ удаленіе отъ міра для всецѣлаго служенія Богу, своимъ появленіемъ обязано христіанству, которое внесло въ жизнь народовъ новыя, совершенно невѣдомыя міру, начала любви и самоотверженія. Добродѣтель дѣвства есть добродѣтель новозавѣтная. Если и было у язычниковъ и іудеевъ нѣчто подобное христіанскому аскетизму, то оно не носило характера истиннаго христіанскаго любомудрія. „И далеки отъ него, говоритъ преп. Нилъ Синайскій, и Іудеи и Еллины, отвергнувшіе Премудрость, сошедшую съ небесъ, и покусившіеся любомудрствовать безъ Христа, Который Одинъ и дѣломъ и словомъ указалъ истинное любомудріе“¹⁾. Въ Ветхомъ Завѣтѣ хотя и были дѣвственники, какъ, напр., Ілія и Елисей, но все же высокій подвигъ дѣвства въ ветхозавѣтной церкви не былъ общеизвѣстнымъ и желаннымъ. Израильтяне избѣгали дѣвства и боялись безплодія, такъ какъ послѣднее лишало ихъ надежды сдѣлаться праотцемъ грядущаго Мессіи. Вотъ почему и дочь Іефоая, отказавшаяся отъ супруже-

¹⁾ Творенія преп. Нила Синайскаго, ч. II, стр. 3. Москва 1858.

ства для исполненія обѣта своего отца, два мѣсяца вмѣстѣ со своими подругами оплакивала свое дѣвство (Суд. 11, 38—39). Ветхозавѣтное дѣвство было предуготовленіемъ и прообразомъ дѣвства новозавѣтнаго, освященнаго примѣромъ Божественнаго Основателя христіанства. „Какъ живописецъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, изображая на картинѣ бездушныя подобія вещей, сперва легкими и неясными чертами оттѣняетъ образъ, а потомъ выводитъ полное изображеніе разными красками, такъ и дѣвство, достояніе присносущнаго Христа, являлось прежде въ маломъ числѣ людей, и пока царствовалъ Законъ, оттѣняемое слабыми красками, въ немногихъ чертахъ просіявало сокровеннымъ свѣтомъ“¹⁾.

На рубежѣ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ мы уже видимъ дѣвственника—Іоанна Предтечу, который жилъ въ пустынѣ, одежду имѣлъ изъ верблюжьяго волоса, и питался только акридами и дикимъ медомъ (Мѡ. 3, 1—4; Мрк. 1, 4—8). Это былъ строгій аскетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдникъ и живой примѣръ покаянія предъ явленіемъ Спасителя въ міръ. Совершеннѣйшій образецъ дѣвства представила намъ Преподобная Богородица, Которая, съ трехлѣтняго возраста будучи посвящена на служеніе Богу, еще подѣ закономъ начала свой подвигъ дѣвства по духу Евангелія, и по рожденіи Бога Слова пребыла Приснодѣвою.

Ученіе о дѣвствѣ Іисуса Христа и Апостоловъ.

Явившійся на землю для спасенія людей Единородный Сынъ Божій показалъ намъ въ Себѣ высочайшій и совершеннѣйшій образецъ дѣвства, долженствующій всегда служить недостижимымъ идеаломъ для всѣхъ подвижниковъ. „Господу, говоритъ св. Меѡдій, еп. Тирскій, предоставлено было преподавать сіе ученіе (о дѣвствѣ) людямъ... Архіерею и Главѣ пророковъ и ангеловъ прилично именовать и главою дѣвственниковъ“²⁾. Христосъ Спаситель сравниваетъ дѣвственную жизнь съ жизнью ангеловъ на небесахъ (Мѡ. 22, 30), указывая однакожъ и на то, что вслѣдствіе слабости человѣческой

¹⁾ Твор. Григорія Богослова, ч. V, стр. 56—57. Москва, 1847.

²⁾ Твор. свв. Отцевъ въ русск. переводѣ. 1843 г. „О дѣвственникахъ христіанскихъ“, стр. 285.

природы не всѣ могутъ оставаться дѣвственниками во всю свою жизнь: „не вси вмѣщаютъ словесе сего, говоритъ Онъ о безбрачной жизни, но имже дано есть“ (Мѡ. 19, 11). Но тѣхъ, которые могутъ вести жизнь безбрачную, Христосъ обязываетъ соблюдать заповѣдь о дѣвствѣ: „могий вмѣстити, да вмѣститъ“ (Мѡ. 19, 12), говоритъ Онъ всѣмъ Своимъ послѣдователямъ. Говоря объ обязательномъ для всѣхъ христіанъ исполненіи заповѣди Божіей о любви къ Богу и ближнимъ, Іисусъ Христосъ указалъ еще на отреченіе отъ міра и собственности, какъ на одно изъ средствъ сдѣлаться совершеннымъ для царства небеснаго. „Аще хочещи совершенъ быти, сказалъ Онъ богатому юношѣ, исполнившему всѣ заповѣди закона Моисеева, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене“ (Мѡ. 19, 21; Сравни. Мрк. 10, 21; Лук. 18, 22). Спаситель обѣщаетъ награду въ жизни вѣчной (Мрк. 10, 29—30) за оставленіе дома, отца, матери, жены, дѣтей, братьевъ, сестеръ и собственности ради Него и Евангелія. Но отреченіе отъ земныхъ привязанностей должно быть полное и рѣшительное, безъ возвращенія къ міру; извѣстно, что Іисусъ Христосъ не позволилъ ученику, послѣдовавшему за Нимъ, пойти и предать погребенію своего умершаго отца (Лук. 9, 60). Для всецѣльнаго слѣдованія за Христомъ требуется отреченіе не только отъ міра, но и отъ своей грѣховной воли: „аще кто хочетъ по Мнѣ итти, сказалъ Спаситель, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ“ (Мѡ. 16, 24; Мрк. 8, 34).

Предъ Своимъ выступленіемъ на великое служеніе роду человѣческому Іисусъ Христосъ ушелъ въ пустыню, гдѣ безъ пищи и питья провелъ 40 дней и 40 ночей (Мѡ. 4, 1—2), этимъ самымъ показывая Своимъ послѣдователямъ, что въ глубокомъ уединеніи пустыни, въ продолжительномъ постѣ и бдѣніи нужно искать средства для возвышенія своего духа надъ тревоженіями міра и для совершенія великихъ подвиговъ добродѣтели.

Такимъ образомъ еще Христосъ Спаситель для желающихъ достигнуть высшей степени нравственнаго совершенства указалъ

на дѣвственную жизнь, на полную нестяжательность, удаление отъ міра и родныхъ, на отреченіе отъ своей грѣховной воли и подчиненіе себя волѣ Божіей, на исканіе прежде всего „царствія Божія и правды его“ (Мѣ. 6, 33), т. е. указаль на все то, что служить отличительнымъ признакомъ христіанскихъ подвижниковъ и ставить ихъ выше другихъ христіанъ, живущихъ въ мірѣ.

Въ писаніяхъ Апостоловъ мы также находимъ увѣщанія къ дѣвственной жизни и къ удаленію отъ соблазновъ міра. Будучи самъ дѣвственникомъ, Апостолъ Павелъ выражаетъ желаніе, чтобы христіане подражали ему: „хочу бо, говоритъ онъ, да вси челоуѣцы будутъ, якоже и азъ“ (1 Кор. 7, 7); точно такое же пожеланіе онъ высказываетъ всѣмъ безбрачнымъ и вдовамъ (ст. 8). Но здѣсь же Апостолъ говоритъ, что онъ даетъ не повелѣніе относительно безбрачной жизни, а только совѣтъ, имѣя въ виду, что дѣвственникъ, свободный отъ заботъ о женѣ и дѣтяхъ, съ большимъ самоотверженіемъ и преданностью можетъ посвятить всего себя на служеніе Господу (1 Кор. 7, 32—35; Сравни. Евр. 13, 4).— Такимъ образомъ, не отрицая, но одобряя христіанскій бракъ, Апостолъ желающимъ послѣдовать его совѣту указываетъ только болѣе удобный путь къ достиженію совершенства. Любвеобильный ученикъ Спасителя св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ предостерегаетъ всѣхъ христіанъ отъ увлеченія міромъ и его соблазнами. „Не любите міра, ни яже въ мірѣ, говоритъ онъ въ своемъ посланіи. Аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отчи въ немъ. Яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть. И міръ проходитъ, и похоть его: а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки“ (1 Іоан. 2, 15—17). Кромѣ того, въ Апокалипсисѣ Іоанна Богослова говорится о 144,000 дѣвственниковъ, которые непорочными предстоятъ предъ престоломъ Божіимъ, и поютъ вдохновенную пѣснь искупившему ихъ Агнцу (14, 1—5).

Аскетическій характеръ жизни первыхъ христіанъ. Жизнь христіанъ первыхъ вѣковъ представила намъ высокіе образцы жизни благочестивой среди людей всѣхъ сословій и

состояній. Слѣдуя ученію своего Спасителя и Апостоловъ, христіане первыхъ трехъ вѣковъ дѣйствительно искали прежде всего „царствія Божія и правды его“, не прилагая особенныхъ заботъ о земныхъ благахъ и удовольствіяхъ міра. Общеніе имуществъ въ іерусалимской церкви, общія ежедневныя молитвенныя собранія и трапезы ярко иллюстрируютъ намъ благочестивую жизнь первыхъ христіанъ. Многіе изъ нихъ, не будучи монахами, и не удаляясь въ пустыню, проводили жизнь почти монашескую. Уже въ началѣ II-го вѣка среди христіанъ было не мало аскетовъ, которые налагали на себя обязательство особенной строгости въ жизни, хотя и безъ какихъ-либо постоянныхъ или неотмѣняемыхъ обѣтовъ. Можно сказать, что вся жизнь христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ носила аскетическій характеръ, такъ всецѣло они заняты были мыслью о своемъ спасеніи. Мало по малу эта аскетическая жизнь ихъ преобразовалась въ цѣлую систему, особенно когда въ церкви усилилось вліяніе платонизма, который стремился возвышеннымъ удаленіемъ отъ мірскихъ вещей достигнуть подобія божественнаго покоя. Въ то время какъ обыкновеннымъ вѣрующимъ позволялось предаваться обычнымъ мірскимъ занятіямъ, болѣе возвышенные духомъ люди должны были посвящать себя продолжительнымъ молитвамъ и размышленію, ограничивая свои тѣлесныя потребности. Неандеръ¹⁾, Робертсонъ²⁾, Гассе³⁾ и другіе церковные историки и изслѣдователи перваго періода жизни христіанской церкви (до 313 года) единогласно признаютъ существованіе аскетизма въ первые три вѣка христіанства, называя посителей этого подвига то аскетами (ἀσκηταί), то дѣвственниками (παρθένοι), то ереmitами (отъ ἐρημός—пустыня). Названіе „аскета“ прилагалось въ древней церкви ко всѣмъ христіанамъ, особенно ревностно служившимъ Богу, пребывавшимъ въ непрестанной молитвѣ, и отличавшимся подвигами поста и воздержанія. Дѣвственники болѣею частью отличались этими добродѣтелями, такъ какъ уже самими дѣвствомъ своимъ

¹⁾ Neander. Allgemeine Gesch. der christ. Relig. und Kirche., I, s. 472—481.

²⁾ Робертсонъ. Исторія христ. церкви, т. I, стр. 162—165.

³⁾ Гассе. Церкви. Истор., I, стр. 97.

они посвящали себя на особое служение Богу. Иногда дѣвственникъ и аскетъ дѣлался и еремитомъ, т. е. удалялся въ пустыню для подвиговъ; но такіе факты начали часто повторяться только со второй половины III-го вѣка, когда началось жестокое гоненіе Декія, заставившее многихъ бѣжать въ пустыни изъ опасенія отречься отъ Христа. Очень часто всѣ указанныя формы аскетизма соединялись въ одномъ лицѣ. Многіе, родившись въ христіанствѣ, или крестившись въ молодыхъ лѣтахъ, избирали себѣ навсегда жизнь дѣвственную, и, соединяя подвигъ воздержанія съ другими подвигами самоумерщвленія, проводили все время въ постѣ и молитвахъ, отдавая все свое имущество на дѣла богоугодныя, и, такимъ образомъ, нераздѣльно посвящали Господу и самихъ себя, и все свое достояніе. О св. Іаковѣ, братѣ Господнемъ, извѣстно, что онъ всю свою жизнь былъ строгимъ дѣвственникомъ, никогда не ѣлъ мяса и не пилъ вина, не мылся въ банѣ, не намазывалъ себя елеемъ и носилъ только льняныя одежды, никогда не употребляя шерстяныхъ. Отъ частыхъ коленопреклоненій во время молитвы колѣни его, по словамъ церковнаго историка Егезиппа, ожестѣли, какъ у верблюда¹⁾. По словамъ Іеронима апостоль Іаковъ былъ „такъ святъ, такъ праведенъ и постоянно дѣвственъ“, что іудейскій историкъ Іосифъ Флавій представляетъ разрушеніе Іерусалима слѣдствіемъ его умерщвленія²⁾. По всеобщему преданію св. апостоль и евангелистъ Іоаннъ Богословъ, удостоенный особенной любви Господа и усыновленный Имъ Преподобнословенной Дѣвѣ со креста, во всю свою продолжительную жизнь оставался строгимъ дѣвственникомъ³⁾. Относительно дочерей (ихъ было четыре.—Дѣян. 21, 8—9) Филиппа, одного изъ семи діаконовъ іерусалимской церкви, извѣстно, что двѣ изъ нихъ по свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ пребыли въ дѣвствѣ до конца своей

¹⁾ Это свидѣтельство Егезиппа приводится у Евсевія (Церковн. Истор. кн. II, гл. 23) и у Іеронима (Книга о знам. мужахъ, гл. 2.—Твор. блаж. Іеронима, ч. V, стр. 288—289).

²⁾ Противъ Іовиніана, кн. I. Твор. блаж. Іерон. ч. IV, стр. 198; Книга о знам. мужахъ, гл. 8.

³⁾ Противъ Іовин. кн. I. Твор. блаж. Іерон. ч. IV, стр. 170, 172.

жизни¹⁾, а по другимъ—всѣ четыре были дѣвственницами, и за свое цѣломудріе удостоились благодати пророчества²⁾. Относительно сына и дочерей другого діакона іерусалимской церкви Николая также извѣстно, что они сохраняли дѣвство во всю свою жизнь³⁾. Вообще дѣвственная жизнь находила столь многихъ послѣдователей среди первыхъ христіанъ, что апостолу Павлу приходилось даже разъяснять важность и святость христіанскаго брака (Ефес. 5, 22—33) и разсѣивать неправильныя представленія о немъ нѣкоторыхъ христіанъ (I Тим. 4, 2—3), избѣгавшихъ брака. Въ правилахъ апостольскихъ даже ограничивается неумѣренная ревность о дѣвствѣ и подвижничествѣ (Прав. 5 и 51), однако женатымъ клирикамъ позволяется ради подвижничества удаляться на время отъ брачнаго сожитія, вкушенія мяса и вина (Пр. 51). Отсюда ясно, что воздержаніе отъ всего того, что считалось угожденіемъ плоти, было очень распространеннымъ подвигомъ въ правдивной жизни первыхъ христіанъ, и при правильномъ христіанскомъ пониманіи подвиговъ заслуживало полного одобренія церкви.

Такимъ образомъ, христіане апостольскаго вѣка очень часто принимали на себя обѣтъ дѣвства и нестяжательности и проводили поистинѣ подвижническую жизнь; они назывались аскетами и „ἐκλεκτοὶ ἐκλεκτότεροι“ (избранные изъ избранныхъ) въ отличіе отъ остальныхъ христіанъ, называвшихся просто „ἐκλεκτοί“⁴⁾.

Свидѣтельства мужей апостольскихъ, христіанскихъ апологетовъ и другихъ церковныхъ писателей. Мужа апостольскіе поощряли аскетическую жизнь христіанъ, если она правильно понималась ими. Св. Игнатій Богоносецъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу, еп. Смирискому (гл. V), говоритъ: „кто можетъ въ честь плоти Господней пребывать въ чистотѣ, пусть пре-

¹⁾ Такъ пишетъ еп. ефесскій Поликарпъ въ посланіи къ римскому еп. Виктору (Евсевій. Церк. Истор. кн. III, гл. 31).

²⁾ Блаж. Іеронима (письмо къ Деметріадѣ о храненіи дѣвства), т. III, стр. 323; Слово противъ Іовин. I-е—т. IV, стр. 198.

³⁾ Климента Александрійскаго „Stromata“ Lib. III, cap. 4.—Migne VIII, ser. gr. p. 1132. Евсевій. Церк. Истор. кн. III, гл. 29.

⁴⁾ Климента Александр. бесѣда: „Какой богатъ спасеніемъ“, § 36.

бываетъ безъ тщеславія. Если же станетъ тщеславиться, то погибъ¹⁾. Въ посланіи св. Поликарпа къ Филиппійцамъ (гл. V) указывается на необходимость для всѣхъ воздержной и цѣломудренной жизни и дается заповѣдь „дѣвамъ жить съ непорочною и чистою совѣстью“²⁾. Точно также и о св. Климентѣ Римскомъ извѣстно, что онъ писалъ окружныя посланія о дѣвствѣ къ дѣвственницамъ и дѣвственницамъ³⁾. Тотъ же Климентъ заповѣдуетъ „чистымъ по плоти“ не превозноситься и помышлять больше о томъ, Кто даруетъ имъ воздержаніе⁴⁾.—Всѣ указанныя мѣста изъ писаній мужей апостольскихъ ясно свидѣлствуютъ о томъ, что въ ихъ время подвигъ добровольнаго дѣвства былъ очень распространенъ среди христіанъ.

Христіанскіе апологеты II и III вѣковъ всегда указывали на дѣвственную жизнь христіанъ, какъ на свидѣтельство ихъ высокой нравственности. Такъ, напримѣръ, св. Іустинъ Философъ въ своей „Апологіи“ говоритъ язычникамъ: „среди христіанъ есть много мужчинъ и женщинъ, лѣтъ шестидесяти и семидесяти, которые издѣтства сдѣлавшись учениками Христовыми, живутъ въ дѣвствѣ⁵⁾, и я готовъ указать такихъ изъ всякаго народа“⁶⁾. Св. Іустинъ Философъ передаетъ намъ такой фактъ. Одинъ молодой человѣкъ подалъ александрійскому префекту Феликсу прошеніе о томъ, чтобы онъ позволилъ врачамъ оскотить его. „Когда же,

¹⁾ Памятники древне-христіанской письменности, т. II, стр. 428. Москва, 1860.

²⁾ Тамъ же, стр. 445.

³⁾ Объ этомъ свидѣлствуетъ св. Епифаній Кипрскій (объ Евіонейхъ, гл. 15; т. I, стр. 238. Москва, 1863) и блж. Іеронимъ. Послѣдній говоритъ, что Климентъ писалъ „посланія, въ которыхъ всю почти рѣчь свою составилъ о чистотѣ дѣвства“ (Кн. 1-я противъ Іовиніана, т. IV, стр. 146—147). Русскій переводъ посланій св. Климента къ дѣвственницамъ помѣщенъ въ Трудахъ Кіевской Дух. Академіи за 1869 годъ, ч. II, стр. 202—227.

⁴⁾ 1-е посл. къ Коринѣ, гл. 38.—Преображенскій. Писанія мужей апостольскихъ, стр. 139. Москва, 1862.

⁵⁾ „ἄφθοροι διαμένοντι“; въ латинскомъ текстѣ стоитъ: in incorrupta perseverant virginitate.

⁶⁾ Преображенскій. Сочиненія св. Іустина Философа и мученика Апологія 1-я, гл. 15, стр. 44. Москва, 1892.

говорить Іустинъ, Феликсъ никакъ не хотѣлъ подписать прошеніе, то молодой человѣкъ остался дѣвственникомъ и довольствовался своимъ собственнымъ сознаніемъ и сознаніемъ единомысленныхъ съ нимъ“¹⁾. „Мы, говоритъ св. Іустинъ, или вступаемъ въ бракъ не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы воспитывать дѣтей, или, отказываясь отъ брака, постоянно живемъ въ воздержаніи“²⁾.—Другой христіанскій апологетъ Аѳинагоръ, говоря о развратной жизни язычниковъ и противопоставляя имъ цѣломудріе христіанъ, замѣчаетъ: „какъ земледѣлецъ, бросивъ въ землю сѣмена, ожидаетъ жатвы и больше уже не сѣетъ, такъ и у насъ мѣрою пожеланія служить дѣторожденіе. Между нами найдешь многихъ и мужчинъ и женщинъ, которые состарѣваются безбрачными, надѣясь тѣснѣе соединиться съ Богомъ. Если жизнь дѣвственная и цѣломудренная болѣе приближаетъ къ Богу, а худой помысль и пожеланіе удаляетъ отъ Него, то мы, избѣгая худыхъ помысловъ, тѣмъ паче избѣгаемъ такихъ дѣлъ“³⁾. Точно также и Минуцій Феликсъ свидѣлствуетъ, что „очень многіе изъ христіанъ отличаются всегдашнимъ дѣвствомъ своего неоскверненнаго тѣла, и эти не тщеславятся“⁴⁾. Тертулліанъ, противопоставляя развратной жизни язычниковъ высоконравственную жизнь христіанъ, восклицаетъ: „сколько святыхъ мужей, сколько дѣвственницъ въ духовномъ званіи посвятили себя воздержанію, и предпочли сочетаться съ единымъ Богомъ“⁵⁾. Въ „Посланіи къ женѣ“ тотъ же Тертулліанъ въ примѣръ благочестивой жизни приводитъ христіанскихъ дѣвственницъ, которыя, „уневѣстившись Господу, поставляютъ дѣвство свое выше всего, и святость превыше брака. Онѣ сдѣлали выборъ свой, стали супругами и дочерьми Бога своего; живутъ и бесѣдуютъ съ Нимъ; не оставляютъ Его ни днемъ, ни ночью“⁶⁾. Въ другомъ

¹⁾ Апологія 1-я, гл. 29-я.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Преображенскій. Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ. Аѳинагора „Прошеніе о христіанахъ“, гл. 23, стр. 89. Спб. 1896.

⁴⁾ Тамъ же. „Октавій“ Минуція Феликса, гл. 31, стр. 262.

⁵⁾ Твор. Тертулліана. „О цѣломудріи“, стр. 121.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 206.

мѣстѣ Тертуллианъ говоритъ, что среди христіанъ есть люди, сохраняющіе „воздержаніе до гроба, отъ юности до глубокой старости“¹⁾. — Оригенъ въ своемъ сочиненіи „Contra Celsum“ говоритъ, что среди христіанъ есть такіе, которые служатъ Божеству отсѣченіемъ отъ души всякой похоти и почитаютъ совершенное дѣвство²⁾. „У христіанъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, подвижницы соблюдаютъ совершенное дѣвство не для почестей людскихъ, не для наградъ и денегъ, и не для пустой славы“³⁾. Очень подробно говорятъ о дѣвствѣ церковные писатели III-го вѣка: св. Кипріанъ, еп. карфагенскій и св. Меѳодій, еп. патарскій⁴⁾. Если св. Кипріанъ обличаетъ главнымъ образомъ недостатки нѣкоторыхъ дѣвственницъ, то св. Меѳодій предлагаетъ возвышенный панегирикъ дѣвству. Но и тотъ и другой въ общемъ даютъ яркую характеристику состоянія аскетизма въ формѣ дѣвства въ III вѣкѣ. Изъ ихъ твореній мы видимъ, что дѣвство не было обязательнымъ подвигомъ, но предоставлялось свободной волѣ каждого; свободное избраніе этого труднаго подвига и дѣлало послѣдователей его предметомъ особеннаго вниманія и уваженія со стороны остальныхъ христіанъ. Изъ твореній св. Кипріана видно⁵⁾, между прочимъ, что въ III вѣкѣ дѣвственницъ было уже такъ много, что онѣ составляли изъ себя цѣлыя общества, такъ или иначе соединенныя между собою. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что во второй половинѣ III вѣка уже существовали цѣлыя обители дѣвственницъ, и въ одну изъ такихъ обителей (ἐς παρθενῶνα) отдалъ преп. Антоній на попеченіе извѣстныхъ ему и вѣрныхъ дѣвствен-

¹⁾ Апологія, гл. IX; перев. Каряева, т. I, стр. 27. Спб. 1847.

²⁾ Lib. VII, § 48. „Apud christianos viri sunt, qui... omni concupiscentia ex animo ejecta divinitatem precibus prosequantur... perfectam virginitatem colunt“.

³⁾ Contra Cels. Lib. I, с. 7.

⁴⁾ Изъ твореній св. Кипріана сюда относится „Письмо къ Помпонію о дѣвственницахъ“ (Твор. св. Кипр. ч. I, стр. 23—28. Кіевъ. 1879) и „Книга объ одеждѣ дѣвственницъ“ (Ibid. ч. II, стр. 124—142), а изъ твореній св. Меѳодія патарскаго — „Пиръ десяти дѣвъ или о дѣвствѣ“ и „Слово о Сумеонѣ и Аниѣ въ день Срѣтенія Господня“ (Полное собр. твореній св. Меѳодія подъ ред. Ловагина. Спб. 1877).

⁵⁾ ч. II, стр. 137.

ницъ (ὑπορίμοις καὶ πισταῖς παρθένοις) свою единственную сестру, когда самъ послѣ смерти родителей удалился въ пустыню для подвиговъ¹⁾.

Нестыжательность, такъ ярко выразившаяся еще въ вѣкѣ Апостоловъ въ отреченіи отъ собственности и въ общеніи имуществъ членовъ юной церкви іерусалимской (Дѣян. 2, 44—45), находила себѣ достойныхъ подражателей и во все послѣдующее время. О св. Кипріанѣ, еп. карфагенскомъ, извѣстно, что тотчасъ же послѣ принятія христіанства онъ роздалъ все свое имущество бѣднымъ²⁾. Пресвитеръ александрійской церкви Піерій, по свидѣтельству Іеронима, отличался удивительнымъ аскетизмомъ и былъ подвижникомъ добродѣтельной нищеты³⁾. Кесарійскій пресвитеръ Памфилъ, славившійся всеми родами добродѣтели, отличался, по свидѣтельству Евсевія, „устраненіемъ и презрѣніемъ житейскаго, раздаваніемъ имущества бѣднымъ, пренебреженіемъ мірскихъ надеждъ, жизнью и подвигами, свойственными любомудрію“⁴⁾.

Удаленіе нѣкоторыхъ египетскихъ христіанъ въ пустыню, какъ выраженіе христіанскаго аскетизма. Но не всѣ предавшіеся аскетическимъ подвигамъ жили въ мірѣ; нѣкоторые изъ нихъ, избѣгая соблазновъ міра и гоненій язычниковъ, или же просто чувствуя склонность къ уединенной созерцательной жизни, удалялись отъ мірскаго шума и подвизались въ уединеніи, недалеко отъ мѣста своей родины. Здѣсь они могли свободно предаваться созерцательной жизни и богомыслию. Церковный историкъ Евсевій упоминаетъ о множествѣ христіанъ, „которые, блуждая въ пустыняхъ и горахъ, погибли отъ голода и жажды, отъ холода, болѣзней, разбойниковъ и звѣрей“⁵⁾. Однако это были пустынножители невольные, удалявшіеся въ пустыню изъ опасенія отречься отъ Христа во время жестокихъ истязаній; из-

¹⁾ Vita Antonii, § 3.

²⁾ Твор. блж. Іеронима (Книга о знам. мумахъ, гл. 67), ч. V, стр. 324.

³⁾ Тамъ же (Книга о знам. мумахъ, гл. 76), ч. V, стр. 328.

⁴⁾ Евсевій. Книга о палест. мученикахъ, гл. XI.

⁵⁾ Церк. Истор., кн. VI, гл. 42, стр. 352.

вѣстно, что св. Григорій Неокесарійскій на время гоненія Декія также удалился въ пустыню со всею своею немногочисленною паствою, и тѣмъ предотвратилъ возможность отпаденія членовъ ея отъ вѣры Христовой. Намъ извѣстенъ только одинъ случай оставленія аскетами родины въ болѣе ранній періодъ жизни христіанской церкви. Это былъ іерусалимскій епископъ Наркиссъ, который удалился въ незнакомую ему пустыню (около конца II и начала III вѣка¹⁾) и жилъ въ ней такъ долго, что три епископа преемственно занимали его кathedra, пока онъ не возвратился на родину „какъ будто съ того свѣта“. Евсевій говоритъ, что послѣ возвращенія Наркисса паства возлюбила его еще болѣе „за его отшельническую жизнь и любомудріе“²⁾. Спасавшіеся во время гоненій въ пустыняхъ и оставшіеся въ живыхъ, узнавали спасительность пустыни, и при послѣдующихъ гоненіяхъ удалялись опять въ знакомыя мѣста, очень часто оставаясь тамъ уже навсегда, какъ остался, напр., Павелъ Оивейскій. Но помимо этого нѣкоторые христіане чувствовали потребность въ созерцательной и уединенной жизни, видя въ ней лучшее средство для достиженія нравственного совершенства. Это стремленіе къ уединенію ранѣе всего начало проявляться въ Египтѣ, торжественная и таинственная природа котораго представляла обитателю ея много загадокъ для разрѣшенія и приводила его къ созерцательной жизни. Въ Египтѣ ко времени пришествія въ міръ Христа Спасителя сосредоточилась, можно сказать, вся мудрость языческаго міра. Александрія была центромъ, въ которомъ сходились вѣрованія всѣхъ извѣстныхъ тогда народовъ древности, и соединялись въ одномъ общемъ умозрительномъ созерцаніи, въ которомъ идеализмъ грековъ перемѣшивался съ восточнымъ мистицизмомъ египтянъ. Идеи неоплатонизма были распространены здѣсь настолько, что сдѣлались достояніемъ людей даже необразованныхъ; онѣ, можно сказать, были ходячими идеями, съ которыми египтянинъ сроднился вполне. Здѣсь впервые поэтому появляется христіанская философія, имѣвшая своею цѣлью уяснить

¹⁾ Удалился онъ по неудовольствію изъ за клеветы.

²⁾ Церк. Истор., кн. VI, гл. 9—10.

разуму нѣкоторыя истины христіанства и приблизить его къ пониманію таинъ божественнаго Откровенія. Египетъ явился отечествомъ высшаго созерцательнаго богословія и созерцательной жизни; естественно, что онъ же явился и колыбелью христіанскаго подвижничества. Глубокое религіозное чувство египетскихъ христіанъ, ревность въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, мистическій складъ ихъ возрѣній, нравственное убожество жившихъ возлѣ нихъ язычниковъ, все это влекло ихъ въ уединеніе, и многіе дѣйствительно оставляли міръ, уединяясь недалеко отъ своихъ селеній въ пещерахъ, которыхъ въ Египтѣ было множество. Когда начиналъ свои подвиги Антоній Великій, въ Египтѣ было уже достаточно отшельниковъ, подвизавшихся въ уединеніи вблизи своихъ селеній, но, замѣчаетъ писатель житія Антонія, „инокъ (μοναχός) вовсе не зналъ еще великой пустыни“¹⁾.

Свидѣтельства отцовъ и учителей церкви о существованіи аскетической жизни въ первые три вѣка христіанства. Отцы и учителя церкви говорятъ, что жизнь монашеская начала существовать вмѣстѣ съ церковью и неотдѣлима отъ нея²⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ замѣчаетъ, что монашеское любомудріе введено со времени Іисуса Христа, и что монахи даже и по одеждѣ подражаютъ Апостоламъ³⁾. Преподобный Іоаннъ Кассіанъ, писатель и инокъ IV и начала V вѣка, лично хорошо знакомый съ Египтомъ, гдѣ возникло монашество, и съ его иноками, проведеній значительное время среди египетскихъ пустынножителей, возводитъ первыхъ монаховъ къ ученикамъ евангелиста Марка, перваго проповѣдника христіанства въ Александрію и Египтѣ. „Въ началѣ христіанской вѣры, говоритъ Кассіанъ, хотя немногіе, но

¹⁾ Vita Anton. § 3.

²⁾ Ieronim. Epist. 120 (alias 150), 118, 130. Primum in ecclesia imo, a quo coepit ecclesia... cujus Apostoli institutores... existerunt.
Cassian. Collat. XVIII, c. 5.—Sacrum quoque monasticum ordinem a Deo inspiratum et ab ipsis apostolis fundatum (Montalembert, Les moines d'Occident, t. I, p. 49).

³⁾ Бес. 68-я на Еванг. Матвея.—Твор. Іоан. Златоуста, т. VII, кн. 2-я, стр. 696. Сравни. Бес. 17-я къ Антиохійскому народу, —т. II, кн. 1-я, стр. 190.

самые благочестивые носили имя монаховъ (monachorum nomine censerentur), а именно: заимствовавшие образъ жизни отъ евангелиста Марка, бывшего первымъ епископомъ Александріи¹⁾, и не только обладавшие тѣми свойствами, какими по сказанію Дѣяній апостольскихъ (4, 32, 34) отличалась первенствующая церковь, но еще домогавшіеся высшихъ совершенствъ. Удаляясь въ уединенныя мѣста близъ городовъ, они вели столь воздержную жизнь, что возбуждали изумленіе въ иновѣрцахъ, потому что съ такимъ усердіемъ занимались чтеніемъ св. Писанія, молитвою и рукодѣльемъ, что и алканіе не прерывало воздержанія; развѣ уже на второй или на третій день принимали пищу, и то не столько по желанію наслажденія, сколько по требованію нужды²⁾. Преп. Кассіанъ указывалъ также и причины, по которымъ христіане удалялись въ уединеніе; эту причину онъ видѣлъ въ утратѣ нѣкоторыми христіанами первоначальной апостольской чистоты жизни. Передавая бесѣды египетскихъ пустынножителей, преп. Кассіанъ приводитъ слова аввы Піаммона, который, выражая сожалѣніе объ упадкѣ среди христіанъ послѣапостольскаго вѣка первоначальной чистоты христіанской жизни, съ утѣшеніемъ замѣчаетъ: „Но тѣ, у которыхъ еще была ревность апостольская, помня о томъ прежнемъ совершенствѣ, удаляясь изъ своихъ городовъ и отъ общенія съ тѣми, которые считали позволительнымъ для себя или для церкви Божіей нерадѣніе распущенной жизни, стали пребывать въ мѣстахъ подгородныхъ и уединенныхъ, и что было установлено апостолами, какъ помнили, вообще для всей церкви, въ томъ начали упражняться особеннымъ образомъ всякій самъ по себѣ; и такимъ образомъ составилъ сказанный родъ жизни учениковъ, которые удалялись отъ общенія съ прочими. Они мало по малу съ теченіемъ времени, отдѣляясь отъ общества вѣрующихъ, по той причинѣ, что воздерживались отъ супружества и уклонялись отъ соучастія съ

¹⁾ Въ Хроникѣ Евсевія Памфіла подъ 45 и 64 годами говорится, что еванг. Маркъ возвѣстилъ Христа въ Египтѣ и Александріи, и былъ первымъ епископомъ Александріи.—Твор. блж. Іеронима, ч. V, стр. 357, 360. Сравни. Церк. Истор. Евсевія, т. I, кн. 2, гл. 16, стр. 85.

²⁾ „De coenob. institut“. Lib. II, cap. 5. Migne XLIX, ser. lat. pag. 84—85.

родителями и соображенія съ этимъ міромъ, назывались монахами, единожительствовавшими (monachi sive monazantes singularis) по строгости одинокой и уединенной жизни¹⁾.

Примѣры киновитской жизни аскетовъ въ первые три вѣка. Мы уже сказали выше, что къ концу III-го вѣка среди дѣвственниковъ образовались уже цѣлыя тѣсно сплоченныя союзы²⁾ или обители, въ которыхъ старшія и опытныя дѣвственницы руководили и одушевляли къ подвигу дѣвственниковъ болѣе молодыхъ. Такое же явленіе можно наблюдать и среди аскетовъ-мужчинъ. Хотя аскеты болѣею частью предпочитали подвижническое уединеніе вблизи своихъ родныхъ селеній, но наряду съ самостоятельнымъ отшельничествомъ отдѣльных лицъ были монахи, жившіе вмѣстѣ и называвшіеся киновитами (отъ κοινός—общій и βίος—жизнь³⁾). По словамъ преп. Кассіана этотъ родъ жизни христіанскихъ монаховъ очень древній и существовалъ неизмѣнно до Павла Оивейскаго и Антонія Великаго⁴⁾. Можно указать и на нѣкоторые примѣры такой киновитской жизни аскетовъ перваго періода существованія христіанской церкви. Извѣстно, на примѣръ, что подъ вліяніемъ Оригена Геракасъ, неуклонно проводя ученіе объ отреченіи отъ чувственныхъ удовольствій, удалился отъ міра и со своимъ небольшимъ кружкомъ аскетовъ вблизи Леонтополиса проводилъ строгую подвижническую жизнь, особенно подавляя въ себѣ половныя влеченія⁵⁾. Есть также извѣстіе, что Пафнутій, епископъ Верхней Оиванды, дѣвственникъ и исповѣдникъ, бывший на первомъ вселенскомъ соборѣ, и поданный свой

¹⁾ Collat. XVIII, c. 5. Migne, pag. 1096—1098.

²⁾ Надо замѣтить, что союзы дѣвственниковъ составлялись не въ пустыняхъ, а главнымъ образомъ при церквяхъ.

³⁾ Но это не было общинитское монашество въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова; монахи жили только недалеко одинъ отъ другого, группируясь воокъ какого-либо выдающагося подвижника; это была только неопредѣленный шагъ къ организаціи, установившейся впоследствии.

⁴⁾ Collat. XVIII, c. 5. Migne XLIX, ser. lat. p. 1099—1100.

⁵⁾ Eriphan. LXVII. — Jahrbücher für protestantische Theologie. 1894. Jahrg. VI, s. 420.

авторитетный голосъ противъ безбрачія духовенства въ виду тяжести подвига дѣвства, воспитывался въ одномъ аскетическомъ учрежденіи, существованіе котораго относятъ ко второй половинѣ III-го вѣка¹⁾.

Мѣсто и значеніе Антонія Великаго въ исторіи христіанскаго монашества. Такимъ образомъ не Антоній былъ первымъ христіанскимъ аскетомъ; ко времени появленія его въ пустынѣ мы уже видимъ въ христіанскомъ мірѣ какъ отдѣльныхъ отшельниковъ, уединявшихся для подвиговъ, такъ и цѣлыя киновіи или небольшія общины монаховъ, удалившихся отъ міра и его соблазновъ. Является теперь вопросъ: какое мѣсто занимаетъ Антоній Великій въ исторіи христіанскаго монашества? Его называютъ „основателемъ монашества“, „отцомъ монашества“, „патріархомъ киновитовъ“²⁾ и другими почтенными именами. Блаж. Иеронимъ называетъ его „учредителемъ“ анахоретскаго образа жизни³⁾, потому что Павелъ Оивейскій, хотя и началъ ранѣе пустынножительство, но не имѣлъ вокругъ себя подражателей. Вопросъ о томъ, кого нужно считать основателемъ монашеской жизни, занималъ многіе умы древности. Еще при Иеронимѣ нѣкоторые, обращая взоры къ древности, полагали начало пустынножительства въ Иліи и Іоаннѣ Крестителѣ. Но на это Иеронимъ въ свое время замѣчалъ, что „Илія былъ болѣе пророкъ, чѣмъ монахъ, а Іоаннъ началъ пророчествовать еще до рожденія“. „Другіе (съ чѣмъ согласно большинство), продолжаетъ далѣе Иеронимъ свою рѣчь объ этомъ, признаютъ Антонія главою пустынножительства; это отчасти справедливо“⁴⁾. Въ вопросѣ о началѣ пустынножительства Иеронимъ, на основаніи свидѣтельства учениковъ Антонія: Амаеи и Макарія, приходитъ къ тому убѣжденію, что Павелъ Оивейскій

¹⁾ Jahrbücher für protest. Theol., s. 420.

²⁾ Verger въ оглавленіи своей книги: „Vie de s. Antoine le Grand“ называетъ Антонія Великаго „патріархомъ киновитовъ (patriarche des cénobites)“.

³⁾ Твор. блаж. Иеронима (письмо къ Евстохію о храненіи дѣвства), ч. I, стр. 138.

⁴⁾ „Жизнь Павла Пустынника“. Твор. блаж. Иеронима, ч. IV, стр. 1

положилъ начало пустынному житію, хотя и не далъ ему имени. Относительно же Антонія Иеронимъ замѣчаетъ: „Антоній былъ не столько первымъ пустынножителемъ, сколько человекомъ, возбудившимъ общее стремленіе къ этому образу жизни“¹⁾. Церковные историки Созоменъ и Феодоритъ также видятъ заслугу Антонія и значеніе его для монашества въ томъ, что онъ подвизалъ на соотвѣтствующую высоту идеаль монаха, и былъ первымъ опытнымъ и мудрымъ руководителемъ другихъ людей, которыхъ массами привлекалъ въ иночество примѣромъ своей высоко-правственной и исполненной подвиговъ жизни. „Египтянами-ли, говоритъ Созоменъ о христіанскомъ подвижничествѣ, или кѣмъ другимъ первоначально основано это любомудріе, но все согласны, что упомянутый образъ жизни на высоту строгости и совершенства своими правами и приличными упражненіями возвелъ монахъ Антоній Великій“²⁾. Въ такомъ же духѣ отзывается объ Антоніи и блаж. Феодоритъ. „Много сіяло вождей этого житія, говоритъ онъ, но превосходнѣйшимъ руководствомъ въ исполненіи подвижническихъ установъ былъ тотъ многохвальный Антоній, сдѣлавшій пустыню мѣстомъ подвиговъ добродѣтели для подвижниковъ“³⁾.

Такимъ образомъ церковные писатели, жившіе почти непосредственно послѣ Антонія Великаго, отводятъ ему въ исторіи христіанскаго монашества первое мѣсто, несмотря на то, что существовали отшельники до Антонія, и наиболѣе извѣстный изъ нихъ — Павелъ Оивейскій. Дѣйствительно, вполнѣ справедливо назвать Антонія основателемъ монашества, имѣя въ виду то, что отъ него форма монашеской жизни получила быстрое распространеніе. Его имя стало звеномъ, связавшимъ всѣхъ отдѣльныхъ, неизвѣстно гдѣ блуждавшихъ отшельниковъ въ братскія общины, гдѣ молодой и слабый отшельникъ находилъ сильную нравственную поддержку въ инокахъ престарѣлыхъ и утвердившихся въ подвигѣ; его благотворное вліяніе сказалося во всѣхъ сторонахъ широко распростра-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Церк. Истор., кн. I, гл. 13, стр. 47.

³⁾ Церк. Истор., кн. IV, гл. 21, стр. 272. Сиб. 1862.

нившейся при немъ монашеской жизни, а его нравственно-аскетическія наставленія и воззрѣнія легли въ основаніе всей послѣдующей аскетики. Въ IV вѣкѣ, говоритъ Неандеръ, не соглашались относительно того, кто былъ учредитель монашества — Павелъ или Антоній. Если, говоритъ онъ, подѣ этимъ разумѣютъ того, отъ котораго вышло распространеніе этой формы жизни (монашеской), то это имя безъ сомнѣнія принадлежитъ послѣднему¹⁾. Если раньше Антонія и были люди, которые, благодаря своей личной склонности или вслѣдствіе исключительныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, приведены были къ уединенному и созерцательному образу жизни, то они остались неизвѣстными и, по крайней мѣрѣ, не произвели замѣтнаго вліянія на направленіе и развитіе зарождавшагося христіанскаго монашества. Павелъ Фивейскій, почти цѣлый вѣкъ проведшій въ глубокомъ уединеніи, такъ бы и остался невѣдомымъ міру, если бы не увидѣлъ его Антоній, и то для того только, чтобы послѣ кратковременнаго свиданія предать тѣло его погребенію. О Павлѣ можно сказать, что это былъ монахъ внѣ монашества, и потому ни въ какомъ случаѣ нельзя его считать основателемъ иноческой жизни. Мы видимъ, что и при началѣ подвиговъ Антонія были отшельники, уединявшіеся возлѣ своихъ селеній; былъ даже одинъ старецъ, который проводилъ уединенную жизнь *съ молодыхъ лѣтъ*²⁾, но никто не называетъ ихъ основателями монашеской жизни, такъ какъ они никого другого не знали, кромѣ самихъ себя, слѣдовательно, не оказывали замѣтнаго вліянія на отшельническую жизнь. Упомянутый старецъ даже совершенно отказался идти въ пустыню для подвижничества, когда Антоній, желавшій подвизаться подѣ его руководствомъ, просилъ его объ этомъ³⁾. Совѣтъ другое представляетъ собою преп. Антоній. [Послѣ 35-ти лѣтъ подвижничества онъ выступаетъ уже не только какъ уединенный отшельникъ, но и какъ руководитель дру-

¹⁾ Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Band II. Abteil. II, s. 488. Hamburg. 1829

²⁾ Vita Anton. § 3.

³⁾ Ibid. § 11.

гихъ къ иноческой жизни; живымъ и увлекательнымъ словомъ онъ убѣждаетъ пришедшихъ къ нему проводить подвижническую жизнь, и по силѣ его удивительнаго краснорѣчія тотчасъ же возникаютъ монастыри и пустыня населяется иноками. Во всѣхъ этихъ монастыряхъ Антоній дѣлается руководителемъ и отцомъ, возбуждая въ инокахъ ревность и любовь къ подвижничеству, ободряя успѣвающихъ въ подвигѣ, и съ любовью исправляя согрѣшающихъ, въ своей же собственной жизни представляя руководимымъ имъ инокамъ высокій примѣръ для подражанія¹⁾. Горячая любовь Антонія къ ближнимъ нашла себѣ достойное примѣненіе въ руководствѣ братій основанныхъ имъ монастырей, куда онъ даже въ старости, когда не могъ являться лично, писалъ письма, полныя любви, подобной любви Ап. Павла къ ессалоникійцамъ²⁾.

По существу преп. Антоній былъ анахоретъ, каковымъ именемъ еще при Іеронимѣ обозначали иноковъ, удалявшихся въ пустыню и жившихъ вдаль отъ людей³⁾. Къ этому образу жизни Антоній чувствовалъ болѣе склонности и любви; жизнь свою онъ проводилъ въ уединеніи, предаваясь подвигамъ и молитвѣ. Вотъ почему и подражатели преп. Антонія проводили жизнь болѣе частью въ уединенныхъ келліяхъ, хотя и находившихся очень часто недалеко одна отъ другой. Но характеръ Антоніева монашества не требовалъ непремѣннаго удаленія отъ всѣхъ людей; Антоній убѣждалъ приходящихъ къ нему удалиться отъ міра, но не убѣждалъ удаляться отъ товарищей по подвигу, особенно отъ старцевъ, опытныхъ въ подвигахъ пустыни. Мы видимъ, что когда онъ вышелъ изъ 35-лѣтняго затворничества и убѣдилъ многихъ оставить міръ, то въ горахъ явились монастыри (*μοναστήρια*), пустыня населилась иноками, оставившими свою собственность и вписавшимися въ число жительствовающихъ на небесахъ⁴⁾. Слѣдовательно, съ самаго начала появились монастыри, гдѣ братія жили или

¹⁾ Vita Anton. § 14—15.

²⁾ Epist. XIII. Migne XL, p. 1028 D.

³⁾ Твор. блж. Іеронима (Письмо къ Евстохія о крещеніи дѣтства), ч. I, стр. 136.

⁴⁾ Vita Anton. § 14.

вмѣстѣ, или очень недалеко одинъ отъ другого. Такимъ образомъ анахоретство преп. Антонія вполне мирилось съ киновитскимъ образомъ жизни его нѣкоторыхъ учениковъ. Павелъ Простой, ученикъ Антонія, живетъ въ отдѣльной уединенной келліи, между тѣмъ какъ другіе ученики жили въ монастыряхъ подъ руководствомъ какаго-либо опытнаго старца, какъ, напримѣръ, Макарій Великій¹⁾, собирались на общую молитву или для того, чтобы услышать назиданіе отъ старшихъ²⁾, имѣли общую трапезу³⁾ и проч. Но подробныхъ предписаній, опредѣляющихъ каждый шагъ монаха, подобныхъ тѣмъ, какія Пахомій Великій далъ своимъ общежительнымъ монастырямъ, Антоній Великій своимъ ученикамъ не давалъ. Напротивъ, онъ говорилъ, что для наученія достаточно Писаній, къ которымъ необходимо присоединять взаимныя наставленія другъ друга въ благочестіи⁴⁾. Въ себѣ самомъ онъ показалъ высокій примѣръ подвижничества; онъ сочувствовалъ всякаго рода иноческой жизни, если только она приводила инока къ желаемой цѣли — достиженію совершенства и спасенія. Но, предпочитая анахоретство, преп. Антоній настоятельно рекомендовалъ всѣмъ подвижающимся слушать старцевъ и пользоваться ихъ мудрыми и опытомъ добытыми указаніями, чтобы необдуманнѣмъ шагомъ не погубить плодовъ своего подвижничества⁵⁾. Онъ приводилъ и примѣры, когда молодые неопытные монахи, понадѣявшіеся на свои силы, не выдерживали тяжести иноческаго подвига и падали⁶⁾.

Такимъ образомъ въ своей собственной жизни Антоній Великій былъ анахоретомъ, но подражателямъ своимъ онъ еще при своей жизни предоставлялъ видоизмѣнять анахоретскій образъ жизни и приближать его къ киновитскому, лишь бы неуклонно преслѣдо-

¹⁾ Лавсанъ Паллад. § 23, стр. 86. Спб. 1850.

²⁾ Такія назиданія часто давалъ братіи самъ Антоній во время посѣщенія монастырей. — Vita Anton. §§ 16—44.

³⁾ Vita Anton. § 45.

⁴⁾ Ibid. § 16.

⁵⁾ Migne XL. Epist. XVIII, p. 1050. Admonitiones, p. 1082.

⁶⁾ Достоп. сказ. § 37, 38; Migne XL. Anton. Epist. VI, p. 1015; Epist. XVIII, p. 1050.

валась одна великая цѣль, изъ-за которой монахъ оставляетъ міръ и удаляется въ пустыню. [Положеніе Антонія, какъ отца монашества и руководителя иноковъ, упрочилось еще болѣе благодаря историческимъ обстоятельствамъ церкви Христовой.] Пока христіанство не было признано религіею господствующею, монашество не могло особенно быстро распространяться и имѣть форму вполне организованнаго общества. Римское правительство подозрительно относилось къ возникновенію всякаго рода обществъ и преслѣдовало своими законами жизнь безбрачную¹⁾. Такое преслѣдованіе прежде всего, конечно, должно было неблагоприятно отразиться на развитіи монашества. Когда же христіанская религія объявлена была господствующею въ римской имперіи, склонные къ монашеской жизни могли свободно предаваться своимъ подвигамъ, не боясь преслѣдованій правительства, ослабленіе же нравственности среди христіанъ, жившихъ въ мірѣ, еще болѣе побуждало ревнителей добродѣтели удалиться въ пустыню. Прежде принимали христіанство только по убѣжденію, и ради имени Христова готовы были идти на всякаго рода мученія и даже смерть, со времени же объявленія христіанской религіи господствующею многіе вступали въ христіанскую церковь, не имѣя твердаго убѣжденія въ необходимости слѣдовать ея предписаніямъ, вслѣдствіе чего среди христіанъ можно было встрѣчать частыя отклоненія отъ первоначальной чистоты христіанской жизни. Христіане въ городахъ и селахъ начали позволять себѣ роскошь, плотское наслажденіе, участіе въ народныхъ увеселеніяхъ и другія послабленія, которыхъ первыя исповѣдники вѣры чуждались, какъ отреченія отъ Христа. [Пустыня представляла собою естественное убѣжище и пристанище, не поддающееся соблазнамъ, для христіанъ, желавшихъ сохранить и развить въ себѣ христіанство во всей его силѣ.] Доказывая необходимость монастырей и естественность стремленія нѣкоторыхъ къ иноческой жизни, св. Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуетъ о сильномъ упадкѣ нравственности въ его время и упрекаетъ порицате-

¹⁾ У римлянъ обѣтъ монашества считался беззаконіемъ. — Твор. блж. Іеронима, ч. III, стр. 294.

лей монашества. ^{Злати} Хотѣлъ бы и я, говорить онъ, не меньше, а гораздо больше васъ, и часто молилъ, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ и такой бы насталъ порядокъ добрый въ городахъ, чтобы никому никогда не нужно было убѣгать въ пустыню. Но такъ какъ все пошло вверхъ дномъ, и города, гдѣ судилища и законы, полны великаго беззаконія и неправды, а пустыня произращаетъ обильный плодъ любомудрія, то справедливость требуетъ, чтобы вы винили не тѣхъ, которые желающихъ спастись исторгаютъ изъ этой бури и волненія и руководятъ къ тихой пристани, но тѣхъ, которые каждый городъ дѣлаютъ столь недоступнымъ и непригоднымъ для любомудрія, что желающіе спастись принуждены бываютъ убѣгать въ пустыни¹⁾. Можно сказать, что удаленіе многихъ въ пустыню было протестомъ противъ упадка общественной нравственности.

Дѣятельность Антонія Великаго въ дѣлѣ распространенія и организаціи монашества относится, главнымъ образомъ, къ тому времени, когда христіанство восторжествовало надъ язычествомъ. Въ данномъ случаѣ это фактъ очень важный, такъ какъ онъ много способствовалъ тому, что Антоній сталъ основателемъ монашества. Еще до торжества христіанства Антоній пріобрѣлъ всеобщую извѣстность своею строгою подвижническою жизнью и привлекалъ къ себѣ многихъ, ищущихъ любомудрія; послѣ же знаменательнаго въ исторіи христіанства 313 года всѣ ревнители благочестія могли безпрепятственно приходить къ нему въ пустыню для подвиговъ. ^{Злати} Слава Антонія распространилась по всему Египту и окрестнымъ странамъ, а репутація его, какъ великаго подвижника и опытнаго руководителя начинающихъ подвизаться, привлекала къ нему многихъ лицъ, быстро увеличивая такимъ образомъ ряды монашествующихъ²⁾. Всѣ подвизавшіеся отдѣльно отшельники, слыша о подвигахъ Антонія, шли къ нему и поселялись въ

¹⁾ Слово къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни.—Твор. св. І. Златоустаго, т. I, кн. 1-я, стр. 53. Спб. 1895. Слово это написано Златоустомъ въ 375 или 376 году.

²⁾ Vita Anton. §§ 15, 44, 87, 88.

его монастыряхъ, чтобы подъ руководствомъ Великаго аввы усовершенствоваться въ добродѣтели. То всеобщее уваженіе, почти благоговѣніе къ Антонію Великому, при которомъ каждый считалъ для себя за великую честь видѣть его, слушать его рѣчи и повиноваться его велѣніямъ¹⁾, предоставляло ему возможность давать иноческой жизни желаемое направленіе. Писанія, оставленные Антоніемъ, и всѣ его устные нравственныя наставленія, отчасти записанныя его учениками, отчасти же сохранившіяся среди иноковъ путемъ преемственного преданія, послужили основаніемъ для всего послѣдующаго монашества, развивавшагося въ разнообразныхъ направленіяхъ. Со времени Антонія Великаго монашество получаетъ свою настоящую силу и значеніе въ церкви Христовой.

Такимъ образомъ названіе Антонія Великаго „отцомъ“ и „основателемъ монашества“ вполне вѣрно и справедливо, такъ какъ отъ него эта форма жизни, прежде существовавшая не твердо и единично, получила широкое распространеніе и прочную организацію. Антоній Великій, появившись въ безлюдной оивандской пустынѣ, дѣлается отцомъ и главою всѣхъ анахоретовъ Оиванды, которыхъ онъ мало-по-малу преобразовываетъ въ кинувитовъ, хотя и не въ такомъ строгомъ смыслѣ кинувитовъ, какими были ученики Пахомія. Антоній, управляя своими послѣдователями чрезъ собственный примѣръ и заповѣди, дѣлается первымъ аввою и, какъ Авраамъ, отцомъ великаго народа, который процвѣтаетъ уже шестнадцать вѣковъ, составляя лучшее украшеніе церкви Христовой.

¹⁾ Созоменъ. Церк. Истор., кн. I, гл. 13.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жизнь св. Антонія.

ГЛАВА I.

„ὡς καθ' ἡμέραν ἀποθνῄσκοντες
ζήσατε“¹⁾).

Время и мѣсто рожденія Антонія Великаго. Почти всѣ изслѣдователи монашества относятъ время рожденія Антонія Великаго къ 251-му году. Этотъ годъ, какъ годъ рожденія великаго отца монашества, мы встрѣчаемъ на страницахъ подробныхъ біографій Антонія Великаго, въ церковныхъ исторіяхъ, русскихъ и иностранныхъ, гдѣ излагаются болѣе или менѣе подробныя біографическія свѣдѣнія объ Антоніи, въ словаряхъ и энциклопедіяхъ по церковной исторіи и, наконецъ, въ популярныхъ изданіяхъ. Но достаточныхъ основаній такого опредѣленія года рожденія Антонія мы нигдѣ не встрѣчали, да въ большинствѣ случаевъ никакихъ основаній и не приводится.

Единственнымъ основаніемъ для отнесенія рожденія Антонія къ 251 г. можетъ быть показаніе Хроники Евсевія Памфила, въ которой подъ 254-мъ годомъ²⁾ стоитъ, между прочимъ, краткая

¹⁾ „Живите, какъ бы ежедневно умирая“ (Vita Antonii, § 91).

²⁾ 254-й годъ Хроники Евсевія Памфила соответствуетъ 251-му году по Р. Х., такъ какъ у Евсевія и у продолжателя (Иеронима) его Хроники счетъ годовъ идетъ на три года впередъ сравнительно съ нашимъ лѣтосчисленіемъ; поэтому, напр., смерть Юліана Отступника, которая произошла въ 363 году, относится Хроникой къ 366-му году, смерть апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ—къ 70-му году по Р. Х. и т. д.

замѣтка: „въ Египтѣ рождается Антоній монахъ“. Такая законическая замѣтка не можетъ претендовать на полную достовѣрность; Евсевій писалъ это по наслышкѣ, и не могъ точно знать годъ рожденія Антонія. Если же продолжатель Хроники Евсевія Иеронимъ обозначилъ годомъ смерти Антонія 356-й годъ, то онъ сдѣлалъ это только потому, что отсчиталъ впередъ отъ года рожденія Антонія, указаннаго въ Хроникѣ Евсевія, ровно 105 лѣтъ жизни великаго отшельника, и тѣмъ избавилъ свою Хронику отъ противорѣчія съ Хроникой Евсевія Памфила, но, какъ увидимъ ниже, Иеронимъ самъ указываетъ такіе факты, на основаніи которыхъ съ несомнѣнностью очевидно болѣе позднее рожденіе Антонія Великаго. Приведемъ кратко эти факты.

Въ житіи св. Иларіона, основателя палестинскаго монашества, Иеронимъ рассказываетъ о посѣщеніи Иларіономъ мѣста послѣднихъ подвиговъ Антонія. Здѣсь, между прочимъ, ученикъ Антонія Исаакъ, указывая на возвращенный Антоніемъ садикъ, замѣтилъ: „когда, почти три года тому назадъ, опустошило его стадо дикихъ ословъ, онъ (Антоній) приказалъ одному изъ вожаковъ ихъ остановиться и побилъ его по бокамъ палкою, приговаривая: зачѣмъ ѣдите, чего не сѣяли!“¹⁾ Иларіонъ возвратился съ горы Антонія и поселился въ пустынѣ воелѣ г. Афродитона; „было уже три года, замѣчаетъ Иеронимъ, какъ бездождное небо иссушало ту мѣстность; всюду говорили, что смерть Антонія оплакиваютъ сами стихіи“²⁾. Пробывъ въ этой пустынѣ не болѣе года, и избѣгая всеобщаго почета, какой оказывали ему окружающіе жители, Иларіонъ, по словамъ Иеронима, отправился въ Александрію, и здѣсь остановился въ Брухін, въ одномъ монастырѣ, недалеко отъ Александріи. Къ ночи онъ постилилъ ухаты изъ монастыря, а на другой день туда вступили галены съ ликторами префекта, отыскивая Иларіона. „Ибо городъ Газа, говоритъ Иеронимъ, послѣ того, какъ по изгнѣніи Иларіона изъ Палестины вступилъ на престолъ Юліанъ, разрушивши его мона-

¹⁾ Твор. блж. Иерон. ч. IV, стр. 34, Киевъ, 1882.

²⁾ Ibid.

стырь, поданными къ императору прошеніями, испросилъ смертную казнь Иларіону и Исихію. Были разсланы по всей имперіи предписанія отыскать обоихъ¹⁾. Изъ Брухіи Иларіонъ, прошедши непроходимую пустыню, „проникъ въ Оазисъ и прожилъ тамъ ровно годъ“, т. е. до того времени, когда ученикъ его Адріанъ пришелъ изъ Палестины и сообщилъ, что Юліанъ убитъ, и что началъ царствовать императоръ христіанинъ (Іовіанъ²⁾). Сопоставляя между собою всѣ эти данныя³⁾, легко видѣть, что Юліанъ былъ убитъ спустя пять лѣтъ послѣ смерти Антонія, а извѣстно, что смерть Юліана послѣдовала въ 363 году, во время войны съ Персами, слѣдовательно, 105-ти лѣтній подвижникъ скончался въ 358, а родился въ 253 году. Такъ точно опредѣляетъ время жизни Антонія и Бароній, не указывая, впрочемъ, основаній⁴⁾.

Признаніе 253-го года годомъ рожденія Антонія Великаго вполне согласно съ его житіемъ и современными юношескому возрасту Антонія обстоятельствами церкви. Какъ извѣстно, съ 259 по 275-й годъ, въ царствованіе императора Галліена, Клавдія и Авреліана, церковь христіанская наслаждалась полнымъ спокойствіемъ. Антоній же, какъ видно изъ его житія⁵⁾, отъ юности своей и до самаго удаленія въ пустыню усердно и безпрепятственно посѣщалъ храмъ христіанскій, что могло быть только въ этотъ свободный отъ гоненій періодъ жизни юной христіанской церкви, когда язычники не препятствовали свободному отправленію христіанскаго богослуженія. Это время какъ разъ совпадаетъ съ воз-

¹⁾ Твор. блаж. Іерон., ч. IV, стр. 35. Такимъ образомъ Юліанъ представляется здѣсь недавно вступившимъ на престолъ, со времени же смерти Антонія прошло уже около 4-хъ лѣтъ.

²⁾ Ibid. стр. 35—36.

³⁾ Относительно Юліана въ Хроникѣ Іеронима говорится: „Юліанъ царствовалъ одинъ годъ и 7 мѣсяцевъ, или, какъ говорятъ другіе, 2 г. и 8 мѣсяцевъ“.

⁴⁾ Бароній подъ 358 г. ставитъ смерть Антонія, слѣдовательно рожденіе его относитъ къ 253 году. „Annales ecclesiastici“, ad ann. 358. tom. III, p. 826. edit. an. 1624.

⁵⁾ Vita s. Antonii. Migne, ser. gr. t. XXVI, p. 841. Въ дальнѣйшихъ цитаціяхъ „Жизни Антонія“ мы будемъ просто писать: „Vita Antonii“ и соответствующій параграфъ.

растомъ Антонія отъ 6 до 22 лѣтъ, когда изъ него образовывался будущій подвижникъ¹⁾.

По своему происхожденію Антоній Великій былъ египтянинъ, родился онъ въ селеніи Кома²⁾, лежавшемъ вблизи города Гераклеи³⁾, недалеко отъ Оивайдской пустыни, на лѣвомъ берегу Нила, между этой рѣкой и озеромъ Моерисъ, въ одномъ изъ лучшихъ уголковъ Египта. Древній Египетъ представлялъ собою долину, образованную Ниломъ отъ Ассуана до Средиземнаго моря. Эта долина съ востока стѣснена цѣпью аравійскихъ горъ, а съ запада—ливійскими скалами, покрытыми пескомъ. Съ обѣихъ сторонъ между безжизненными знойными горами берега Нила представляли узкую, но плодоносную полосу посреди необозримыхъ пустынь. Аравійскія горы расходятся возлѣ Каира, построеннаго на ихъ скатѣ, а ливійскія—возлѣ пирамидъ. Здѣсь Ниль раздѣляется на два главныхъ рукава: Розетскій и Дамьятскій, и образуетъ обширную цвѣтущую площадь, перерѣзанную многими побочными рукавами, и названную Дельтою благодаря своему сходству съ греческою буквою этого названія. Приблизительно такъ описывалъ Египетъ отецъ исторіи—Геродотъ (Lib. II, § 8, 17⁴⁾). Раз-

¹⁾ Г. Извѣковъ въ своемъ изслѣдованіи объ Антоніи Великомъ (Христ. Чтен. 1879 г. ч. II, стр. 79) признаетъ годомъ рожденія Антонія 251-й годъ и ссылается на проф. Казанскаго, который будто бы опредѣляетъ годъ рожденія Антонія на основаніи извѣстнаго уже года рожденія Павла Оивейскаго (изъ житія Павла Пустынника вовсе не видно, въ какомъ году онъ родился). Между тѣмъ въ указанномъ мѣстѣ (Исторія правосл. монашества на Востоку. Казанскій. Москва 1854. ч. I, стр. 89) проф. Казанскій опредѣляетъ годъ рожденія Павла Оивейскаго на основаніи 251-го года рожденія Антонія Великаго. Получается кругъ въ доказательствѣ.

²⁾ „Ἀπὸ Κομᾶ“, какъ говоритъ Созоменъ (Lib. I, с. 13), или: „Ἀπὸ κώμης οὕτω λεγομένης Κομᾶ“, какъ замѣчаетъ позднѣйшій историкъ Никифоръ (Acta Sanct. Bolland. Januар. II, pag. 108). „Κώμη“ собственно значитъ „деревня“, но въ честь Антонія Великаго это слово стало употребляться, какъ собственное имя его родной деревни.

³⁾ Созоменъ. Церк. Ист. кн. I, гл. 13 стр. 48. Это былъ Гераклеополь Великій, лежавшій въ номѣ (провинціи) Гераклеѣ, прилегавшей къ Оивайдѣ.

⁴⁾ Норовъ. Путешествіе по Египту и Нубіи. ч. I, стр. 297 Спб. 1840.

лично описывали и разграничивали Египетъ Страбонъ, Діонисій Александрійскій, Плиній, Діодоръ Сицилійскій и другіе. При Птоломеяхъ Египетъ дѣлился на три части: верхній, средній и нижній. Сѣверная часть его, расположенная по нижнему теченію Нила вмѣстѣ съ тѣми провинціями, которыя лежатъ на востокъ отъ Дамьятскаго и на западъ отъ Розетскаго рукавовъ, носила названіе *Нижняго Египта* или *Дельты*, такъ какъ здѣсь Ниль развѣтвленіями своихъ рукавовъ представлялъ греческую букву дельту. Южная часть этой обширной долины носила названіе *Верхняго Египта* или *Оиваиды* по имени стовратныхъ Оивъ. Между этими двумя обширными провинціями находилась третья — *Средній Египетъ*, называвшаяся иногда и *Верхней Оиваидой*, потому что она составляла часть Оиваиды или Верхняго Египта. Эта средняя часть Египта раздѣлялась на семь провинцій (номы), отчего и получила греческое названіе *Гептаномиды* (по Птоломею) или *Гептаполиса* (по Діонисію). Со времени императора Аркадія она называлась у Египтянъ также и *Аркадіей*. Столицей ея былъ Мемфисъ съ его величественными дворцами и гигантскими памятниками. Климатъ Гептаномиды былъ однимъ изъ наиболѣе пріятныхъ и здоровыхъ во всей египетской землѣ. Ежегодно около середины лѣта благотворныя воды Нила разливались по всей этой области и обильно въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ орошали ее, сообщая землѣ необыкновенное плодородіе. Безчисленныя деревни, возвышавшіяся на обоихъ берегахъ рѣки, представляли восхитительное зрѣлище. Эти деревни и поля послѣ благотворнаго орошенія представляли собою какъ бы цвѣтушіе зеленые ковры, обѣщавшіе жителямъ обильный урожай.

Дѣтство и отрочество Антонія. Въ одной изъ такихъ благословенныхъ Богомъ египетскихъ деревень отъ благородныхъ и довольно богатыхъ христіанскихъ родителей и родился Антоній Великій¹⁾. Дѣтство и отрочество Антонія протекли при такихъ

¹⁾ Такъ свидѣтельствуемъ о происхожденіи Антонія писатель его житія (Vita Ant. § 1). Созоменъ говоритъ, что Антоній происходилъ изъ благороднаго сословія — τῶ γένει τῶν Εὐπατριδῶν (Lib. I, с. 13).

условіяхъ, которыя какъ нельзя болѣе благопріятствовали образованію въ немъ аскетическихъ склонностей. Не смотря на свою состоятельность, родители Антонія вели скромный образъ жизни и старались всѣ свои заботы приложить къ тому, чтобы воспитать въ сынѣ истиннаго христіанина; онъ росъ въ ихъ домѣ, „не зная ничего инаго, кромѣ ихъ и своего дома“¹⁾. Какъ люди состоятельные, родители Антонія могли дать ему соотвѣтствовавшее ихъ средствамъ образованіе. Но для этого необходимо было изучать греческій языкъ, посѣщать школу и проводить время среди шумящихъ и рѣзвыхъ, а подчасъ и грубыхъ дѣтей, что не могло привлекать мягкаго и любящаго уединеніе мальчика. Когда пришла пора Антонію учиться, его отдали въ школу, но, по замѣчанію писателя его житія, онъ не захотѣлъ учиться грамотѣ²⁾, не захотѣлъ сблизаться съ товарищами, а остался жить въ домѣ своихъ родителей. Благочестивая атмосфера родительскаго дома приходилась юному отроку какъ разъ по душѣ. Тихій и вдумчивый, нѣжный и любящій, мягкій, впечатлительный и благочестивый, Антоній съ юныхъ лѣтъ привыкалъ къ той жизни, которая сдѣлала безсмертнымъ его имя. „Воспитанный въ умѣренномъ достаткѣ, онъ не беспокоилъ родителей требованіемъ разныхъ и дорогихъ яствъ, не искалъ услажденія въ снѣдахъ, но довольствовался тѣмъ, что было, и ничего больше не требовалъ“³⁾.

Другимъ мѣстомъ, гдѣ Антоній проводилъ время внѣ родительскаго дома, былъ христіанскій храмъ, который онъ посѣщалъ вмѣстѣ съ родителями очень усердно. Здѣсь онъ внимательно слушалъ читаемое Слово Божіе и всегда размышлялъ о прочитанномъ, благодаря чему пріобрѣлъ такое знакомство съ Библіей, что впослѣдствіи, давая наставленія своимъ слушателямъ и посылая письма своимъ ученикамъ, онъ вполне свободно и замѣчательно точно цитировалъ мѣста Св. Писанія. Это обстоятельство въ связи съ историческими извѣстіями о неграмотности Антонія ставило и

¹⁾ Vita Anton. § 1.

²⁾ „γράμματι μὲν μάθειν οὐκ ἤμελλετο“ Vita Ant. § 1.

³⁾ Ibidem.

ставить некоторых въ недоумѣніе. Для объясненія обширнаго зна-
комства Антонія Великаго съ Библіей они предполагаютъ, что онъ
зналъ, по крайней мѣрѣ, коптскую грамоту¹⁾, и потому самъ могъ
въ молодыхъ лѣтахъ читать Библию на коптскомъ языкѣ, и на-
столько усвоить ее, чтобы потомъ, находясь въ пустынѣ, безъ
помощи книгъ приводить на память мѣста Св. Писанія²⁾. Мы
должны признать, что Антоній вовсе не зналъ грамоты ни гре-
ческой, ни своей родной коптской. Св. Аѳанасій въ жизнеописаніи
его прямо заявляетъ, что Антоній „не захотѣлъ учиться грамотѣ
(γράμματα μαθεῖν οὐκ ἠνέσχετο)“. Во всемъ житіи Антонія Аѳа-
насій не сказалъ ничего такого, что противорѣчило бы высказы-
ванному имъ въ началѣ книги положенію; напротивъ, попадаются
краткія замѣчанія, только подтверждающія высказанное раньше
положеніе о полной неграмотности Антонія³⁾. Основательное же зна-

¹⁾ Verger Vie de s. Antoine le Grand. pag. 4. Neander. Allgemeine Ge-
schichte der christlichen Religion und Kirche. B. II Abth. II. s. 490. Ceillier
Histoire générale des auteurs sacrés et ecclésiastiques. t. IV, pag. 501.

²⁾ Неандеръ хочетъ ослабить выраженіе Аѳанасія о неграмот-
ности Антонія: „γράμματα μὲν μαθεῖν οὐκ ἠνέσχετο“, и въ послѣ-
дующемъ выраженіи Аѳанасія: „τοῖς ἀναγνώσμασι προσέχων, τὴν
ἐξ αὐτῶν ὠφελείαν ἐν ἑαυτῷ διατήρει“ (Vita Ant. § 1), точно также
и въ другомъ замѣчаніи Аѳанасія объ Антоніи: „καὶ γὰρ προσεῖχεν
οὕτως τῇ ἀναγνώσει“ (Vita Ant. § 3) хочетъ видѣть указаніе на то,
что Антоній самъ могъ читать Библию (Allgemeine Gesch. der christl. Reli-
gion und Kirche. B. II. Abth. II. s. 490). Но при сопоставленіи этихъ выра-
женій Аѳанасія съ другими его замѣчаніями о неграмотности Антонія
и съ другими историческими свидѣтельствами станетъ ясно, что здѣсь
рѣчь идетъ не о самостоятельномъ чтеніи Антоніемъ Библии, а о не-
обыкновенномъ его вниманіи къ читаемому въ церкви, почему Аѳана-
сій и замѣчаетъ далѣе, что „память замѣнила ему книги (καὶ λοιπὸν
αὐτῷ τὴν μνήμην ἀντὶ βιβλίων γίνεσθαι)“. — Vita Ant. § 3.

³⁾ Аѳанасій, напр., замѣчаетъ, что „не учась грамотѣ (γράμματα
μὴ μαθὼν)“, Антоній отличался проницательностью (Vita Ant. § 72).
Языческіе философы думали осмѣять Антонія въ томъ, что онъ не
учился грамотѣ (ὅτι μὴ μεμάθηκε γράμματα), и, поражая ихъ, Анто-
ній говоритъ: „μὴ μαθόντες ἡμεῖς γράμματα, πιστεύομεν εἰς τὸν
Θεόν“, прямо такимъ образомъ указывая на свою неграмотность (Vita

комство Антонія съ св. Писаніемъ Аѳанасій объясняетъ тѣмъ, что
Антоній усердно и неопустительно посѣщалъ храмъ Божій, „и
столько былъ внимателенъ къ читаемому, что ни одно слово Писа-
нія не падало у него на землю, но все удерживалъ онъ въ себѣ;
почему, наконецъ, память замѣнила ему книги“¹⁾. Объ этой замѣ-
чательной памяти Антонія и вмѣстѣ о его неграмотности засвидѣ-
тельствowałъ въ свое время блаженный Августинъ въ своемъ сочи-
неніи „De doctrina christiana“ (Lib. I); онъ говоритъ, что Антоній
„безъ всякаго знанія грамоты, посредствомъ слушанія, удерживалъ
въ памяти божественныя писанія, и при помощи тщательнаго раз-
мышленія понималъ ихъ“²⁾. Поэтъ Синецій, сдѣлавшійся впослѣд-
ствіи епископомъ Птолемаидскимъ, составлялъ прежде своего обра-
щенія въ христіанство философское произведеніе, въ которомъ онъ
оправдываетъ себя, что такъ долго не принималъ христіанства.
Здѣсь онъ говоритъ, что люди, получившіе отъ божества возвы-
шенный талантъ, каковъ, на примѣръ, талантъ Антонія Великаго,
должны быть изъяты изъ того общаго правила, которое обязы-
ваетъ пріобрѣтать различныя знанія; знатность, мужество, широта
духа этого необыкновеннаго человѣка могли занять мѣсто знаній,
которыя пріобрѣтаются съ такимъ трудомъ³⁾. Церковный историкъ

Ant. § 73, 78). Одинъ военачальникъ, удивляясь уму Антонія, однако
называетъ его человѣкомъ книжнымъ, простымъ (πόθεν γὰρ ἰδιώτῃ
τοιοῦτος καὶ τοσοῦτος νοῦς. — Vita Ant. § 85). Получивши отъ импе-
ратора Константина и его сыновей письмо, Антоній не прочиталъ его
самъ, а только позволилъ прочесть (ἐπέτρεπεν ἀναγινώσκεσθαι), и за-
тѣмъ отвѣчалъ (ἀντέγραφεν) на это письмо, конечно, при помощи пис-
цовъ (Vita Ant. § 81). Аѳанасій Великій замѣчаетъ, что Антоній просла-
вился не сочиненіями (οὐ γὰρ ἐκ συγγραμμάτων — разумѣются пи-
санныя сочиненія), а своимъ благочестіемъ (Vita Ant. § 93). Всѣ подоб-
ныя мѣста убѣждаютъ насъ въ томъ, что Антоній дѣйствительно не
зналъ грамоты.

¹⁾ Vita Ant. § 3.

²⁾ Sine ulla scientia litterarum scripturas divinas et memoriter audiendo
tenuisse, et prudenter cogitando intellexisse praedicatur. Migne, ser. lat.
t. XXXIV, p. 17.

³⁾ „La Thébaïde chrétienne, ou s. Antoine le Grand“ Par l'abbé Antoine
prêtre. p. 24.

Сократъ приводитъ одинъ фактъ изъ жизни Антонія, который свидѣтельствуесть о его неграмотности; къ Антонию пришелъ одинъ изъ тогдашнихъ мудрецовъ и спросилъ его: „какъ ты живешь, отецъ, лишенный утѣшенія отъ книгъ?“ — „Моя книга, философъ, — природа вещей, отвѣчалъ ему Антоній, и она всегда готова, какъ скоро мнѣ захочется читать слово Божіе“¹⁾). Наконецъ, церковный историкъ Созоменъ говоритъ, что Антоній „грамоты не зналъ и не уважалъ“²⁾).

Такой рядъ историческихъ свидѣтельствъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ неграмотности Антонія. Однако то обширное знакомство съ Св. Писаніемъ не только Новаго, но и Вѣтхаго Завѣта, которое обнаруживалъ Антоній впоследствии, находясь въ пустынѣ, можетъ вызывать нѣкоторыя недоумѣнія. Нѣкоторымъ кажется невозможнымъ изучить Св. Писаніе чрезъ простое слушаніе такъ, какъ изучилъ его Антоній. Но что кажется невозможнымъ теперь, когда книги замѣняютъ намъ память, то было вполне возможно тогда, когда память служила книгою. У восточныхъ народовъ религіозныя вѣрованія и преданія очень часто не записывались, а хранились устно, и это устное преданіе часто цѣнилось больше, чѣмъ записанное. Естественно, что между ними попадались личности съ изумительною памятью. О брахманахъ извѣстно, что многіе изъ нихъ знали наизусть веды, брахманы, упонишады, цѣлые философскіе и грамматическіе трактаты. То же нужно сказать о еврейскихъ раввинахъ первыхъ вѣковъ христіанства, удерживавшихъ въ своей памяти буквально Талмудъ и Мишну. Между арабами встрѣчались лица, усвоившія памятью до 20,000 стиховъ, и называвшія, хотя и не всегда вѣрно, автора каждого стиха, племя, изъ котораго онъ происходилъ, и лицъ, передававшихъ эти стихи³⁾). Если имѣть въ виду все это и принять во вниманіе созерцательно-мистическій и впечатлительный характеръ

Антонія, его исключительно религіозное воспитаніе въ обществѣ благочестивыхъ его родителей, частое посѣщеніе храма, внимательное слушаніе слова Божія, размышленія и, можетъ быть, благочестивыя семейныя бесѣды о прочитанномъ въ храмѣ, наконецъ, если приложить сюда изумительную память Антонія, о которой свидѣлствуютъ Аѳанасій и Августинъ, то нисколько не будетъ казаться удивительнымъ, что и не учившійся грамотѣ, Антоній обнаруживалъ обширныя познанія въ св. Писаніи.

Тихо и мирно подъ руководствомъ благочестивыхъ родителей текли годы молодого Антонія. Когда онъ сталъ отрокомъ, родители просвѣтили его святымъ крещеніемъ и, такимъ образомъ, ввѣрили его материнскому руководству Церкви Христовой¹⁾). Наступившій миръ церкви позволялъ Антонию безпрепятственно посѣщать храмъ и тамъ черпать уроки божественной мудрости. Оставаясь часто наединѣ, онъ погружался въ самого себя и старался разрѣшать жизненныя противорѣчія на основаніи слышаннаго имъ въ храмѣ св. Писанія. „Меланхолическій и торжественный видъ природы Египта, вѣчно ясное небо, строгій характеръ пирамидальнаго зодчества, говоритъ одинъ путешественникъ по Египту, ужасное разрушеніе зданій гигантскихъ, почти превышающихъ силы человека, и, наконецъ, куда ни взглянешь, вездѣ поразительное исполненіе пророчествъ!—все это невольно приводитъ къ жизни созерцательной человека мыслительнаго“²⁾). Несомнѣнно, что египетская природа имѣла вліяніе и на впечатлительнаго Антонія, а аскетическіе подвиги въ Египтѣ есеевъ, ерапевтовъ³⁾) и многихъ христіанъ,

¹⁾ Въ египетскомъ Мартирологѣ говорится, что Антоній происходилъ отъ христіанскихъ родителей, но омытъ былъ св. крещеніемъ, когда ему исполнилось 20 лѣтъ: „is viginti completis annis, sacro baptismate ablutus est“. — Gallandii — Bibliotheca Veterum Patrum, t. IV, p. 713. Migne, ser. gr. t. XL, p. 957. Будетъ болѣе правильно думать, что Антоній принялъ крещеніе въ отроческомъ возрастѣ, когда прекратилось гоненіе на христіанъ (послѣ 259 года). Относитъ крещеніе его къ двадцатому году жизни нельзя, такъ какъ въ это время уже скончались его родители.

²⁾ Норовъ. Путешествіе по Египту и Нубіи. ч. II, стр. 350.

³⁾ Philonis Iudai, omnia quae extant opera — „De vita contemplativa“, pag. 889—903. Francfurti. 1691. Церк. Исторія Евсевія Памфила, кн. II, гл. 16 и 17-я.

¹⁾ Церк. Истор. кн. IV, гл. 23, стр. 355. Спб. 1850

²⁾ Церк. Истор. кн. I, гл. 13.

³⁾ Д. А. Хвольсонъ. Исторія ветхозавѣтнаго текста и очеркъ древнѣйшихъ его переводовъ. Христ. Чтеніе. 1874 г. Апрѣль. стр. 534—535

жившихъ возлѣ своихъ селеній¹⁾, еще болѣе укрѣпляли въ Антоніи потребность уединенія и строгой жизни, полной суровыхъ подвиговъ и лишеній. Вѣроятно еще живя при родителяхъ, Антоній уже подражалъ живущимъ въблизи селенія благочестивымъ подвижникамъ въ молитвенномъ бдѣніи, въ постахъ, возлежаніи на голой землѣ и проч., но все же благочестивая родная семья удерживала его отъ окончательнаго уединенія.

Начало подвиговъ Антонія и первыя искушенія.

Такъ жилъ Антоній подъ руководствомъ родителей до двадцати лѣтъ. Около этого времени умираютъ почти одновременно его отецъ и мать, и онъ остается круглымъ сиротою вмѣстѣ со своею малолѣтнею сестрою. На немъ теперь лежали такъ не соотвѣтствовавшія его созерцательному благочестивому настроенію заботы по управленію домомъ и попеченіе о малолѣтней сестрѣ. Но Антонія не покидала мысль объ уединеніи и подвижничествѣ; смерть родителей только напомнила ему о кратковременности человѣческой жизни и о необходимости пріобрѣтать блага жизни вѣчной. Необходимо было только внѣшнее воздѣйствіе, чтобы этотъ молодой юноша, оставивши міръ, удалился въ пустыню для подвиговъ, — и такое воздѣйствіе дано было ему въ храмѣ, который онъ посѣщалъ неопустительно. Не прошло еще и шести мѣсяцевъ со времени смерти родителей, какъ Антоній, идя по обыкновенію въ храмъ, сталъ размышлять о томъ, какъ Апостолы, оставивши все, послѣдовали за Спасителемъ, какъ упоминаемые въ дѣяніяхъ апостольскихъ (4, 34 — 35) вѣрующіе продавали все свое имущество и деньги приносили къ ногамъ Апостоловъ на нужды христіанской общины. Его глубоко поражала сила ихъ вѣры, и онъ невольно думалъ о наградахъ, какія ожидаютъ на небесахъ такихъ вѣрующихъ. Пришедши въ храмъ съ такими мыслями и, можетъ быть, не успѣвъ еще оставить ихъ за дверями храма, Антоній слышитъ слова Господа, обращенныя къ богатому юношѣ, желавшему наследовать жизнь вѣчную: „если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое, и раздай нищимъ; и приходи, слѣдуй за

¹⁾ Vita Ant. § 3.

Мною; и будешь имѣть сокровище на небесахъ“ (Мѡ. 19, 21). Эти слова Евангелія глубоко потрясли душу молодого Антонія, такъ какъ давали ясный и прямой отвѣтъ на занимавшія его мысли; рѣчь Спасителя къ богатому юношѣ Антоній принялъ за внушеніе свыше и отнесъ ее прямо къ себѣ. Немедленно по выходѣ изъ храма онъ подарилъ жителямъ своего селенія все доставшіяся ему по наслѣдству 300 ауровъ хорошей и плодоносной земли, опасаясь, чтобы владѣніе собственностью не причиняло ему безпокойствъ и не мѣшало благочестивымъ подвигамъ¹⁾. Все движимое имущество онъ продалъ и деньги роздалъ нищимъ, оставивъ только немного для сестры. Но когда черезъ нѣсколько времени Антоній услышалъ въ храмѣ слова Евангелія: „не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ“ (Мѡ. 6, 34), онъ роздалъ бѣднякамъ и все остальное, а сестру, поручивъ извѣстнымъ ему и вѣрнымъ дѣвственницамъ (γυναικίμοις καὶ πισταῖς παρθένοις), отдалъ на воспитаніе въ ихъ обитель (εἰς παρθενῶνα²⁾).

Теперь уже ничто не могло удержать юнаго Антонія отъ аскетическихъ подвиговъ, и онъ съ жаромъ предался имъ, поселившись невдалекѣ отъ своего дома (πρὸ τῆς οἰκίας). Въ Египтѣ, говоритъ писатель житія Антонія, въ это время немногочисленны еще были монастыри, и инокъ не зналъ великой пустыни; всякій изъ намѣревавшихся внимать себѣ подвизался, уединившись недалеко отъ своего селенія³⁾. Были между этими подвижниками и люди, проводившіе уединенную жизнь съ молодыхъ лѣтъ, какъ, напримѣръ, старецъ

¹⁾ „Ἀρουραι δὲ ἦσαν τριακόσια εὐφοροὶ καὶ πάνυ καλὰ“ (Vita Ant. § 2). Египетскіе номы раздѣлялись на топархія, а эти послѣднія — на ἄρουραι. Арура была самая меньшая доля земли, заключавшая въ себѣ 100 квадратныхъ сажень. Такое дробное дѣленіе египетскихъ полей было необходимо въ виду того, что ежегодные разливы Нила смывали межи и измѣняли внѣшній видъ полей (Strabon, Lib. XIII. Πύλ. Исторія александр. церкви. — Правосл. Обозр. 1877 г. стр. 129. Verger, Vie de s. Antoine le Grand. p. 8). Естественно, что послѣ каждаго разлива Нила могли быть споры и тяжбы изъ-за земельной собственности. Антоній, желая избавиться отъ всего этого, а съ другой стороны, исполняя слова Евангелія, роздалъ всю свою землю бѣднякамъ.

²⁾ Vita Ant. § 3. Созоменъ. Церк. Ист. кн. I, гл. 13.

³⁾ Vita Ant. § 3.

ближайшаго къ Комѣ селенія, который, вѣроятно, былъ первымъ руководителемъ Антонія въ подвижнической жизни. Уединяясь въ мѣстахъ, лежавшихъ передъ селеніемъ, Антоній всѣми силами старался подражать этимъ отшельникамъ. „Если слышалъ онъ о какомъ-либо рачителѣ добродѣтели, шелъ, отыскивалъ его, какъ мудрая пчела, и не прежде возвращался въ мѣсто свое, какъ увидѣвшись съ нимъ. Когда же получалъ отъ него какъ бы напутствіе какое для шествованія стезею добродѣтели, то уходилъ назадъ“¹⁾. Глубокое религіозное чувство и стремленіе къ созерцанію божественныхъ предметовъ были господствующими въ душѣ юноши. Нечувствительно для себя Антоній въ первое время подвижничества забылъ о сестрѣ и родныхъ, объ имуществѣ и всѣхъ благахъ міра, и думалъ только объ одномъ, какъ бы достигнуть возможно большаго совершенства. Обращаясь съ другими подвижниками, онъ старался заимствовать у нихъ, что есть лучшаго, и съ обильнымъ приобрѣтеніемъ возвращался на мѣсто своего собственнаго подвижничества, соединяя въ себѣ все, что заимствовалъ у каждаго изъ нихъ. Съ равными же себѣ по возрасту онъ не входилъ въ состязаніе, развѣ только для того, чтобы не быть вторымъ послѣ нихъ въ совершенствѣ²⁾.

Увлечшись соревнованіемъ въ подвижничествѣ, Антоній въ первое время всю сущность отшельнической жизни, все совершенство христіанина видѣлъ въ самоумерщвленіи и обузданіи плоти. Видя вокругъ себя отшельниковъ, стремящихся къ тому же, Антоній хотѣлъ подражать имъ, — болѣе того: хотѣлъ превзойти ихъ. „Онъ придумывалъ способы подвижничества все строже и строже, съ каждымъ днемъ становился воздержнѣе, и какъ бы всегда только начиная, придавалъ новую силу рвенію; тѣлесныя похоти обуздывалъ трудами, противъ страстей души вооружался богомудрою рѣшимостью. Пищею его былъ только хлѣбъ, да соль, питьемъ — вода, а временемъ обѣда — закатъ солнца; нерѣдко по два дня и болѣе онъ оставался безъ пищи; бодрствовалъ же, можно

¹⁾ Vita Ant. § 3.

²⁾ Ibid. § 4.

сказать, цѣлыя ночи и въ молитвахъ встрѣчалъ день, а если и вкушалъ сонъ, то только на одну минутку“; спалъ иногда на рогожѣ, большею же частью на голой землѣ. Намазать себя масломъ, мыться и пользоваться другими удобствами онъ не хотѣлъ, говоря, что юнымъ всего приличнѣе быть ревностными къ подвигу, и не искать того, что расслабляетъ тѣло, ибо „душевные силы, говорилъ онъ, бываютъ крѣпки только тогда, когда ослабѣваютъ тѣлесныя удовольствія“¹⁾.

На первыхъ же порахъ своего подвижничества молодой отшельникъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе окружающихъ и за свою строгую жизнь и личные качества пользовался ихъ искреннею любовью²⁾. Но эта ранняя слава Антонія была вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ его искушеній и нравственныхъ страданій, вотъ почему его долготѣніе подвиги справедливо можно назвать продолжительнымъ исповѣдничествомъ. Молодой и не вполне развитый физически, мягкій и нѣжный по душѣ, привыкшій къ родительскому руководству, Антоній захотѣлъ сравняться съ закаленными въ суровыхъ подвигахъ старцами. Въ первое время онъ дѣйствительно достигъ этого, но когда заглушенные на время естественныя стремленія къ обществу и міру и плотскія пожеланія проявились снова, въ немъ началась внутренняя упорная и продолжительная борьба съ самимъ собою, борьба мучительная, доводившая его иногда до безпамятства. Оставаясь въ пустынь одинъ, безъ руководителя, Антоній вскорѣ подвергается искушеніямъ діавола, и эти искушенія были для него тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе отвѣчали возникшимъ въ немъ чувственнымъ пожеланіямъ. „Ненавистникъ добра, завистливый діаволь, говоритъ писатель житія Антонія, видя такое расположеніе въ юномъ Антоніи, не потерпѣлъ сего, но какъ привыкъ дѣйствовать, такъ намѣревается поступить и съ нимъ“³⁾. Антоній начинаетъ вспоминать о сестрѣ, объ оставленномъ имуществѣ, о родныхъ и знакомыхъ, объ удовольствіяхъ міра и удоб-

¹⁾ Vita Ant. § 7. Созоменъ. Церк. Ист. кн. I, гл. 13.

²⁾ Vita Ant. § 4.

³⁾ Ibid. § 5.

ствахъ мірской жизни; съ другой стороны, подъ вліяніемъ искушеній избранный имъ путь добродѣтели начинаетъ ему казаться слишкомъ жестокимъ и продолжительнымъ. Все это возбуждаетъ въ немъ бурю помысловъ и служитъ источникомъ нравственныхъ страданій и раздвоенности. Тѣло Антонія, подавляемое суровыми подвигами, продолжало однако воевать съ духомъ и возбуждало въ душѣ его нечистые плотскіе помыслы, которые разыгравшаяся въ уединеніи фантазія облекала въ самые обольстительные образы. „Не ослабѣвалъ окаянный діаволъ, говоритъ Аѳанасій; ночью принималъ онъ на себя женскій образъ, во всемъ подражалъ женщинѣ, только бы обольстить Антонія. Антоній же, помышляя о Христѣ, и высоко цѣня дарованное имъ благородство и разумность души, уганялъ угль его обольщенія“¹⁾. Эта внутренняя борьба Антонія съ самимъ собою была настолько тяжела, что сдѣлалась даже замѣтною для постороннихъ.

Всѣ эти искушенія, причинявшія Антонію глубокія нравственныя страданія, не отвлекли его однако отъ подвижничества. Причину своей слабости онъ видѣлъ въ недостаточной суровости внѣшнихъ подвиговъ, и потому еще болѣе усилилъ ихъ. Помня изреченіе Апостола Павла: „задняя забывая, въ предняя же простираяся“ (Филип. 3, 13), Антоній каждый день старался совершать все новые и новые подвиги, простираясь своею мыслью въ будущее и забывая о прежнихъ трудахъ и бдѣніи. Онъ все больше и больше „умерщвлялъ и порабощалъ свое тѣло, чтобы, побѣдивъ діавола въ одномъ, не уступить надъ собою побѣды въ другомъ“²⁾ Образцомъ для него былъ ветхозавѣтный подвижникъ Илія, въ которомъ, по словамъ Антонія, всякій отшельникъ долженъ всегда изучать свою собственную жизнь³⁾. Продолжительное подвижничество производило въ Антоніи добрый навыкъ, такъ что суровые подвиги и лишения, казавшіеся для другихъ невозможными, онъ переносилъ сравнительно легко. Гораздо тяжелѣе для него были искушенія не-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Vita Ant. § 7.

³⁾ Ibid.

видимаго врага, возбуждавшаго въ немъ суетныя мысли и грѣховныя пожеланія. Желая побѣдить эти искушенія, Антоній ищетъ мѣста еще болѣе уединеннаго, чѣмъ избранное имъ мѣсто вблизи селенія, чтобы, такимъ образомъ, совершенно отдѣлить себя отъ міра и его соблазновъ.

Пятнадцать лѣтъ подвижнической жизни Антонія въ уединенной гробницѣ. Египетъ въ это время весь былъ покрытъ множествомъ фамилныхъ гробницъ; нѣкоторыя изъ нихъ и до настоящаго времени поражаютъ насъ своею величиною и конструкціей постройки. Однѣ изъ этихъ гробницъ представляли собою величественныя пирамиды, достигавшія необыкновенной величины, другія же устраивались въ землѣ. Первыя являлись привилегіей преимущественно царскихъ особъ, вторыми же пользовались всѣ остальные египтяне. Безчисленные погребальныя гроты, щедро разукрашенные скульптурой и живописью, слѣдовали одинъ за другимъ, во всю длину нильской долины. Египтяне вѣрили въ безсмертіе души (точнѣе въ переселеніе душъ въ другихъ людей и животныхъ), и потому съ особеннымъ стараніемъ украшали могилы своихъ мертвыхъ. „Жилища живыхъ, замѣчаетъ Діодоръ Сицилійскій, они называли „ночлегами“, потому что здѣсь жили не долго, гробницы же, напротивъ, называли „домами вѣчными“, такъ какъ въ нихъ живутъ всегда. Вотъ почему они мало заботились объ украшеніи своихъ домовъ, между тѣмъ какъ не пренебрегали ничѣмъ для блеска своихъ гробницъ“¹⁾. Богачи обыкновенно имѣли по нѣсколько погребальныхъ комнатъ, сообщавшихся между собою узкими проходами. Однѣ изъ нихъ были выдолблены въ камнѣ, другія устроены подъ землею. Гигантскія пирамиды по существу своему есть ничто иное, какъ могилы египетскихъ царей. Лабиринтъ, описанный Геродотомъ, представлялъ собою 1500 подземныхъ комнатъ, служившихъ могилами для царей и священныхъ крокодиловъ. — И въ Оивайдѣ архитектура сохраняла такой же характеръ важности и величія. Погребальныя пещеры людей богатыхъ не поражали зрителя своей массивностью и великолѣпіемъ,

¹⁾ Verger. Vie de s. Antoine le Grand. pag. 24.

но все же онѣ были достаточно обширны, тщательно отдѣланы, и очень часто украшены живописью. Ко времени Антонія въ Египтѣ много было разсыяно такихъ гробницъ, вырытыхъ благочестивыми поклонниками культа Озириса и Изиды, нѣкогда занятыхъ, теперь же совершенно свободныхъ.

Въ одну изъ такихъ живыхъ могилъ (μυῖματτα), находившихся недалеко отъ селенія, и удалился Антоній, поселившись въ ней одинъ и совершенно закрывши за собою дверь. Нѣкій мужъ по просьбѣ Антонія приносилъ ему хлѣбъ чрезъ продолжительные промежутки времени¹⁾. Но уединенная гробница, удалившая Антонія совершенно отъ міра, не освободила его отъ тягостныхъ и мучительныхъ искушеній. Напротивъ, въ мертвой тишинѣ полу-темной могилы искушенія Антонія стали еще сильнѣе, грѣховные образы міра и его чувственныхъ прелестей представлялись ему болѣе яркими и заманчивыми, а изнемогавшій въ борьбѣ съ плотію духъ на каждомъ шагѣ видѣлъ козни діавола. Этотъ послѣдній представлялся Антонію подъ разными образами: то подъ видомъ чернаго отрока, называвшагося духомъ блуда²⁾, то въ видѣ женщинъ, звѣрей, пресмыкающихся, великановъ, множества воиновъ и т. п.³⁾, смущая Антонія и отвлекая его отъ подвижничества; но Антоній всегда вызывалъ: „Господь мнѣ помощникъ, и азъ воззрю на враги моя“ (Псал. 117, 7). Ему казалось, что цѣлыя полчища враговъ возстаютъ на него, — и онъ въ религіозномъ экстазѣ пѣлъ 3-й стихъ 26-го псалма: „аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое!“ Такая тяжелая нравственная борьба Антонія въ душевой и темной гробницѣ въ соединеніи съ усиленнымъ воздержаніемъ, лишеніемъ сна и непрерывнымъ бдѣніемъ не могли не отозваться на его здоровья. Отъ нравственныхъ страданій и физическихъ лишений Антоній ослабѣлъ до того, что впалъ въ глубокій обморокъ. Знакомый его, пришедшій въ определенное время въ пещеру съ запасомъ хлѣба, нашелъ его лежащимъ на полу въ безпамятствѣ

¹⁾ Vita Ant. § 8.

²⁾ Vita Ant. § 6.

³⁾ Ibid. § 23.

и перенесъ въ церковь ближайшаго селенія¹⁾, гдѣ его окружили близкіе и знакомые, какъ мертвеца. Но въ ту же ночь, пришедши въ себя, Антоній упросилъ своего знакомаго отнести его обратно въ гробницу, что тотъ и исполнилъ²⁾. Совсѣмъ еще слабый, лежа на полу, Антоній усердно молится и поетъ псалмы, отгоняя тѣмъ козни діавола, который кажется ему находящимся здѣсь же въ гробницѣ. Въ болѣзненномъ состояніи Антонію кажется, что всѣ силы ада нападаютъ на него, и хотятъ уничтожить всѣ плоды его усерднаго подвижничества, отлучить его отъ любви Христовой. Ночью ему представляется, что четыре стѣны гробницы раскрываются, и ее съ шумомъ наполняютъ демоны, преобразившись въ звѣрей и пресмыкающихся. Все мѣсто мгновенно наполняется призраками (πεπληρωμένος φαντασίας) львовъ, медвѣдей, леопардовъ, змѣй, аспидовъ, скорпионовъ и проч. И всѣ эти привидѣнія, дѣйствуя каждое сообразно наружному своему виду, производятъ страшный шумъ и обнаруживаютъ лютую ярость³⁾. Антоній чувствуетъ страшную тѣлесную боль и въ изнеможеніи призываетъ на помощь Господа. И вотъ, кровля надъ нимъ раскрывается, и нисходитъ къ нему лучъ свѣта. — Демоны внезапно исчезаютъ; тѣлесная боль мгновенно прекращается; жилище его оказывается ни въ чемъ неповрежденнымъ. Онъ слышитъ ободряющій небесный голосъ и тотчасъ же встаетъ на молитву, которая его ободряетъ и укрѣпляетъ⁴⁾.

Пятнадцать лѣтъ провелъ Антоній въ уединенной гробницѣ вблизи селенія въ непрерывныхъ подвигахъ и бдѣніи. Это была

¹⁾ „Βαστάσας ἔφερεν εἰς τὸ τῆς κώμης Κυριακόν“ (Vita Ant. § 8; въ переводѣ Евагрія стоитъ: „ad villulae domicilium reportavit“. Очень вѣроятно, что это была не церковь, а просто большая комната, принадлежавшая кому-либо изъ родныхъ или знакомыхъ Антонія, и бывшая только мѣстомъ религіозныхъ собраний христіанъ. Изъ житія Антонія видно, что когда онъ ночью очнулся отъ обморока, то увидѣлъ, что всѣ окружавшіе его спали (εἶδε πάντας κοιμωμένους), а бодрствовалъ только одинъ его знакомый, приносившій ему въ пещеру хлѣбъ. Трудно допустить, чтобы всѣ упоминаемыя здѣсь лица спали въ церкви.

²⁾ Vita Ant. § 8.

³⁾ Ibid. § 9.

⁴⁾ Ibid. § 10.

самая тяжелая пора его жизни, когда искушенія плоти особенно сильно возмущали его спокойствіе, когда во внутренней тяжелой борьбѣ онъ доходилъ до изнеможенія. Но Антоній не палъ подъ бременемъ искушеній и не возвратился малодушно въ міръ, представлявшійся ему въ гробницѣ такимъ привлекательнымъ. Къ концу этого періода онъ уже настолько окрѣпъ нравственно, что пожелалъ отправиться въ глубину безлюдной пустыни, чтобы тамъ, вдали отъ людей, утолить жажду подвижничества и стремленія къ высшему совершенству. Продолжительное воздержаніе въ пищѣ и питъѣ приучили его тѣло довольствоваться самымъ малымъ, такъ что онъ не боялся лишеній пустыни, а навыкъ къ сосредоточенію своихъ мыслей на благочестивыхъ предметахъ, усердіе къ бдѣнію и молитвѣ, дѣлали для него уже не страшными искушенія врага.

Удаленіе Антонія въ Тиваидскую пустыню и новые 20-лѣтніе его подвиги. Достигши тридцати-пятилѣтняго возраста и укрѣпившись въ аскетическихъ подвигахъ, Антоній явился къ упоминаемому выше старцу, бывшему своему руководителю, и предложилъ ему отправиться вмѣстѣ въ пустыню для новыхъ подвиговъ. Старецъ отказался, и по преклонности лѣтъ и по непривычкѣ къ пустынной жизни. Тогда Антоній, переправившись на восточный берегъ Нила¹⁾, ушелъ въ пустыню и, нашедши тамъ одно запустѣвшее укрѣпленіе²⁾, началъ продолжать свои подвиги. Эта пустыня, извѣстная до настоящаго времени подъ именемъ Тиваидской, обнимаетъ всю страну, которая отдѣляетъ Красное море отъ плодородной долины Нила. Она вмѣщаетъ въ себѣ длинную и широкую цѣпь горъ, которая идетъ отъ Нубіи, направляясь по восточному берегу рѣки, и оканчивается у города Каира. Отъ

¹⁾ Гераклеополь находился на западной сторонѣ Нила, монастырь же Антонія, основанный на новомъ мѣстѣ его подвиговъ, по древнему раздѣленію находился въ Афродитопольскомъ округѣ, на восточномъ берегу Нила (Казанскій. Исторія правосл. монашества на востокѣ, ч. I, стр. 49).

²⁾ „Παρεμβολὴν ἑρμῶν“. Это былъ укрѣпленный лагерь, какихъ нѣкогда было много разбѣяно въ Египтѣ; такіе лагеря имѣли свои гарнизоны, которые охраняли Египетъ отъ вторженія враждебныхъ кочевниковъ-арабовъ (Тамъ же, стр. 49—50).

Каира къ Красному морю, если идти съ запада на востокъ, ширина ея почти на три дня пути; промежутокъ этотъ расширяется по мѣрѣ приближенія къ Эѳіопіи. Эта пустыня, какъ и всѣ тѣ, которыя разстилаются отъ Суэца до самой долины Козеиръ, носятъ общее имя Атуниса или Антуниса, каковое названіе по мнѣнію нѣкоторыхъ географовъ произошло отъ имени Антонія¹⁾. Въ этомъ опустѣломъ укрѣпленіи Антоній заперся, запасши себѣ хлѣба на шесть мѣсяцевъ²⁾, вода же находилась внутри ограды. Здѣсь онъ поселился, никуда не выходя и никого не принимая, а все время проводя въ строгомъ подвижничествѣ. Только два раза въ годъ онъ принималъ хлѣбъ черезъ ограду.

Мѣсто, избранное Антоніемъ, было пустынно и дико, но оно какъ разъ соотвѣтствовало завѣтнымъ желаніямъ его созерцательнаго обитателя. Вотъ какъ описываетъ это мѣсто одинъ изъ русскихъ путешественниковъ: „Приближаясь къ живописной горѣ Джебебуль-Тейръ или Птичьей, говоритъ онъ, мы искали вдоль отвѣсныхъ скалъ мѣста для приступа, — но напрасно... Послѣ дальняго обхода мы пристали къ низменнымъ скаламъ, а черезъ полчаса ѣзды достигли наконецъ монастыря. Мы должны были спуститься на нѣсколько ступеней въ глубину пещеры, изсѣченной въ скалѣ; въ этой пещерѣ, какъ сказываютъ, жилъ нѣкогда св. Антоній Великій, и тутъ теперь устроена подземная церковь, имѣющая шаговъ около двадцати квадратнаго пространства. Какой видъ открывается съ береговыхъ скалъ, висящихъ надъ страшной пропастью! Нилъ между двумя лентами яркой зелени луговъ и пальмовыхъ рощей извивается по неизмѣримому пространству въ обѣ стороны, отражая послѣдніе лучи заходящаго солнца. Съ запада горизонтъ исчезалъ въ необъятной пустынѣ Ливійскихъ песковъ, а съ востока, отъ самаго монастыря, хребты безжизненныхъ горъ съ песочными насыпями тянутся къ берегамъ Чермнаго моря.

¹⁾ *L'abbé Antoine prêtre. La Thébaïde chrétienne ou s. Antoine le Grand, pag. 80—81.*

²⁾ Такъ запасали хлѣбъ египтяне, и хлѣбъ у нихъ перѣдко въ продолженіе цѣлаго года сохранялся невредимымъ (Vita Ant. § 12.)

Кругомъ монастыря—мертвенность невообразимая:—здѣсь нѣтъ ни одного растенія, ни одного источника; монахи достаютъ воду дальнимъ обходомъ съ Нила, или спускаясь съ большою опасностью съ отвѣсныхъ скалъ¹⁾.

Такую-то пустыню избралъ Антоній мѣстомъ для своихъ дальнѣйшихъ подвиговъ и провелъ въ ней двадцать лѣтъ, никуда не выходя и никѣмъ невидимый²⁾, только два раза въ годъ принимая приносимые ему хлѣбы черезъ небольшое отверстіе³⁾. Этотъ періодъ подвижничества преп. Антонія былъ для него не такъ тяжелъ, какъ пятнадцать лѣтъ, проведенныхъ имъ въ гробницѣ. Испытанія не смущали его такъ сильно и часто, какъ это было раньше, подвиги уже не утомляли его, учащеніе же бывшихъ ему горнихъ видѣній доставляло ему большое утѣшеніе и возбуждало въ немъ усердіе къ новымъ подвигамъ⁴⁾. Освобожденный отъ внутренней борьбы съ самимъ собою, Антоній теперь съ большою свободою предавался благочестивому созерцанію, думаетъ о Богѣ и Его благомъ Промыслѣ, о мірѣ съ его соблазнами и человѣкъ съ его немощами, о жизни земной и небесной, о назначеніи человѣка и объ обязанностяхъ его по отношенію къ Богу. Такъ на безплодной почвѣ дикой ѡивадской пустыни рождались у св. отца глубоко продуманныя мысли, которыя впоследствии служили неисчерпаемымъ источникомъ нравственнаго назиданія для его многочисленныхъ учениковъ. Восходя все выше и выше по ступенямъ духовной лѣстницы къ христіанскому совершенству, онъ предпочиталъ свой духъ къ тому, чтобы быть способнымъ понимать безчисленные проявленія премудрости и благодати Божіей, и не чувствовать соблазновъ всегда мятущагося міра. Отъ постоянного богомыслія умъ Антонія развился въ пустынѣ настолько, что былъ въ состояніи отстранять софистическія хитросплетенія современной ему языческой мудрости и поражать своею глубиною всѣхъ слушавшихъ его. Правда, и въ

¹⁾ Норовъ. Путешествіе по Египту и Нубіи, ч. II, стр. 344—349.

²⁾ Vita Ant. § 13.

³⁾ Ibid. § 12.

⁴⁾ Ibid. § 13.

дикой пустынѣ Антоній впадалъ иногда въ уныніе (ἐν ἀκηδία) и въ глубокую тьму помысловъ¹⁾. Иногда возникали у великаго подвижника сомнѣнія, колебанія и соблазны. Ему казалось, напримеръ, несправедливымъ, что одни люди умираютъ молодыми, а другіе живутъ до глубокой старости, одни богаты, а другіе бѣдны, казалось несоотвѣтствующимъ правдѣ Божіей внѣшнее благоденствіе на землѣ людей нечестивыхъ и бѣдствія благочестивыхъ; но послѣ молитвы онъ успокаивался и убѣждался въ томъ, что правда Божія неизмѣримо выше правды человѣческой и что въ тайны судовъ Божіихъ человѣкъ проникнуть не можетъ²⁾. Вообще всѣ свои душевные тревоженія и соблазны Антоній уже безъ особеннаго труда отгонялъ усердною молитвою, постомъ и бдѣніемъ. Въ свободное же отъ молитвы время онъ, по внушенію свыше, началъ заниматься трудомъ для того, чтобы не дать своей мысли отвлекаться отъ богомыслія³⁾. Такимъ трудомъ во всю послѣдующую жизнь Антонія было по преимуществу плетеніе корзинокъ и роговъ изъ пальмовыхъ листьевъ, которыхъ въ пустынѣ было изобиліе⁴⁾.

¹⁾ Достоп. сказ. § 1.

²⁾ Тамъ же, § 2.

³⁾ Въ достопамятныхъ сказаніяхъ и въ мартирологахъ египетскомъ и коптскомъ разсказывается, какъ однажды Антоній увидѣлъ въ пустынѣ кого-то спящаго за работой (по Достоп. сказаніямъ сидящій плелъ веревку, а по редакціи мартирологовъ—пальмовыя листья) и прерывающаго работу молитвою. Это былъ Ангелъ Господень (ἄγγελος Κυρίου), посланный для наставленія и подкрѣпленія Антонія. Ангелъ сказалъ Антонію: „и ты дѣлай такъ, и спасешься. Антоній очень обрадовался и съ этого времени началъ все свободное отъ молитвы время посвящать труду. Въ обоихъ мартирологахъ явившійся представляется одѣтымъ въ полныя монашескія одежды; отсюда, по замѣчанію мартирологовъ, Антоній взялъ образецъ одежды для себя и для всѣхъ монаховъ.—Достоп. сказан. § 1; Migne XL, pag. 960. Amélineau. Annales du musée Guimet. Histoire des monastères de la Basse - Égypte. t. XXV. Introd. p. XIX—XX.

⁴⁾ Достоп. сказ., стр. 142; Лавсанскъ, § 19, стр. 55—56; Vita Ant. § 53; Amélineau. Annales du musée Guimet. t. XXV. Introd. p. XX.

ГЛАВА II.

Первый выходъ Антонія Великаго изъ уединенія.

Мѣсто подвиговъ преп. Антонія Великаго стало извѣстнымъ, и къ нему начали приходить ревнители христіанскаго любомудрія и міряне, одни, желая подѣ руководствомъ его подвизаться въ пустынѣ, другіе — просто для того, чтобы услышать отъ него слово назиданія. Но Антоній не показывался приходящимъ и никому не позволялъ входить во внутренность ограды; нерѣдко пришедшіе проводили дни и ночи возлѣ ограды, но все же уходили домой, не увидѣвши славнаго подвижника¹⁾. Часто знакомые заходили къ нему, думая найти его уже мертвымъ, но заставляли поющимъ: „да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его“ (Псал. 67, 2). Въ продолженіи 35 лѣтъ своего пустынножительства Антоній настолько укрѣпился въ подвигѣ, что уже не боялся ни искушеній врага, ни соблазновъ міра. (Пріобрѣвши подвижническую опытность, онъ долженъ былъ сдѣлаться руководителемъ къ монашеской жизни многихъ молодыхъ и неопытныхъ, желавшихъ подвизаться въ пустынѣ. Слава Антонія привлекала къ оградѣ его множество лицъ, силою домогавшихся видѣть его. — Наконецъ Антоній послѣ продолжительнаго затворничества вышелъ изъ своего уединенія и показался міру, котораго такъ долго избѣгалъ.) Появленіе строгаго отшельника среди людей производитъ на послѣднихъ сильное впечатлѣніе. „Они, говоритъ Аѳанасій, увидѣвъ Антонія, исполняются удивленія, что тѣло его сохранило прежній видъ, не утучнѣло отъ недостатка движенія, не изсохло отъ постовъ и борьбы съ демонами. Антоній былъ таковъ же, какимъ знали его до отшельничества. Въ душѣ его была та же чистота права; ни скорбію не былъ онъ подавленъ, ни пришелъ въ восхищеніе отъ удовольствія, не предавался ни смѣху, ни грусти, не смутился, увидѣвъ толпу людей, не обрадовался, когда всѣ стали его привѣтствовать, но пребылъ

¹⁾ Vita Ant. § 13.

равнодушнымъ, потому что управлять имъ разумъ, и ничто не могло вывести его изъ обыкновеннаго естественнаго состоянія¹⁾. Среди людей онъ являлся теперь добрымъ ангеломъ, всюду вносящимъ миръ и любовь, а среди подвижниковъ — высокимъ образцомъ для подражанія и опытнымъ руководителемъ. Вышедши изъ уединенія, онъ „утѣшилъ многихъ скорбящихъ, примирилъ бывшихъ въ ссорѣ, внушая всѣмъ ничего въ мірѣ не предпочитать любви ко Христу и увѣщавая содержать въ памяти будущія блага и челоуколюбіе къ намъ Бога²⁾. Многихъ Антоній убѣдилъ оставить міръ и принять иноческій образъ жизни; „въ горахъ, говоритъ Аѳанасій, явились, наконецъ, монастыри (μοναστήρια), пустыня населилась иноками (ὑπὸ μοναχῶν), оставившими свою собственность и вписавшимися въ число жительствоющихъ на небесахъ“³⁾. (Является въ собственномъ смыслѣ христіанское монашество подѣ непосредственнымъ руководствомъ его основателя. Преп. Антоній своими строгими подвигами, которые онъ совершалъ съ юношескою бодростью, производитъ глубокое впечатлѣніе на окружающихъ и возбуждаетъ въ нихъ любовь къ отшельничеству и соревнованіе въ подвигахъ; монастырей появляется все больше и больше, и всѣ они считаютъ Антонія своимъ отцомъ и руководителемъ⁴⁾. Конечно, такому умноженію пустынниковъ много способствовало воздвигнутое Діоклетіаномъ и его соправителями гоненіе на христіанъ, но болѣе привлекала христіанъ въ пустыню слава великаго подвижника и желаніе спастись подѣ его руководствомъ.

Демонологія преп. Антонія. Преп. Антоній любилъ своихъ духовныхъ дѣтей и часто для ихъ назиданія и нравственнаго укрѣпленія велъ съ ними продолжительныя душеспасительныя бесѣды. Одна изъ такихъ бесѣдъ сохранилась до нашего времени⁵⁾. Большая часть этой рѣчи преп. Антонія къ монахамъ, помѣщаемой Аѳанасіемъ Великимъ въ жизнеописаніи Антонія, носитъ демоноло-

¹⁾ Vita Ant. § 14.²⁾ Ibidem.³⁾ Ibid.⁴⁾ Ibid. § 15.⁵⁾ Ibid. §§ 16—43.

гическій характеръ. Это объясняется тѣмъ, что преп. Антоній, 35 лѣтъ жившій въ уединеніи, гдѣ переносилъ тяжелую брань съ искушавшимъ его діаволомъ, хотѣлъ обратить на искушенія діавола особенное вниманіе иноковъ и передать имъ весь свой духовный опытъ въ этомъ отношеніи. Поэтому мы постараемся изложить демонологическіе взгляды Антонія Великаго и дать имъ возможное освѣщеніе.

На демоновъ преп. Антоній смотритъ, какъ на падшихъ безплотныхъ духовъ, сотворенныхъ добрыми и въ началѣ находившихся въ общеніи съ Богомъ, а потомъ низверженныхъ съ неба въ адъ вслѣдствіе своей гордости и славолубія¹⁾, выразившихся въ томъ, что діаволь возмечталъ быть подобнымъ Богу²⁾. Демоны, по Антонію, существа духовныя, но удалившіяся отъ Бога и получившія различныя имена „сообразно безпокойнымъ свойствамъ и дѣламъ ихъ“. Онъ приводитъ слѣдующія имена: сатана, діаволь, веельзевулъ, князь властей воздушныхъ и др.³⁾ „Великое ихъ множество, говоритъ Антоній, въ окружающемъ насъ воздухѣ, и они недалеко отъ насъ“⁴⁾. Ихъ сѣти распростерты по всему міру для уловленія неопытныхъ⁵⁾. Какъ существа духовныя, демоны невидимы для насъ и дѣйствуютъ не тѣлеснымъ, но духовнымъ образомъ, вотъ почему искушенія ихъ особенно опасны и должны быть предметомъ особеннаго вниманія иноковъ. Преп. Антоній говоритъ, что необходима усиленная молитва и подвиги для того, чтобы узнать многоразличныя козни демоновъ и средства освободиться отъ нихъ.

Первымъ актомъ искушенія со стороны демоновъ является внушеніе дурныхъ помысловъ. Преп. Антоній говоритъ, что всякому подвижающемуся, а особенно иноку, они стараются положить на пути соблазны; соблазны же ихъ лукавые помыслы (πονηροί

¹⁾ Migne XL. Epist. Ant. VI, p. 1014 D.

²⁾ Vita Ant. § 5, 22.

³⁾ Epist. VI, p. 1013; Vita Ant. § 21.

⁴⁾ Vita Ant. § 21; Epist. XX, p. 1057.

⁵⁾ Достоп. сказ. § 7. Новооткр. изреченія преп. Антонія Великаго, § 43.

λογισμοί¹⁾). Мы видимъ, что помыслами начались и искушенія Антонія; діаволь влагалъ въ него мысли объ оставленномъ имуществѣ, о сестрѣ и родственныхъ связяхъ, воспоминалъ ему о сребролюбіи, славолубіи, объ услажденіи разными яствами и удобствами жизни, и, наконецъ, представлялъ ему мысленно немощь тѣла и тяжесть аскетическаго подвига; все это по расчету діавола должно было возбудить въ подвижающемся бурю помысловъ, ввергнуть его въ уныніе и отвратить отъ подвижничества²⁾. Но такіе помыслы являются только первою ступенью діавольскихъ искушеній, которыя сравнительно легко отгоняются молитвою, постами и вѣрою въ Господа Іисуса Христа. Когда эти искушенія отъ помысловъ оказываются недѣйствительными, демоны нападаютъ на подвижника инымъ образомъ: „они стараются утратить его мечтательными привидѣніями, претворяясь въ разные виды и принимая на себя подобіе женщинъ, звѣрей, пресмыкающихся, великановъ, множества воиновъ“³⁾. Это, такъ сказать, вторая степень діавольскихъ искушеній. Если призраки и привидѣнія не смутятъ инока, то демоны нападаютъ еще инымъ способомъ: „они принимаютъ на себя видъ прорицателей, предсказываютъ, что будетъ черезъ нѣсколько времени; представляются или высокорослыми, достающими головою до кровли, или имѣющими чрезмѣрную толстоту, чтобы тѣхъ, кого не могли обольстить помыслами, уловить такими призраками“⁴⁾. Наконецъ, въ случаѣ полной невозможности при помощи вѣрѣхъ указанныхъ средствъ обольстить душу инока, огражденную сердечною вѣрою въ Бога и надеждою, демоны „приводятъ съ собою князя своего“⁵⁾. Демонскій князь, являясь къ подвижающемуся, старается утратить его и ужаснымъ своимъ видомъ и страшными угрозами. Внѣшній видъ этого князя преп. Антоній рисуетъ по книгѣ Іова: „очи его видѣніе денницы. Изъ устъ его исходятъ аки свѣщи горящія, и размещутся, аки искры огненныя: изъ ноздрей его исхо-

¹⁾ Vita Ant. § 23

²⁾ Vita Ant. § 85. Сравни. Достоп. сказ. § 1.

³⁾ Ibid. § 23.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

дять дымъ нещи горяція огнемъ углія: душа его яко угліе, и яко пламя изъ устъ его исходятъ" (Іов. 41, 9—11¹).

Сдѣлавъ общую характеристику діавольскихъ искушеній, и указавъ какъ бы на четыре періода въ искушеніяхъ демоновъ, преп. Антоній излагаетъ подробно всѣ виды и роды искушеній демоновъ, съ какими ему приходилось бороться. Въ самомъ тѣлѣ подвижниковъ есть, по Антонію, такое движеніе плоти, которое происходитъ отъ коварства и зависти демоновъ²). Возбуждая въ душѣ человека страсти, діаволь старается пагубно дѣйствовать и на тѣло человека, вызывая въ немъ лѣность и склонность къ удовольствіямъ³). „Демоны, говоритъ Антоній, коварны и готовы во все превращаться, принимать на себя всякіе виды. Нерѣдко, будучи сами невидимы, представляются они поющими псалмы, припоминають изреченія изъ Писаній. Иногда, если занимаемся чтеніемъ, и они немедленно, подобно эху, повторяють то же, что мы читаемъ; а если спимъ, пробуждаютъ насъ на молитву, и дѣлають это такъ часто, что не даютъ почти намъ и уснуть. Иногда, принявъ на себя монашескій образъ, представляются благоговѣйными собесѣдниками, чтобы обмануть подобіемъ образа, и обольщенныхъ ими вовлечь уже во что хотять. Но не надобно слушать ихъ, пробуждаютъ ли они на молитву, или совѣтуютъ вовсе не принимать пищи, или представляются осуждающими и укоряющими насъ за то самое, въ чемъ прежде были съ нами согласны. Ибо не изъ благоговѣнія и не ради истины дѣлають это, но чтобы неопытныхъ ввергнуть въ отчаяніе. Подвижничество представляютъ они бесполезнымъ, возбуждаютъ въ людяхъ отвращеніе отъ монашеской жизни, какъ самой тяжелой и обременительной, и препятствуютъ вести этотъ противный имъ образъ жизни“⁴). Вообще, по словамъ Антонія, „демоны все дѣлають, говорятъ, шумятъ, притворствуютъ,

¹) Ibid. § 24.

²) Достоп. сказ. § 22; Epist. I, p. 1002. Новооткр. изреченія преп. Антонія Вел. § 22.

³) Epist. XVIII, pag. 1048.

⁴) Vita Ant. § 25.

производятъ мятежи и смятенія къ обольщенію неопытныхъ, стучать, безумно смѣются, свистятъ; а если кто не обращаетъ на нихъ вниманія, плачутъ и проливають уже слезы, какъ побѣжденные“¹).

Думаемъ, что здѣсь преп. Антоній говоритъ объ искушеніяхъ первой и второй категоріи. На первыхъ порахъ діаволь вызывалъ въ душѣ Антонія бурю помысловъ, но когда вѣрою и молитвою Антоній подавлялъ въ себѣ эти помыслы, діаволь началъ возбуждать въ немъ плотскія страсти; онъ ночью принималъ на себя женскій образъ, и во всемъ подражалъ женщинѣ, желая обольстить Антонія, но Антоній, помня о Христѣ и объ искупленіи Имъ нашей природы, пребывалъ чистымъ. Врагъ представлялъ ему пріятность удовольствій, а онъ вспоминалъ будущія адскія муки, и противопоставляя это искушенію, оставался невредимымъ²). Этотъ искушитель, назвавшій себя „духомъ блуда“, являлся Антонію въ видѣ чернаго отрока, заявившаго о своемъ безсиліи искусить его³). Испытывалъ Антоній и нападенія демоновъ, являвшихся ему въ видѣ всевозможныхъ звѣрей. Такъ, однажды демоны вторглись въ жилище Антонія подъ видомъ львовъ, медвѣдей, леопардовъ, воловъ, змѣй, аспидовъ, скорпіоновъ, волковъ и проч. И всѣ эти привидѣнія, каждое дѣйствуя сообразно своему наружному виду, производили страшный шумъ, обнаруживая лютую ярость противъ Антонія, чувствовавшего отъ ихъ нападеній даже тѣлесную боль⁴). Преп. Антоній, убѣждая своихъ учениковъ противостоятъ всѣмъ демонскимъ кознямъ, высказываетъ свою основную мысль относительно демоновъ: „ихъ не должно бояться, не смотря на ихъ нападенія и угрозы смерти, потому что они безсильны (ἀσθενεῖς), и не могутъ ничего болѣе сдѣлать, какъ только угрожать“⁵). Если бы, по словамъ Антонія, демоны имѣли тѣла подобно намъ, то мы могли бы отъ нихъ укрыться и, нашедши насъ, они могли бы по-

¹) Ibid. § 26.

²) Ibid. § 5.

³) Ibid. § 6.

⁴) Ibid. § 9. Справ. § 52.

⁵) Ibid. § 27. Справ. § 13.

предить намъ; но они живутъ въ воздухѣ и проходятъ черезъ запертыя двери, поэтому мы не можемъ скрыться отъ нихъ, а между тѣмъ они не могутъ намъ сдѣлать тѣлеснаго вреда, а только угрожаютъ. Но если бы они были въ силахъ, то сдѣлали бы намъ зло не медля, такъ какъ они всегда готовы на всякое зло. Преподобный разсуждаетъ еще и такимъ образомъ: „Если бы было у демоновъ могущество, то они не приходили бы толпою, не производили бы мечтаній, и не принимали бы на себя различныхъ образовъ, когда строятъ козни; но достаточно было бы прійти только одному и дѣлать, что можетъ и хочетъ. Демоны же, не имѣя никакой силы, какъ-бы забавляются на зрѣлищѣ, мѣняя личины и страшая дѣтей множествомъ привидѣній и призраковъ (τῇ τῶν ὄχλων φαντασίᾳ, καὶ τοῖς σχηματισμοῖς). Поэтому, заключаетъ Антоній, демоновъ должно презирать, какъ безсильныхъ“¹⁾. Какъ на примѣръ безсилія демоновъ Антоній указываетъ на исторію праведнаго Іова, которому діаволъ ничего не могъ сдѣлать безъ позволенія Божія, даже не могъ уничтожить скота его. Изъ евангельской исторіи видно, что діаволъ не имѣетъ власти даже надъ свиньями (Мѡ. 8, 31), а тѣмъ болѣе безъ позволенія Божія онъ не можетъ имѣть власти надъ человѣкомъ²⁾.

Преп. Антоній указываетъ на предсказаніе демонами будущаго, какъ на одинъ изъ способовъ искушить неопытныхъ и увѣряетъ, что эти предсказанія ложны, такъ какъ въ существѣ дѣла демоны не предсказываютъ, но пользуясь нѣкоторыми особенностями своей природы, ранѣе, чѣмъ человѣкъ, могутъ сообщить о чемъ-либо совершившемся. „Что удивительнаго, говоритъ Антоній, если кто, имѣя тѣло тончайшее тѣла человѣческаго и увидѣвъ вступившихъ въ путь, предвѣщаетъ ихъ въ шествіи и извѣщаетъ о нихъ. То же предсказываетъ и сидящій на конѣ, предваривъ идущаго пѣшкомъ. . и какой-нибудь рѣзво бѣгающій отрокъ, предваривъ ходящаго медленно“³⁾. Если демоны, увидѣвъ, что въ

¹⁾ Ibid. § 28.

²⁾ Ibid. § 29.

³⁾ Vita Ant. § 31.

эіопскихъ странахъ много было дождей, объявляютъ о наводненіи рѣки Нила, то это опять не предсказаніе, ибо когда вода уже идетъ въ Египетъ, они напередъ прибѣгаютъ туда и пересказываютъ. Но то же сказали бы и люди, если бы могли такъ скоро переходить съ мѣста на мѣсто, какъ демоны¹⁾. Вообще въ предсказаніяхъ демоновъ Антоній не видитъ въ собственномъ смыслѣ предсказаній и объясняетъ все естественнымъ образомъ. „Демоны, говоритъ Антоній, ничего не знаютъ сами собою, но, какъ тати, что видятъ у другихъ, то и разглашаютъ, и болѣе угадываютъ, нежели знаютъ по предвѣдѣнію. Ибо и врачи, опытомъ дознавшіе свойства болѣзней, какъ скоро видятъ ту-же болѣзнь въ другихъ, нерѣдко, угадывая по навыку, предсказываютъ. Также кормчіе и земледѣльцы, смотря на состояніе воздуха, по навыку предсказываютъ или непогоду, или благораствореніе воздуха. И никто не скажетъ, что предсказываютъ они по Божію внушенію“²⁾. Отсюда преп. Антоній выводитъ заключеніе, что не должно слушать демоновъ, если они что-либо предсказываютъ. Даже и въ томъ случаѣ, если бы они говорили правду, не нужно слушать ихъ, ибо важно для насъ не знаніе будущаго, а сохраненіе вѣры и заповѣдей Божіихъ³⁾. Преп. Антоній выражаетъ увѣренность, что „душа во всемъ чистая и вѣрная своей природѣ, содѣлавшись прозорливою, можетъ видѣть больше и дальше, нежели демоны. Такова была, на примѣръ, душа Елисея, видѣвшая, что сдѣлано было Гіезіемъ“⁴⁾.

Говоритъ преп. Антоній и объ искушеніяхъ демонскаго князя, который является для искушенія инока при безсиліи низшихъ демоновъ. Однажды, по словамъ Антонія, явился къ нему демонъ, очень высокій ростомъ, въ сопровожденіи множества другихъ демоновъ и осмѣлился сказать: „я—Божія сила; я—Промысль; чего хочешь, все дарую тебѣ“. Антоній произнесъ имя Христова и

¹⁾ Ibid. § 32.

²⁾ Ibid. § 33.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid. § 34.

занесъ руку, чтобы ударить его, но великанъ при произнесеніи имени Христова исчезъ со всѣми демонами. Этотъ же демонъ въ образѣ монаха является къ Антонію во время усиленныхъ подвиговъ воздержанія послѣдняго и, держа въ рукахъ призракъ хлѣба, соблазняетъ его: „ѣшь, говоритъ онъ, и отдохни послѣ многихъ трудовъ; и ты — человѣкъ, можешь занемочь“¹⁾. Много разъ, по увѣренію Антонія, этотъ демонъ въ пустынѣ „мечтательно“ показывалъ ему золото, чтобы онъ только прикоснулся къ нему и взглянулъ на него, но Антоній мужественно отражалъ всѣ эти козни врага²⁾. Наконецъ этотъ же демонъ въ видѣ огромнаго великана одинъ является къ Антонію, стучится въ двери его келліи, и на вопросъ Антонія, кто онъ такой, отвѣчаетъ: „я сатана“. Онъ жалуется Антонію, что всѣ монахи проклинаяютъ его, просятъ относиться къ нему снисходительнѣе и сознается въ своемъ безсиліи передъ опытными монахами, но при упоминаніи Антоніемъ имени Христа Спасителя, „не терпя палящей силы его, діаволь сталъ невидимъ“³⁾. Въ другомъ мѣстѣ житія Антонія говорится, что Антоній въ видѣннѣ видѣлъ врага рода человѣческаго въ образѣ огромнаго чернаго великана, поднимающагося до облаковъ. Подъ нимъ было огромное озеро. Души человѣческія подобно птицамъ летѣли черезъ озеро, стараясь перелетѣть черезъ руки и голову великана, а тѣ, которыхъ онъ ударялъ своими руками, падали въ озеро, которое было для нихъ мѣстомъ гибели⁴⁾.

¹⁾ Ibid. § 40.

²⁾ Въ жизнеописаніи Антонія подробно разсказывается, какъ діаволь въ пустынѣ искушалъ нестяжательность Антонія. Одинъ разъ онъ „въ мечтаніи“ представилъ ему лежащее на пути большое серебряное блюдо, а въ другой разъ въ той же пустынѣ Антоній видѣлъ не призракъ, а дѣйствительное золото, разбросанное на дорогѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Антоній видѣлъ козни діавола и, не прельстившись серебромъ и золотомъ, прошелъ мимо. Vita Ant. § 11 и 12.

³⁾ Vita Ant., § 41.

⁴⁾ Vita Ant. § 66. Лавсанкъ, § 24, стр. 89—90. Въ январьской Четъ-Минеѣ послѣ изложенія житія Антонія, написаннаго Аѳанасіемъ Великимъ, есть еще сказаніе о томъ, какъ одинъ бѣсъ, по имени Зереферъ, захотѣлъ узнать, приметъ-ли Господь покаяніе діавола и, принявъ человѣческій образъ, пришелъ къ Антонію плача и рыдая, какъ каю-

Всѣ указанная четыре категоріи діавольскихъ искушеній опасны для каждого инока, особенно въ виду чрезвычайнаго разнообразія способовъ, какими демоны стараются уловить людей въ свои сѣти. Но противъ искушеній демоновъ преп. Антоній предлагаетъ спасительныя средства подвижничества: постъ, бдѣніе, молитвы, кротость, безмолвіе, несребролюбие, нетщеславіе, смиренномудріе, нищелюбіе, милостыню, а особенно же благочестивую вѣру во Христа¹⁾, призваніе имени Христа распятаго и изображеніе рукою на себѣ знаменія креста²⁾. Особенно преп. Антоній рекомендуетъ смиренномудріе (ταπεινοφροσύνη), какъ вѣрное средство избѣгнуть раскинутыхъ по всему міру сѣтей діавола³⁾, и предостерегаетъ иноковъ отъ сребролюбія, которое является причиною особенно сильныхъ терзаній со стороны демоновъ⁴⁾. Онъ убѣждаетъ иноковъ не только не бояться демоновъ, но и презирать ихъ, и при усиленіи демонскихъ искушеній ревностно усиливать свои подвиги, какъ вѣрное средство противъ врага⁵⁾. „Демоны, говоритъ Антоній, какими насъ находятъ, приходя къ намъ, такими и сами дѣлаются въ отношеніи къ намъ; и какія мысли въ насъ находятъ, такія и привидѣнія представляютъ намъ. Поэтому, если найдутъ насъ боязливыми и смущенными, то немедленно нападаютъ, какъ разбойники, нашедшіе неохраемое мѣсто, и что сами въ себѣ думаемъ, то и производятъ въ большемъ видѣ. Если видятъ насъ страшливыми и боязливыми, то еще больше увеличиваютъ боязнь привидѣніями и угрозами. Но если найдутъ насъ радующимися о Господѣ и помышляющими о будущихъ благахъ, содержащими въ мысляхъ дѣла Господни, и разсуждающими, что

щійся грѣшникъ. Когда же Антоній послѣ откровенія Божія сказалъ ему, что Господь приметъ покаяніе всякаго истинно раскаявшагося, даже діавола, если его покаяніе искренно, и указалъ ему на необходимую при этомъ эпитимію, то нераскаянный бѣсъ съ хохотомъ удалился (17 января).

¹⁾ Vita Ant. § 30.

²⁾ Ibid. §§ 78, 35, 41, 52, 53.

³⁾ Достоп. сказ. § 7.

⁴⁾ Тамъ же, § 20.

⁵⁾ Vita Anton. § 30.

все въ рукѣ Господней, что демонъ не въ силахъ побороть христианина, и вообще ни надъ кѣмъ не имѣетъ власти; то, видя душу подкрѣпляемую такими мыслями, демоны со стыдомъ обращаются вспять. Такъ врагъ, видя Іова огражденнымъ, удалился отъ него, но сдѣлалъ плѣнникомъ своимъ Іуду, нашедши, что онъ лишенъ такой защиты¹⁾

Но указывая монахамъ на ихъ нравственную силу въ борьбѣ съ демонами, преп. Антоній совѣтуетъ возможно рѣже выходить изъ своей келліи, говоря, что діаволу легче сразить различными способами инока, вышедшаго изъ своей келліи²⁾. Онъ указываетъ также на примѣръ Спасителя, въ уединеніи пустыни побѣдившаго искушителя-діавола³⁾. Внушая инокамъ бодрость въ борьбѣ съ демонами, преп. Антоній предостерегаетъ ихъ и отъ излишней возбужденности, при которой инокъ нервно настроенный собственными страхами и опасеніями, а также искушеніями своей собственной плоти можетъ принимать за искушенія демоновъ. „Не будемъ, говоритъ Антоній инокамъ, падать духомъ, питать въ душѣ боязни, не станемъ сами для себя выдумывать (ἀναπλάττωμεν) побужденій къ страху, говоря: не пришелъ бы демонъ и не поколебалъ меня; не восхитилъ бы онъ меня и не низринулъ бы; или не напалъ бы внезапно и не привелъ бы въ смятеніе. Вовсе не будемъ давать въ себѣ мѣста такимъ мыслямъ и скорбѣмъ, какъ погибающіе⁴⁾).

Такъ какъ демоны приходятъ иногда въ видѣ добрыхъ ангеловъ или наставниковъ благочестія, то Антоній предостерегаетъ иноковъ и отъ такихъ заблужденій. „Если, говоритъ онъ, демоны говорятъ вамъ: „мы—Ангелы“, не внимайте имъ, потому что лгутъ. Если будутъ они хвалить ваше подвижничество и ублажать васъ, не слушайте ихъ, и нимало не сближайтесь съ ними, лучше же себя и домъ свой запечатлѣйте крестомъ и помолитесь. Тогда увидите, что они сдѣлаются невидимыми, потому что боязливы, и

¹⁾ Ibid. § 42.

²⁾ Новооткр. изреченія преп. Антонія Великаго. § 18. Сравни. Достоп. сказ § 10 и Vita Ant. § 85.

³⁾ Epist. Antonii XVII, p. 1046.

⁴⁾ Vita Ant. § 42.

особенно страшатся знаменія креста Господня¹⁾. Преп. Антоній говоритъ о необходимости усердной молитвы о томъ, „чтобы пріять дарованіе различенія духовъ, чтобы, по написанному, не всякому духу вѣровать“ (Іоан. 4, 1²⁾), но въ то же время увѣряетъ своихъ духовныхъ дѣтей, что „при помощи Божіей возможно и не трудно распознавать присутствіе ангеловъ добрыхъ и злыхъ“³⁾. Онъ даже даетъ практическіе совѣты, какъ отличать явленія ангеловъ отъ явленій демоновъ. „Видѣніе святыхъ, говоритъ онъ, бываетъ невозмутительно. Являются они безмолвно и кротко, почему въ душѣ немедленно рождаются радость, веселіе и дерзновеніе; потому что со святыми Господь, Который есть наша радость и Сила Бога Отца. Душевные помыслы пребываютъ невозмутимыми и неволненными, и душа, озаряемая видѣніемъ, созерцаетъ явившихся. Въ ней возникаетъ желаніе божественныхъ и будущихъ благъ, и, конечно, возжелаетъ она быть въ соединеніи со святыми и отойти съ ними. Если же иные, какъ люди, приводятся въ страхъ видѣніемъ добрыхъ Ангеловъ, то явившіеся въ то же мгновеніе уничтожаютъ этотъ страхъ своею любовію, какъ поступили Гавріиль съ Захаріею и Ангель, явившійся женамъ во гробѣ Господнемъ, и еще Ангель, упоминаемый въ Евангеліи и сказавшій пастырямъ: „не бойтесь“ (Лук. 2, 10). Ощущается же страхъ не отъ душевной боязни, но отъ сознанія присутствія высшихъ силъ“⁴⁾. „Поэтому, говоритъ Антоній инокамъ, если, увидѣвъ явившагося, приходите въ страхъ, но страхъ вашъ немедленно уничтоженъ и вмѣсто него происходятъ въ васъ неизглаголанная радость, благодушіе, дерзновеніе, воодушевленіе, невозмутимость помысловъ и все прочее, сказанное выше, то не теряйте упованія и молитесь, ибо радость и благоустроенность души показываетъ святость явившагося“⁵⁾.

Совсѣмъ другія чувства производитъ въ душѣ человѣка явленіе злыхъ духовъ, которое по характеру своему существенно отли-

¹⁾ Ibid. § 35.

²⁾ Ibid. § 38.

³⁾ Ibid. § 35.

⁴⁾ Ibid. § 35.

⁵⁾ Ibid. § 36.

чается отъ явленія Ангеловъ. „Нашествіе и видѣніе духовъ злыхъ бываетъ, говоритъ преп. Антоній, возмутительно, съ шумомъ, глазами и воплями, подобно буйному движенію худо воспитанныхъ молодыхъ людей или разбойниковъ. Отъ сего въ душѣ немедленно происходятъ боязнь, смятеніе, безпорядокъ помысловъ, грусть, ненависть къ подвижникамъ, уныніе, печаль, воспоминаніе о сродникахъ, страхъ смертный и, наконецъ, — худое пожеланіе, нерадѣніе о добродѣтели, нравственное разстройство. Да служить вамъ и то еще признакомъ: когда душа продолжаетъ ощущать боязнь, — явившійся есть врагъ, потому что демоны не уничтожаютъ боязни“¹⁾.

Такія наставленія преп. Антонія поддерживали бодрость духа въ инокахъ и дѣлали ихъ неутомимыми въ подвигахъ. Въ однихъ, говоритъ писатель житія Антонія, возрастала любовь къ добродѣтели, въ другихъ искоренялось нерадѣніе, въ иныхъ прекращалось самомнѣніе; всѣ же, дивясь данной отъ Господа Антонію благодати къ различенію духовъ, убѣждались въ томъ, что должно презирать демонскіе навѣты“²⁾.

Посѣщенія Антоніемъ Александріи. Въ то время, какъ въ египетскихъ пустыняхъ процвѣтали монастыри и воздухъ непрерывно оглашался священными пѣснопѣніями сонма подвижниковъ, въ многочисленныхъ центрахъ Египта христіане терпѣли тяжелое испытаніе. Иллиріецъ Даія или Даза продолжалъ подъ именемъ Максимиана гоненіе на христіанъ, которое началъ дядя его Галерій еще въ 303 году. Управляя Сирією и Египтомъ съ именемъ кесаря, Максиминъ въ своихъ областяхъ не выполнялъ въ точности изданнаго Галеріемъ, Константиномъ и Ликиніемъ эдикта, дозволявшаго христіанамъ исповѣдывать свою религію³⁾, и всячески старался уменьшить благотворное значеніе для христіанъ этого эдикта⁴⁾. Послѣ же смерти восточнаго Августа Галерія (311 г.) Максиминъ продолжалъ преслѣдовать христіанъ еще съ большею

силою. Насколько тяжело было это гоненіе для христіанъ Египта, можно видѣть изъ свидѣтельства историка Евсевія, который говоритъ, что „Максиминъ въ короткое время причинилъ христіанамъ такъ много зла, что это послѣднее, возбужденное имъ гоненіе, казалось для нихъ гораздо тяжелѣе перваго“¹⁾. Особенно сильнымъ и тяжелымъ было гоненіе въ Александріи, главномъ городѣ всего Египта. Здѣсь безъ всякой причины схватывали христіанъ и предавали ихъ смерти; сюда же приводили христіанъ на судъ и изъ другихъ мѣстностей Египта. — Всеобъемлющая любовь къ ближнимъ и участіе къ гонимымъ за святую вѣру превозмогли въ Антоніи любовь къ уединенію, и онъ оставилъ на время пустыню, чтобы явиться въ шумномъ городѣ и поддержать изнемогающихъ въ мученіяхъ за вѣру христіанъ, а если придется, и самому принять вѣнецъ мученичества. „Пойдемъ и мы, говорилъ онъ своимъ ученикамъ, отправляясь въ Александрію, чтобы или подвизаться, если будемъ призваны, или видѣть подвизающихся“²⁾. Явившись въ Александрію вмѣстѣ съ другими монахами, Антоній всего себя посвятилъ на служеніе страждущимъ по вѣрѣ братьямъ. Онъ прислуживалъ исповѣдникамъ въ рудоконьяхъ и въ темницахъ, облегчая этимъ ихъ заключеніе, и своимъ задушевнымъ и одушевленнымъ словомъ вселялъ въ нихъ твердость въ вѣрѣ и готовность къ перенесенію всевозможныхъ мученій. Приведенныхъ на судъ Антоній ободрялъ, поддерживая въ нихъ ревность по вѣрѣ, а въ случаѣ осужденія на смерть оставался при нихъ до самой ихъ кончины. Такая неустрашимость Антонія и его спутниковъ удивляла судью, а ихъ вліяніе на твердость христіанъ въ вѣрѣ побудила его издать распоряженіе, чтобы никто изъ монаховъ не оставался въ городѣ. Всѣ другіе монахи въ тотъ же день удалились изъ Александріи, Антоній же, вымывъ свою одежду, на другой день появился въ ней передъ судьей, ставши на видномъ мѣстѣ, когда послѣдній проходилъ со своими воинами къ мѣсту суда, чтобы начать новыя казни³⁾.

¹⁾ Vita Ant. § 36, 37.

²⁾ Ibid § 44.

³⁾ Церк. Истор. Евсевія, кн. VIII, гл. 17.

⁴⁾ Тамъ же, кн. IX, гл. 1.

¹⁾ Тамъ же, кн. IX, гл. 6.

²⁾ Vita Ant. § 46.

³⁾ Ibidem.

Антоній, говоритъ Аѳанасій, хотѣлъ сподобиться мученическаго вѣнца, но Господь хранилъ его на пользу другихъ, чтобы сдѣлаться ему учителемъ многихъ къ подвижнической жизни¹⁾. Не смотря на запрещеніе судьи, Антоній оставался въ городѣ и продолжалъ проявлять по отношенію къ страждущимъ собратьямъ самоотверженные подвиги христіанской любви. Въ это время александрійскій епископъ Петръ по приказанію Максимиана былъ схваченъ и обезглавленъ; умерщвлено было и много другихъ египетскихъ епископовъ²⁾. Повѣстно, что пребываніе въ Александріи славнаго подвижника въ такое тяжелое время было очень необходимо для поддержанія твердости нравственнаго духа многочисленныхъ мучениковъ и исповѣдниковъ. И Антоній дѣйствительно оставилъ городъ только по прекращеніи гоненія³⁾. Впослѣдствіи онъ еще разъ приходилъ въ Александрію по просьбѣ Аѳанасія Великаго и другихъ епископовъ, которые убѣдили Антонія придти туда и своимъ авторитетнымъ словомъ обличить неправомысліе аріанъ. Его вторичное появленіе въ этомъ городѣ также было благотѣльно для православныхъ, какъ и первое⁴⁾.

Во время своихъ путешествій въ Александрію Антоній видѣлся съ знаменитымъ слѣпцомъ Дидимомъ. По свидѣтельству Палладія, еп. Еленопольскаго, Антоній три раза посѣщалъ келлію Дидима и преклонялъ въ ней колѣна для молитвы⁵⁾. Историкъ Руфинъ сохранилъ намъ и небольшой отрывокъ изъ разговора Антонія съ Дидимомъ. Слепецъ, вѣроятно, жаловался на свою судьбу, закрывшую передъ нимъ всѣ красоты міра. Преп. Антоній утѣшалъ его и убѣждалъ не роптать на Бога; „ничего ты не потерялъ, Дидимъ, говоритъ онъ ему, что лишился возможности видѣть тѣлесными очами. Ибо тебѣ не достаетъ тѣхъ глазъ, которые имѣютъ мыши, мухи и ящерицы. Но ты радуйся, потому что

¹⁾ Ibid.

²⁾ Евсевій. Церк. Истор. кн. IX, гл. 6.

³⁾ Vita Ant. § 47.

⁴⁾ Ibid. § 69—70.

⁵⁾ Лавсанкъ, § 4, стр. 15.

имѣешь глаза, какіе имѣютъ ангелы, и которыми смотритъ Богъ; чрезъ нихъ у тебя воспламеняется великій свѣтъ знанія“¹⁾.

Возвратившись въ пустыню, преп. Антоній по прежнему поселился въ своемъ запустѣвшемъ укрѣпленіи, которое теперь уже было окружено многочисленными келліями отшельниковъ, подвизавшихся подъ его руководствомъ, и монастырями. Здѣсь онъ опять продолжалъ свои подвиги, „ежедневно былъ, какъ выражается писатель его житія, мученикомъ въ совѣсти (συνειδήσει) своей“²⁾, но множество приходившихъ къ нему нарушали его уединеніе. Послѣ посѣщенія Александріи Антоніемъ молва о немъ пронеслась по всему Египту; къ нему приходятъ не только люди простые и искатели подвижнической жизни, но и люди знатные, какъ, напримеръ, военачальникъ Мартиніанъ³⁾ и др., прося помолиться о выздоровленіи больныхъ.

Удаленіе преп. Антонія во внутреннюю пустыню для новыхъ подвиговъ. Избѣгая мірской славы и могущаго родиться отъ нея самомнѣнія и желая подвизаться въ уединеніи, которое здѣсь нарушали входящіе изъ міра, 58-лѣтній Антоній рѣшилъ удалиться въ Верхнюю Оиваиду, гдѣ его лично еще не знали. Взявши у братіи немного хлѣба, онъ сѣлъ на берегу рѣки и ожидалъ проходящей мимо лодки, которая доставила бы его въ желаемое мѣсто, но небесный голосъ не позволилъ ему отправляться ни въ Верхнюю Оиваиду, ни внизъ въ Буколію (εἰς τὰ βουκόλια⁴⁾), потому что тамъ онъ не нашелъ бы себѣ уединенія. „Если хочешь пребыть на покоѣ, говоритъ ему небесный голосъ, то иди теперь во внутреннюю пустыню“⁵⁾. Антоній находился нѣкоторое время въ затрудненіи, не зная пути въ невѣдомую

¹⁾ Histor. eccles. cap. VII.—Migne, XXI, ser. lat. pag. 517. Этотъ разговоръ приводится и церковнымъ историкомъ Сократомъ. — Кн. IV, гл. 25. Сравни. Твор. блаж. Іеронима (Письмо къ Каструцію), ч. II, стр. 232.

²⁾ Vita Ant. § 47.

³⁾ Ibid. § 48.

⁴⁾ Буколіей (βουκόλια — страна пастбищъ) называлось вѣзирье на востокъ отъ Александріи при впаденіи Нила въ Средиземное море.

⁵⁾ Vita Ant. § 49.

ему пустыню, но какъ разъ въ это время показался караванъ сарацинъ, которые охотно позволили ему присоединиться къ нимъ. Три дня провелъ караванъ въ пути по безплодной и дикой пустынѣ, пока, наконецъ, не пришелъ къ одной высокой горѣ. Изъ-подъ этой горы текла прозрачная, сладкая и довольно холодная вода; вокругъ была равнина и нѣсколько дикихъ пальмъ. Антонію такъ понравилось это уединенное мѣсто, что онъ не пошелъ съ сарацинами далѣе, а остался на горѣ подвизаться, взявши у своихъ спутниковъ небольшой запасъ хлѣба. Въ новомъ уединеніи Антоній съ жаромъ предавался новымъ подвигамъ, никѣмъ неразвлекаемый, ничѣмъ нетревожимый, кромѣ заботы о своемъ собственномъ спасеніи. Проходившіе иногда мимо источника сарацины съ охотою оставляли ревностному подвижнику хлѣбъ, а по временамъ доставляли ему скудную пищу и рослиа возлѣ горы дикія пальмы¹⁾.

Пустыня, избранная Антоніемъ для подвиговъ, лежала на востокъ отъ Нила, между Ниломъ и Краснымъ моремъ; самая же гора находилась почти въ тридцати миляхъ отъ Нила (Антоній шелъ къ ней съ сарацинами три дня и три ночи²⁾), и гораздо ближе къ Черному морю, приблизительно на одинъ день пути³⁾. Это, вѣроятно, та самая гора, которая у древнихъ носила названіе Троанской скалы (Troicus lapis), и лежала, по Птоломею, въ тридцати миляхъ отъ рѣки Нила⁴⁾. Нѣкоторые ученые XVII и XVIII вѣковъ (Росвейдъ, Циглеръ, Баварій и др.) далеко отодвигаютъ гору св. Антонія отъ Краснаго моря⁵⁾, но свидѣтельства

¹⁾ Ibid. § 49—50.

²⁾ Палладій говоритъ, что „Антоній жилъ между Вавилономъ (теперь Каиръ) и Гераклеєю, въ обширной пустынѣ, простирающейся до Чернаго моря поприщъ на 30 отъ рѣки Нила“.—Лавсаикъ, § 23, стр. 82.

³⁾ *Ellies du Pin*. Nouvelle biblioth. des auteurs ecclésiastiques. t. II, p. 67.

⁴⁾ Ее такъ описываетъ Страбонъ (Lib. XVII): 'Τρωικὸν πετρῶδες ἱκανῶς ὄρος καὶ σπηλαῖα ὑπ' αὐτῷ, καὶ κόμη πλῆσιον, καὶ τοῦτοις, καὶ τῷ ποταμῷ Τρωία καλούμενη“.—Acta Sanctorum. Bolland. Ian. II, p. 109.

⁵⁾ Acta Sanct. Ian. II, p. 109.

Палладія¹⁾, Аванасія Великаго²⁾, Иеронима³⁾ и позднѣйшихъ путешественниковъ по Египту⁴⁾ не позволяютъ намъ придвигать ее къ Нилу ближе, чѣмъ на двадцать миль. Иногда эту гору называли горою Колзимъ или Колзумъ, а въ „Vitis Patrum“ она постоянно называется горою св. Антонія⁵⁾, каковое названіе сохранилось за этою горою и до настоящаго времени. Иеронимъ, говоря о путешествіи Иларіона на гору св. Антонія, такъ описываетъ ее: „Каменная и высокая гора, около тысячи футовъ въ окружности, выдавливая у подошвы своей воду, часть которой поглощается песками, а другая, проникая далѣе, образуетъ потокъ, надъ которымъ растущія по обоимъ берегамъ безчисленныя пальмы придаютъ мѣсту много прелести и удобства“⁶⁾.

Гора, избранная св. Антоніемъ, была очень высока и „длинна, какъ молитва этого св. угодника Божія“⁷⁾. Съ вершины ея открывался обширный видъ на окружающее ее пространство. На востокъ виднѣлись мертвыя пустыни Ефамъ и Суръ, омываемыя волнами Краснаго моря, а еще далѣе терялись въ небесной синевѣ высоты горъ Синая и Хорива; съ сѣверной стороны на необозримое пространство тянулась безплодная пустыня; на югѣ возвышались хребты еивайдскихъ горъ, съ запада же, за пустыней, которую прошелъ Антоній, виднѣлась прилегающая къ Нилу плодородная равнина. Гора была такъ высока, что ее видно было съ береговъ Нила, не смотря на ея отдаленность отъ него.

¹⁾ Лавсаикъ, § 23, стр. 82.

²⁾ Антоній съ сарацинами шелъ по пустынѣ три дня (Vita Ant. § 49).

³⁾ Иларіонъ, отправившійся изъ г. Афродитона на верблюдахъ въ гору св. Антонія, достигъ ея только на третій день.—Твор. блаж. Иеронима, ч. IV, стр. 32—33.

⁴⁾ Архим. Порфирій Успенскій. Путешествіе по Египту и въ монастыри св. Антонія Великаго и Павла Египетскаго, стр. 223—224. Спб. 1856.

⁵⁾ Acta Sanctorum. Ian. II, p. 109.

⁶⁾ Твор. блаж. Иеронима, ч. IV, стр. 33. Подобнымъ образомъ описываетъ эту гору и путешествовавшій по Египту архим. Порфирій Успенскій (Путешествіе по Египту, стр. 224).

⁷⁾ Порфирій Успенскій. Путеш. по Египту, стр. 165.

Начавши подвизаться на пустынной и удаленной от человеческого жилища горѣ, преп. Антоній не могъ долго оставаться невѣдомымъ египетскому міру, который много слышалъ о его подвигахъ и святости. Уже сарацины знали мѣсто уединенія великаго подвижника, а самая гора съ ея холоднымъ ключемъ и тѣнистыми нальмами должна была привлекать къ себѣ для остановокъ всѣ проходящіе мимо караваны. Вскорѣ ученики Антонія узнали о его мѣстопробываніи и „какъ дѣти, помня отца“, часто посѣщали его и приносили все необходимое для пропитанія. Съ этого времени, не смотря на дальность разстоянія, между Антоніемъ и его учениками, жившими въ прежде основанныхъ имъ монастыряхъ, устанавливаются непрерывныя сношенія, одушевляемые живою христіанскою любовью обѣихъ сторонъ. Сношенія эти въ первое время выражались въ томъ, что многочисленные ученики Антонія приходили къ уважаемому учителю, время отъ времени принося ему хлѣбъ для пропитанія. Но главною цѣлью такихъ посѣщеній было, конечно, желаніе увидѣть Антонія и получить отъ него нравственное назиданіе. Изъ житія Антонія мы видимъ, что для многихъ монаховъ, посѣщавшихъ его въ уединеніи, доставка хлѣба была только предлогомъ увидѣть Антонія и побесѣдовать съ нимъ¹⁾. Антоній, видя постоянные труды монаховъ, приносившихъ ему хлѣбъ, упросилъ ихъ принести ему заступъ, топоръ и немного пшеницы; получивъ все это, онъ обошелъ свою гору, нашелъ одно небольшое, но удобное для посѣва мѣсто, и началъ воздѣлывать его и засѣвать; воды для орошенія было много у подошвы горы, и потому посѣвы приносили урожай хлѣба, вполне достаточный для пропитанія суроваго подвижника. Послѣдній былъ радъ, что избавился отъ необходимости быть кому-либо въ тягость. Но служившіе ему братія упросили его, чтобы онъ позволилъ имъ приходить черезъ мѣсяцъ и приносить ему маслинъ, овощей и масла²⁾.

¹⁾ Vita Ant. § 50.

²⁾ Ibid. § 51.

Слава о подвигахъ Антонія и посѣщеніе его горы монахами и мірянами. Въ новомъ своемъ уединеніи Антоній не освободился отъ искушеній, но теперь эти искушенія уже не производили въ немъ внутренней раздвоенности и тяжелой борьбы съ самимъ собою, какъ это было прежде; теплою молитвою онъ скоро отгонялъ всѣ соблазны и водворялъ въ своей душѣ миръ. „Хотя діаволь, говоритъ Аѳанасій, наблюдалъ за Антоніемъ и, какъ воспѣваетъ Давидъ, „скрежеталъ на него зубами своими (Псал. 34, 16), но Антоній, утѣшаемый Господомъ, пребывалъ невредимымъ отъ коварства и многоразличныхъ козней діавола“¹⁾. Аѳанасій Великій удивляется мужеству и неустрашимости Антонія, поселившагося на одинокой горѣ, въ мертвой пустынѣ. „И подлинно, говоритъ онъ, достойно было удивленія, что одинъ, живя въ такой пустынѣ, не боялся нападающихъ на него демоновъ, и при такомъ множествѣ тамъ четвероногихъ звѣрей и пресмыкающихся, не страшился ихъ свирѣности, но по истинѣ, какъ написано, надѣялся на Господа, былъ „какъ гора Сіонъ“ (Псал. 124, 1²⁾.

Долго-ли Антоній пребывалъ одинъ на горѣ безвыходно, — изъ житія его не видно, но извѣстно, что онъ началъ по временамъ посѣщать монаховъ, которые раньше жили возлѣ него и теперь не переставали считать его своимъ отцомъ и руководителемъ. Особенно трогательно и торжественно было первое посѣщеніе основанныхъ имъ около Нила монастырей. Внимая усиленнымъ просьбамъ монаховъ посѣтить на время ихъ мѣсто жительства, преп. Антоній съ нѣсколькими учениками отправился въ путь черезъ пустыню. Едва онъ дошелъ до первыхъ, лежащихъ по пути монастырей, какъ всѣ живущіе въ нихъ иноки привѣтствовали его, „смотря на него, какъ на отца, а онъ, какъ бы принесъ напутствіе съ горы, угощалъ ихъ словомъ и сообщалъ (μετέδιδου) имъ, что было на пользу“. Это посѣщеніе Антонія усугубило рвеніе и силу монаховъ къ совершенію аскетическихъ подвиговъ. „Снова на горахъ, говоритъ Аѳанасій, была радость, соревнованіе о пре-

¹⁾ Ibid. § 52.

²⁾ Ibid. § 51.

сиѣніи и утѣшеніе взаимно другъ друга вѣрою¹⁾. Теперь же Антоній увидѣлся и со своею сестрою, съ которою разстался еще будучи двадцатилѣтнимъ юношей, когда начиналъ свои первые подвиги. Она послѣдовала доброму примѣру брата и осталась жить подъ руководствомъ дѣвственницъ, которымъ поручилъ ее Антоній; состарѣвшаяся въ дѣвствѣ, она теперь была уже настоятельницею другихъ дѣвственницъ²⁾.

Проведя нѣсколько дней среди обрадованной его прибытіемъ братіи, Антоній опять возвратился на свою гору. Но теперь посѣщенія горы посторонними сдѣлались несравненно болѣе частыми. Неумолкаемая молва о подвигахъ Антонія, свидѣтельства о дѣйствительности его молитвъ предъ Богомъ, самый величественный образъ строгаго подвижника, — все привлекало къ нему многихъ монаховъ и приходящихъ изъ міра, не только здоровыхъ, но и больныхъ, ожидавшихъ исцѣленія по его молитвамъ. Съ этого времени Антоній, проводившій большую часть жизни въ одиночествѣ, въ усовершеніи себя, въ широкихъ размѣрахъ начинаетъ проявлять христіанскую любовь къ ближнимъ. Никого онъ не отгонялъ отъ себя, но со всякимъ бесѣдовалъ, cadaго удовлетворялъ. „При томъ, въ такой мѣрѣ онъ умѣлъ говорить на пользу каждому, что многіе изъ людей военныхъ и имѣющихъ большой достатокъ слагали съ себя житейскія тяготы и дѣлались, наконецъ, монахами“³⁾. Естественно, что со всего Египта приходили къ нему, чтобы получить назиданіе или попросить его молитвъ объ исцѣленіи больныхъ. Ищущимъ назиданія мірянамъ и инокамъ Антоній давалъ заповѣдь, чтобы твердо вѣровали въ Господа, хранили себя отъ нечистыхъ удовольствій и плотскихъ помысловъ, чаще молились и воодушевлялись святою ревностью угольниковъ Божіихъ. Особенно же совѣтовалъ, чтобы, по Апостолу, солнце не заходило во гнѣвѣ нашемъ (Ефес. 4, 26) и во всякомъ грѣхѣ; „ибо, говорилъ онъ, хорошо и необходимо, чтобы не осуждали насъ ни солнце за

дневной проступокъ, ни луна за ночной грѣхъ и даже за худое помышленіе“¹⁾. Для достиженія этого онъ совѣтовалъ приходившимъ отдавать себѣ каждый день отчетъ въ совершенныхъ проступкахъ, или же записывать на бумагу свои дѣла и мысли, а послѣ прочитывать это или сообщать кому-либо другому²⁾. Грѣхъ, которые приходили съ надеждою получить исцѣленіе отъ болѣзней, Антоній приглашалъ молиться, и самъ вмѣстѣ съ ними молился усердно и продолжительно. „И Господь, говоритъ Аѳанасій Великій, часто внималъ молитвамъ его о многихъ. Но Антоній, когда и услышанъ былъ Господомъ, не хвалился; и когда не былъ услышанъ, не ропталъ“³⁾. Онъ только внушалъ приходящимъ, что все въ рукахъ Божіихъ и что исцѣленіе можетъ подавать только одинъ Богъ. Но возсылая молитвы за другихъ, онъ и отъ нихъ непременно требовалъ молитвы о самихъ себѣ. Когда одинъ братъ попросилъ молитвъ Антонія, послѣдній отвѣтилъ ему: „ни я, ни Богъ не сжалятся надъ тобою, если ты не будешь заботиться самъ о себѣ и молиться Богу“⁴⁾. Вліяніе славнаго подвижника на приходящихъ было настолько велико, что его бесѣды нравственно перерождали слушателей; одни изъ нихъ дѣлались монахами, другіе, возвращаясь въ міръ, начинали вести жизнь болѣе благочестивую, ссорящіеся между собою возвращались примиренными, разбитые ударами судьбы и угнетенные уходили отъ него бодрыми и съ вѣрою въ лучшее будущее. „Однимъ словомъ, говоритъ Аѳанасій, Антоній какъ врачъ дарованъ былъ Богомъ Египту. Ибо кто, если приходилъ къ нему печальнымъ, возвращался отъ него не радующимся? Кто, если приходилъ къ нему проливающимъ слезы объ умершихъ, не оставлялъ тотчасъ своего плача? Кто, если приходилъ гнѣвнымъ, не перемѣнялъ гнѣва на пріязнь? Какой нищій, пришедшій къ нему въ уныніи, послушавъ его и посматривая на него, не начиналъ презирать богатства и не утѣшался въ нищетѣ своей?

¹⁾ Ibid. § 54.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Vita Ant. § 87.

¹⁾ Ibid. § 55

²⁾ Ibid. Сравни. Церк. Ист. Созомена, кн. I, гл. 13, стр. 50.

³⁾ Vita Ant. § 56.

⁴⁾ Достоп. сказ. § 16.

Какой монахъ, предавшійся нерадѣнію, какъ скоро приходилъ къ нему, не дѣлался гораздо болѣе крѣпкимъ? Какой юноша, пришедши на гору и увидѣвъ Антонія, не отрекался тотчасъ отъ удовольствій и не начиналъ любить цѣломудріе? Кто приходилъ къ нему искушаемый бѣсомъ и не находилъ себѣ покоя? Кто приходилъ къ нему смущаемый помыслами и не находилъ тишины уму? Сколько дѣвъ, имѣвшихъ уже у себя жениховъ, когда издали только увидѣли Антонія, пребыли Христовыми дѣвами¹⁾. Видя, что многіе приходятъ къ нему издалека, перенося всѣ трудности пути, Антоній развелъ на своей горѣ немного овощей, чтобы предлагать ихъ приходящимъ. Самъ же онъ большую часть времени проводилъ въ уединеніи въ подвигахъ и молитвахъ.

Мѣсто подвиговъ преп. Антонія. Св. Аѳанасій различаетъ внутреннюю гору подвиговъ Антонія (τὸ ἐσω ὄρος—interior²⁾) и гору внѣшнюю (ἐν τῷ ὄρει τῷ ἔξω—exterior³⁾). Внутреннюю горою онъ называетъ вершину горы, гдѣ находились двѣ маленькія келліи, высѣченныя въ скалѣ—служившія мѣстомъ уединенія Антонія. Эти келліи описываетъ блаж. Іеронимъ въ житіи св. Иларіона, который вмѣстѣ со своими спутниками посѣщалъ гору Антонія послѣ его смерти. На склонѣ горы была, по словамъ Іеронима, келейка Антонія, „въ длину и ширину не болѣе, какъ сколько могъ занять человекъ сиящій. Кромѣ того, на самой вершинѣ, куда они (Иларіонъ со спутниками) взошли будто по витой лѣстницѣ и съ чрезвычайнымъ усиліемъ, они видѣли двѣ келейки того же размѣра: въ нихъ онъ живалъ, избѣгая посѣщеній приходящихъ и сообщества вмѣстѣ жившихъ съ нимъ учениковъ. Впрочемъ, эти келейки были высѣченны изъ естественнаго камня, и имъ были приданы только двери⁴⁾. Это была внутренняя гора, потому что здѣсь преп. Антоній углублялся въ себя и подвизался

¹⁾ Vita Ant. § 87—88.

²⁾ Ibid. §§ 51, 82, 91.

³⁾ Ibid. §§ 61, 63, 72, 73, 84, 85, 88, 91.

⁴⁾ Твор. блаж. Іеронима, ч. IV, стр. 33. Эти двѣ келліи и въ настоящее время видѣлъ Порфирій Успенскій. — „Путешествіе по Египту...“ стр. 224.

въ полномъ уединеніи¹⁾. Только въ послѣдніе годы своей жизни онъ приблизилъ къ себѣ двухъ учениковъ, которые прислуживали ему на старости, живя съ нимъ на внутренней горѣ. Изъ житія Антонія видно, что и эти два ученика не нарушали уединенія Антонія и, живя недалеко отъ него, являлись къ нему только по призыву²⁾. Подъемъ на вершину этой горы былъ очень крутой, о чемъ свидѣлствуютъ и современные путешественники, посѣщавшіе ее³⁾. — Внѣшнюю же горою Аѳанасій Великій иногда называетъ склоны высокой внутренней горы Антонія и прилегающія къ ней смежныя горы, а иногда гору, находившуюся у береговъ Нила и усѣянную монастырями, основанными Антоніемъ. Такъ, мы видимъ, что многіе приходятъ къ Антонію на мѣсто его подвиговъ и находятъ его „на внѣшной горѣ“⁴⁾, а нѣкоторые, не находя его здѣсь, усиленно просятъ его сойти съ вершины горы и выйти „на внѣшнюю гору“, ссылаясь на невозможность самимъ взбираться на вершину горы⁵⁾. Очевидно, что здѣсь подъ „внѣшнюю горою“ разумѣются склоны той горы, вершину которой занималъ Антоній. Но есть въ житіи преп. Антонія и такія мѣста, изъ которыхъ ясно, что въ устахъ Аѳанасія Великаго выраженіе „внѣшняя гора“ имѣло иногда и другой смыслъ. Аѳанасій неоднократно говоритъ, о посѣщеніи Антоніемъ монастырей, „бывшихъ на внѣшной горѣ“, причемъ изъ текста житія Антонія видно, что посѣщеніе это было сопряжено съ продолжительнымъ путешествіемъ⁶⁾, а возлѣ самыхъ монастырей находилась большая судоходная рѣка⁷⁾. Несомнѣнно, что здѣсь уже рѣчь идетъ о монастыряхъ, находившихся на го-

¹⁾ Vita Ant. § 51, 66.

²⁾ Ibid. § 59, 91.

³⁾ Мѣсто, гдѣ жилъ Антоній Великій на высотѣ скалы, обнесено въ настоящее время глухою стѣною, въ которой есть только одно окно, черезъ которое поднимаютъ приходящаго на канатѣ, въ корзинѣ или на доскѣ. А. Норовъ. Путешествіе по Египту и Нубіи, ч. II, стр. 354.

⁴⁾ Vita Ant. §§ 61, 72, 73.

⁵⁾ Ibid. §§ 84, 85.

⁶⁾ Ibid. §§ 63, 88, 91.

⁷⁾ Ibid. § 63.

рахъ, непосредственно прилегающихъ къ Нилу, гдѣ прежде подвизался Антоній.

Общеніе преп. Антонія съ окружающими его подвижниками. Скоро у подножія внутренней горы стали появляться келліи монаховъ, желавшихъ чаще видѣть Антонія и слушать его наставленія. Но послѣдній не забывалъ и болѣе отдаленныхъ своихъ учениковъ, время отъ времени посѣщая ихъ. Чаше всего Антоній посѣщалъ основанный имъ монастырь Писперъ и другіе, расположенные вокругъ него монастыри. Горы, смежныя съ этимъ монастыремъ, оказались тѣсными для многочисленныхъ учениковъ Антонія, и потому они, перешедши за Ниль, начали наполнять пустыни, лежація недалеко отъ города Арсеноя, почему впослѣдствіи Антоній и называлъ этихъ братьевъ въ своихъ письмахъ арсенитами¹⁾. Были въ это время монастыри и въ горѣ Нитрійской²⁾, основанные ученикомъ Антонія Аммономъ; изъ житія Антонія видно, что съ нитрійскими монахами онъ былъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ³⁾. Тамъ же Аммономъ были основаны монастыри и въ пустынѣ Келлій, отстоящей отъ Нитріи на 10,000 шаговъ. Монастыри Скитскіе, основанные также ученикомъ Антонія Макаріемъ Египетскимъ, несомнѣнно считали Антонія своимъ высшимъ руководителемъ въ иноческой жизни, потому что такого руководителя видѣлъ въ немъ самъ Макарій, который часто приходилъ къ Антонію и слушалъ его наставленія⁴⁾. Насколько Антоній былъ уважаемъ учениками, видно изъ того, что его называли однимъ именемъ „Великій“⁵⁾; въ этомъ словѣ было сказано все, и его было вполне достаточно, чтобы знали, о комъ идетъ рѣчь. Его посѣщеній монахи ожидали съ нетерпѣніемъ и всегда были несказанно рады имъ. По свидѣтельству Кронія, Антоній посѣщалъ

¹⁾ Antonii Epist. II. Migne XL, ser. gr. p 981.

²⁾ Гора Нитрійская была собственно пустыней (Лавсаикъ, § 7); на востокъ она граничила съ Ливією, а на югѣ простиралась до озера Мареотскаго. Иеронимъ называетъ ее градомъ Божиимъ (Epist 27).

³⁾ Vita Ant. § 60.

⁴⁾ Достоп. сказ., стр. 142. Лавсаикъ, § 19.

⁵⁾ Лавсаикъ, § 23.

монастыри не всегда въ опредѣленное время: „иногда черезъ 10 дней, иногда черезъ 20, иногда черезъ 5, какъ Богъ положитъ ему на сердце“¹⁾. Приходя въ монастырь Писперъ, гдѣ жилъ ученикъ его Макарій, Антоній обыкновенно призывалъ его и спрашивалъ: „братъ Макарій, не пришли ли сюда какіе братья?“ Такъ какъ почти всегда былъ кто-нибудь, желавшій видѣть Антонія, то Макарій обыкновенно отвѣчалъ: „пришли“. Тогда Антоній спрашивалъ: „египтяне пришли или іерусалимляне?“. Было же условлено заранѣе, чтобы людей не совсѣмъ усердныхъ называть египтянами, а благочестивыхъ — іерусалимлянами. „Если Макарій говорилъ, что пришли египтяне, то Великій, говоритъ Кроній, приказывалъ ему изготовить для нихъ сочиво и накормить ихъ. Потомъ, сотворивъ о нихъ одну молитву, отпускалъ ихъ. А когда Макарій говорилъ: іерусалимляне, святой проводилъ съ ними всю ночь въ бесѣдѣ о спасеніи души“²⁾.

Уединяясь въ свою внутреннюю гору, Антоній предавался тамъ подвигамъ и благочестивымъ размышленіямъ. Умъ его настолько былъ уже просвѣтленъ почивавшею на немъ благодатію, что въ случаѣ возникновенія различныхъ недоумѣній и сомнѣній онъ во время молитвы получалъ откровенія свыше о волновавшихъ его вопросахъ. Такъ, напримѣръ, его очень занималъ вопросъ о состояніи душъ послѣ смерти. По свидѣтельству Кронія, Антоній цѣлый годъ молился, чтобы ему было показано мѣсто праведныхъ и грѣшныхъ³⁾. И вотъ однажды онъ увидѣлъ огромнаго чернаго великана, безобразнаго и страшнаго, головою касающагося облаковъ, а руками достигающаго до неба; подъ нимъ было озеро, широкое, какъ море. Затѣмъ онъ увидѣлъ души человѣческія, которыя летали, какъ птицы; тѣ, которымъ удавалось перелетѣть черезъ голову и руки великана, были спасены и охранялись ангелами, а которыхъ великанъ ударялъ своими руками, тѣ падали въ озеро. Антонію было открыто, что перелетающіе черезъ голову

¹⁾ Тамъ же, стр. 82.

²⁾ Лавсаикъ, § 23.

³⁾ Тамъ же, § 24.

великана, — души праведныхъ, восходящія въ рай къ святымъ ангеламъ, а падающія въ озеро — души грѣшниковъ, ввергаемыхъ въ адъ за то, что увлеклись пожеланіями плоти, забывши о высшихъ обязанностяхъ человека¹⁾. Однажды, во время молитвы, Антоній былъ восхищенъ умомъ и увидѣлъ себя проходящимъ въ воздухѣ различныя мытарства, въ которыхъ требовали у него отчета о всемъ совершенномъ во время жизни на землѣ²⁾. — Бывали Антонію и пророческія видѣнія. Такъ, во время пребыванія на своей уединенной горѣ, онъ увидѣлъ душу Аммона, возносимую ангелами на небо³⁾, и сообщилъ по этому случаю братіи, что подвижникъ этотъ скончался; нитрійская же пустыня находилась на разстояніи тринадцати дней пути отъ горы, въ которой жилъ Антоній. Монахи, которымъ Антоній сообщилъ о смерти подвижника, замѣтили этотъ день. Когда же черезъ тридцать дней пришли нитрійскіе монахи и сообщили о смерти Аммона, то оказалось, что умеръ онъ въ тотъ день и часъ, когда Антоній видѣлъ возносимую ангелами его душу⁴⁾. Было Антонію также пророческое видѣніе о судьбѣ церкви христіанской. Это видѣніе такъ взволновало его, что онъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, началъ усердно молиться и плакать. На неотступныя просьбы окружавшихъ его сообщить о томъ, что ему было открыто, Антоній отвѣтилъ: „лучше, дѣти, умереть, пока не исполнилось видѣніе. Гнѣвъ постигнетъ церковь, будетъ она предана людямъ, которые подобны скотамъ безсловеснымъ. Ибо видѣлъ я трапезу храма Господня и кругомъ ея отовсюду стоящихъ муловъ (ῥινοβούρους — лошаковъ), которые бьютъ въ нее ногами; и слышалъ голосъ: оскверненъ будетъ жертвенникъ Мой“. „И черезъ два года, говоритъ Аѳанасій, открылось у насъ нынѣшнее нашествіе аріанъ“⁵⁾. Это видѣніе было, вѣроятно, въ 330

¹⁾ Vita Ant. § 66. Лавсаикъ, § 24, стр. 90; Архим. Палладій. — Новооткр. изреченія преп. Антонія Великаго, § 33

²⁾ Vita Ant. § 65.

³⁾ Ibid. § 60. Церк. Истор. Сократа, кн. IV. гл. 23; Лавсаикъ, § 7, стр. 23, § 8, стр. 28; Rufin. Histor. monach. c. XXX, Migne XXI, ser. lat. p. 455.

⁴⁾ Vita Ant., § 60.

⁵⁾ Ibid. § 82; Созоменъ Церк. Истор. кн. VI. гл. 5, стр. 386.

году, такъ какъ въ 332 году (т. е. два года спустя послѣ видѣнія Антонія) Аѳанасій долженъ былъ ѣхать въ Константинополь и оправдываться предъ императоромъ въ тѣхъ обвиненіяхъ, какія вносили на него аріане. Но Антоній утѣшилъ бывшихъ съ нимъ, сказавъ, что гоненіе аріанъ прекратится, и что „церковь вскорѣ воспріиметъ снова свое благолѣпіе и обычную ей свѣтозарность“¹⁾. Всѣ подобнаго рода видѣнія побуждали Антонія предаваться еще большимъ подвигамъ и болѣе усиленной молитвѣ о своемъ спасеніи. Окружающимъ онъ рассказывалъ о нихъ очень неохотно, только уступая настойчивымъ ихъ просьбамъ; но при этомъ просилъ, чтобы никто не удивлялся ему, а чтобы удивлялись Господу, Который далъ людямъ возможность познавать Его по мѣрѣ силъ нашихъ²⁾.

Въ своихъ отношеніяхъ къ братьямъ-монахамъ Антоній полагалъ въ основу христіанскую любовь. Тамъ, гдѣ другіе люди осуждали виновнаго, Антоній прощалъ, давая ему возможность исправиться и загладить свой грѣхъ. Однажды онъ принялъ къ себѣ согрѣшившаго брата и, поддержавъ его нѣсколько времени у себя, отправилъ обратно въ обитель. Но тамъ его не приняли; тогда Антоній вторично отправилъ его съ такими словами: „буря застигла корабль на морѣ; онъ потерялъ грузъ свой и съ трудомъ спасся; а вы хотите потопить и то, что спаслось у берега“³⁾. Основаніемъ для такого всепрощенія послужило для Антонія видѣніе, бывшее ему тогда, когда онъ хотѣлъ наказать дѣвицу, впавшую въ грѣхъ; изъ этого видѣнія Антоній понялъ, что Господь не отвергаетъ согрѣшившихъ, но искренно раскаявшихся⁴⁾.

Требую отъ своихъ учениковъ для достиженія царства небеснаго умерщвленія тѣла, преп. Антоній напоминалъ всегда о необходимости очищенія и совершенствованія духа. „Совлеки съ себя злобу и облекись въ простоту, говорилъ онъ; лиши себя глаза

¹⁾ Vita Ant. § 82.

²⁾ Ibid. § 62.

³⁾ Достоп. сказ. § 1. Подобный же случай былъ и тогда, когда одного брата оклеветали въ блудодѣяніи. — Достоп. сказ. § 29.

⁴⁾ Новооткр. изреченія преп. Антонія Вел. § 36.

злаго и облекись глазомъ простодушнымъ и сердцемъ милосерднымъ. Не питай ненависти ни къ одному человѣку; не ходи съ тѣмъ, который ниже тебя¹⁾, но съ тѣмъ, который выше тебя, и который совершаетъ подвиги. Не бойся приближенія къ людямъ; гнушайся всего того, что дѣлаетъ вредъ твоей душѣ; не забывай воли Божіей ради исполненія воли человѣческой, чтобы и Богъ былъ съ тобою²⁾. Требованіе такихъ суровыхъ подвиговъ должно было, повидимому, привести учениковъ Антонія въ уныніе, но на дѣлѣ выходило совершенно противоположное. Они видѣли высокій образецъ подвижничества въ своемъ любимомъ аввѣ и всѣми силами старались подражать этому образцу. Общая же любовь и уваженіе къ Антонію были настолько велики, что „каждый считалъ за великую для себя честь—видѣть его, слушать его рѣчи и повиноваться его велѣніямъ“³⁾. Преп. Антоній самъ понималъ, что чрезмѣрное напряженіе силъ братіи можетъ вредно отразиться на успѣхахъ ихъ подвижничества, и потому допускалъ иногда небольшія послабленія (*μῖαν συχάταβαλεῖν*). Когда одинъ охотникъ увидѣлъ, что Антоній шутилъ (*χαριεντιξόμενον*) съ братіями, и соблазнился, Антоній примѣромъ лука, который, будучи чрезмѣрно натянутъ, можетъ переломиться, доказалъ ему, что не нужно чрезмѣрно напрягать силы братіи, иначе онѣ скоро разстроятся (*προσρήσουσι*⁴⁾).

Въ бесѣдахъ съ братією и всѣми приходящими мірянами Антоній своею мягкостью и кротостью увлекалъ своихъ собесѣдниковъ и подчинялъ ихъ своему благотворному вліянію. Въ случаѣ какихъ-либо споровъ и разногласій онъ мудро, свойственными ему одному оборотами и умѣньемъ, укрощалъ возраставшее любопытствіе, бесѣда давалъ тонъ умѣренный, а собесѣдниковъ низводя на низшую степень горячности, положенія ихъ поставлялъ въ созвучіе⁵⁾. Особенно ярко выступаетъ преп. Антоній, какъ миро-

¹⁾ т. е. ниже по нравственнымъ качествамъ.

²⁾ Новооткр. изреченія преп. Антонія Вел. § 20.

³⁾ Созоменъ. Церк. Истор. кн. I, гл. 13.

⁴⁾ Достоп. сказ. § 13

⁵⁾ Созоменъ. Церк. Истор. кн. I, гл. 13.

творецъ, въ разсказѣ „о Евлогіѣ и увѣчномъ“, которыхъ онъ примирилъ, убѣдивши обоихъ жить въ мирѣ и любви, не различаясь другъ отъ друга¹⁾.

ГЛАВА III.

Догматическое ученіе преп. Антонія. Въ своихъ бесѣдахъ съ монахами, въ письмахъ, которыя писалъ имъ въ старости, и наставленіяхъ преп. Антоній является по преимуществу учителемъ нравственности и руководителемъ къ иноческой жизни. Но у него есть изложеніе и догматическихъ истинъ православной вѣры, о которыхъ онъ даетъ правильныя и ясныя понятія на основаніи хорошо знакомаго ему св. Писанія. Догматическихъ вопросовъ преп. Антоній касается настолько, насколько это было необходимо для нравственнаго назиданія его слушателей.

Преп. Антоній всегда говорилъ, что Богъ не оставляетъ Себя невѣдомымъ міру, но постоянно открывалъ Себя людямъ. „Богъ, говоритъ онъ, не въ одно какое-нибудь время открылъ Себя людямъ, но открываетъ Себя имъ во всякое время, и будетъ открывать до скончанія міра“²⁾. Здѣсь, конечно, говорится объ откровеніи какъ естественномъ, такъ и сверхъестественномъ. Естественное откровеніе находится, по словамъ Антонія, въ природѣ, и каждый желающій можетъ читать это откровеніе, какъ въ открытой книгѣ. На вопросъ тогдашнихъ мудрецовъ: „какъ ты живешь, отецъ, лишенный утѣшенія отъ книгъ?“ Антоній отвѣтилъ: „моя книга есть природа вещей, и она всегда готова, какъ скоро мнѣ захочется читать слово Божіе“³⁾. Но кромѣ этого чтенія открытой книги природы преп. Антоній считалъ необходимымъ для наученія и писанное слово Божіе⁴⁾. Чтобы получить истинное познаніе о Богѣ,

¹⁾ Лавсаикъ, § 23.

²⁾ Epist. II, p. 1004.

³⁾ Сократъ. Церк. Ист. кн. IV, гл. 23.

⁴⁾ Vita Ant. § 16.

Антоній считалъ необходимымъ для человѣка очищеніе отъ грѣхотъ; по его словамъ только люди совершенные могутъ видѣть Бога духовными очами¹⁾ и Сынъ Божій открываетъ объ Отцѣ не сынамъ тьмы, а только сынамъ свѣта²⁾. Поэтому всякій человѣкъ, освободившійся отъ страстей, увидитъ Господа очами вѣры³⁾. При царствѣ же грѣха въ тѣлѣ человѣка онъ не можетъ видѣть Господа⁴⁾. „Мы, говоритъ Антоній, вѣруемъ въ Бога, изъ твореній познавая Его о всемъ промысленіе“⁵⁾.

Преп. Антоній ясно и опредѣленно говоритъ о Богѣ, единомъ по существу и триничномъ въ лицахъ. Исповѣданіе этого догмата онъ повторяетъ неоднократно, возсылая въ своихъ письмахъ славу Богу Отцу, Сыну и Святому Духу. Такія славословія св. Троицѣ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ концѣ писемъ: 1-го, 4-го, 7-го, 18-го, 19-го и 20-го⁶⁾. Этого Тріединого Бога преп. Антоній называетъ всемогущимъ Творцомъ всѣхъ тварей, милосерднымъ, безконечно благимъ, особенно же въ отношеніи къ людямъ (человѣколюбивымъ⁷⁾), такъ какъ „Богъ всегда, отъ начала міра до нынѣ, употреблялъ попеченіе о спасеніи человѣка, и будетъ пещись до скончанія міра“⁸⁾. Безконечно великія совершенства Божіи дѣлаютъ Бога настолько блаженнымъ, что ни наши добродѣтели не могутъ увеличить этого блаженства Бога, ни грѣхи сколько-нибудь уменьшить его⁹⁾.

Побужденіемъ къ творенію міра была, по Антонію, безконечная благодать Божія. Богъ произвелъ всѣхъ тварей изъ ничего¹⁰⁾. „Не только мы, говоритъ Антоній, но и всѣ свѣтлыя умныя, святые небесныя силы сотворены для того, чтобы прославлять Бога-

¹⁾ Epist. XVII. p. 1042 A.

²⁾ Ibid. p. 1041.

³⁾ Epist. XVII, p. 1040 Д.

⁴⁾ Ibid. p. 1041.

⁵⁾ Vita Ant. § 78.

⁶⁾ Migne, t. XL, ser. gr. p.p. 1003, 1009, 1021, 1051, 1055, 1066.

⁷⁾ Vita Ant. § 74; Epist. II, p. 1004; Epist. I, p. 1001.

⁸⁾ Epist. III, p. 1006.

⁹⁾ Epist. VI. p. 1013.

¹⁰⁾ Epist. VI, p. 1014 A.

Творца ихъ“. Далѣе называются ангелы, архангелы, престолы и господства, славословящіе Бога, а затѣмъ злые духи (сатана, діаволы, князи воздушные), которые сдѣлались врагами Божіими и лишились небесной славы. Но какъ тѣ, такъ и другіе, говоритъ Антоній, суть твореніе Пресвятой Троицы—Отца, Сына и Св. Духа¹⁾. Относительно происхожденія человѣка преп. Антоній ясно высказываетъ христіанское богооткровенное ученіе о томъ, что всѣ мы „произошли отъ одного и того же Адама, и сотворены однимъ и тѣмъ же Виновникомъ всѣхъ тварей“²⁾. Все существующее Богъ сотворилъ Словомъ Своимъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ евангелистъ Іоаннъ Богословъ (Іоан. 1, 3³⁾).

Догматическое ученіе православной церкви о Божествѣ Единороднаго Сына Божія было предметомъ особеннаго вниманія преп. Антонія. И вниманіе это усугублялось вслѣдствіе появленія ереси Арія, низводившаго Сына Божія на степень творенія. Какъ личный другъ Аѳанасія александрійскаго, главнаго обличителя ереси Арія, преп. Антоній возстаетъ противъ Арія, который „дерзнулъ измѣнить и превратить таинство вѣчнаго рожденія Единороднаго Сына Божія“⁴⁾. „Сынъ Божій, говорилъ преп. Антоній, не тварь и не изъ не-сущихъ, но есть вѣчное Слово и Премудрость Отчей сущности. А посему нечестиво говорить о Сынѣ: было, когда Его не было. Ибо Слово всегда соприсуще Отцу⁵⁾. Сынъ Божій есть „истинное подобіе и неизмѣняемый образъ Отца“⁶⁾.

О третьемъ Лицѣ св. Троицы преп. Антоній говоритъ, какъ о Богѣ, Которому подобаешь поклоненіе, равное со Отцемъ и Сыномъ, и указываетъ всегда на преимущественную дѣятельность Духа Святаго, заключающуюся въ освященіи истинно вѣрующихъ. Его преп.

¹⁾ Eptst. V, p. 1011.

²⁾ Epist. VI, p. 1014.

³⁾ Epist. XVII, p. 1045.

⁴⁾ Epist. IV. p. 1009.

⁵⁾ Vita Ant. § 69.

⁶⁾ Epist. VII, p. 1016.

Антоній называетъ „Духомъ Господа нашего Иисуса Христа“ и „Духомъ Утѣшителемъ“¹⁾.

Преп. Антоній говоритъ о первобытномъ совершенствѣ чело-
вѣческой природы, какою она вышла изъ рукъ Творца, затѣмъ
часто упоминаетъ о грѣхопаденіи и его гибельныхъ послѣдствіяхъ
для всего челоуѣчества. Изображая же безпомощное состояніе ветхо-
завѣтнаго челоуѣка, онъ рисуетъ тѣ пути Промысла Божія, кото-
рыми Господу угодно было вести родъ челоуѣческій ко спасенію,
совершенному на крестѣ смертію Сына Божія. Первобытная при-
рода челоуѣка была совершенна и чужда тѣхъ страстей и поро-
ковъ, которые проявляются въ ней теперь. „Душа наша, говоритъ
Антоній, сотворена доброю и совершенно правою“. „А душѣ быть
правою значить—разумной ея силѣ быть въ такомъ согласіи съ
естествомъ, въ какомъ она создана. Если, говоритъ онъ далѣе,
пребываемъ, какими созданы, то мы добродѣтельны“²⁾. Эту есте-
ственную добродѣтель первый челоуѣкъ потерялъ вслѣдствіе гор-
дости. „Гордость, говоритъ Антоній, первая породила грѣхъ. Она
низвергла діавола съ неба и изгнала Адама изъ рая“³⁾. Преп.
Антоній передаетъ библейскій рассказъ о грѣхопаденіи Адама и
Евы, которые съ высоты славы и блаженства впади въ безславіе
и бѣдственное состояніе⁴⁾, или, какъ выражается Антоній въ дру-
гомъ мѣстѣ, „духовная наша природа съ высоты славы и достоин-
ства своего ниспала въ бездну безславія и униженія“⁵⁾. Послѣ
грѣхопаденія первыхъ людей всѣ стали грѣшными; „рождаясь въ
тѣлѣ, говоритъ Антоній, мы уже бываемъ жилищемъ грѣха“⁶⁾.
Послѣ грѣхопаденія всѣ души начали переселяться въ адъ, какъ
говоритъ и Апостолъ Павелъ: „о Адамѣ вси умираютъ“ (1 Кор.
15, 22⁷⁾), ибо душа каждого челоуѣка „не могла уже восстано-

¹⁾ Epist. V, p. 1010; VI, p. 1014; VII, p. 1019.

²⁾ Vita Ant. § 20; Сравни. Epist. I, p. 1001; II, p. 1004; VII, p. 1019.

³⁾ Epist. VI, p. 1015.

⁴⁾ Epist. XX, p. 1063; XVIII, p. 1047.

⁵⁾ Epist. VI, p. 1011.

⁶⁾ Epist. VII, p. 1016.

⁷⁾ Epist. XVIII, p. 1047.

вить себя въ первобытное состояніе, но уподобилась безсловеснымъ
животнымъ, и болѣе стала служить тварямъ, нежели Творцу“¹⁾.

„Богъ по безконечной благодати Своей, желая подкрѣпить нашу
слабость, избралъ намъ законодателемъ Моисея; посредствомъ его
открылъ намъ законъ Свой и, такимъ образомъ, положилъ осно-
ваніе дому Своему—Церкви избранныхъ, ибо Богъ восхотѣлъ воз-
становить родъ челоуѣческій въ первобытное его состояніе“²⁾. Но
имѣя божественный законъ, люди все же не могли очистить себя
отъ первороднаго грѣха, ибо были безсильны. Ясно стало всѣмъ,
что „никакое сотворенное существо не можетъ исцѣлить сильную и
закоренѣлую болѣзнь рода челоуѣческаго, но что можетъ сдѣлать
это только благодать Единороднаго Сына Божія“. „Посему—то,
говоритъ далѣе Антоній, Богъ Отецъ, наконецъ, послалъ Сына
Своего въ міръ для спасенія міра: ибо только Онъ могъ заживить
глубокія раны челоуѣческаго сердца. Сынъ Божій принесъ Себя
въ жертву за насъ и симъ жертвоприношеніемъ исцѣлилъ насъ
отъ душевныхъ болѣзней, силою слова Своего собралъ насъ отъ
всѣхъ концовъ земли и соединилъ въ Себѣ, открылъ душамъ на-
шимъ средство къ духовному воскресенію отъ грѣховной смерти и
показалъ намъ, что мы члены одного таинственного тѣла, кото-
раго глава есть Онъ Самъ“³⁾. Поэтому теперь мы можемъ спа-
саться только чрезъ Иисуса Христа, ибо, по Апостолу, „якоже
о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ“
(1 Кор. 15, 22⁴⁾).

О воплощеніи Сына Божія для спасенія людей преп. Анто-
ній говоритъ въ своихъ письмахъ къ монахамъ очень часто, желая
запечатлѣть въ ихъ памяти образъ пострадавшаго за нихъ Хри-
ста Спасителя и возбудить въ нихъ живое желаніе спострадать
Христу и при помощи благодати Божіей усвоить себѣ искупитель-
ныя заслуги крестныхъ страданій нашего Господа за родъ чело-

¹⁾ Epist. II, p. 1004; III, p. 1006 С.

²⁾ Epist. II, p. 1004

³⁾ Epist. III, p. 1007; II, p. 1005.

⁴⁾ Epist. VII, p. 1016.

вѣческій. Преп. Антоній проситъ своихъ возлюбленныхъ чадъ часто размышлять объ этомъ великомъ благодѣяніи Божіемъ къ намъ, т. е. о томъ, что Богъ Слово сошелъ на землю и во всемъ уподобился намъ, кромѣ грѣха¹⁾. По глубокому смиренію Своему Иисусъ Христосъ облекъ Божество Свое въ человѣчество и принялъ образъ человѣка, между тѣмъ какъ Онъ былъ не только человѣкъ, но и воплотившійся Богъ²⁾. „Господь нашъ принялъ образъ раба, исполнилъ всѣ спасительныя для насъ намѣренія Свой и, наконецъ, претерпѣлъ крестную смерть“³⁾. Доказывая невѣрующимъ языческимъ мудрецамъ тайну воплощенія Сына Божія, преп. Антоній говоритъ: „Слово Божіе не измѣнилось и, пребывая однимъ и тѣмъ же, къ облагодѣтельствуванію человѣковъ и для спасенія ихъ, воспріяло на Себя человѣческое тѣло, чтобы, пріобщившись къ бытію человѣческому, содѣлать людей причастниками Божественнаго и духовнаго естества“⁴⁾. „Прочтите, говоритъ онъ, наши Писанія, и увидите: дѣла, совершенныя Христомъ, доказываютъ, что Онъ Богъ, пришедшій для спасенія человѣковъ“⁵⁾. Богъ сошелъ къ намъ на землю не ради нашего смиренія, а единственно по великой Своей благодати и непостижимой любви Его къ намъ⁶⁾. Богъ Слово, говоритъ Антоній, умилосердившись надъ нами, непостижимымъ образомъ воплотился между нами, исполнилъ все дѣло спасенія нашего, сошелъ въ адъ, плѣнилъ его и вывелъ оттуда всѣ души, которыя тамъ содержались“⁷⁾. „Смерть и воскресеніе Его положили основаніе нашему воскресенію и уничтожили власть смерти, т. е. діавола; и мы, удаляясь отъ грѣха и подражая смиренію Господа, можемъ сдѣлаться истинными учениками Его“⁸⁾. Мы должны, по Антонію, непрестанно обновляться, чтобы быть достой-

¹⁾ Epist. II, p. 1004 Д—1005 А.

²⁾ Epist. XVIII, p. 1039 Д.

³⁾ Epist. VII, p. 1017.

⁴⁾ Vita Ant. § 74.

⁵⁾ Ibid. § 75; Справ. § 78.

⁶⁾ Epist. VII, p. 1016.

⁷⁾ Epist. XVIII, p. 1047.

⁸⁾ Epist. VII, p. 1017.

ными посвященія Господа нашего Иисуса Христа, Который по Своему милосердію къ намъ освободилъ насъ отъ рабства; особенно же необходимо нравственное совершенствованіе и стремленіе ко Христу потому, что пришествіе Христа во плоти на землю для невѣрующихъ явилось соблазномъ, повлекшимъ за собою ихъ осужденіе, а для вѣрующихъ обратилось въ пользу, премудрость, укрѣпленіе, воскресеніе и жизнь¹⁾. Совершившій наше спасеніе Единородный Сынъ Божій называется у преп. Антонія „Икупителемъ“²⁾ и „истиннымъ Первосвященникомъ“, принесшимъ себя въ жертву за грѣхи всѣхъ людей. „Сей вѣчный Сынъ Божій, говоритъ преп. Антоній, есть истинный Первосвященникъ, истинный врачъ, Который можетъ исцѣлить всѣ наши болѣзни. Онъ облекся въ наше тѣло, и за грѣхи предалъ Себя въ жертву Богу. Наша немощь была причиною того, что Онъ принялъ на Себя образъ немощи; наша нищета побудила Его облечься въ образъ нищеты; наша мертвенность подвергла Его позорной смерти. Онъ претерпѣлъ за насъ жестокия мученія и Его смерть оживила насъ“³⁾. Изъ чадъ гнѣва мы сдѣлались чадами Божіими и наслѣдниками Иисуса Христа⁴⁾.

Въ живительной силѣ крестныхъ страданій Господа нашего Иисуса Христа человѣкъ, по Антонію, укрѣпляется для нравственной дѣятельности, даромъ получая отъ Бога благодать Св. Духа, поддерживающую и руководящую его на пути ко спасенію. „Кто, говоритъ Антоній, ищетъ Господа всѣмъ сердцемъ своимъ, и ищетъ такъ, какъ Онъ Самъ научаетъ въ словѣ Своемъ, тому даетъ Онъ благодать Духа Своего Святаго“⁵⁾. Дѣйствія Св. Духа на человѣка проявляются, по Антонію, въ облагодѣтствованіи человѣка. Благодать какъ бы стучится въ двери сердца каждого человѣка. „Если кто отворяетъ двери сердца своего божественной благодати,

¹⁾ Ibid.

²⁾ Epist. I, p. 1001.

³⁾ Epist. VI, p. 1011.

⁴⁾ Epist. II, p. 1005; III, 1007.

⁵⁾ Ibid. 1004.

вмѣстѣ съ нею принимаетъ залогъ будущихъ благъ¹⁾. Для человека, посвятившаго себя на служеніе Богу, Духъ Святый вначалѣ обыкновенно дѣлаетъ легкими всѣ духовные подвиги, чтобы раскаяніе во грѣхахъ не было для него трудно и непріятно. Духъ Святый постепенно истребляетъ въ человѣкѣ природное его попрежденіе, чтобы возвратить его въ первобытное состояніе²⁾. Духъ Святый является защитой, помощью и укрѣпленіемъ подвижающагося³⁾, которому Онъ ниспосылаетъ Свою помощь по мѣрѣ его ревности къ благочестію⁴⁾. „Онъ показываетъ ему истинный путь къ благочестію, болѣе и болѣе усиливаетъ въ немъ духъ покаянія, укрѣпляетъ его въ добродѣтеляхъ, научаетъ обуздывать свое тѣло и очищать свое сердце, и, такимъ образомъ, содѣлываетъ его наслѣдникомъ жизни вѣчной“⁵⁾.

Милосердый Богъ всѣмъ ищущимъ и просящимъ подаетъ благодать Свою даже безъ всякихъ заслугъ съ ихъ стороны⁶⁾. Эта благодать, дѣйствуя въ людяхъ, показываетъ имъ путь къ вѣчному блаженству⁷⁾. Но для того, чтобы она осталась всегда дѣйственной въ человѣкѣ, и чтобы Духъ Святый вселился въ вѣрующаго и обиталъ въ немъ, необходимо духовное бодрствованіе и очищеніе себя отъ грѣховъ, ибо Духъ Святый вселяется только въ сердца чистыя⁸⁾ и смиренныя, никогда не обитая въ душахъ гордыхъ⁹⁾.

Такимъ образомъ у преп. Антонія среди нравственныхъ наставленій монахамъ предлагается въ довольно пространнхъ его бесѣдахъ догматическое ученіе о Богѣ, какъ Творцѣ всего видимаго и невидимаго, о Богѣ, Искупителѣ падшаго человечества и о Богѣ, Освятителѣ людей, искупленныхъ кровію Сына Божія.

¹⁾ Epist. I, p. 1000 C.

²⁾ Ibid. p. 1001.

³⁾ Ibid. p. 1003.

⁴⁾ Ibid. p. 1002.

⁵⁾ Epist. I, p. 1001.

⁶⁾ V, p. 1009 C; VI, p. 1014 B.

⁷⁾ VI, p. 1011.

⁸⁾ VIII, p. 1021 B.

⁹⁾ XIX, p. 1051.

Изъ этихъ догматическихъ воззрѣній Антоній и извлекаетъ нравственные уроки для своихъ учениковъ-монаховъ.

Изъ устъ преп. Антонія мы слышимъ и догматическое ученіе о Церкви, излагаемое въ томъ же духѣ, въ какомъ предложилъ намъ его Ап. Павелъ. Преп. Антоній говоритъ о ветхозавѣтномъ народѣ Божіемъ, изъ котораго Господь составилъ „Церковь избранныхъ“ или „домъ Божій“. Строителями ветхозавѣтной Церкви Божіей онъ называетъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, которые объединяли людей въ служеніи Богу и приготавливали ихъ къ пришествію Единороднаго Сына Божія, избавителя человѣческаго рода¹⁾.

На Церковь новозавѣтную преп. Антоній смотритъ, какъ на тѣло, въ которомъ всѣ члены въ гармоничномъ сочетаніи своей дѣятельности служатъ общей цѣли организма — его здоровью и возрастанію. Такою общею цѣлью Церкви Христовой является, по Антонію, нравственное совершенство ея членовъ и единодушное служеніе Богу. „Если, говоритъ Антоній, и многіе люди соединяются для служенія Богу, они должны имѣть одинъ духъ и одно сердце“²⁾. Такъ какъ Іисусъ Христосъ есть глава тѣла Церкви, какъ говоритъ Ап. Павелъ (Колос. 1, 18), то всѣ мы порознь члены, и всѣ вмѣстѣ составляемъ одно тѣло въ Іисусѣ Христѣ... „Посему мы, какъ члены одного тѣла, должны любить другъ друга“³⁾.

Единеніе и общеніе всѣхъ членовъ церкви небесной и земной выражается, по Антонію, въ молитвахъ вѣры и любви. При этомъ онъ особенное значеніе придаетъ молитвамъ отцовъ и руководителей о новоначальныхъ, не вполне еще утвердившихся въ подвигѣ⁴⁾. Вообще всѣ люди, облеченные „Духомъ Божіимъ“, не престанно молятся о людяхъ ко Господу, чтобы они соединились съ Нимъ и получили наслѣдіе жизни вѣчной⁵⁾. Святые, благоугодившіе Богу во время своей земной жизни, „на небѣ принимаютъ,

¹⁾ Epist. II, p. 1004.

²⁾ Epist. III, p. 1006.

³⁾ VI, p. 1061.

⁴⁾ XX, p. 1061.

⁵⁾ VII, p. 1019.

по словамъ Антонія, великое участіе въ насъ. Они непрестанно возсылаютъ молитвы къ Богу, чтобы Онъ укрѣпилъ насъ въ подвигахъ¹⁾. „Я знаю, говоритъ Антоній, что святые на небѣ печалятся, когда видятъ нашу лѣнь и безпечность въ дѣлахъ благочестія. Они со слезами возсылаютъ молитвы къ Творцу о спасеніи нашемъ, и Онъ, внявъ слезнымъ молитвамъ ихъ, охраняетъ насъ отъ искушеній злыхъ духовъ. Когда же святые видятъ, что мы постоянно соблюдаемъ заповѣди Божіи и возрастаемъ въ духовной жизни, то въ радости возсылаютъ о насъ благодареніе Богу, и Богъ милостиво взираетъ на наши добрыя дѣла, и даетъ намъ благодатные дары Свои“²⁾.

Изъ числа всѣхъ таинствъ преп. Антоній упоминаетъ только о крещеніи. Онъ говоритъ, что Іоаннъ крестилъ водою и его крещеніе было приготовленіемъ къ крещенію Господа, а Іисусъ Христосъ креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ, т. е. огнемъ добрыхъ дѣлъ. При этомъ, по толкованію Антонія, слова „Духомъ Святымъ“ означаютъ, что крещаемый получаетъ въ таинствѣ крещенія Духа Утѣшителя, который производитъ въ сердцѣ его раскаяніе во грѣхахъ и даетъ ему право на вѣчное наслѣдіе; слово же „и огнемъ“ означаетъ, что при крещеніи въ вѣрующаго вливается божественный огонь, возгрѣвая который человекъ будетъ дѣлать добрыя дѣла, очищающія его грѣховную природу и возвращающія ее въ первобытное состояніе³⁾.

Эсхатологическое ученіе православной церкви о послѣднихъ судьбахъ міра и человека и о загробномъ существованіи душъ послѣ смерти неоднократно предлагалось монахамъ изъ устъ преп. Антонія. Воспоминаніе о смерти и будущемъ мздовоздаяніи должно было, по мысли Антонія, удерживать иноковъ отъ грѣховъ и еще болѣе возбуждать въ нихъ ревность къ подвигу. „Живите, какъ бы ежедневно умирая“⁴⁾, вотъ его предсмертное завѣщаніе ученикамъ.

¹⁾ Epist. VI, p. 1011.

²⁾ V, p. 1010.

³⁾ Epist. VII, p. 1018 Д—1019 А.

⁴⁾ Vita Ant. § 91. Справ. § 19.

Убѣждая иноковъ быть всегда готовыми дать отвѣтъ обо всемъ содѣянномъ во время земной жизни, преп. Антоній говоритъ имъ: „Дѣти мои! изъ васъ никто не долженъ сомнѣваться, что въ день послѣдняго пришествія Господа нашего Іисуса Христа будетъ произведенъ судъ надъ всѣми людьми. Первое пришествіе Господа нашего предвозвѣстило намъ судъ послѣдняго пришествія, если мы не будемъ исполнять заповѣдей Господнихъ“¹⁾. Поэтому иноки должны „трудиться и упражняться въ подвигахъ благочестія, чтобы получить благословеніе отъ Господа въ день суда Его“²⁾. Преп. Антоній часто напоминаетъ ученикамъ своимъ о страшномъ судѣ³⁾, говоритъ, что ангелы возрадуются о праведникахъ въ день втораго пришествія Господа Іисуса Христа⁴⁾, и что такимъ праведникамъ будутъ приготовлены сѣдалища, на которыя они сядутъ, чтобы въ послѣдній день суда судить людей своего времени, потому что, замѣчаетъ Антоній, „совершенные будутъ судить міръ“⁵⁾. Тѣла людей предстанутъ на судъ предъ Спасителемъ нетлѣнными⁶⁾. Преп. Антоній различаетъ двоякое мздовоздаяніе: первое, предначинательное, тотчасъ послѣ смерти, второе, окончательное, послѣ послѣдняго приговора на страшномъ судѣ. Грѣшники, по словамъ Антонія, „будутъ отведены въ темное мѣсто, чтобы быть тамъ подъ стражею до страшнаго дня послѣдняго суда“⁷⁾, а праведныхъ по смерти ихъ „святые примутъ въ вѣчныя кровы, какъ друзей и знакомыхъ“⁸⁾. На страшномъ судѣ будетъ произнесенъ окончательный приговоръ праведникамъ и грѣшникамъ. Грѣшники, по словамъ Антонія, „отданы будутъ немилосерднымъ мучителямъ и темничнымъ стражамъ, которые всегда должны имѣть наблюденіе за огнемъ неугасающимъ и за червями, никогда не умирающими, за вѣшней

¹⁾ Epist. VII, p. 1019.

²⁾ Ep. XX, p. 1066.

³⁾ Ep. II, p. 1005; III, p. 1006; XVIII, p. 1047 и далѣе.

⁴⁾ Ep. V, p. 1010.

⁵⁾ Epist. XIII, p. 1028.

⁶⁾ Vita Ant. § 91.

⁷⁾ Epist. XX, p. 1060.

⁸⁾ Vita Ant. § 91.

тьмою и за тѣми мѣстами, въ которыхъ находится ужасный холодъ. Люди, отданные этимъ жестокииъ мучителямъ, будутъ отведены въ мѣста самыя удаленныя отъ Бога. Тамъ они будутъ терпѣть мученія, будутъ плакать, стенать, кричать, но никто не услышитъ ихъ и никто не будетъ имѣть состраданія къ нимъ¹⁾; такія мученія грѣшниковъ будутъ безконечны²⁾. Мѣсто мученія грѣшниковъ — адъ преп. Антоній опредѣляетъ, какъ „область мрака, въ которой нѣтъ никакого свѣта и красоты“³⁾.

Праведные же люди, шедшіе узкими вратами въ царство небесное, послѣ страшнаго суда получаютъ отъ Бога награду за свою добрую жизнь на землѣ⁴⁾. Эта награда будетъ заключаться, по словамъ Антонія, въ томъ, что они получаютъ наслѣдіе на небесахъ и воцарятся во вѣки вѣковъ⁵⁾. Описывая блаженное жилище праведниковъ, преп. Антоній говоритъ, что это — мѣсто, „гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни горести, ни зла, но гдѣ находится радость, веселіе, слава, вѣнцы, чистые плоды, соборъ святыхъ, вѣчное наслѣдіе, и прочія блага, которыхъ не видалъ глазъ, не слыхало ухо, и которыя не приходили на сердце человѣку“ (1 Кор. 2, 9⁶⁾).

Отношеніе преп. Антонія къ клирикамъ и мірянамъ. Любовь и смиреніе были постоянными спутниками преп. Антонія въ его отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ вообще, лица же духовныя, какъ облеченныя благодатію священства, были предметомъ особеннаго вниманія и расположенія преподобнаго. Объ этомъ мы имѣемъ ясное свидѣтельство писателя житія Антонія Аѳанасія Великаго, и это свидѣтельство тѣмъ болѣе для насъ важно, что оно является голосомъ великаго предстоятеля церкви александрійской. „Антоній былъ терпѣливаго нрава, говоритъ о немъ св. Аѳанасій, и имѣлъ смиренномудрое сердце. При всей духовной высотѣ

¹⁾ Epist. XX, p. 1060

²⁾ Ibid. p. 1061.

³⁾ Ep. XIX, p. 1053

⁴⁾ XX, p. 1059, 1061.

⁵⁾ Vita Ant. § 16.

⁶⁾ Epist. XV, p. 1031.

своей чрезвычайно уважалъ церковное правило, и всякому церковнослужителю готовъ былъ отдавать предъ собою предпочтеніе. Не стыдился преклонять главу предъ епископами и пресвитерами. Если когда приходилъ къ нему какой діаконъ ради пользы своей, — онъ предлагалъ ему слово на пользу, но совершеніе молитвъ предоставлялъ діакону, не стыдясъ учиться и самъ¹⁾. Св. Антоній былъ въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ съ предстоятелемъ александрійской церкви, епископомъ (съ 326 г.) Аѳанасіемъ. Послѣдній былъ его ученикомъ, много разъ видѣлъ его, возливалъ воду на его руки²⁾ и пользовался его вліяніемъ для уничтоженія аrianства и возстановленія православія. Антоній въ свою очередь уважалъ своего ученика, какъ епископа и ревностнаго поборника вселенскаго православія; онъ называетъ его свѣтлымъ столпомъ, оплотомъ и утвержденіемъ вѣры апостольской, вмѣстилищемъ Духа Святаго, вселенскимъ учителемъ и другими почетными именами³⁾. Слава Аѳанасія, основанная на его собственныхъ добродѣтеляхъ, возрасла еще болѣе благодаря свидѣтельству о немъ Антонія Великаго. „Ибо, говоритъ Созоменъ, когда Аѳанасій приглашалъ его, онъ повиновался, вмѣстѣ съ нимъ посѣщалъ города, обходилъ церкви, и его ученіе о Богѣ подтверждалъ собственнымъ мнѣніемъ, во всемъ былъ его другомъ и отвращался отъ его враговъ и ненавистниковъ“⁴⁾. Особенно единомысліе Антонія съ Аѳанасіемъ проявилось въ вопросѣ объ отношеніи къ аrianамъ, стремившимся во что бы то ни стало удалить Аѳанасія съ епископской кathedры. Вполнѣ раздѣляя православныя воззрѣнія Аѳанасія, преп. Антоній не имѣлъ никакого братскаго общенія съ аrianами и египетскими мелетіанами⁵⁾, манихеями и другими врагами православія; если же вступалъ съ ними въ бесѣды, то только для ихъ еразумленія и

¹⁾ Vita Anton. § 67.

²⁾ In Vitam Anton. Prooemium.

³⁾ Новооткр. изреч. преп. Антонія Вел. § 49.

⁴⁾ Церк. Истор. кн. II, гл. 17, стр. 119.

⁵⁾ Эти мелетіане не признавали власти александрійскаго епископа и усердно поддерживали аrianъ въ ложныхъ обвиненіяхъ противъ Аѳанасія.

наставленія на путь истины¹⁾. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Никейскаго вселенскаго собора аріанскіе епископы вступили въ упорную борьбу съ православіемъ, то всѣ силы ихъ были направлены противъ Аѳанасія. Послѣ многихъ ложныхъ обвиненій и доносовъ Аѳанасій былъ осужденъ на соборѣ въ Тирѣ (въ 335 г.²⁾), и въ 336 году отправленъ въ Триверъ или Триръ, находившійся на западѣ Галліи³⁾. Въ такихъ горестныхъ для александрійской церкви обстоятельствахъ Антоній нѣсколько разъ писалъ императору Константину, умоляя его не вѣрить ложнымъ обвиненіямъ мелетіанъ и возвратитъ неповиннаго епископа изъ ссылки. Хотя императоръ и не возвращалъ Аѳанасія, ссылаясь въ своемъ отвѣтѣ на то, что не можетъ нарушить рѣшеніе собора⁴⁾, однако народъ александрійскій, находя нравственную поддержку въ Антоніѣ, твердо стоялъ въ православіи и продолжалъ считать Аѳанасія своимъ законнымъ епископомъ, въ свою очередь направляя къ императору просьбы о его возвращеніи⁵⁾. — Точно также въ защиту православныхъ, терпѣвшихъ притѣсненія отъ аріанъ (а болѣе всего аріане преслѣдовали, конечно, лицъ духовныхъ), писалъ Антоній и къ одному военачальнику Валакію, покровительствовавшему аріанамъ. Валакій оплевалъ письмо, бросилъ его на землю и оскорбилъ подателей его, но черезъ пять дней его постигла смерть по предсказанію Антонія⁶⁾. Когда однажды аріане, желая привлечь православныхъ на свою сторону, распустили ложный слухъ, будто Антоній одинаковаго съ ними образа мыслей, послѣдній *по просьбѣ епископовъ* и братіи лично явился въ Александрію, чтобы опровергнуть ложные слухи. Появленіе въ Александріи убѣленнаго сѣдинами старца, слава о которомъ гремѣла по всему Египту и за предѣлами его, произвело глубокое впечатлѣніе не только на православныхъ и аріанъ, но и на язычниковъ. Твердое и убѣжден-

¹⁾ Vita Ant. § 68.

²⁾ Созоменъ. Церк. Истор. кн. II, гл. 25.

³⁾ Тамъ же, гл. 28.

⁴⁾ Тамъ же, гл. 31.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Vita Ant. § 86.

ное слово великаго подвижника, излагавшаго православное ученіе о Сынѣ Божіемъ, глубоко западало въ души слушателей. Всѣ жители радовались посрамленію аріанъ и сбѣгались, чтобы увидѣть Антонія и услышать его наставленія. Даже язычники и ихъ жрецы приходили, чтобы увидѣть „человѣка Божія“, какъ они, подобно всѣмъ, называли Антонія. Вліяніе Антонія на народъ было такъ велико, что за немногіе дни пребыванія его въ Александріи обратилось въ христіанство болѣе, чѣмъ въ иное время обращалось въ продолженіе цѣлаго года¹⁾. — Всѣ эти и подобные имъ факты съ несомнѣнностью показываютъ, что преп. Антоній всегда поддерживалъ добрыя отношенія съ представителями всего церковнаго клира, и, гдѣ этого требовали обстоятельства, старался возвысить въ глазахъ народа авторитетъ духовныхъ лицъ. Въ потребныхъ же случаяхъ самъ Антоній обращался къ епископамъ съ просьбою употребить свое авторитетное вліяніе на народъ, чтобы убѣдить его въ чемъ-либо. Съ такою просьбою онъ, напримѣръ, неоднократно обращался къ епископамъ, когда хотѣлъ искоренить среди народа обычай, по которому тѣла уважаемыхъ и дорогихъ покойниковъ не предавались землѣ, а бальзамировались и сохранялись въ домахъ²⁾.

Подобно епископу Аѳанасію былъ близокъ къ Антонію и пользовался его особымъ расположеніемъ епископъ Серапіонъ, который одно время даже жилъ возлѣ Антонія, пользуясь его дружбою и совѣтами, касающимися подвижнической жизни³⁾. — Свою любовь и уваженіе къ іерархическимъ лицамъ преп. Антоній выразилъ и передъ своею смертію, когда почти все свое скудное имущество, заключавшееся въ обветшалой одеждѣ⁴⁾, завѣщалъ епископамъ Аѳанасію и Серапіону, какъ самымъ близкимъ и любимымъ ли-

¹⁾ Vita Ant. § 69 — 70; Θεοδωρίτῃ. Церк. Истор. кн. IV, гл. 27, стр. 294. Спб. 1852.

²⁾ Vita Ant. § 90.

³⁾ Ibid. § 82.

⁴⁾ За исключеніемъ власяницы, которую онъ отдалъ двумъ ближайшимъ ученикамъ.

цамъ¹⁾. — Такое христіанское и полное должнаго уваженія отношеніе преп. Антонія къ клирикамъ всѣхъ степеней было самымъ лучшимъ примѣромъ для всѣхъ послѣдователей его подвижнической жизни. Естественно, поэтому, что съ первыхъ же страницъ своей исторіи монастыря, вѣрное завѣщаніе своего „отца“, всегда жило въ единеніи съ клиромъ, часто выдвигая изъ своей среды великихъ святителей, поборниковъ православія и свѣтильниковъ св. Церкви.)

Отношенія преп. Антонія къ мірянамъ были запечатлѣны духомъ евангельской любви и всепрощенія. На первыхъ порахъ Антоній удаляется отъ міра и людей, чтобы предаться богомыслию и нравственному совершенствованію. Сперва 15 лѣтъ въ гробницѣ вблизи селенія, а затѣмъ 20 лѣтъ въ глубинѣ пустыни онъ проводитъ въ уединеніи. Особенно строго было уединеніе послѣднихъ 20 лѣтъ, когда онъ даже на просьбы приходившихъ къ нему выйти и показаться отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ²⁾. Но происходило это вовсе не отъ недостатка любви къ ближнимъ, а отъ желанія подняться на такую нравственную высоту, при которой онъ могъ бы уже не бояться ни внутреннихъ искушеній, ни внѣшнихъ вліяній суетнаго міра. Преп. Антоній всегда любилъ людей, ибо когда еще жилъ въ гробницѣ вблизи своего селенія, то по возможности благотворилъ нуждающимся³⁾ и вообще относился ко всѣмъ такъ хорошо, что пользовался всеобщей любовью⁴⁾. Когда же, наконецъ, послѣ тридцатипятилѣтняго затворничества Антоній по настойчивымъ просьбамъ пришедшихъ, силою даже разломившихъ и отворившихъ дверь, вышелъ впервые къ народу, то чувство любви его къ пришедшимъ проявилось въ полной силѣ: онъ утѣшилъ многихъ скорбящихъ и примирилъ бывшихъ въ ссорѣ, внушая всѣмъ — ничего въ мірѣ не предпочитать любви ко Христу⁵⁾.

¹⁾ Vita Ant. § 91.

²⁾ Ibid. § 13.

³⁾ Vita Ant. § 3.

⁴⁾ Ibid. § 4.

⁵⁾ Ibid. § 14.

Съ этого времени начинаются постоянныя посѣщенія преп. Антонія мірянами, искавшими у великаго подвижника нравственной поддержки, желавшими поучиться у него добродѣтели, или просившими преподобнаго помолиться объ исцѣленіи больныхъ. Эти посѣщенія не прекратились и тогда, когда Антоній, любившій уединеніе, удалился еще дальше въ глубину пустыни. Ушелъ сюда Антоній не потому, что хотѣлъ совсѣмъ освободиться отъ посѣщеній, но по желанію большаго уединенія, для подвиговъ, и изъ опасенія, „чтобы или самому не превознестись тѣмъ, что творить чрезъ него Господь, или чтобы другой кто не подумалъ о немъ выше того, чтó онъ есть“¹⁾.

На новомъ мѣстѣ подвиговъ Антонія число его посѣтителей было также велико. Мы видимъ, что вмѣстѣ съ простымъ народомъ къ нему приходятъ на гору люди знатные, царедворцы и военачальники²⁾, которые или просили его помолиться объ исцѣленіи больныхъ и одержимыхъ нечистыми духами, или же просто хотѣли получить нравственное назиданіе или утѣшеніе отъ знаменитаго подвижника и побесѣдовать съ нимъ. Преп. Антоній относился съ любовью ко всѣмъ приходившимъ къ нему. Онъ ободрялъ печальныхъ и нуждавшихся въ нравственной поддержкѣ³⁾, давалъ наставленія тѣмъ, которые приходили къ нему, какъ къ великому подвижнику, поучиться жить по Евангелію; былъ сострадательнъ къ больнымъ и не отказывалъ имъ въ своихъ молитвахъ объ ихъ исцѣленіи, усердно молясь Господу вмѣстѣ съ ними; и если молитва его была услышана, никогда не выдавалъ себя за чудотворца. Онъ „исцѣлялъ не повелительнымъ словомъ, но молитвою и призываніемъ имени Христова, желая для всѣхъ сдѣлать явственнымъ, что творить это не онъ, но Господь“⁴⁾. И страдальцы съ благодарностью принимали всегда наставленія старца, какъ врачевство, научаясь быть терпѣливыми и покорными неисповѣдимымъ путямъ

¹⁾ Ibid. § 49.

²⁾ Vita Ant. §§ 48, 57, 61, 64, 84, 85.

³⁾ Ibid. § 51.

⁴⁾ Ibid. § 84.

Промысла Божія¹⁾. Иногда любвеобильный подвижник предлагал своим посетителям свою скромную пищу, состоявшую изъ немногих овощей²⁾.

Обращение преп. Антонія съ собесѣдниками было замѣчательно мягко, не смотря на то, что онъ жилъ долгое время въ дикой пустынѣ, вдали отъ людей; въ разговорахъ съ посетителями онъ былъ, по свидѣтельству современниковъ, очень пріятенъ, обходителенъ и въ то же время простъ³⁾. Такія качества Антонія дѣлали его чрезвычайно пріятнымъ и желательнымъ собесѣдникомъ; если же принять во вниманіе всеобщую извѣстность его святости и убѣдительности его слова, то намъ станетъ понятнымъ то глубокое уваженіе, какимъ пользовался Антоній во всемъ Египтѣ и далеко за предѣлами его, и то стремленіе всѣхъ къ мѣсту подвиговъ Антонія, чтобы увидѣть великаго подвижника и получить отъ него назиданіе. — Какимъ былъ Антоній по своимъ нравственнымъ качествамъ, такимъ являлся и по внѣшнему виду. Онъ не отличался ни высотой роста, ни вообще внѣшнею представительностью (τῷ πλάτει), но во всей его фигурѣ проглядывала нравственная чистота души, такъ обаятельно дѣйствовавшая на видѣвшихъ его. Лицо его, по свидѣтельству Аѳанасія Великаго, было замѣчательно пріятно и привлекательно (χάριν εἶχε πολλήν καὶ παράδοξον), во взглядъ его было что-то притягивающее. Если кто-либо въ первый разъ видѣлъ Антонія въ числѣ другихъ монаховъ, то безъ особеннаго труда узнавалъ его и подходилъ къ нему, миновавъ всѣхъ остальныхъ⁴⁾. „А видѣть его, говоритъ Созоменъ, слушать его рѣчи и повиноваться его велѣніямъ каждый считалъ за великую честь“⁵⁾.

Хотя преп. Антоній подвизался въ дикой пустынѣ, но молва о немъ распространилась далеко за предѣлами Египта, дошла даже до императорскаго престола. Константинъ Великій со своими сы-

¹⁾ Ibid. § 56.

²⁾ Ibid. § 50.

³⁾ Vita Ant. § 73; — Созоменъ. Церк. Ист. кн. I, гл. 13.

⁴⁾ Vita Ant. § 67.

⁵⁾ Церк. Ист. кн. I, гл. 13.

новьями Констанціемъ и Констансомъ, услышавъ о славномъ подвижникѣ, писалъ Антонію письма, въ которыхъ убѣждалъ его писать ему о своихъ нуждахъ¹⁾. „Но для Антонія, говоритъ Аѳанасій, не много значили и царскія письма, не восхитился онъ этими посланіями, но пребылъ такимъ же, какимъ былъ и прежде, нежели писали къ нему цари“²⁾. Онъ убѣждалъ своихъ учениковъ не удивляться тому, что ему написалъ царь, такой же смертный человѣкъ, какъ и всѣ, а болѣе удивляться тому, что Богъ написалъ людямъ законъ и говорилъ къ нимъ чрезъ Сына Своего. Антоній даже не хотѣлъ принимать царскихъ посланій и отвѣчать на нихъ, и уступилъ только благодаря усиленнымъ просьбамъ своихъ учениковъ. Въ отвѣтномъ посланіи Антоній хвалилъ императора и его сыновей за ихъ вѣру во Христа, совѣтовалъ не превозноситься земнымъ царствомъ и памятовать о будущемъ судѣ; просилъ ихъ также быть человеколюбивыми, заботиться о правдѣ на судѣ и о нищихъ³⁾. Отвѣтъ уважаемаго и любимаго всѣми подвижника былъ принятъ при дворѣ очень благосклонно, что довольно ярко характеризуетъ вліяніе преп. Антонія на современное ему общество.

По чувству христіанской любви преп. Антоній являлся всегда защитникомъ угнетаемыхъ и подвергавшихся немилосердному суду. Какъ въ письмахъ къ императору Антоній просилъ его заботиться о правдѣ, такъ и всѣмъ вообще судьямъ совѣтовалъ предпочитать всему правду, бояться Бога и знать, что какимъ судомъ сами судятъ, такимъ и судимы будутъ (Мѡ. 7, 2). Но судьи часто злоупотребляли своимъ правомъ, чтобы вызвать Антонія изъ его уединенія и побесѣдовать съ нимъ. Ссылаясь на то, что имъ неудобно вмѣстѣ съ подсудимыми взбираться на крутую гору, гдѣ подвизался Антоній, они просили его сойти къ нимъ внизъ. Когда же послѣдній отказывался оставить свою келлію, судьи посылали подсудимыхъ впередъ въ сопровожденіи воиновъ, и молибы несчастныхъ побуждали подвижника сойти съ горы, чтобы ходатайствовать за

¹⁾ Vita Ant. § 81; Созоменъ. Церк. Ист. кн. I, гл. 13.

²⁾ Vita Ant. § 81.

³⁾ Ibid.

нихъ¹⁾. „За обиженныхъ, говоритъ Афанасій Великій, Антоній предстательствовалъ съ такою силою, что можно было подумать, будто бы тернить обиду самъ онъ, а не другой кто“²⁾. По свидѣтельству Созомена во время посѣщенія городовъ Антоній также ходатайствовалъ за обиженныхъ предъ властями и городскими чинами³⁾. Но болѣе всего Антоній любилъ пребывать на своей горѣ въ любимой келліи, предаваясь тамъ подвигамъ и молитвамъ. Если и выходилъ онъ изъ нея для удовлетворенія нуждъ приходившихъ, то старался не медля возвращаться обратно и скорбѣлъ, если его часто беспокоили и принуждали оставлять любимую гору. Одинъ военачальникъ вмѣстѣ съ другими пришедшими очень просилъ Антонія сойти съ горы. Когда онъ сошелъ и, удовлетворивъ ихъ, возвращался назадъ, военачальникъ усиленно просилъ его еще остаться на время и побесѣдовать съ ними. Но Антоній былъ непреклоненъ, и въ доказательство необходимости своего возвращенія въ келлію сказалъ военачальнику: „какъ рыбы, оставаясь долго на сухой землѣ, умираютъ, такъ и монахи, замедля съ вами и проводя время въ вашемъ обществѣ, разслабѣваютъ. Поэтому, какъ рыбѣ должно спѣшить въ море, такъ намъ — въ гору, чтобы, промедливъ у васъ, не забыть того, что внутри“⁴⁾.

Посѣщенія преп. Антонія философами. Церковно-общественная дѣятельность Антонія Великаго, проявлявшаяся въ посѣщеніи Александріи во время гоненія Максимиана и въ періодъ аріанскихъ смутъ, а также переписка съ императорами, сдѣлала имя его очень извѣстнымъ и популярнымъ. Не одни Египтяне являлись въ гору, чтобы видѣть славнаго подвижника; къ Антонію приходили и изъ другихъ странъ, не только христіане, но и язычники, и всѣ уходили отъ него удовлетворенные, разставаясь съ нимъ, какъ съ отцомъ⁵⁾. Между прочими посѣтителями приходили

¹⁾ Ibid. § 84.

²⁾ Ibid. § 87.

³⁾ Церк. Истор. кн. I, гл. 13, стр. 50.

⁴⁾ Vita Ant. § 85; Достоп. сказ. § 10; Созоменъ. Церк. Истор. кн. I, гл. 13.

⁵⁾ Vita Ant. § 88.

къ Антонію и языческіе философы, чтобы побесѣдовать съ нимъ. Трудно думать, чтобы привлекла ихъ сюда жажда получить назиданіе отъ подвижника. Скорѣе всего ихъ побудило къ тому любопытство, которое они называли любовью къ мудрости. Слыша о святости Антонія и его замѣчательныхъ отвѣтахъ, даваемыхъ приходившимъ къ нему, философы стремились къ нему, какъ къ знаменитости, надѣясь, можетъ быть, съ помощью діалектики и софистическихъ приемовъ побѣдить его въ рѣчи, и тѣмъ увеличить свою собственную извѣстность. Но Антоній, не смотря на свою неученость, обнаружилъ такой глубокій умъ и проницательность, что имъ удивляется самъ писатель житія его. Въ рѣчахъ Антонія видно глубокое пониманіе догматическихъ истинъ христіанской религіи и основательное знакомство его съ египетской и греческой религіей, съ ихъ нелѣпой и чудовищной теогоніей. Говорилъ же Антоній такъ убѣдительно, и пользовался такими искусными приемами рѣчи, что имъ могъ бы позавидовать любой софистъ и діалектикъ, обучавшійся въ языческихъ школахъ¹⁾.

Однажды пришли къ Антонію два языческихъ философа. Онъ, еще издали увидѣвъ ихъ, вышелъ на встрѣчу и сказалъ: „для чего вы, философы, утруждаете себя приходить ко мнѣ, человѣку несмысленному (πρὸς μωρὸν ἄνθρωπον)“? Когда же философы отвѣтили, что они его считаютъ человѣкомъ очень умнымъ, Антоній сказалъ имъ: „если вы пришли къ невѣждѣ, то напрасенъ вашъ трудъ, а если считаете меня очень умнымъ, то подражайте мнѣ, потому что всему хорошему должно подражать. Я христіанинъ —

¹⁾ Такое развитіе Антонія, не знавшаго грамоты, Вейнгартенъ (Ursp. Moncht. s. 11 — 14. Zeitschr. Kirchengesch.) считаетъ невозможнымъ, и потому подвергаетъ сомнѣнію достовѣрность разсказа Афанасія о бесѣдахъ Антонія съ философами. Нисколько не удивительно, если Афанасій наложилъ нѣкоторую печать индивидуальности на переданный имъ бесѣды Антонія съ философами (Migne XXVI, ser. gr. p. 838; Извѣковъ. Преп. Антоній Великій. — Христ. Чтен. 1879 г. ч. II, стр. 113). Но несомнѣнно, что общій характеръ бесѣдъ переданъ вѣрно, такъ какъ Антоній дѣйствительно отличался глубокомысліемъ и проницательностью.

будьте и вы христiane¹⁾). На такую дилемму философы не могли ничего отвѣтить и съ удивленіемъ удалились.

Когда однажды философы спрашивали Антонія, какъ онъ можетъ жить въ пустынѣ безъ книгъ, онъ указывалъ имъ на великую книгу природы, которая всегда открыта предъ его глазами²⁾. Но когда они захотѣли посмѣяться надъ неграмотностью Антонія, послѣдній спросилъ ихъ: „что первоначальнѣе—умъ или письмена? И что чему причина: умъ ли письменамъ, или письмена уму“³⁾. Такъ какъ философы указали на умъ, какъ на источникъ письменъ, то Антоній вывелъ заключеніе, что въ комъ есть здравый умъ, тому можно обойтись безъ письменъ. Такого рода отвѣты философамъ, свидѣтельствовавшіе о глубокой проницательности Антонія, создавали ему славу и среди образованнаго языческаго міра.

Пришли къ Антонію еще нѣсколько извѣстныхъ мудрецовъ для разсужденій о вѣрѣ, желая, главнымъ образомъ, посмѣяться надъ христiанскимъ ученіемъ о крестѣ и Боговоплощеніи, которое для нихъ казалось безуміемъ (1 Кор. 1, 23). Антоній сперва помолчалъ немного, пожалѣвъ объ ихъ невѣжествѣ въ знаніи истинъ христiанской религіи, а затѣмъ началъ показывать неизмѣримое превосходство христiанства предъ язычествомъ. Онъ доказывалъ, что гораздо лучше почитать крестъ Христовъ, чѣмъ бездушныхъ языческихъ боговъ, которымъ приписываются разные гнусные пороки. „Что лучше, говорилъ онъ, сказать-ли, что Слово Божіе не измѣнилось и, пребывая единымъ и тѣмъ же, къ облагодѣтельствованію людей и для спасенія ихъ воспріяло на Себя человѣческое тѣло, или уподоблять Божество безсловеснымъ, и потому чествовать животныхъ четвероногихъ, пресмыкающихся и человѣческія изображенія? А таковы чтители вашихъ мудрецовъ!“⁴⁾. Возможность и необходимость воплощенія Иисуса Христа для спасенія людей преп. Антоній доказываетъ понятіемъ о Богѣ, какъ существѣ всемогущемъ и всебла-

¹⁾ Vita Ant. § 72.

²⁾ Сократъ. Церк. Истор. кн. IV, гл. 23.

³⁾ Vita Ant. § 73.

⁴⁾ Vita Ant. § 74.

гомъ, и въ то же время указываетъ на языческое ученіе о душе-переселеніи,—ученіе, полное внутреннихъ противорѣчій. Называя душу образомъ Ума, язычники въ то же время говорятъ и о различныхъ превращеніяхъ души, которая по ихъ вѣрованіямъ переселяется не только въ тѣло человѣческое, но и въ тѣла различныхъ четвероногихъ животныхъ и пресмыкающихся. Допуская же превратность души, язычники этимъ самымъ допускаютъ и превращеніе самого Ума. Разсматривая христiанское ученіе о крестѣ, преп. Антоній говоритъ, что это ученіе несравненно выше различныхъ басенъ египетской и греческой мифологіи объ Озирисѣ, Изидѣ, Тифонѣ, Кронѣ и о другихъ измышленныхъ богахъ. Если же нѣкоторые язычники смотрятъ на своихъ боговъ, какъ на олицетвореніе различныхъ силъ природы, то въ такомъ случаѣ они поклоняются твари вмѣсто Творца. Между тѣмъ красота тварей должна вызывать у насъ удивленіе премудрому устройству міра, а не боготвореніе тварей, и намъ должно опасаться, чтобы чести, подобающей Создателю, не воздать созданіямъ¹⁾. „Почему же, говорилъ Антоній философамъ, почему вы, посмѣиваясь кресту, не удивляетесь воскресенію? Ибо сказавшіе одно, написали и другое. Или почему, упоминая о крестѣ, умалчиваете о воскресенныхъ мертвецахъ, о прозрѣвшихъ слѣпцахъ, объ исцѣленныхъ разслабленныхъ, объ очищенныхъ прокаженныхъ, о хожденіи по морю и другихъ знаменіяхъ и чудесахъ, показывающихъ, что Христосъ не человѣкъ, но Богъ? Мнѣ кажется, что вы весьма несправедливы сами къ себѣ, и не читали съ искреннимъ расположеніемъ нашихъ Писаній. Прочтите же, и увидите: дѣла, совершенныя Христомъ, доказываютъ, что Онъ Богъ, пришедшій для спасенія человѣковъ“²⁾. Зная, что философы придаютъ цѣну только тому, что можно обосновать доказательствами отъ разума, преп. Антоній доказываетъ имъ, что дѣйственная вѣра предшествуетъ доказательствамъ разума, и потому она есть точное знаніе, а діалектика происходитъ отъ искусства ея составителей. Отсюда онъ заключаетъ, что въ комъ

¹⁾ Vita Ant. § 76.

²⁾ Ibid. § 75.

есть дѣйственная вѣра, тому не нужны никакія доказательства отъ разума, потому что человѣкъ вѣрующій вполне ясно представляетъ себѣ то, что сомнѣвающійся старается только доказать посредствомъ различныхъ соображеній разума. „У насъ, христіанъ, говорилъ преп. Антоній, таинство боговѣдѣнія не въ мудрости языческихъ умствованій, но въ силѣ вѣры, даруемой намъ отъ Бога Иисусомъ Христомъ“¹⁾.

Послѣ этихъ разсужденій преп. Антоній обращается къ исторіи и въ ней находитъ доказательства превосходства христіанской религіи предъ язычествомъ. Христіанская вѣра, по словамъ Антонія, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія—жестокія гоненія и насмѣшки язычниковъ, наполняетъ однако всю вселенную, постоянно возрастая и насчитывая въ своихъ рядахъ множество новыхъ членовъ, обращающихся изъ язычества. Между тѣмъ языческая религія, прославляемая философами, гибнетъ все болѣе и болѣе, не будучи въ состояніи совратить въ язычество ни одного христіанина. „Вы, говоритъ Антоній, своими умозаключеніями и своимъ велемудріемъ никого не совращаете изъ христіанства въ язычество, а мы, уча вѣрѣ во Христа, отвращаемъ людей отъ вашего суевѣрія, потому что всѣ признаютъ Христа Богомъ и Сыномъ Божіимъ; вы своимъ краснорѣчіемъ не можете положить преградъ ученію Христову, а мы именемъ Христа распятаго прогоняемъ всѣхъ демоновъ, которыхъ боитесь вы, какъ боговъ“²⁾. „Скажите, гдѣ теперь ваши прорицалища? восклицаетъ Антоній. Гдѣ египетскія волхвованія? Гдѣ призраки чародѣевъ? Когда все это прекратилось и утратило силу? Не съ того ли времени, какъ явился крестъ Христовъ? Поэтому, онъ ли достоинъ посмѣянія, или болѣе смѣшно то, что имъ попорано и обличено въ немощи?“³⁾.

Спокойный и увѣренный тонъ преп. Антонія въ бесѣдѣ съ языческими философами свидѣтельствуетъ и о прекрасномъ знаніи имъ св. Писанія и о знакомствѣ хотя въ общихъ чертахъ съ

¹⁾ Ibid. § 78.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. § 79.

христіанской апологетикой. Всѣ нападки философовъ на христіанство были не новы, вотъ почему и возраженія преп. Антонія отличаются своею ясностью, логичностью и рѣшительностью. Апологеты конца III и начала IV вѣковъ не только защищали христіанство, но и показывали внутреннюю несостоятельность язычества и превосходство предъ нимъ христіанства. Антоній въ бесѣдѣ съ философами дѣлаетъ то же самое, какъ бы повторяя имъ давно извѣстныя истины.

Доказавъ, что истинная вѣра можетъ быть только одна, и что эта вѣра находится въ христіанствѣ, Антоній въ концѣ своей рѣчи обращается къ философамъ съ увѣщаніемъ, чтобы они увѣровали во Христа, ибо вѣра была бы для нихъ гораздо сильнѣе и дѣйственнѣе, чѣмъ всѣ доказательства разума¹⁾. Философы удалились, сознавая, что отъ бесѣдъ Антонія получили нѣкоторую пользу. Если въ разговорахъ съ философами Антоній обнаруживаетъ знаніе философскихъ школъ того времени, то можно думать, что онъ при посѣщеніи города (Александріи), полного языческихъ и христіанскихъ философовъ, въ разговорахъ съ ними приобрѣлъ нѣкоторое знакомство съ ихъ школьной мудростью. Но бесспорно необходимо согласиться, если Антоній просто противопоставлялъ свою религіозную твердость въ вѣрѣ силлогизмамъ языческихъ философовъ, что философски образованный Афанасій передалъ отвѣты Антонія въ болѣе изящной формѣ.

Монастыри, основанные Антоніемъ Великимъ. Трудно съ точностью и во всѣхъ подробностяхъ опредѣлить, что собою представляли монастыри, возникшіе по вліянію преп. Антонія, и нарисовать вполне вѣрную картину жизни обитателей этихъ монастырей. Исторія монашества только начиналась, монастыри только основывались; естественно, поэтому, что во время Антонія монашеская жизнь еще не вылилась во внѣшнія, строго опредѣленныя и прочно установившіяся формы. На первыхъ порахъ объединяющимъ звеномъ всѣхъ основанныхъ по вліянію преп. Антонія мона-

¹⁾ Ibid. § 80.

стырей являлся онъ самъ, а его личные подвиги и наставленія были образцомъ и правиломъ жизни для всѣхъ монаховъ. Всѣ монахи относились къ преп. Антонію съ глубокимъ уваженіемъ, называя его „аввою“¹⁾, и безпрекословно повиновались ему, считая его слово для себя закономъ.

Удалявшіеся въ пустыню для подвиговъ назывались въ древней патрологической литературѣ аскетами, ереmitами, анахоретами, и чаще всего монахами; всѣ эти названія указывали на то, что носители ихъ оставляли міръ и удалялись въ пустыню въ уединеніе для подвиговъ. Такъ, напримѣръ, слово „монахъ“ происходитъ отъ греческихъ словъ *μόνος* — одинъ, одинокій и *μονάζειν* — быть одному, жить уединенно; отсюда *μοναχὸς μοναστής* значитъ живущій уединенно, а *μοναστήριον* — уединенное жилище. Такимъ образомъ въ древней патрологической литературѣ слово монастырь (*μοναστήριον*) въ первоначальномъ его употребленіи означало пещеру или келлію живущаго въ уединеніи инока. Въ такомъ именно смыслѣ употребляется Аѳанасіемъ Великимъ слово „монастырь“ (*μοναστήριον*) въ *Vita Antonii*, когда говорится, что при началѣ подвиговъ Антонія въ Египтѣ немногочисленны были монастыри, но всякій желающій подвизался, уединившись вблизи своего селенія²⁾. Та пещера, гдѣ преп. Антоній пробылъ 20 лѣтъ, также называется монастыремъ, двери котораго Антоній не отворялъ входящимъ, такъ что они могли сидѣть только „въ монастырѣ“³⁾. Говоря о подвигахъ преп. Антонія въ этомъ мѣстѣ, Аѳанасій однажды замѣчаетъ: „Антоній по обыкновенію уединялся особо въ своемъ монастырѣ“⁴⁾, откуда ясно, что подъ монастыремъ въ данномъ случаѣ разумѣлась уединенная келлія Антонія Великаго. Когда преп. Антоній послѣ 35-лѣтняго затворничества вышелъ „изъ своей ограды“ къ собравшимся его почитателямъ и силою

¹⁾ Авва слово сирійское, образованное отъ еврейскаго слова *av*, что значитъ — отецъ.

²⁾ Vita Ant. § 3.

³⁾ Ibid. § 48.

⁴⁾ Ibid. § 45. Въ другомъ мѣстѣ онъ называется „монастыремъ Антоніевымъ“ — § 54.

своего удивительнаго слова убѣдиль многихъ избрать иноческую жизнь, то, замѣчаетъ писатель его житія, „въ горахъ явились, наконецъ, монастыри, пустыня населилась иноками“¹⁾. Здѣсь подъ монастырями скорѣе нужно понимать келліи отдѣльных монаховъ, чѣмъ организованные и многолюдные монастыри, такъ какъ послѣдніе не могли явиться сразу, да еще во множествѣ, какъ замѣчаетъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ²⁾. Очевидно, что пустыня, прилегавшая къ мѣсту уединенныхъ подвиговъ Антонія, населилась „монахами“, желавшими подобно Антонію въ уединенныхъ келліяхъ подвизаться и спасаться, а въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній и духовныхъ немощей искать совѣтовъ и помощи у знаменитаго подвижника, которому каждый старался во всемъ подражать. И дѣйствительно, во всѣхъ монастыряхъ „Антоній, какъ отецъ, дѣлается руководителемъ“³⁾.

На первыхъ порахъ уединенные отшельники, жившіе подъ руководствомъ преп. Антонія, были, конечно, раздѣлены другъ отъ друга значительнымъ разстояніемъ⁴⁾, но по мѣрѣ увеличенія числа подвизающихся разстояніе это должно было уменьшаться, а желаніе cadaго изъ нихъ быть возможно ближе къ своему аввѣ еще болѣе способствовало увеличенію числа келлій вблизи того мѣста, гдѣ подвизался преп. Антоній. Если около знаменитаго подвижника собралось множество подражателей, то жизнь cadaго изъ нихъ уже не могла быть строго уединенной и общіе для всѣхъ духовные интересы подвижничества должны были съ теченіемъ времени образовать изъ жившихъ въ одномъ мѣстѣ подвижниковъ болѣе или менѣе тѣсно сплоченный союзъ; такимъ образомъ строго уединенная жизнь — *μοναστικός* дѣлалась какъ бы *βίος κοινός* или *κοινόβιον*, и понимаемый въ такомъ смыслѣ монастырь (*μοναστήριον*) имѣлъ уже болѣе широкое значеніе: подъ этимъ именемъ разумѣлась уже не отдѣльная уединенная келлія инока, а нѣсколько и даже

¹⁾ Vita Ant. § 14.

²⁾ Ibid. § 15.

³⁾ Ibid. § 15.

⁴⁾ Достоп. сказ. § 34.

много келлій, иноки которых находились подъ духовнымъ руководствомъ одного аввы. Что уединенно живущіе въ одномъ мѣстѣ монахи должны были съ теченіемъ времени такъ или иначе объединиться, это видно изъ „Vita Antonii“, гдѣ сейчасъ же послѣ сообщенія о появленіи по слову Антонія многочисленныхъ монастырей говорится: „въ одинъ день онъ (Антоній) выходитъ; собираются къ нему всѣ монахи и желаютъ слышать отъ него слово“; и далѣе слѣдуетъ пространная бесѣда великаго аввы со своими духовными дѣтьми, въ которой онъ между прочимъ замѣчаетъ, что монахамъ „прилично утѣшать другъ друга вѣрою и умащать словомъ“¹⁾. Очевидно, что монахи собрались изъ своихъ уединенныхъ келлій, чтобы сообща услышать то, что Антоній не могъ говорить каждому въ отдѣльности. Ясно отсюда также и то, что преп. Антоній считалъ для неопытнаго и неутвердившагося въ подвигѣ инока настоятельно необходимымъ руководство старцевъ болѣе опытныхъ въ подвигѣ, и вообще находилъ очень полезно взаимную поддержку иноками другъ друга. Можно думать, что уже въ это время въ нѣкоторыхъ келліяхъ подвизалось и по два инока.

Конечно, такая совмѣстная жизнь иноковъ могла долго колебаться между свободнымъ выборомъ мѣста подвиговъ анахоретомъ и замкнутостью монастыря въ позднѣйшемъ значеніи этого слова. Но въ монастыряхъ Антонія Великаго, состоящихъ изъ многихъ келлій анахоретовъ, вырабатывалась впослѣдствіи замкнутость, обусловливаемая не стѣнами монастыря, а близкимъ сосѣдствомъ келлій и одинаковыми условіями жизни подъ руководствомъ одного аввы. При такихъ условіяхъ монашеская жизнь должна была подъ руководствомъ преп. Антонія развиваться и видоизмѣняться при неизмѣнности одного общаго принципа. Аѳанасій Великій, изложивъ бесѣды Антонія съ монахами, указываетъ и на благотворные результаты этихъ бесѣдъ. „Монастыри въ горахъ, говоритъ онъ, подобны были скиніямъ, наполненнымъ божественными ликами псалмопѣвцевъ, любителей ученія, постниковъ и молитвенниковъ“. Но

¹⁾ Vita Ant. § 16. Достоп. сказ. § 37.

при всемъ разнообразіи духовнаго дѣланія, соответствующаго внутреннему призванію каждаго, все множество подвижниковъ было одушевлено одною мыслью и желаніемъ — „подвизаться въ добродѣтели“¹⁾. Здѣсь въ тиши уединенія, безъ различія возраста и званія, во взаимной любви и согласіи подвизались любители благочестія, одушевленные святою любовью къ Богу и обѣтованіемъ будущихъ благъ. Ихъ жизнь была исполненіемъ Евангелія; для міра они умерли, но ожили для жизни высшей, духовной; они сошлись ветхаго человѣка и облеклись въ новаго (Колос. III, 9—10).

Аѳанасій Великій, посѣтившій египетскую пустыню во время своего бѣгства изъ Александріи, нашелъ тамъ описываемое имъ множество монастырей, которые уже представляли изъ себя тѣсно соединенныя общества подвизающихся подъ общимъ главнымъ руководствомъ Антонія Великаго. Это былъ уже шагъ къ прочной организаціи, которая могла установиться вполнѣ только черезъ нѣсколько десятилѣтій. Относительно постепеннаго перехода первоначальныхъ анахоретовъ къ киновитскому образу жизни Вейнгартенъ замѣчаетъ: „если первоначальное монашество было анахоретствомъ, то все же, кажется, не черезъ много лѣтъ колоніи пустынниковъ сплотились и изъ нихъ въ послѣднія десятилѣтія IV-го вѣка вышли организованные киновіи и монастыри“²⁾.

Преп. Антоній, желая для себя уединенія, которое нарушали жившіе при немъ монахи и приходящіе міряне, удаляется „во внутреннюю пустыню“³⁾, гдѣ еще болѣе усиливаетъ свои подвиги. Основанные имъ монастыри остаются, такимъ образомъ, безъ своего Великаго аввы. Но союзъ иноковъ былъ уже настолько тѣснымъ и прочнымъ, что движимые однимъ общимъ желаніемъ совершенства они продолжаютъ подвизаться, пользуясь указаніями болѣе опытныхъ въ подвигѣ, или же отмѣченныхъ вниманіемъ преп. Антонія подвижниковъ. Когда же мѣсто новыхъ подвиговъ Антонія дѣлается

¹⁾ Vita Ant. § 44.

²⁾ Jahrbücher für protest. Theologie. 1880. Jahrg. VI, s. 420—421.

³⁾ Vita Ant. § 49.

известнымъ, они вновь стараются пользоваться руководствомъ своего Великаго аввы, путешествуютъ къ нему для духовнаго назиданія, а иногда и его убѣждаютъ посѣтить ихъ и подкрѣпить ихъ въ подвижѣ. Такія посѣщенія преп. Антоній совершалъ всегда съ любовью, подавая своимъ духовнымъ дѣтямъ примѣръ воздержанія и предлагая къ ихъ пользѣ нравственное назиданіе¹⁾. На мѣстѣ новыхъ подвиговъ Антонія Великаго опять начинаютъ собираться его почитатели и основываться монастыри, подобные первымъ. Первые монастыри, возникшіе по вліянію преп. Антонія, были построены около того мѣста, гдѣ онъ подвизался, а затѣмъ стали распространяться по обоимъ берегамъ Нила и въ пустынныхъ уединеніяхъ, которыя простирались къ востоку и западу отъ этой рѣки, вокругъ Мемфиса, Вавилона (теперь Каира), Афродитополя (теперь Афтѣхъ) и Арсеноя. Число монастырей еще при жизни преп. Антонія было очень велико, такъ что пустыня, по словамъ Аѳанасія Великаго, представляла собою какъ бы особую область богочестія и правды²⁾. Монашество распространилось не только въ Египтѣ, но проникло еще при жизни Антонія въ Палестину, благодаря ученику его Иларіону³⁾.

Въ произведеніяхъ аскетической письменности монастыри Антонія называются различно. Самое употребительное названіе иноческихъ поселеній было „монастырь“ (μοναστήριον); значеніе его въ отношеніи къ монастырямъ Антонія Великаго мы по возможности выяснили. Встрѣчаются еще названія: „киновія“⁴⁾ и „лавра“⁵⁾. Первое означаетъ такое поселеніе иноковъ или группу келлій, гдѣ подвижники по преимуществу живутъ общею жизнью; конечно, понятіе киновіи очень широкое и вмѣщаетъ въ себѣ всѣ роды общежительнаго монашества, начиная съ самыхъ первыхъ формъ монашескаго общежитія, на которыя мы указывали раньше, и

¹⁾ Ibid. § 54.

²⁾ Ibid. § 44.

³⁾ Твор. блаж. Иеронима (Жизнь св. Иларіона), ч. IV, стр. 20.

⁴⁾ Древній Патерикъ. Москва. 1874 г. стр. 177. Сравн. Достоп. сказ. § 21.

⁵⁾ Новооткр. изреченія преп. Антонія Вел. §§ 17 и 36.

оканчивая строго опредѣленнымъ уставомъ позднѣйшихъ общежительныхъ монастырей. Болѣе труднымъ для уясненія и точнаго опредѣленія является названіе древнихъ иноческихъ поселеній именемъ „лавы“. Лавра (λαύρα или λαύρη) слово древне-греческое и означаетъ собственно *улицу*, а въ позднѣйшемъ значеніи *дорогу въ лоцину, проходъ*. Отсюда можно заключить, что лаврою называлось такое иноческое поселеніе, гдѣ было довольно много келлій, расположенныхъ такимъ образомъ, что между ними образовывался проходъ на подобіе улицы, а если келліи эти ютились по склонамъ и ущельямъ горъ, то такой проходъ скорѣе всего долженъ былъ быть въ лоцинѣ, а не на вершинѣ горы. Свидѣтельствуетъ названіе лавра, какъ ἡ στενὴ κατοικία τῶν μοναχῶν¹⁾, т. е. тѣсная колонія или поселеніе монаховъ. Можно понимать это въ томъ смыслѣ, что въ противоположность строгимъ анахоретамъ, жившимъ вдали другъ отъ друга, келліи лавритовъ были сгущены на подобіе селеній. Но тѣснота (στενός) можетъ быть понимаема и въ переносномъ значеніи, какъ *стѣснительное положеніе, нужда*, и въ такомъ случаѣ въ понятіе лавры входитъ мысль о суровой, исполненной подвиговъ и всевозможныхъ лишеній жизни ея обитателей. Последнее объясненіе намъ кажется болѣе отвѣчающимъ дѣйствительности, ибо подражая преп. Антонію, подвижники заботились прежде всего о спасеніи своей души, пренебрегая внѣшними удобствами жизни, и сокращая потребности своего тѣла до минимума. Внѣшнее устройство лавры даетъ намъ право предполагать, что обитатели ея составляли известнымъ образомъ организованную общину, подчинявшуюся общимъ правиламъ. Церковные историки противопоставляютъ лаврскую жизнь строгому отшельничеству, но въ то же время не смѣшиваютъ ее и съ строгимъ общежитіемъ. Церковный историкъ Евагрій называетъ поселенія иноковъ монастырями и „лаврами“ и описываетъ жизнь какъ общежительную, такъ и такую, когда подвижники добровольно принимаютъ на себя подвиги „сверхъ-законные“, едва принимая пищу,

¹⁾ Acta Sanctorum. Ian. t. II, p. 298.

необходимую для поддержанія жизни, или же „заключаются въ своихъ хижинахъ по одиночкѣ“¹⁾).

Такимъ образомъ лавры преп. Антонія являлись какъ бы переходною ступенью отъ строгаго анахоретства къ строгому же общежитію и, какъ переходная ступень, лавра поэтому должна была соединять въ себѣ черты того и другого образа жизни. Иноки проводили здѣсь отшельнической уединенный образъ жизни, каждый жилъ и трудился для себя и своего спасенія; но живя въ отдѣльныхъ келліяхъ, иногда даже значительно отдаленныхъ одна отъ другой, все иноки подчинены были одному общему закону или правилу, одинъ былъ у нихъ авва, одинъ общій храмъ или мѣсто для молитвы въ извѣстныя времена, а иногда даже и общія трапезы; на такой трапезѣ мы видимъ иногда присутствующимъ и самого Антонія Великаго²⁾. Конечно, такое устройство монастыря принималось впоследствии и учениками преп. Антонія, при которыхъ завершилась начатая Антоніемъ организація монастырей. По мнѣнію проф. Казанскаго монастыри учениковъ Антонія Великаго скорѣе всего можно было назвать лаврами, такъ какъ келліи ихъ не соединялись между собою общею стѣною или изгородью, какъ это дѣлалось обыкновенно въ мандрахъ³⁾ и киновіяхъ⁴⁾.

Жизнь монаховъ по правиламъ Антонія Великаго.

Христіанскіе подвижники смотрѣли на пустыню, какъ на мѣсто, болѣе удобное для всецѣлаго служенія Богу и для достиженія спасенія. Все они пользовались одинаковою свободою—оставлять міръ и избирать себѣ мѣсто и родъ подвиговъ, перемѣнять то и другое, и даже оставлять совершенно и возвращаться снова въ міръ.

¹⁾ Евагрія. Церк. Истор. кн. I, гл. 21. О значеніи слова „лавра“ у различныхъ церковныхъ писателей смотр. у Архим. Θεοδοσία—„Палестинское монашество въ IV—VI вв.“, стр. 34. Примѣч. Кіевъ. 1899.

²⁾ Vita Ant. § 45.

³⁾ Позднѣйшее названіе иноческаго поселенія *μάνδρα* собственно означаетъ огороженное мѣсто, куда загоняли овецъ, т. е. овечій хлѣвъ; отсюда это названіе метафорически перенесено и на монастыри.

⁴⁾ Проф. Казанскій. Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ. Прибавл. къ твор. св. отцевъ. 1871 г. ч. 24, стр. 806.

Въ устройствѣ своей внѣшней и внутренней жизни они были внѣ всякаго контроля со стороны внѣшней власти, которая замѣтила ихъ только тогда, когда формы аскетизма сдѣлались разнообразными и каждая успѣла выработать себѣ традиціонную организацію. Но съ другой стороны эта свобода въ устроеніи собственной жизни уже сама собою предполагаетъ постепенное развитіе этихъ формъ отъ самыхъ простыхъ до наиболѣе сложныхъ. Въ такомъ періодѣ постояннаго развитія находилась жизнь иноковъ египетскихъ скорѣе послѣ основанія Антоніемъ первыхъ монастырей.

Нельзя сказать, чтобы жизнь монаховъ, находившихся подъ руководствомъ Антонія, подчинялась строго опредѣленнымъ уставамъ. Преп. Антоній былъ далекъ отъ того, чтобы буквою опредѣлить каждый шагъ искренно подвизающагося инока, тѣмъ болѣе, что онъ былъ неграмотенъ. Если къ нему шли монахи, чтобы подвизаться подъ его опытнымъ руководствомъ, то шли по влеченію собственнаго сердца, какъ для того, чтобы подвизаться для спасенія души, такъ и для того, чтобы въ своихъ подвигахъ слѣдовать мудрымъ указаніямъ славнаго подвижника. Слѣдовательно, если было здѣсь подчиненіе, то не въ силу какого-либо строгаго устава, а подчиненіе чисто нравственное, которое каждый монахъ налагалъ на себя добровольно. Зная по собственному опыту, какъ тяжела и опасна бываетъ для молодого и неопытнаго инока при началѣ его подвиговъ борьба съ самимъ собою и вражескими искушеніями, преп. Антоній признавалъ необходимымъ для такого инока имѣть опытнаго старца-руководителя, которому бы онъ открывалъ свои мысли. „Если можно, говорилъ Антоній, монахъ долженъ откровенно сказывать старцамъ, сколько онъ дѣлаетъ шаговъ, или сколько пьетъ капель въ своей кельѣ, чтобы какъ-нибудь не погрѣшить и въ этомъ“¹⁾. Вообще Антоній часто говорилъ о пользѣ для иноковъ имѣть такихъ руководителей и о необходимости повиновенія имъ²⁾. Такимъ образомъ старчество, т. е. духовное руко-

¹⁾ Достоп. сказ. § 38.

²⁾ Migne XL, ser. gr. Epist. XVIII, p. 1050. BC; Epist. XIX, p. 1054 D; Epist. XX, p. 1064 B, 1065 AB.

водство старцами молодых иноковъ, примѣняется въ монастыряхъ. Антонія очень рано, какъ средство къ высшему преслѣванію иноковъ. Первымъ старцемъ-руководителемъ былъ, конечно, Антоній Великій. Когда ученики Антонія однажды собрались, чтобы услышать отъ него наставленія и, можетъ быть, правила иноческой жизни, онъ говоритъ имъ: „къ наученію достаточно и Писаній, однако же намъ прилично утѣшать другъ друга вѣрою и умягчать словомъ. Поэтому и вы, какъ дѣти, говорите отцу, что знаете, и я, какъ старшій васъ возрастомъ, сообщу вамъ, что знаю и что извѣдалъ опытомъ“¹⁾. Слѣдующая за этими словами рѣчь Антонія, чуждая всякаго начальственного тона, дѣйствительно представляетъ намъ полныя любви отеческія наставленія мудраго и опытнаго въ подвигахъ старца²⁾. Въ сихъ наставленіяхъ даны правила монашеской жизни, которымъ и подчинялись монахи, жившіе подъ руководствомъ Антонія. Свобода въ примѣненіи ихъ не говоритъ еще въ пользу того, что монахи Антонія жили внѣ всякихъ правилъ. Такимъ образомъ личность Антонія Великаго была звеномъ, соединявшимъ отдѣльно живущихъ по келліямъ монаховъ въ одну общину. Когда количество Антоніевыхъ монастырей умножилось, мѣсто преп. Антонія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ занимали опытные въ подвигѣ старцы, находившіеся въ подчиненномъ отношеніи къ Антонію, какъ основателю этихъ монастырей. Созоменъ говоритъ, что во время аріанскихъ гоненій вождями египетскихъ подвижниковъ были оба Макарія (египетскій и александрійскій, Памва, Гераклидъ и другіе ученики Антонія³⁾).

Анахоретскій образъ жизни среди учениковъ Антонія Великаго былъ также распространенъ, какъ и общежительный, хотя киновію здѣсь нужно понимать не въ такомъ строгомъ смыслѣ слова, какъ она понималась Пахоміемъ и его учениками. Это разнообразіе монашеской жизни замѣчалось не только тамъ, гдѣ иноковъ было немного, но и тамъ, гдѣ ихъ были цѣлыя тысячи.

¹⁾ Vita Ant. § 16.

²⁾ Ibid. § 16—43.

³⁾ Церк. Истор. кн. VI, гл. 20.

Желавшіе подражать въ подвижничествѣ преп. Антонію оставляли міръ и уходили въ пустыню; здѣсь они избирали понравившееся имъ мѣсто жительства и начинали тамъ подвизаться, живя или совершенно отдѣльно¹⁾, или вмѣстѣ съ другими иноками. Проводившіе жизнь перваго рода извѣстны подъ именемъ анахоретовъ, а жившіе въ обществѣ другихъ монаховъ назывались киновитами. Но каждый подвизавшійся избиралъ себѣ въ руководителя какого-либо опытнаго старца.

Принятіе въ монашество преп. Антоній не обставлялъ никакими обрядами; нужно было только, чтобы ищущій иночества искренно желалъ подвизаться, и былъ къ тому способенъ. Способность эта доказывалась искусомъ, иногда довольно продолжительнымъ и очень тяжелымъ. Таковъ, на примѣръ, былъ искусъ, какому подвергъ Антоній пришедшаго къ нему Павла Простаго, который, испытавши невзгоды несчастливой семейной жизни и обошедши восемь монастырей, пришелъ, наконецъ, къ Антонію съ просьбою сдѣлать его монахомъ. Преп. Антоній указывалъ ему на его старость и на трудности монашеской жизни, но Павелъ оставался непреклоннымъ. Тогда Антоній подвергалъ его разнообразнымъ тяжелымъ испытаніямъ. Онъ заставлялъ его плести и расплетать веревки, изнурялъ весьма продолжительнымъ постомъ и молитвою, однажды заставилъ его собрать изъ разбитаго сосуда медъ и очистить его отъ сора и т. п. Когда Антоній увидѣлъ, что простодушный Павелъ исполнялъ охотно все, что онъ ему приказывалъ, то сказалъ: „во имя Господа ты уже сталъ монахомъ“²⁾. Такимъ образомъ уже самая готовность и способность Павла къ монашескимъ подвигамъ давала ему право быть инокомъ, а произнесеніе словъ: „во имя Господа....“ есть уже посвященіе въ монахи. Послѣ испытанія Антоній устроилъ Павлу небольшую келлію,

¹⁾ Подобно тому, какъ жилъ Антоній или Павелъ Простой. Они получали пищу изъ монастыря или отъ какого-либо христіянина, а иногда и сами себѣ добывали ее.

²⁾ Лавсаикъ, § 25, стр. 90—98; Созоменъ. Церк. Истор. кн. I, гл. 13.

версты за три или четыре отъ своей, гдѣ послѣдній и началъ подвизаться самостоятельно.

Ученики преп. Антонія жили или каждый отдѣльно, какъ, напримѣръ, Павелъ Престой, или же—подвизаясь по нѣсколько человѣкъ въ одномъ мѣстѣ, занимаясь общою работою, имѣя общую молитву и трапезу. Въ монастыряхъ Антонія было принято, чтобы въ каждой келліи было только по одному монаху, и во всякомъ случаѣ не болѣе двухъ. По мысли преп. Антонія келлія монаха должна быть главнымъ мѣстомъ его духовныхъ подвиговъ и бдѣнія; она есть какъ бы темница¹⁾, отдѣляющая инока отъ грѣховнаго міра. Она также необходима монаху для его духовной жизни, какъ вода необходима рыбѣ для ея существованія, и какъ рыба не можетъ долго оставаться на воздухѣ, такъ и монахъ, по завѣщанію Антонія, не долженъ долго находиться внѣ келліи, чтобы не погубить плодовъ своего подвижничества²⁾. Внѣшняя обстановка монаховъ была очень проста и даже сурова. Уединенное жилище инока представляло собою небольшую пещеру (естественную или же вырытую руками подвижника), какихъ у береговъ Нила было довольно много, или же простой шалашъ или *кушу*, какъ называетъ келлію инока св. Іоаннъ Златоустъ³⁾. Церковный историкъ Евагрій, описывая келліи иноковъ палестинскихъ, гдѣ монашество было основано ученикомъ Антонія Иларіономъ, говоритъ: „а ихъ хижины имѣютъ такую ширину и высоту, что въ нихъ нельзя ни прямо стоять, ни безъ боязни склоняться“⁴⁾. Несомнѣнно, что такія же келліи были у монаховъ Антонія, которые въ суровости подвиговъ старались подражать своему аввѣ.

Пища монаховъ, жившихъ подъ руководствомъ Антонія, была самая простая: большею частью хлѣбъ и вода, иногда различная зелень и овощи; но и эта скудная пища принималась въ самомъ ограниченномъ количествѣ, необходимомъ лишь для поддержанія

¹⁾ Новооткр. изреченія преп. Антонія Вел. § 8.

²⁾ Vita Ant. § 85; Созоменъ. Церк. Истор. кн. I, гл. 13; Достоп. сказ. § 10.—Новооткр. изреченія преп. Антонія Вел. § 11 и 18.

³⁾ Твор. св. Іоанна Златоуста, т. VII, кн. 1-я, стр. 88—89.

⁴⁾ Церк. Ист. кн. I, гл. 21.

жизни. О какихъ либо излишествахъ или изысканности въ пищѣ здѣсь не могло быть и рѣчи. Съ этой стороны Аѳанасій Великій такъ описываетъ намъ жизнь Антонія: „Пищу вкушалъ онъ однажды въ день по захожденіи солнца, иногда принималъ ее и черезъ два дня, а нерѣдко и черезъ четыре. Пищею же служили ему хлѣбъ и соль, питьемъ одна вода. О мясахъ и винѣ не нужно и говорить, потому что и у другихъ рачительныхъ подвижниковъ едва ли встрѣтишь что-либо подобное. Во время сна Антоній довольствовался рогожею, а большею частью возлегалъ на голой землѣ“¹⁾. Вотъ образецъ, который былъ правиломъ для всѣхъ подражателей Антонія. Изъ свидѣтельства же Евагрія мы видимъ что нѣкоторые иноки старались даже превзойти указанную выше мѣру воздержанія²⁾. — Вкушали пищу монахи вмѣстѣ, а иногда особо, при этомъ монахъ какъ бы стыдился передъ товарищами, что онъ ѣстъ, угождая этимъ своему тѣлу. При такой общей трапезѣ количество пищи было, конечно, незначительно, и каждый послѣ вкушенія пищи долженъ былъ усугубить попеченіе о своей душѣ. Авва иногда присутствовалъ на общей трапезѣ монаховъ, вкушая съ ними одну и ту же скудную пищу, иногда же онъ отказывался отъ пищи, пользуясь случаемъ предложить братіи во время трапезы духовное назиданіе³⁾.

Одежду монахи носили самую простую и бѣдную. Несомнѣнно, что эта одежда ихъ въ первое время не отличалась по своей формѣ отъ обыкновенной одежды того времени, и только съ теченіемъ времени составилъ полный списокъ обязательныхъ для монаха одеждъ, какой представляетъ намъ преп. Іоаннъ Кассіанъ⁴⁾. Сохранилось преданіе, что инокъ Патермуфій первый ввелъ въ употребленіе монашескую одежду. На пришедшаго къ нему юношу онъ одѣлъ левитонъ, кукуль, милоть и препоясалъ его⁵⁾. Боль-

¹⁾ Vita Ant. § 7.

²⁾ Церк. Истор. кн. I, гл. 21.

³⁾ Vita Ant. § 45.

⁴⁾ Кн. I, гл. 2—10. Писанія преп. Іоанна Кассіана, стр. 2—6. Москва. 1877. Migne, t. XLIX, ser. lat.

⁵⁾ Cotelerius. Eccles. Graecae monumenta. t. III, p. 177, 179.

шинство приписываетъ введеніе особыхъ монашескихъ одеждъ настоятелю Тавеннскихъ монастырей Пахомію. Но намъ кажется возможнымъ признать, что монашескія одежды существовали и у иноковъ, находившихся подъ руководствомъ преп. Антонія. Изъ житія Антонія мы видимъ, что у него была власница и двѣ милоти или кожаныхъ одежды, изъ которыхъ одну онъ подстилалъ подъ себя, а другую носилъ¹⁾; кукуль же онъ, вѣроятно, носилъ, какъ и всѣ. Кукуль представлялъ собою небольшую шапочку изъ верблюжьего волоса, какія употребляются въ Египтѣ до настоящаго времени; онъ имѣетъ форму яйца, срѣзаннаго посрединѣ. Кукуль былъ въ общемъ употребленіи у дѣтей и у погонщиковъ верблюдовъ. Необходимость его въ пустынѣ для защиты отъ солнечнаго жара ясна сама собою, но въ числѣ монашескихъ одеждъ онъ получилъ символическое значеніе, какъ знакъ дѣтскаго незлобія и чистоты. Амелино думаетъ, что одежды, усвоенныя Антоніемъ для монашескаго платья, — происхожденія египетскаго, и въ доказательство своего мнѣнія ссылается на вновь открытую имъ коптскую рукопись Достопамятныхъ сказаній объ Антоніѣ²⁾. Дѣйствительно, вполне возможно, что употреблявшіеся въ то время египетскіе костюмы могли имѣть вліяніе на форму монашескаго платья египетскихъ подвижниковъ. Въ указанной древней коптской рукописи Антоній, говоря о силѣ монашескихъ одеждъ противъ демоновъ, называетъ тунику безъ рукавовъ, наплечникъ и кукуль³⁾. Отсюда видно, что во время Антонія уже существовали опредѣленные монашескія одежды⁴⁾. Но не нужно забывать, что преп. Антоній не стѣснялъ своихъ учениковъ внѣшними правилами и предписа-

¹⁾ Vita Ant. § 47 и 91.

²⁾ Amélineau. Annales du musée Guimet. Histoire des monastères de la Basse-Egypte. t. XXV. Introd. p. XXIV—XXV.

³⁾ Новооткр. изреченія преп. Антонія Вел. § 47.

⁴⁾ Въ одномъ изъ своихъ писемъ Антоній говоритъ, что Илія опоясывался кожанымъ поясомъ для того, чтобы помнить свою бѣдность, и при видѣ пояса не забывать смиренія (Migne XL, ser. gr. Epist. XVI, p. 1035). Отсюда можно заключить, что и Антоній носилъ поясъ, имѣя въ виду то же, что и Илія, такъ какъ онъ старался подражать образу жизни сего пророка (Vita Ant. § 7).

ніями, почему и не требовалъ непремѣннаго ношенія этихъ одеждъ. Въ монастыряхъ же Пахомія уставъ *требовалъ* ношенія опредѣленныхъ одеждъ, благодаря чему и приписываютъ Пахомію введеніе монашескихъ одеждъ.

Одежда иноковъ была чужда всякаго стремленія къ удобствамъ и внѣшнему красивому виду, такъ какъ имѣла въ виду только прикрыть наготу тѣла и защитить его отъ зноя и холода. Спали иноки большею частью на голой землѣ или на рогожѣ. Намазываніе своей головы елеемъ или омовеніе своего тѣла водою считалось среди иноковъ признакомъ чрезмѣрныхъ заботъ о тѣлѣ въ ущербъ заботамъ о спасеніи души. Кромѣ того, по примѣру преп. Антонія монахи избѣгали омовенія тѣла еще и потому, что изъ боязни возникновенія въ душѣ грѣховныхъ плотскихъ пожеланій не хотѣли видѣть нагимъ даже своего собственнаго тѣла. А самъ преп. Антоній не только никогда не омывалъ своего тѣла, но даже не погружалъ ногъ въ воду, кромѣ крайней необходимости¹⁾.

Съ внѣшнимъ видомъ подвижниковъ можетъ познакомить насъ слѣдующее мѣсто изъ письма Василія Великаго, отца IV-го вѣка (хорошо знакомаго съ жизнью иноковъ египетскихъ), къ другу своему св. Григорію Богослову, которому онъ писалъ о своей жизни въ пустынѣ: „Смиренному и сокрушенному образу мыслей приличны взоръ печальный и потупленный въ землю, небрежность о наружности, волосы непричесанные, одежда немытая. Что плачущіе дѣлаютъ съ намѣреніемъ, то у насъ должно выказываться не намѣренно. Надобно, чтобы хитонъ былъ собранъ на тѣлѣ поясомъ, впрочемъ подпояска лежала не выше чреслъ (это было бы женоподобно), и не такъ слабо стягивалась, чтобы хитонъ могъ развѣваться (это было бы изнѣженно). Походка должна быть не медленная, которая бы изобличала душевное расслабленіе, и опять не скорая и торопливая, которая бы обнаруживала изступленныя движенія души... Полезно, если хитонъ имѣетъ столько толщины,

¹⁾ Vita Ant. §§ 7, 47, 60.

что надѣвній его можетъ согрѣться, не имѣя нужды въ другомъ. Обувь должна быть по цѣнѣ дешевая, но достаточно удовлетворяющая потребности¹⁾).

Монахи были въ безусловномъ повиновеніи своему аввѣ. Хотя каждому иноку предоставлялась свобода выбора того или другого вида подвижничества и мѣста подвиговъ, но если инокъ поселился въ какомъ-либо монастырѣ или лаврѣ, то этимъ самымъ онъ уже признавалъ надъ собою духовную власть аввы, какъ своего главнаго руководителя въ подвижничествѣ. Во всѣхъ основанныхъ Антоніемъ монастыряхъ самъ Антоній былъ отцомъ и руководителемъ²⁾, и къ нему часто приходили иноки, спрашивая его совѣтовъ и указаній относительно подвижнической жизни³⁾. Такіе совѣты и указанія любовно преподавались Антоніемъ каждому приходившему къ нему иноку⁴⁾. Всѣ иноки искренно любили преп. Антонія и глубоко уважали его, высоко цѣня его нравственные назиданія⁵⁾. Въ одномъ словѣ „Великій“, которымъ они называли Антонія, сказывалось и ихъ благоговѣйное удивленіе его суровымъ подвигамъ, и великая сила его нравственного авторитета.

Повиновеніе иноковъ духовнымъ отцамъ-руководителямъ вмѣняется преп. Антоніемъ каждому иноку въ непремѣнную обязанность, какъ необходимое условіе для полученія отъ Бога духовной силы къ истинному подвижничеству⁶⁾. Вообще послушаніе инока поставляется Антоніемъ на высокую ступень нравственного совершенства⁷⁾.

¹⁾ Твор. Василия Великаго. ч. VI, стр. 13—14. Изд. 3-е. Сергіевъ Посадъ. 1892.

²⁾ Vita Ant. § 15.

³⁾ Достоп. сказ. § 3, 6, 12, 19, 27.

⁴⁾ Vita Ant. § 55.

⁵⁾ Насколько они любили и уважали своего авву, можно видѣть изъ разсказа о трехъ старцахъ, ежегодно приходившихъ къ Антонію. Два изъ нихъ обыкновенно бесѣдовали съ Антоніемъ о спасеніи души, а третій всегда молчалъ. Когда Антоній спросилъ его о причинѣ постоянного молчанія, старецъ отвѣтилъ: для меня, отецъ, довольно и смотрѣть на тебя. — Достоп. сказ. § 27.

⁶⁾ Antonii epist. XVIII—XX.

⁷⁾ Новооткр. изреч. Антонія Вел. § 17.

Большую часть времени иноки проводили въ постоянномъ духовномъ бдѣніи: постѣ и молитвѣ, а все свободное отъ молитвы время проводили въ постоянномъ трудѣ. Скудость пищи была для нихъ постояннымъ постомъ и всегда напоминала имъ о духовномъ бдѣніи надъ собою и о молитвѣ къ Богу, но мы видѣли, что и въ отношеніи воздержанія тѣлеснаго многіе налагали на себя добровольно особенно суровые подвиги поста. Св. Афанасій Великій говоритъ, что среди подвижниковъ были псалмопѣвцы, любители ученія, постники и молитвенники¹⁾, т. е., что служеніе Богу проявлялось у подвижниковъ въ той или иной внѣшней формѣ. О какихъ либо опредѣленныхъ мѣстахъ богослуженія у учениковъ Антонія мы не имѣемъ свѣдѣній; они не имѣли іерархическихъ степеней, а потому въ ихъ лаврахъ и не могло всегда совершаться богослуженіе. Жившіе же въ одиночествѣ и затворѣ тѣмъ болѣе довольствовались пѣніемъ псалмовъ и одиночными келейными молитвами. Каждый изъ монаховъ занятъ былъ мыслью о своемъ спасеніи, и для спасенія считалъ необходимымъ подавить въ себѣ тѣлесныя и возвысить духовныя потребности; поэтому главное вниманіе они обращали на умерщвленіе плоти. Но несомнѣнно, что если приходили въ пустыню духовныя іерархическія лица, то монахи, относясь къ нимъ съ должнымъ уваженіемъ, по примѣру Антонія предоставляли имъ совершеніе молитвословій²⁾.

Бдѣніе надъ собою и молитва поставляются у преп. Антонія главнымъ основаніемъ подвижничества. Антоній всегда призывалъ учениковъ бодрствовать надъ собою, не лѣниться и не предаваться унынію³⁾, и приводилъ въ назиданіе притчу о десяти дѣвахъ, изъ которыхъ пять неразумныхъ были лишены брачнаго чертога за свою безпечность⁴⁾. Это бодрствованіе монаховъ состояло въ постоянномъ памятованіи о смерти и страшномъ судѣ, сердечномъ сокрушеніи во грѣхахъ и непрестанной молитвѣ къ Богу. Общее

¹⁾ Vita Ant. § 44.

²⁾ Ibid. § 67.

³⁾ Ibid. §§ 18 и 19.

⁴⁾ Epist. XX, p. 1061.

правило духовнаго бдѣнія и молитвы было такое: „молись непрестанно, пой псалмы передъ сномъ и послѣ сна, тверди заповѣди, данныя тебѣ въ Писаніи, содержи въ памяти дѣянія святыхъ, чтобы памятующая заповѣди душа твоя имѣла ревность святыхъ образомъ для себя“¹⁾. Усердною и непрерывною молитвою къ Богу инокъ хотѣлъ укрѣпиться противъ враговъ своего спасенія, предохранить себя отъ всѣхъ бѣдствій и искушеній и получить отъ Бога благодатную помощь для дальнѣйшаго слѣдованія по пути добродѣтели²⁾.

Все свободное отъ духовныхъ подвиговъ время иноки посвящали труду, который давалъ имъ возможность поддерживать свое существованіе, а избытокъ употреблять на раздачу милостыни. Кромѣ этихъ цѣлей иноческій трудъ имѣлъ и глубокое нравственное значеніе, такъ какъ служилъ могущественнымъ средствомъ противъ унынія, дурныхъ помысловъ и разсѣянности. По свидѣтельству Достопамятныхъ сказаній преп. Антоній былъ наученъ труду ангеломъ, который въ трудѣ указалъ ему вѣрное средство противъ унынія и дурныхъ помысловъ³⁾. Съ тѣхъ поръ трудъ сдѣлался обязательнымъ для всѣхъ подражателей Антонія, который, по словамъ Созомена, „лѣности и въ себѣ не терпѣлъ, и желавшихъ хорошо жить располагалъ къ работѣ“⁴⁾. Работа иноковъ состояла въ воздѣлываніи земли, на которой сѣяли пшеницу или овощи⁵⁾, но еще чаще въ плетеніи корзинъ и рогожъ изъ финиковыхъ и пальмовыхъ вѣтвей⁶⁾. Для удобства матеріала въ работѣ его обыкновенно предварительно мочили въ водѣ. Пользовались иноки и еги-

¹⁾ Vita Ant. § 55. О молитвѣ преп. Антоній говорилъ инокамъ очень часто; напр.: Vita Ant. §§ 22, 30, 38 и др. Достоп. сказ. § 16 и 19; Migne XL, ser. gr. Epist. I, p. 1002; Epist. V, p. 1009; Epist. VIII, p. 1020; IX, p. 1022 и др.

²⁾ Epist. VI, p. 1012; VII, 1018.

³⁾ § 1.

⁴⁾ Церк. Истор. кн. I, гл. 13.

⁵⁾ Vita Ant. § 50.

⁶⁾ Ibid. § 44 и 53; Лавсакъ, § 19. Достоп. сказ. (объ аввѣ Макаріѣ Великомъ) § 4, стр. 142.

петскимъ тростникомъ, обильно росшимъ на берегахъ Нила; изъ него они вили веревки¹⁾. Всѣ произведенія своего труда монахи обмѣнивали на предметы первой необходимости, или же отдавали приходящимъ въ видѣ милостыни. Намъ неизвѣстно, чтобы монахи Антонія работали въ извѣстные строго опредѣленные часы, но можно думать, что жизнь монаховъ цѣлою общиною должна была выработать въ очень ранній періодъ своего существованія тотъ или другой порядокъ въ распредѣленіи времени общихъ молитвословій и работъ. Независимо отъ этого каждый инокъ не долженъ былъ быть празднымъ, и, по завѣщанію Антонія, все свободное отъ подвиговъ время долженъ былъ посвящать труду.

Отношенія иноковъ между собою были основаны на взаимной любви и согласіи. „Не было тамъ, говоритъ Аѳанасій Великій, ни притѣснителя, ни притѣсненнаго; не было укоризнъ отъ сборщика податей“²⁾. Тамъ была только духовная „радость, соревнованіе о преспѣяніи и взаимное утѣшеніе другъ друга вѣрою“³⁾. Общая цѣль — стремленіе къ добродѣтели объединяла всѣхъ, и потому нравственное совершенство cadaго инока было предметомъ заботъ всей монашеской общины.

Господствовавшая въ монастыряхъ Антонія взаимная любовь положена была въ основу иноческаго общенія самимъ Антоніемъ Великимъ, который отъ всей души любилъ своихъ духовныхъ дѣтей, и объ этой любви говорилъ почти въ каждомъ изъ своихъ писемъ къ монахамъ. Любовь Антонія къ инокамъ проявлялась и въ снисходительномъ отношеніи къ слабостямъ меньшихъ братьевъ. Хотя подвиги иноковъ были и суровы, но онъ никогда не требовалъ отъ подвижниковъ невозможнаго и не напрягалъ чрезмерно силъ братіи изъ опасенія, чтобы онъ не разстроился⁴⁾. Къ согрѣшившимъ же и кающимся онъ относился съ всепрощающею лю-

¹⁾ Достоп. сказ. § 1.

²⁾ Vita Ant. § 44.

³⁾ Ibid. § 54.

⁴⁾ Достоп. сказ. § 13.

бою, оказывавшею большое нравственное влияние на всѣхъ его учениковъ и почитателей¹⁾).

Духовное общеніе между преп. Антоніемъ и иноками основанныхъ имъ монастырей проявлялось въ неоднократномъ посѣщеніи этихъ монастырей, которое совершалось какъ по собственному желанію, такъ и по просьбамъ монаховъ²⁾. По свидѣтельству Палладія преп. Антоній посѣщалъ монастыри не всегда въ одинаковые промежутки времени, иногда черезъ 5 дней, а иногда черезъ 10 и 20 дней, „какъ Богъ положить ему на сердце идти туда для пользы приходящихъ въ монастырь“³⁾. Посѣщая монастыри, гдѣ былъ аввою Макарій египетскій, преп. Антоній имѣлъ обыкновеніе призывать къ себѣ Макарія и спрашивать, кто пришелъ въ монастырь. А было условлено между ними заранее, чтобы людей не совсѣмъ усердныхъ называть египтянами, а умныхъ и благочестивыхъ іерусалимлянами. Когда Макарій говорилъ, что пришли египтяне, то Антоній приказывалъ ему изготовить для нихъ сочиво, накормить ихъ, и потомъ, сотворивъ о нихъ одну молитву, отпускалъ ихъ. Когда же Макарій говорилъ, что пришли іерусалимляне, то преп. Антоній проводилъ съ ними всю ночь въ бесѣдѣ о спасеніи души⁴⁾. Вообще гостепріимство было развито среди иноковъ, но принято это было не ради развлечения, а ради пользы духовной и назиданія при общеніи съ другими иноками. Примѣръ этому подалъ самъ „Великій“ авва, который на своей горѣ развелъ немного овощей, чтобы предлагать пищу приходящимъ къ нему послѣ тяжкаго пути инокамъ⁵⁾. Посѣщенія преп. Антонія монахи очень любили, такъ какъ онѣ были залогомъ постоянного духовнаго общенія преподобнаго со своими учениками, и, оставляя неизгладимый слѣдъ въ душѣ иноковъ, придавали имъ большую бодрость въ стремленіи къ нравственному преуспѣянію.

¹⁾ Дост. сказ. § 21 и 29. Сравн. Новооткр. изреч. преп. Антонія Вел. § 9 и 12.

²⁾ Vita Ant. §§ 15, 54, 63, 89.

³⁾ Лавсаикъ, § 23, стр. 82.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 86.

⁵⁾ Vita Ant. § 50.

ГЛАВА IV.

Послѣдніе годы жизни преп. Антонія и смерть его. Послѣдніе годы своей жизни престарѣлый Антоній проводилъ въ тѣхъ же непрерывныхъ подвигахъ, радуясь процвѣтавшему въ пустыняхъ иноческому благочестію и будучи посѣщаемъ время отъ времени своими любимыми учениками. Нѣкоторые изъ этихъ учениковъ еще при жизни Антонія прославились своими подвигами и были уважаемыми руководителями къ иноческой жизни, каковы, примѣръ, Макарій Египетскій, Аммонъ Нитрійскій, Иларіонъ Палестинскій и другіе. Преп. Антоній только не былъ знакомъ лично съ Пахоміемъ, основателемъ общежительнаго монашества. „Объ отцѣ вашемъ, говорилъ онъ ученику Пахомію Закхею, много разъ слышалъ, что онъ живетъ по писаніямъ, и желалъ его видѣть по плоти, но должно быть недостойнъ былъ этого. Въ царствѣ небесномъ по благодати Божіей увидимъ другъ друга“¹⁾.

Въ этотъ послѣдній періодъ жизни преп. Антоній уже не такъ смотрѣлъ на внѣшніе подвиги, какъ смотрѣлъ на нихъ въ юности. Прежде онъ думалъ, что внѣ пустыни нѣтъ спасенія, теперь же приходитъ къ убѣжденію, что спасеніе возможно и въ мірѣ. Во время размышленій Антонія о достигнутой имъ степени нравственнаго совершенства ему было открыто въ пустынѣ, что въ одномъ городѣ живетъ врачъ, подобный ему по совершенству; врачъ этотъ, отдавая свои избытки нуждающимся, проводилъ благочестивую жизнь, ежедневно воспѣвая ангельское трисвятое²⁾. Послѣ подобныхъ, вѣроятно, размышленій Антонію ночью однажды было открыто, что есть въ пустынѣ подвижникъ гораздо совершеннѣе его, и указано было ему отправиться въ путь для свиданія съ этимъ великимъ подвижникомъ. Едва взошла утренняя заря, старецъ взялъ посохъ и отправился въ невѣдомый ему путь. Въ полдень солнце жгло нестерпимо, но святой старецъ все же продол-

¹⁾ Vita Pachomii, § 77.

²⁾ Достоп. сказ. § 24.

жалъ путь, говоря: „вѣрую Богу моему, что Онъ покажетъ мнѣ раба Своего, обѣщаннаго мнѣ“¹⁾. Прошелъ и слѣдующій день, а Антоній все еще не находилъ неизвѣстнаго подвижника; всю вторую ночь, застигнувшую его въ пути, онъ провелъ въ молитвѣ, и при слабомъ разсвѣтѣ начинающагося дня увидѣлъ гѣну, которая вѣжала въ пещеру, находившуюся при подножїи горы²⁾. Онъ вошелъ въ пещеру, и, увидѣвши въ глубинѣ ея мерцающій свѣтъ, догадался, что это именно и есть искомый такъ долго подвижникъ. Услышавъ шумъ, который произвелъ Антоній, входя въ пещеру, Павелъ притворилъ свою дверь и привалилъ къ ней камень. Послѣ долгихъ и усиленныхъ просьбъ Антонія онъ, наконецъ, отворилъ дверь, и оба старца бросились въ объятія другъ другу, назвавши одинъ другого по именамъ. Антонію въ это время было около 90 лѣтъ, а Павлу 113. Съ самаго начала пустынножительства до свиданія своего съ Антоніемъ Павелъ не видѣлъ человѣческаго лица (а удалился онъ въ пустыню 15-ти лѣтъ), не слышалъ ничего о жизни человѣческаго общества и міровыхъ событіяхъ. Увидѣвши, наконецъ, человѣческое лицо и услышавъ голосъ Антонія, онъ говоритъ ему: „Вотъ тотъ, кого ты искалъ съ такимъ трудомъ: члены его, полуистлѣвшіе отъ старости, покрываетъ красивая сѣдина. Вотъ ты видишь предъ собою человѣка, который скоро будетъ прахомъ. Но такъ какъ любовь все терпитъ, то скажи мнѣ, пожалуйста, какъ живетъ теперь родъ человѣчскій: возвышаются ли въ старыхъ городахъ новыя крыши, какою властью управляется міръ, и остался ли кто-нибудь увлеченный прелестью демоновъ?“³⁾. Изъ разговора съ Павломъ Антоній узналъ, что

¹⁾ Твор. блаж. Иеронима (Жизнь Иларіона), ч. IV, стр. 6.

²⁾ Пещера св. Павла на горѣ Холзимъ находится на разстояніи не болѣе четырехъ верстъ по прямой линіи отъ горы Антонія, но она отдѣлена такою высокою и крутою скалою, что обходъ вокругъ нея очень продолжителенъ; вотъ почему Антоній только черезъ два дня достигъ уединенія Павла (А. Норовъ. Путешествіе по Египту и Нубіи, ч. II, стр. 354). Нужно имѣть при этомъ въ виду, что Антоній былъ старъ, слѣдовательно шелъ не быстро, а съ другой стороны, — онъ могъ быть и близко возлѣ пещеры, и все же не находить ея.

³⁾ Твор. блаж. Иеронима, ч. IV, стр. 7.

Павелъ былъ родомъ изъ Нижней Оиваиды, получилъ первоначальное образованіе въ греческомъ и египетскомъ языкахъ, и пятнадцатилѣтнимъ юношей удалился въ пустыню, опасаясь воздвигнутаго гоненія на христіанъ и своего жестокаго зятя-язычника, который желалъ, вѣроятно, воспользоваться наслѣдствомъ Павла и выдать его, какъ христіанина. Оба подвижника провели всю слѣдующую ночь въ молитвѣ. На другой день Павелъ объявилъ о своей близкой кончинѣ и просилъ Антонія принести ему одежду для прикрытія брэннаго тѣла. Опечаленный Антоній пошелъ въ свою гору, и когда вышедшіе на встрѣчу два ученика спросили его о причинѣ продолжительнаго отсутствія, онъ со скорбію отвѣтилъ: „горе, мнѣ, грѣшнику, ложно носящему имя монаха! Я видѣлъ Илію, я видѣлъ Іоанна въ пустынѣ и поистинѣ я видѣлъ Павла въ раю“. Взявши мантию и не вступая ни въ какіе разговоры съ учениками, Антоній поспѣшилъ въ обратный путь, жаждая видѣть Павла и опасаясь увидѣть его уже мертвымъ. Но во время пути онъ увидѣлъ на облакахъ между ликами ангеловъ и пророковъ сіяющаго снѣжною бѣлизною Павла, восходящаго на небо. Онъ понялъ, что великій подвижникъ скончался. Дѣйствительно, вошедши въ пещеру, Антоній увидѣлъ уже его бездушное тѣло, находившееся на колѣняхъ въ молитвенномъ положеніи. Антоній оплакалъ скончавшагося старца и съ пѣніемъ священныхъ гимновъ и псалмовъ предалъ тѣло его погребенію при помощи двухъ львовъ. Послѣ Павла осталась туника, сплетенная имъ самимъ изъ пальмовыхъ листьевъ; эту тунику Антоній взялъ себѣ, какъ драгоценное наслѣдіе великаго отшельника, и всегда надѣвалъ ее въ торжественные дни Пасхи и Пятидесятницы.

Въ житіи Антонія, написанномъ Аѳанасіемъ Великимъ, ни слова не упоминается о встрѣчѣ Антонія съ Павломъ Оивейскимъ, между тѣмъ какъ это составляетъ очень важный фактъ въ жизни Антонія. Такимъ образомъ самъ собою является вопросъ о достовѣрности этого разсказа, находящагося у Иеронима. Писатели, жившіе послѣ Иеронима, не говорятъ объ этомъ событіи, и самъ Иеронимъ въ своей „Vita Hilarionis“ свидѣтельствуетъ, что его

Павла „ноеслии когда то“ и, такъ какъ онъ всегда скрывался, считали его несуществующимъ¹⁾. Но если мы обратимъ вниманіе на предисловіе Аѳанасія къ житію Антонія, то увидимъ, что опущеніе Аѳанасіемъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ житія Антонія вполне возможно. Отправляя названное житіе итальянскимъ монахамъ, Аѳанасій говоритъ, что сообщилъ имъ „только немного, что припомнилъ объ Антоніи“, такъ какъ не успѣлъ обо всемъ разспросить монаховъ, бывшихъ при немъ²⁾. Иеронимъ не выдумалъ случайно этого разсказа; въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ свидѣтельствуеетъ, что дѣйствительно написалъ житіе Павла Отшельника³⁾, а въ письмѣ къ Павлу, подвижнику Конкордійскому, пишетъ: „посылаю же тебя тебѣ, т. е. Павлу старцу — Павлу старѣйшаго“⁴⁾. Несомнѣнно, что фактъ встрѣчи Антонія съ Павломъ Оивейскимъ существовалъ, но несомнѣнно также и то, что первымъ сообщилъ его не Иеронимъ, а записалъ, вѣроятно, кто-нибудь изъ учениковъ Антонія, какъ позволяетъ это думать самый текстъ житія⁵⁾. Въ настоящее время найдена одна очень древняя коптская рукопись, содержащая въ себѣ житіе Павла Оивейскаго. Изъ сличенія этого коптскаго житія Павла съ житіемъ, написаннымъ Иеронимомъ, очевидно, что текстъ коптской рукописи первоначальнѣе текста Иеронима. Послѣдній гораздо пространнѣе перваго и украшенъ различными оборотами рѣчи Иеронимовскаго стиля; текстъ же коптскій разсказываетъ объ этомъ гораздо проще, естественнѣе и болѣе согласно съ обычаями и духомъ египетскихъ народовъ⁶⁾. Очень возможно, что указанная нами недавно открытая коптская рукопись представляетъ если не оригиналъ, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ ближайшихъ къ ориги-

¹⁾ Qui olim detragentes Paulo meo, nunc forte detragent Hilarioni.... ut qui semper latuit, non fuisse.— Твор. блж. Иеронима, ч. IV, стр. 12—13.

²⁾ In. Vitam Ant. Prooemium, p. 837.

³⁾ Твор. блж. Иеронима, ч. V, стр. 343.

⁴⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 29.

⁵⁾ По словамъ автора Антоній сознается ему въ своемъ помыслѣ, что нѣтъ въ пустынѣ монаха совершеннѣе его.

⁶⁾ Amélineau. Annales du musée Guimet. t. XXV. Histoire des monast. de la Basse-Égypte. p. 1—14. Здѣсь коптскій текстъ помѣщенъ параллельно съ французскимъ.

налу списковъ коптскаго житія Павла, написаннаго кѣмъ-либо изъ ближайшихъ учениковъ Антонія. Неандеръ и Шаффъ сомнѣваются въ достовѣрности этого разсказа, но все же принципиально его не отвергаютъ, и только баснословныя подробности у Иеронима считаютъ вымысломъ¹⁾.

Послѣдніе годы своей жизни Антоній Великій проводилъ на своей любимой горѣ, неизмѣнно предаваясь подвигамъ, усердной молитвѣ и физическимъ лишеніямъ. Будучи около 90 лѣтъ отъ роду, т. е. за 15 или нѣсколько болѣе лѣтъ до своей смерти, онъ принялъ къ себѣ двухъ учениковъ для услуженія его старости²⁾. Имя одного было Амаѳа³⁾, а другой былъ вѣроятно Исаакъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ при Антоніи и переводчикомъ для всѣхъ приходящихъ⁴⁾, такъ какъ самъ Антоній не зналъ греческаго языка⁵⁾.

Преп. Антоній, любившій своихъ духовныхъ дѣтей, посѣщалъ ихъ довольно часто, пока могъ, но подѣ старость силы стали измѣнять ему, а продолжительный путь къ монастырямъ былъ для него очень тяжелъ. Теперь начинаются его письма къ духовнымъ дѣтямъ, увѣщанія и наставленія къ нравственной жизни и высшему совершенству. Посланія эти, писанныя на египетскомъ языкѣ подѣ диктовку Антонія кѣмъ-либо изъ его учениковъ, были исполнены апостольскаго духа и слова⁶⁾. Во всѣхъ ихъ теплится оте-

¹⁾ Gesch.-Kirch. T. III, s. 330; Schaff. alt. Kirch. s. 579. Христ. Чтен. 1879 г. ч. II, стр. 281.

²⁾ По словамъ Аѳанасія (Vita Ant. § 91) Антоній принялъ къ себѣ двухъ учениковъ за 15 лѣтъ до своей смерти, а Иеронимъ говоритъ, что когда Антоній возвратился изъ пещеры Павла Оивейскаго, чтобы взять мантию для его погребенія, то его встрѣтили два ученика, „уже издавна привыкшіе служить ему“ (Vita Pauli. Твор. блж. Иеронима. ч. IV, стр. 9). Во время же свиданія Павла съ Антоніемъ послѣднему было около 90 лѣтъ. Слѣдовательно, принятіе Антоніемъ двухъ учениковъ нужно относить нѣсколько болѣе, чѣмъ за 15 лѣтъ до его смерти.

³⁾ Твор. блж. Иеронима. ч. IV, стр. 1.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 33.

⁵⁾ Газе находитъ невѣроятнымъ, чтобы Антоній, сынъ состоятельныхъ родителей, не зналъ греческаго языка. Kirchengesch. t. I, s. 379 Leipzig. 1885.

⁶⁾ Твор. блж. Иеронима, ч. V, стр. 332.

ческая любовь Антонія къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, выражается желаніе имъ спасенія отъ Господа, жажда быть съ ними, видѣть ихъ и научать¹⁾. При краткости нѣкоторыхъ писемъ Антоній всегда говоритъ о полнотѣ своихъ чувствъ къ любимымъ братьямъ и о невозможности передать все письменно, выражая надежду скоро увидѣться и поговорить подробнѣе о многомъ²⁾. О томъ, какою любовью въ мірскомъ обществѣ пользовался Антоній въ послѣдніе годы своей жизни, и какое онъ имѣлъ вліяніе на общество, мы распространяться не будемъ, такъ какъ факты говорятъ сами за себя краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Благосклонныя и почтительныя письма императоровъ, посѣщеніе его знаменитыми лицами³⁾ и массою простого народа сдѣлало его имя извѣстнымъ всему Египту и другимъ странамъ, а появленіе столѣтняго подвижника въ Александріи во время аріанскихъ смутъ много способствовало торжеству православія въ этомъ городѣ. Въ Достопамятныхъ сказаніяхъ сохранилось извѣстіе, что въ это время императоръ Констанцій прислалъ Антонію письмо съ приглашеніемъ придти въ Константинополь. Рассказываютъ, что Антоній, получивъ письмо, спросилъ совѣта у ученика своего Павла, идти ли ему? Павелъ отвѣтилъ: „если пойдешь, — будешь Антоній, а если не пойдешь, — будешь авва Антоній“⁴⁾. Антоній, конечно, не пошелъ, а остался подвизаться на своей горѣ.

Цѣлыхъ 85 лѣтъ предавался Антоній строгому подвижничеству; живя на землѣ, онъ проводилъ небесную жизнь ангела. Не смотря на то, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ Антоній одинаково былъ усерденъ къ подвижничеству и ни въ чемъ не ослаблялъ своей строгой жизни, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, онъ оставался дѣятельнымъ и бодрымъ до самой глубокой старости. „Глаза у него, говоритъ писатель его житія, были здоровы и невредимы,

¹⁾ Migne XL, ser. gr. Epist. VI, p. 1015 C; Ep. VIII, p. 1020 A; Ep. XII, p. 1027 B et cet.

²⁾ Epist. VIII, p. 1019 D—1021 A; XII, p. 1027 B; XIII, p. 1028 D et cet.

³⁾ Vita Ant. §§ 57, 61, 64, 85.

⁴⁾ Достоп. сказ. § 31.

и видѣлъ онъ хорошо. Не выпало у него ни одного зуба, а только ослабѣли они въ деснахъ отъ преклонныхъ лѣтъ старца. Здоровъ онъ былъ руками и ногами. Однимъ словомъ, казался бодрѣе и крѣпче всякаго, пользующагося разнообразными снѣдами, омовеніями и различными одеждами. А что всюду говорили о немъ, все удивлялись ему, даже невидавшіе любили его, это служитъ доказательствомъ его добродѣтели и боголюбивой души“¹⁾.

Наступилъ 105-й годъ его жизни, наставало время отойти ему въ вѣчныя обители. Больше вѣка онъ провелъ на землѣ. Онъ видѣлъ, какъ падали языческіе боги и ихъ храмы, а гонимое христіанство возрастало и торжествовало; видѣлъ, какъ прошли на міровой сценѣ одинъ за другимъ 20 лицъ, называвшихся императорами. Задолго до смерти онъ славился въ Римѣ и Константинополѣ; Италія, Греція, Понтъ, Каппадокія, Испанія и Галлія, не говоря уже о Египтѣ, воздавали ему похвалы²⁾. Его пустыня сдѣлалась какъ бы мѣстомъ свиданій для людей всехъ возрастовъ, сословій и состояній. Желаніе видѣть великаго подвижника преодолевало все препятствія и неудобства пути и приводило грѣшный міръ въ дикую пустыню къ ея лучшему представителю и украшенію. Теперь Промысломъ было открыто Антонію о его скорой кончинѣ. Посѣщая въ послѣдній разъ братьевъ, жившихъ въ Писперѣ и другихъ монастыряхъ, преп. Антоній велъ съ ними задушевыя прощальныя бесѣды и давалъ послѣднія отеческія наставленія. Онъ чувствовалъ, что это было послѣднее свиданіе съ учениками и прямо высказывалъ имъ это. Все искренно плакали, обнимали и цѣловали великаго старца, который, напротивъ, исполненный небесной радости, весело бесѣдовалъ съ ними, заповѣдуя имъ нелѣпно трудиться и не унывать въ подвигѣ, но жить, какъ бы ежедневно умирая. Убѣждая хранить себя отъ нечистыхъ помысловъ, преп. Антоній предостерегаетъ ихъ отъ общенія съ аріанами и мелетіанами, убѣждаетъ не смущаться ихъ временнымъ торжествомъ и нерушимо соблюдать вѣру въ Господа Іисуса Хри-

¹⁾ Vita Ant. § 93.

²⁾ Ibid.

ста, какой они научились изъ Писаній¹⁾. Братія усердно просили Антонія остаться и умереть на ихъ рукахъ, но онъ ни за что не соглашался на это. Онъ зналъ египетскій обычай балъзамировать тѣла умершихъ и сохранять ихъ для памяти, вооружался противъ этого обычая и нѣсколько разъ просилъ епископовъ объ искорененіи его. Теперь Антоній опасался, чтобы послѣ смерти тѣло его не сдѣлалось для учениковъ предметомъ почитанія, и потому, не смотря на всѣ ихъ просьбы остаться въ монастырѣ, удалился въ свою внутреннюю гору, чтобы тамъ мирно закрыть глаза на рукахъ двухъ своихъ приближенныхъ учениковъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего послѣдняго посѣщенія монастырей преп. Антоній заболѣлъ. Почувствовавъ, что пришла пора разстаться съ этимъ міромъ, онъ призвалъ двухъ бывшихъ при немъ учениковъ и вмѣстѣ съ послѣдними нравственными наставленіями передалъ имъ и свое завѣщаніе. „Вижу, что зоветъ меня Господь, говоритъ онъ имъ. А вы трезвитесь и не погубите многолѣтнихъ вашихъ подвиговъ, но какъ начали теперь, такъ и старайтесь соблюсти свое усердіе. Живите, какъ бы ежедневно умирая; будьте внимательны къ себѣ самимъ; помните наставленія, какія слышали отъ меня“²⁾. Предостерегая своихъ учениковъ отъ общенія съ аріанами и вообще съ отщепенцами отъ православія, преп. Антоній убѣждалъ ихъ твердо держаться правой вѣры въ Господа и всегда быть въ единеніи съ Нимъ. Опасаясь, чтобы кто-либо по смерти не взялъ тѣла его и не положилъ у себя въ домѣ для благоговѣйнаго почитанія, онъ просилъ обоихъ учениковъ во имя любви къ нему предать тѣло его землѣ, и чтобы кромѣ ихъ никто не зналъ о мѣстѣ его погребенія. Распорядился преп. Антоній и своимъ скуднымъ имуществомъ, которое состояло только изъ его одежды. „Епископу Аѳанасію, завѣщалъ онъ, отдайте одну милоть и подостланную подо мною одежду, — она имъ дана мнѣ новая, и у меня обветшала; а епископу

¹⁾ Ibid. § 89.

²⁾ Ibid. § 91.

Сераніону отдайте другую милоть; власяницу же возьмите себѣ“¹⁾. Послѣднія его слова были: „Прощайте чада; Антоній переселяется, и не будетъ его болѣе съ вами!“ Послѣ этихъ словъ ученики облобызали святаго старца, который тотчасъ же мирно скончался; передъ кончиною онъ какъ будто видѣлъ прибывшихъ къ нему друзей, и потому почившее лице его было озарено свѣтлою, неземною радостью. Вѣрные послѣднему завѣту своего наставника, ученики Антонія, обвивъ его тѣло, совершили чинъ погребенія²⁾ и предали его землѣ. Мѣсто же погребенія осталось неизвѣстнымъ, и самъ писатель житія Антонія — его другъ и ученикъ, епископъ александрійскій Аѳанасій, не зналъ, гдѣ онъ былъ погребенъ³⁾. Скончался преп. Антоній 105 лѣтъ отъ роду⁴⁾, по всей вѣроятности 17-го января 358-го года⁵⁾.

¹⁾ Vita Ant. § 92.

²⁾ Чинъ этотъ состоялъ, вѣроятно, въ пѣніи псалмовъ и священныхъ гимновъ, употреблявшихся въ древности при христіанскомъ погребеніи.

³⁾ Vita Ant. § 92.

⁴⁾ Ibid. § 89; Hieron. De viris illustr., cap. 88.

⁵⁾ Годъ смерти Антонія мы опредѣляемъ по году его рожденія, установленному нами въ началѣ этой главы. Относительно же числа мѣсяца существуютъ нѣкоторыя разногласія. Маронитскій мартирологъ днемъ его смерти считаетъ 17 Января (Migne, XL, ser. gr. p. 959). Египетскій мартирологъ относитъ день смерти Антонія къ 22-му дню мѣсяца Тубы (Migne XL, p. 957), но такъ какъ 1-е число этого мѣсяца соотвѣтствуетъ 27 декабря, то 22 число падаетъ на 17 января (Ideler. Handbuch der mathemat. und chronolog. B. I, s. 143. — Христ. Чтен. 1879 г. ч. II, стр. 283). Церковь католическая считаетъ днемъ смерти Антонія 17 января. Амелино говоритъ, что четыре извѣстныхъ ему манускрипта синаксаря днемъ смерти Антонія полагаютъ 18 января, а одинъ арабскій манускриптъ ватиканской библіотеки № LXII — 17 января, ничего, впрочемъ, не имѣя и противъ слѣдующаго дня (Amelineau. Annales du musée Guimet. Hist. des. monast. de la Basse -- Égypte. t. XXV. Introd. p. XVIII). Эрдингеръ ошибочно считаетъ днемъ смерти Антонія 16 февраля 356 года. (Erdinger. Septem epistolae s. Antonii abbatis. p. 12). Такъ какъ мартирологи и синаксари говорятъ и за 17 и за 18 января, то днемъ смерти Антонія Великаго мы должны признать 17 января, ибо этотъ день считаютъ днемъ его смерти и православная и католическая церкви.

Свидѣтельства западныхъ писателей о судьбѣ останковъ св. Антонія. Не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ западные рассказы и свидѣтельства о судьбѣ останковъ св. Антонія. Западные писатели говорятъ, что послѣ погребенія Антонія Великаго тѣло его оставалось подъ землею невѣдомымъ міру около двухъ вѣковъ, но въ царствованіе Юстиніана Великаго по божественному откровенію останки его 27 іюня 529 года были открыты и 15 февраля того же года при большомъ стеченіи народа торжественно перенесены въ Александрію¹⁾, о чемъ будто бы свидѣтельствовалъ Викторъ, еп. тунисскій, сосланный тогда въ Канопъ²⁾. Второе перенесеніе тѣла Антонія въ Константинополь было совершено при императорѣ Иракліѣ, когда сарацины завладѣли Египтомъ; оно приурочивается къ времени между 633—641 годами³⁾. Далѣе исторія этого тѣла полна различныхъ превратностей и баснословныхъ рассказовъ. — Рассказываютъ, что въ царствованіе французскаго короля Филиппа I-го сынъ одного знатнаго графа Жоселенъ, исполняя обѣтъ своего отца, отправился въ Палестину на защиту Гроба Господня. За блистательныя побѣды Жоселена надъ турками-сельджуками византійскій императоръ по его просьбѣ далъ ему мощи св. Антонія, которыя Жоселенъ перенесъ въ Галлію и поставилъ въ Вьеннѣ, гдѣ былъ устроенъ великолѣпный храмъ. Жоселенъ и зять его Дидье носили мощи св. Антонія въ своихъ походахъ, но папа Урбанъ II запретилъ имъ это. Во время появленія во Франціи губительной болѣзни⁴⁾, которую современники называли священнымъ огнемъ, или „огнемъ св. Антонія“, имя послѣдняго прославилось еще болѣе; къ его мощамъ приходили многіе, чтобы получить исцѣленіе. Въ 1095 году Гастономъ изъ Валлоры былъ основанъ орденъ антоніанъ, имѣвшій своею первоначальною цѣлью облегчать страданія заболѣвшихъ.

¹⁾ Acta Sanctorum. Ian. II, p. 148—149.

²⁾ L'abbé Antoine prêtre. La Thébaïde chrétienne ou s. Antoine le Grand. pag. 360.

³⁾ Acta Sanct. Ian. II, p. 149.

⁴⁾ Греки называли эту болѣзнь „έρπης ἐσθιήμενος“, а латиняне — „ignis sacer“; по всей вѣроятности это была чума.

Отличительнымъ знакомъ антоніанъ была буква Т небесно-голубаго цвѣта, находившаяся на лѣвой сторонѣ груди. Вьеннская церковь была окончена и въ 1119 году торжественно освящена папою Каллистомъ II. Этотъ же папа открывалъ и раку св. Антонія для переложенія мощей его въ новую раку. При церкви, гдѣ находились мощи св. Антонія, образовалось цѣлое аббатство, подчиненное сперва бенедиктинскому ордену, а затѣмъ буллою папы Бонифація VIII: „Ad apostolicae dignitatis“ признанное самостоятельнымъ съ обязательствомъ слѣдовать правилу блаж. Августина. Въ 1491 году тѣло св. Антонія было перенесено въ церковь св. Юліана Арлесскаго, но во время борьбы католиковъ съ гугенотами его нѣсколько разъ подвергали кощунству и о немъ болѣе нѣтъ свѣдѣній¹⁾. Въ настоящее время нѣкоторые западные христіане надѣются, что, можетъ быть, останки св. Антонія будутъ открыты во второй разъ²⁾.

Исторія перенесеній тѣла св. Антонія приводитъ насъ къ убѣжденію, что мощи его не были открыты при Юстиніанѣ. Аванасій Великій въ описаніи житія Антонія ясно говоритъ, что мѣсто погребенія Антонія осталось неизвѣстнымъ, и объясняетъ, почему Антоній не хотѣлъ, чтобы всѣ знали, гдѣ будетъ погребено его тѣло³⁾. Изъ описанія погребенія Антонія также не видно, чтобы кромѣ двухъ учениковъ, погребавшихъ его, кто-либо участвовалъ въ погребеніи, или же зналъ самое мѣсто погребенія; напротивъ, писатель житія Антонія категорически утверждаетъ совершенно противное. Нашу мысль подтверждаетъ и слѣдующій фактъ. Когда ученикъ Антонія Иларіонъ, славившійся во всей Палестинѣ

¹⁾ Свѣдѣнія о судьбѣ тѣла св. Антонія послѣ его смерти мы почерпнули изъ: а) Acta Sanctorum. Ian. II, pag. 148—160, б) L'abbé Antoine prêtre. La Thébaïde chrétienne ou s. Antoine le Grand. p. 359—385, в) Kirchen-Lexikon. Wetzer und Welte. s. 300—301, д) Verger. Vie de s. Antoine le Grand. p. 363—391, е) Hello. Saint Antoine le Grand. p. 247—280, ф) Hase. Kirchengeschichte s. 245. Leipzig. 1858.

²⁾ L'abbé Antoine prêtre. La Thébaïde chrét. ou s. Antoine le Grand. p. 385.

³⁾ Vita Ant. § 92, 90, 91.

своими подвигами, спустя три года послѣ смерти Антонія пришелъ на мѣсто послѣднихъ его подвиговъ, то находившіеся тамъ два ученика Антонія Исаакъ и Пелузіанъ, по всей вѣроятности, не указали ему мѣста погребенія Антонія. По крайней мѣрѣ, когда Иларіонъ просилъ Исаака и Пелузіана показать ему это мѣсто, они, по словамъ Иеронима, „повели его одного, и показали ли, или нѣтъ, неизвѣстно“. „Они объяснили, что согласно съ повелѣніемъ Антонія скрываютъ это мѣсто для того, чтобы Пергалій, бывший самымъ богатымъ человекомъ въ той мѣстности, не перенесъ тѣла въ свою деревню и не построилъ мартирія“¹⁾. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, сообщили-ли Иларіону ученики Антонія мѣсто погребенія послѣдняго, остается открытымъ, но достовѣренъ фактъ, что спустя три года по смерти Антонія мѣсто его погребенія оставалось для вѣрующихъ неизвѣстнымъ, а слѣдовательно, останки его не могли быть предметомъ благоговѣйнаго почитанія. Католическіе писатели говорятъ объ открытіи тѣла св. Антонія, о различныхъ перенесеніяхъ его; но кто можетъ поручиться, что это дѣйствительно было тѣло св. Антонія, а не кого-либо другого, если мѣсто погребенія Антонія такъ и осталось неизвѣстнымъ?— По рассказамъ западныхъ писателей тѣло св. Антонія въ половинѣ VII-го вѣка появляется въ Константинополѣ, но греческіе писатели ничего объ этомъ не говорятъ, слѣдовательно, не подтверждаютъ указываемаго католиками факта. Различные же варианты, въ которыхъ передается исторія перенесенія тѣла св. Антонія, не позволяютъ намъ видѣть въ ней дѣйствительную исторію, такъ какъ эти варианты не свободны отъ противорѣчій. Въ одной исторіи говорится, на примѣръ, что тѣло Антонія было перенесено Жоселеномъ въ Галлію и положено въ Вьеннѣ; когда здѣсь устроена была церковь въ честь св. Антонія и освящена въ 1119 году папою Каллистомъ II, по желанію послѣдняго открывали раку св. Антонія и нашли въ ней тѣло святаго²⁾. По другой же исторіи

¹⁾ Твор. блаж. Иеронима (Жизнь св. Иларіона), т. VI, стр. 34

²⁾ L'abbé Antoine prêtre. La Thébaïde chrét. ou s. Antoine le Grand. pag. 366—368, 377.

не все тѣло Антонія было перенесено изъ Константинополя въ Галлію, такъ какъ Ламбертъ, настоятель церкви общины S. Mariae Brugis, выпросилъ себѣ часть руки св. Антонія и другіе различные останки святыхъ и принесъ ихъ въ Бругъ (Brugas). Различные города и церкви претендовали на владѣніе реликвіями Антонія; таковы, на примѣръ, Колонья, кафедральная церковь Тогпасі, Антверпенъ, Римъ и многіе другіе¹⁾. Все это еще болѣе ослабляетъ достовѣрность исторіи перенесенія тѣла св. Антонія, но за то очень краснорѣчиво говоритъ о той любви и уваженіи, которыми пользовался и пользуется св. Антоній въ теченіи многихъ вѣковъ. Свидѣтельствомъ этого служатъ и орденъ антоніанъ, основанный на Западѣ въ 1095 году и просуществовавшій болѣе 600 лѣтъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе славныхъ католическихъ орденовъ среднихъ вѣковъ. Миссія антоніанъ была миссіей ревности, преданности, терпѣнія и самоотверженія. Они открыли множество госпиталей для больныхъ, гдѣ каждый членъ ордена служилъ, какъ евангельскій самарянинъ, а любовь ихъ къ ближнимъ часто доходила до героизма. Но когда не стало мощей св. Антонія, орденъ антоніанъ прекратилъ свое существованіе²⁾.

Православная церковь, глубоко почитая св. Антонія, какъ великаго подвижника и отца монашества, не знаетъ его мощей, такъ какъ ихъ открытіе и перенесеніе изъ Египта въ Константинополь и Францію не можетъ быть доказано. На горѣ св. Антонія, гдѣ теперь находится храмъ въ честь этого подвижника, копты указываютъ въ предалтарномъ отдѣленіи мѣсто, гдѣ по ихъ преданію находится будто бы гробница св. Антонія, но сами они не знаютъ, есть ли въ ней мощи его или нѣтъ³⁾.

Общій взглядъ на характеръ подвижничества преп. Антонія. Бросая общій взглядъ на жизнь св. Антонія

¹⁾ Acta Sanct. Ian II, p. 150.

²⁾ Въ 1775 году антоніане были причислены къ ордену св. Іоанна Іерусалимскаго. Созданный католичествомъ культъ св. Антонію наиболѣе сохраняется теперь въ Провансѣ во Франціи. — Verger. Vie de s. Antoine le Grand. p. 391.

³⁾ Архим. Порфирій Успенскій. Путешествіе по Египту, стр. 199.

Великого, читатель невольно спросит: отчего Антоній, жившій около 35 лѣтъ затворникомъ и чуждавшійся людей, вдругъ появляется среди нихъ, дѣлается руководителемъ другихъ къ иноческой жизни, появляется въ Александріи, ведетъ переписку съ императорами и проч. Отсюда вытекаетъ и другой вопросъ: какого иноческаго житія представителемъ былъ Антоній: анахоретскаго или кинувитскаго?

Нѣкоторая какъ бы непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ преп. Антонія объясняется обстоятельствами самой жизни и цѣлью его подвиговъ. Если мы вникнемъ въ то и другое, то переменна Антоніемъ своихъ отношеній къ людямъ представится намъ вполне естественной. Какъ мы видѣли, онъ еще въ юности показывалъ благочестивые задатки аскета, выражавшіеся въ постоянной благочестивой настроенности, склонности къ размышленіямъ, усердномъ посѣщеніи храма, воздержаніи въ пищѣ и питьѣ и т. п. Послѣ смерти родителей эти склонности его выступили съ новою силою. Несдерживаемый никакою внѣшнею преградой, Антоній захотѣлъ осуществить свои завѣтные желанія. Примѣръ онъ увидѣлъ въ старцѣ, подвизавшемся возлѣ селенія, и съ жаромъ предался аскетическимъ подвигамъ и уединенному затворничеству. Мечтательность, впечатлительность и пылкость воображенія молодого Антонія воскрешали предъ нимъ образы міра, отъ котораго онъ бѣжалъ, во всей ихъ прелести и привлекательности; вотъ почему онъ все болѣе и болѣе старался отдалиться отъ міра, стѣнами своей келліи хотѣлъ отдѣлить отъ себя весь міръ, чтобы вдали отъ соблазновъ трудиться надъ перерожденіемъ самого себя. Тридцатипятилѣтнее затворничество сдѣлало изъ молодого и неопытнаго отшельника зрѣлаго, опытнаго и закаленнаго въ подвигѣ инока, который уже не боялся соблазновъ міра. Склонный къ созерцанію, преп. Антоній многое пережилъ, передумалъ и перечувствовалъ въ своей уединенной келліи. За это время природный умъ его развился, а воля всецѣло укрѣпилась въ добрѣ. Онъ жилъ уже внутреннею жизнью, и ничто внѣшнее не могло тревожить его и нарушать его душевное равновѣсіе. Такимъ описываетъ Антонія и Аванасій, когда великій подвиж-

никъ послѣ 35 лѣтъ затворничества показался, наконецъ, предъ людьми¹⁾. Слѣдовательно, для самого Антонія уже не было опасности появиться среди людей, даже въ шумной Александріи. Но съ другой стороны, по достиженіи извѣстной степени нравственнаго совершенства въ немъ проявилась потребность дѣятельной любви къ ближнимъ, выражавшаяся въ руководствѣ ихъ къ иноческой жизни тѣмъ сильнѣе, чѣмъ настойчивѣе были просьбы приходившихъ къ нему и желавшихъ, чтобы онъ вышелъ изъ своего уединенія. Трудность самостоятельнаго подвижничества вдали отъ людей, особенно для молодого монаха, вырабатываетъ въ Антоніи убѣжденіе, что молодому подвижнику необходимъ руководитель, который велъ бы его по пути совершенства и оберегалъ отъ невѣдомыхъ ему соблазновъ²⁾. Христіанская любовь требовала отъ преп. Антонія придти на помощь этимъ неопытнымъ братьямъ, которые такъ настойчиво желали подвизаться подъ его руководствомъ. „Богъ часто хотѣлъ успокоить меня отъ трудовъ тѣла моего и взять душу мою къ Себѣ, говорилъ преп. Антоній на старости лѣтъ своимъ ученикамъ, но оставилъ духъ мой въ тѣлѣ моемъ, чтобы я воспитывалъ васъ и чтобы въ васъ вселился Духъ Господень“³⁾. Самое затворничество послѣ тридцати пяти лѣтъ уединенной жизни получило для преп. Антонія нѣсколько другой смыслъ и значеніе. Прежде ему казалось, что внѣ келліи спасеніе невозможно. Теперь въ затворничествѣ онъ видѣлъ только хорошее средство къ обузданію плоти и достиженію совершенства, къ которому можно придти и другимъ путемъ, живя въ мірѣ и исполняя заповѣдь о любви къ Богу и ближнему⁴⁾. Такимъ образомъ, совместная жизнь съ грѣшными людьми заставила Антонія убѣжать отъ нихъ въ пустыню, а созерцательная жизнь въ пустынѣ привела его къ той мысли, что если онъ нравственно окрѣпъ, то долженъ употребить данный ему отъ Бога талантъ на служеніе

¹⁾ Vita Ant. § 14.

²⁾ Достоп. сказ. § 38.

³⁾ Epist. XIX Migne XL, ser. gr. p. 1054.

⁴⁾ Достоп. сказ. § 24.

ближнимъ, а не зарывать его въ землю. Но по душѣ преп. Антоній всегда былъ чистый отшельникъ, и поэтому не могъ совершенно оставить пустыни. Онъ сумѣлъ совмѣстить уединенную подвижническую жизнь въ пустынѣ и служеніе ближнимъ, которые такъ нуждались въ немъ и приходили къ нему во множествѣ. Какъ строгій исполнитель всѣхъ евангельскихъ заповѣдей, онъ не могъ отказаться отъ помощи ближнимъ, но не могъ онъ отказаться и отъ созерцанія, къ которому его неудержимо влекло еще съ дѣтства. Такимъ образомъ въ подвижничествѣ преп. Антонія служеніе Богу и ближнимъ гармонично соединились въ одномъ неразрывномъ цѣломъ.

Развитіе монашества послѣ Антонія Великаго и значеніе послѣдняго въ исторіи монашества. Умеръ Великій Антоній, но не умерло великое дѣло, которое онъ совершилъ во время своей жизни. Жизнь и дѣянія его оставили по себѣ глубокий слѣдъ въ жизни Церкви Христовой, исторія которой со времени преп. Антонія тѣсно была связана съ исторіей монашества. Великій подвижникъ своею благочестивою жизнью, полною суровыхъ подвиговъ и лишеній, оставилъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ высокій образецъ для подражанія, который никогда не имѣлъ недостатка въ подражателяхъ. Слава Антонія, пріобрѣтенная имъ при жизни, послѣ его смерти возрасла еще болѣе. Лучшіе представители церкви относились съ глубокимъ уваженіемъ къ памяти великаго подвижника. Афанасій Великій, подробно описавшій жизнь Антонія, говоритъ, что находитъ для себя много пользы въ одномъ воспоминаніи о немъ, и внушаетъ всѣмъ инокамъ усердно подражать Антонию¹⁾. Другіе отцы и учителя церкви, равно какъ и церковные историки, отзываются объ Антоніи съ глубокимъ благоговѣніемъ и похвалою, каковы: Св. Іоаннъ Златоустъ, блаж. Іеронимъ, Ефремъ Сиринъ, Руфинъ, Палладій, Созоменъ, Θεодоритъ, Синецій и другіе.

Св. Іоаннъ Златоустъ, говоря о подвижникахъ Египта, съ восторгомъ и глубокимъ уваженіемъ отзывается объ Антоніи. „А если

¹⁾ Vita Ant. — Prooemium.

кто-нибудь, говорить онъ, никогда не входилъ въ тѣ кущи (келліи египетскихъ монаховъ), тотъ пусть вспомнитъ, что Египетъ произвелъ славнѣйшаго послѣ апостоловъ мужа, блаженнаго и великаго Антонія, о которомъ всѣ донинѣ говорятъ непрестанно, и пусть поразмыслитъ, что и онъ былъ въ той же странѣ, гдѣ и фараонъ. И однако эта страна нисколько не послужила ему во вредъ, а еще онъ сподобился и божественнаго созерцанія, и велъ такую жизнь, какой требуютъ Христовы законы. Въ этомъ увѣрится всякій, кто прочтетъ со вниманіемъ книгу, содержащую повѣствованіе о его жизни, въ которой (книгѣ) найдетъ и многія пророчества¹⁾. Наболѣе свято память Антонія чтилась, конечно, среди египетскихъ монаховъ, большую часть которыхъ составляли его ученики. Между ними были и такіе знаменитые подвижники, которые прославились необыкновенною святостью жизни и подвигами, а въ нѣкоторыхъ добродѣтеляхъ превосходили даже своего учителя²⁾. Они распространены были по всему Египту и Ливіи, было ихъ много въ Палестинѣ, Сиріи, Аравіи и Италіи³⁾. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ по завѣту своего великаго аввы и приводилъ другихъ къ добродѣтели, избирая для своихъ подвиговъ пустыню и избѣгая мірской славы. „Обходя города и веси, говоритъ Созоменъ, трудно было бы отыскивать друзей Антонія или ихъ преемниковъ. Да и легко ли найти, восклицаетъ онъ, когда въ продолженіе своей жизни они старались скрываться ревностию, чѣмъ многіе изъ нынѣшнихъ людей, которые, надмеваясь честолюбіемъ, кичатъ и домогаются знаменитости“⁴⁾. Но пустыни процвѣтали подвижниками, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляли собою какъ бы городъ. Аммонъ былъ отцомъ 3,000 монаховъ, которыхъ называли Тавеннисіотами. Руфинъ, описывая городъ Оксиринхъ, говоритъ, что въ немъ болѣе монастырей, чѣмъ

¹⁾ 8-я бес. на Еванг. Матѳея. — Творенія св. Іоанна Златоустаго, т. VII, кн. 1-я, стр. 88 — 89.

²⁾ Лавсаикъ, § 10, стр. 34.

³⁾ Vita Anton. Prooemium.

⁴⁾ Созоменъ. Церк. Истор. кн. I, гл. 13.

домовъ; монахи сдѣлали изъ этого города какъ бы церковь, днемъ и ночью воспѣвая Богу гимны и хвалебныя пѣсни¹⁾. Въ этомъ городѣ Руфинъ насчитывалъ 20,000 дѣвственницъ и 10,000 монаховъ²⁾; въ области арсенитской онъ насчитываетъ подъ руководствомъ пресвитера Серапіона почти 10,000 монаховъ, и кромѣ того много въ окрестностяхъ Мемфиса и Вавилона³⁾, въ Нитріи⁴⁾, Месопотаміи и странахъ Каррарскихъ⁵⁾. Изъ учениковъ преп. Антонія Руфинъ называетъ обоихъ Макаріевъ, египетскаго и александрійскаго, Исидора, жившаго въ Скитѣ, Памво въ пустынѣ келлій, Моисея и Веніамина въ Нитріи, Сциріона, Геліаса и Павла въ Апеліотѣ, другаго Павла въ Фокахъ, Пимена и Іосифа въ Писперѣ⁶⁾, Кронія, прожившаго 110 лѣтъ⁷⁾, Оригена⁸⁾, Гераклида⁹⁾ и другихъ. Всѣ они, предаваясь строгому подвижничеству, оставались вѣрными завѣтамъ и наставленіямъ своего учителя¹⁰⁾. Память о немъ была для нихъ священна¹¹⁾.

¹⁾ „Die ac nocte hymnos ac laudes Deo referentes, urbem totam, quasi unam Dei ecclesiam faciunt“. Migne, tom. XXI, ser. lat. Historia monachorum, cap. V, col. 409.

²⁾ Rufin. Historia monach. — Migne XXI, cap. V, col. 409.

³⁾ Ibid. — cap. XVIII, col. 440.

⁴⁾ Ibid. — Cap. XXX, col. 445. Historia ecclesiastica. Lib. II, c. IV, col. 511.

⁵⁾ Histor. eccles. Lib. II, c. VIII, col. 517.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Histor. monach. cap. XXV, col. 448.

⁸⁾ Ibid. cap. XXVI.

⁹⁾ Histor. eccles. Lib. II, cap. IV, col. 511.

¹⁰⁾ Руфинъ называетъ ихъ мужами, „qui per vastam eremum commanentes, signa et prodigia Apostolica simplicitate vitae, et cordis sinceritate faciebant“. — Histor. eccles. Lib. II, cap. VIII, col. 517.

¹¹⁾ Изъ житія Иларіона, основателя палестинскаго монашества, мы знаемъ, съ какою любовью онъ осматривалъ мѣсто послѣднихъ подвиговъ преп. Антонія спустя три года послѣ его смерти. Показывая Иларіону гору Антонія, Исаакъ и Пелузіанъ говорили ему: „здѣсь Антоній обыкновенно пѣлъ псалмы, здѣсь молился, здѣсь работалъ, здѣсь отдыхалъ. Эти виноградныя лозы, эти деревца онъ самъ насадилъ; эту грядочку онъ устроилъ собственными руками. Этотъ водоемъ для орошенія сада онъ сдѣлалъ съ большимъ трудомъ. А вотъ тою мотыкою онъ много лѣтъ воздѣлывалъ землю“. Въ сердечномъ умиленіи Иларіонъ ложился на постели Антонія и лобызалъ кровать его, будто теплую еще. — Твор. блж. Іеронима. ч. IV, стр. 33.

Вскорѣ послѣ смерти преп. Антонія монахи уже представляли изъ себя великую нравственную силу, которая оказывала такое или иное вліяніе на направленіе церковной жизни. По свидѣтельству Созомена во время борьбы съ аріанами вождями подвижниковъ были оба Макарія, египетскій и александрійскій, Памва, Гераклидъ и другіе ученики Антонія¹⁾. Естественно, что во всемъ подражая своему учителю, они высоко держали знамя православія и всегда обличали аріанъ въ ереси. Когда Аѳанасій Великій во время борьбы съ аріанствомъ являлся въ Оиваиду, нѣсколько тысячъ монаховъ торжественно встрѣтили его съ пѣніемъ священныхъ гимновъ²⁾. Въ виду такой ревности иноковъ къ православію еще Аѳанасій Великій старался привлекать ихъ на епископскія кафедры. Ожиданія Аѳанасія вполне оправдались; мы видимъ, что по смерти его ученики Антонія, сдѣлавшіеся епископами, ревностно защищали православіе, не смотря на то, что ихъ часто подвергали за это преслѣдованіямъ³⁾. Изъ письма Аѳанасія къ Драконтію видно, что такихъ епископовъ изъ отшельниковъ было не мало⁴⁾, что можно объяснить только высотой ихъ жизни, силою вліянія на общество и ревностью о православіи. Конечно, были среди учениковъ Антонія монахи простые, необразованные, полагавшіе всю цѣль подвижничества въ умерщвленіи тѣла; они не могли имѣть въ самихъ себѣ нравственной устойчивости, и потому часто падали, о чемъ свидѣтельствовалъ еще самъ Антоній⁵⁾. Такіе монахи не могли имѣть вліянія на народъ. Но лучшіе иноки, которые поняли Антонія, составляли украшеніе монашества; они стояли во

¹⁾ Созоменъ. Церк. Истор. кн. VI, гл. 20, стр. 414.

²⁾ Vita s. Pachom. c. 27. Во время своихъ изгнаній (356—372 г.) Аѳанасій Великій любилъ искать спокойствія въ монастыряхъ Оиваиды, расположенныхъ на берегу Нила, въ которыхъ удобно было скрываться.

³⁾ Θεοδωριτῆς. Церк. Истор. кн. IV, гл. 22.

⁴⁾ Epist. ad Dracontium § 7 Athanas. Migne, t. XXV, ser. gr. p. 531.

⁵⁾ Достоп. сказ. §§ 14, 15, 21, 29, 37. Въ своихъ бесѣдахъ преп. Антоній старается предотвратить иноковъ отъ такого ложнаго направленія аскетизма (Epist. I, III, VI, XI et cet.).

главъ его и давали ему свое направлѣніе, соотвѣтственное духу ученія Антонія Великаго.

Монашество стало послѣ смерти преп. Антонія органомъ церковной жизни, необходимымъ настолько, насколько нравственное преуспѣяніе христіанина необходимо для достиженія имъ жизни вѣчной. „По великому вліянію иноческаго сословія на судьбу св. Церкви, говоритъ профессоръ Казанскій, исторія монашества сдѣлалась неотъемлемою частью церковной исторіи. Какъ непонятна была бы исторія Церкви въ первые три вѣка христіанства безъ исторіи мучениковъ, такъ непонятна была бы исторія послѣдующихъ вѣковъ безъ исторіи монашества“¹⁾).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Писанія св. Антонія Великаго.

Разнообразіе писаній, дошедшихъ до насъ съ именемъ Антонія Великаго. Жизнь такого знаменитаго подвижника, какъ Антоній Великій, не могла пройти безслѣдно въ исторіи христіанской церкви, особенно же въ исторіи монашества, которое со времени этого святаго получаетъ правильное развитіе, организацію и вліяніе на жизнь христіанскихъ обществъ. Антоній оставилъ послѣ себя монашество, для котораго онъ служитъ лучшимъ образцомъ христіанскаго инока и великаго подвижника. Въ своей жизни онъ дѣйствовалъ болѣе всего живымъ примѣромъ, всегда подтверждавшимъ его устное слово, чѣмъ и объясняется та сила вліянія, какую онъ имѣлъ на современниковъ, и особенно на своихъ учениковъ. Аѳанасій Великій говоритъ, что „не сочиненіями и вѣшною мудростію, не искусствомъ какимъ, но единымъ богочестіемъ сталъ извѣстенъ Антоній“¹⁾. Ясно, что онъ не писалъ никакихъ сочиненій, при помощи которыхъ могъ бы составить себѣ такое громкое имя, извѣстное далеко за предѣлами Египта еще при его жизни, а по смерти сдѣлавшееся извѣстнымъ всему христіанскому міру. Это тѣмъ болѣе очевидно, что Антоній вовсе не зналъ грамоты, какъ объ этомъ мы говорили раньше; по замѣчанію Аѳанасія Великаго Антоній „ὑράματα μαθεῖν οὐκ ἔνεσχετο“²⁾.

¹⁾ Vita Ant. § 93.

²⁾ Ibid. § 1.

¹⁾ Исторія правосл. монашества на Востокѣ, ч. I, стр. 23.

а церковный историк Созоменъ прямо говоритъ, что Антоній „грамоты не зналъ и не уважалъ“¹⁾).

Но до насъ дошелъ цѣлый рядъ писемъ, рѣчей, правилъ, наставленій, увѣщаній и другихъ произведеній нравственно-аскетическаго характера, извѣстныхъ съ именемъ Антонія. Перу самого Антонія онѣ, несомнѣнно, принадлежать не могутъ; слѣдовательно въ отношеніи къ этимъ сочиненіямъ вопросъ состоитъ не въ томъ, какія изъ нихъ принадлежатъ Антонію, а въ томъ, какія изъ писаній, извѣстныхъ съ именемъ Антонія, въ большей или меньшей мѣрѣ заключаютъ въ себѣ изреченія и мысли этого подвижника, и какія по своему содержанію не имѣютъ близкаго отношенія къ Антонію. Поэтому въ настоящей части нашего труда мы постараемся изслѣдовать на основаніи внѣшнихъ и внутреннихъ данныхъ, какія изъ писаній, усвоенныхъ Антонію, дѣйствительно выражаютъ его мысли и изреченія, какія вмѣстѣ съ мыслями и изреченіями Антонія Великаго содержатъ изреченія позднѣйшихъ подвижниковъ; укажемъ также на писанія первой категоріи, подвергнувшіяся интерполации подъ рукою неопытныхъ переписчиковъ или благочестивыхъ монаховъ, желавшихъ освятить именемъ Антонія всякое нравственное наставленіе, и, наконецъ, на тѣ писанія, которыя вовсе не могутъ принадлежать Антонію даже по мыслямъ.

Произведенія, приписываемыя Антонію Великому.

Писанія, извѣстныя съ именемъ Антонія, напечатаны въ IV томѣ „Bibliotheca Veterum Patrum“ Галландія²⁾ и въ XL томѣ патрологіи Миня (seria Graeca³⁾). По своей литературной формѣ они раздѣляются на 1) слова и рѣчи, 2) письма или посланія и 3) правила, наставленія, увѣщанія и проч. Перечислимъ ихъ кратко:

а) *Слово къ монахамъ*, помѣщенное Аѳанасіемъ въ жизнеописаніи Антонія,

б) *семь писемъ*, посланныхъ Антоніемъ въ старости въ основанные имъ монастыри,

с) *двадцать писемъ*, изъ которыхъ первыя семь почти тождественны съ предыдущими,

д) *отрывокъ изъ письма Антонія къ ученику Θεодору*,

е) *двадцать рѣчей къ монахамъ* (sermones XX ad filios suos monachos), трактующихъ о порокахъ и христіанскихъ добродѣтеляхъ,

ф) *правила* (regulae sive canones) для монаховъ,

г) *духовныя наставленія* (spiritualia documenta regulis adjuncta) и

h) *увѣщанія* (admonitiones et documenta varia) къ дѣтямъ своимъ—монахамъ,

и) *рѣчь о гибели міра и о воскресеніи мертвыхъ*, очень похожая на небольшую проповѣдь,

j) *два книги латинскихъ рѣчей*,

к) *наставленія для доброй нравственности челоѣковъ и доброй жизни въ 170 главахъ*.

Сюда же должно отнести:

l) *изреченія Антонія, находящіяся въ „Достопамятныхъ сказаніяхъ“* и

м) *„мнѣнія и отвѣты“*, приписываемыя Антонію Великому.

Слово Антонія къ монахамъ. Образцомъ наставленій, какія преподавалъ преп. Антоній своимъ духовнымъ дѣтямъ, является слово его къ монахамъ, приводимое Аѳанасіемъ въ жизнеописаніи Антонія. Здѣсь великій подвижникъ является во всеоружіи своего убѣдительнаго слова и духовной опытности долго подвизавшагося инока. Онъ говоритъ о кратковременности нашей жизни, о тлѣнности всего мірскаго, о ничтожности всѣхъ благъ міра въ сравненіи съ добродѣтелью, отечески убѣждаетъ всѣхъ не лѣниться въ подвигѣ, чтобы оказаться добрыми и вѣрными рабами предъ Владыкою Господомъ. Особенно ярко выступаетъ личность Антонія въ его убѣжденіяхъ монаховъ къ непрерывному

¹⁾ Церк. Истор. кн. I, гл. 13.

²⁾ Pag. 633—712.

³⁾ Pag. 961—1102.

подвигу и въ разсужденіяхъ о дѣмонахъ. Такъ и возстаетъ передъ нами живымъ строгій подвижникъ, со дня на день усиливавшій свои подвиги, боровшійся непрестанно съ искушеніями діавола, но въ то же время по отношенію къ неопытнымъ монахамъ мягкій, ободряющій и любвеобильный. Наставленія, приводимыя Аѳанасіемъ, Антоній говорилъ въ возрастѣ 55—60 лѣтъ, т. е. тогда, когда вышелъ изъ своего 35-лѣтняго затворничества. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что большая часть его рѣчи носитъ демонологическій характеръ.

На каждомъ шагѣ во время своего уединенія видѣвшій козни демоновъ, онъ теперь старается весь свой духовный опытъ передать молодымъ подвижникамъ. Антоній подробно говоритъ о характерѣ демоновъ, объ ихъ ненависти къ людямъ, особенно къ благочестивымъ; указываетъ многочисленные способы, которыми демоны стараются соблазнить неопытныхъ на путь гибели, приводитъ примѣры бывшихъ ему многочисленныхъ діавольскихъ искушеній, описываетъ внѣшній видъ демоновъ и образы, въ которыхъ они являются людямъ, даетъ практическіе совѣты, какъ бороться съ искушеніями и, наконецъ, убѣждаетъ всѣхъ не бояться демоновъ, такъ какъ они трусливы, и твердо противостоятъ имъ, отгоняя ихъ отъ себя постомъ, бдѣніемъ и усердною молитвою. Конечно, нельзя утверждать, что приводимая въ житіи Антонія его рѣчь заключаетъ въ себѣ его подлинныя слова. Этого не могло быть, такъ какъ Аѳанасій описалъ жизнь Антонія только послѣ его смерти, но мы утверждаемъ, что настоящая рѣчь вѣрно передаетъ мысли Антонія. Какъ всякій писатель, Аѳанасій внесъ въ это произведеніе свою индивидуальность, выразилъ, можетъ быть, въ болѣе изящной и сложной формѣ то, что Антоніемъ сказано было проще и безыскусственнѣе, но мы не смѣемъ думать, чтобы великій учитель церкви намѣренно внесъ въ эту рѣчь свои собственные мысли. Этого не позволяетъ допустить то уваженіе, съ какимъ Аѳанасій относился всегда къ Антонію, и благоговѣйная память о немъ послѣ его смерти. Аѳанасій общается читателямъ „жизни Антонія“ привести только немногія свѣдѣнія о немъ,

какія ему пришлось узнать лично, слѣдовательно, настоящая рѣчь представляетъ собою изложенныя мысли Антонія, которыя онъ высказывалъ предъ своими учениками. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Аѳанасій могъ слышать подобныя рѣчи Антонія, такъ какъ онъ много разъ видѣлъ его, былъ его ученикомъ и даже „возливалъ ему воду на руки“¹⁾, слѣдовательно, былъ особенно близокъ къ Антонію. Рѣчь Антонія къ монахамъ, переданная намъ Аѳанасіемъ, очень цѣнна для насъ: она съ одной стороны рисуетъ намъ съ историческою вѣрностью образъ великаго подвижника, ставшаго основателемъ еще болѣе великаго учрежденія въ Церкви, а съ другой—можетъ служить нѣкоторымъ критеріемъ при рѣшеніи вопроса о принадлежности Антонію писемъ, рѣчей, увѣщаній, наставленій и другихъ произведеній нравственно-аскетическаго характера, извѣстныхъ подъ его именемъ.

Двадцать писемъ преп. Антонія. Обратимся прежде всего къ *писмамъ*, дошедшимъ до насъ съ именемъ Антонія, такъ какъ они наиболѣе обширны по объему и по богатству матеріала, при помощи котораго возможно съ достаточною полнотою воспроизвести нравственно-подвижническое ученіе Антонія Великаго; о принадлежности этихъ произведеній Антонію можно говорить съ наиболѣе твердыми основаніями.—Всѣхъ писемъ Антонія двадцать, но изъ нихъ первыя семь въ изданіяхъ святоотеческихъ твореній помѣщаются въ двухъ различныхъ редакціяхъ, какъ это, напри-
мѣръ, находимъ у Галландія и Миня²⁾. Относительно принадлежности Антонію писемъ, извѣстныхъ съ его именемъ, мы имѣемъ достовѣрныя и очень раннія свидѣтельства. Такъ, Іеронимъ, писатель конца IV-го и начала V-го вѣка († 420), говоритъ, что „Антоній монахъ послалъ разнымъ монастырямъ семь написанныхъ на египетскомъ языкѣ посланій апостольскаго духа и слова, которыя переведены на греческій языкъ, и между которыми

¹⁾ In Vitam Anton Prooemium.

²⁾ Двадцать писемъ Антонія переведены въ Христіанскомъ Чтеніи за 1826, 1828 и 1829-й годы; переводъ очень плохой, а по мѣстамъ даже неузнаваемый.

особенно замѣчательно посланіе къ Арсенонтамъ¹⁾. Въ первой половинѣ VII-го вѣка папа Гонорій словами Іеронима подтверждаетъ то же самое: „Антоній монахъ, говоритъ онъ, жизнь котораго описалъ Афанасій въ замѣчательной книгѣ, послалъ различнымъ монастырямъ семь писемъ апостольскаго духа и слова“²⁾. Сюда же нужно отнести и свидѣтельство одного неизвѣстнаго греческаго автора книги, въ которой находятся изреченія старцевъ-отшельниковъ и описываются ихъ дѣянія³⁾. Книгу эту рецензируетъ Фотій въ своей „Библіотекѣ“, давая о ней весьма лестный отзывъ⁴⁾. Этотъ неизвѣстный писатель приводитъ, между прочимъ, слѣдующее выраженіе: „Я думаю, что тѣло имѣетъ естественное движеніе, заключенное въ немъ самомъ“⁵⁾, и говоритъ, что такъ „сказалъ авва Антоній“. Дѣйствительно въ обѣихъ редакціяхъ перваго письма Антонія находится указанное выраженіе⁶⁾, что несомнѣнно говоритъ за принадлежность этого письма Антонію.

Такимъ образомъ, семь писемъ Антонія были извѣстны съ глубокой древности, какъ его произведенія, и пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Но въ настоящее время мы владѣемъ 20-ю письмами Антонія, которыя перевелъ съ арабскаго языка и издалъ въ Парижѣ въ 1641 году ученый маронитъ Авраамъ Энхелленскій. Изъ нихъ первая семь писемъ почти тождественны съ семью

¹⁾ „Antonius monachus... misit Aegiptiace ad diversa monasteria Apostolici sensus sermonisque epistolas septem, quae in Graecam linguam translatae sunt, quarum praecipua est ad Arsenoitas“.—De illustr. eccles. script. cap. 88.

²⁾ „Antonius monachus, cujus vitam Athanasius insigni volumine prosecutus est, misit septem epistolas ad diversa monasteria, apostolici sensus et sermonis“.—„Vitae Patrum“ Rosweydi. Lib. I.—Migne t. LXXIII, ser. lat. p. 115.

³⁾ Она носила слѣдующее заглавіе: „Ἀνδρῶν ἁγίων βιβλος, ἣ βίοι τῶν περὶ Ἀντώνιον τὸν Μέγαν ἁγίων“, а въ лат. переводѣ: „De gestis et verbis seniorum“.

⁴⁾ Bibliotheca, cod. 198. Migne, t. CIII, ser. gr. p. 663, 665.

⁵⁾ „Aestimo, quod habeat corpus motum naturalem conspersum in se“. Migne XL, ser. gr. p. 955. Сравни. Достоп. сказ. § 22.

⁶⁾ Въ изданіи семи писемъ говорится: „In ipso enim est naturale corporis concretum illi“, а въ редакціи двадцати писемъ—„primus (motus) quidem semper ei inest“. Migne XL, ser. gr. p. 979 et 1001.

письмами другой редакціи, только счетъ писемъ идетъ въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ, о чемъ у насъ будетъ рѣчь впереди. То обстоятельство, что вновь изданныя Авраамомъ Энхелленскимъ 13 писемъ помѣщаются въ древнихъ арабскихъ кодексахъ вмѣстѣ съ семью первыми, служитъ внѣшнимъ доказательствомъ единства автора всѣхъ двадцати писемъ Антонія. Если бы не было никакихъ основаній считать ихъ за произведенія Антонія, то они и не помѣщались бы въ древнихъ арабскихъ кодексахъ наряду съ письмами, принадлежность Антонію которыхъ исторически засвидѣтельствована. Іерониму было извѣстно только относительно семи писемъ, что они посланы въ монастыри Антоніемъ, но ему не приходилось встрѣчать другихъ писемъ Антонія, посланныхъ, можетъ быть, въ неизвѣстные Іерониму монастыри, вотъ почему онъ о нихъ и умалчиваетъ. Если же сравнить послѣднія 13 писемъ Антонія съ первыми семью, то неизбежно приходимъ къ заключенію, что всѣ они написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. По формѣ и изложенію, по способу веденія рѣчи, по однородности предметовъ ея, наконецъ по той задушевности и простотѣ, съ которою написаны всѣ двадцать писемъ Антонія, очевиденъ одинъ ихъ общій авторъ. Въ послѣднихъ 13-ти письмахъ Антоній часто повторяетъ то, о чемъ говорилъ въ первыхъ семи. Такъ, напримѣръ, о діавольскихъ искушеніяхъ, о козняхъ злыхъ духовъ противъ человѣка, о средствахъ для борьбы съ ними Антоній говоритъ довольно подробно въ VI, I и V письмахъ¹⁾; объ этихъ же самыхъ предметахъ идетъ рѣчь въ XVII—XX письмахъ²⁾, сходная не только по смыслу, но иногда даже по выраженіямъ. О борьбѣ духа и тѣла, о необходимости обуздывать тѣло и покорять его духу Антоній говоритъ въ I, III, V и VII письмахъ³⁾, и объ этомъ же говорится въ письмѣ XVII и XX⁴⁾. Объ обузданіи языка говорится въ I и XX письмахъ⁵⁾. Въ I, VI,

¹⁾ Migne XL. p. 1012—1015; 1002, 1003; 1010.

²⁾ Ibid. p. 1044, 1046, 1047, 1048, 1050, 1052, 1057, 1063.

³⁾ Ibid. pag. 1001—1002, 1006, 1010, 1018.

⁴⁾ Ibid. 1044, 1066.

⁵⁾ Ibid. p. 1002, 1057.

VIII и XVII письмах Антоній убѣждаетъ иноковъ умерщвлять свое тѣло для достиженія совершенства¹⁾; особенно сходны между собою выраженія VI и VIII писемъ²⁾. Въ IV письмѣ Антоній обличаетъ Арія и его заблужденія³⁾; такіа же обличенія заблужденій Арія мы находимъ и въ XVII письмѣ⁴⁾; хотя въ послѣднемъ случаѣ имя Арія и не упоминается, но обличеніе людей, „утверждающихъ, что Творецъ тварей сотворенъ“, что „Слово по соединеніи съ тѣломъ сдѣлалось тварью“, ясно показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ Аріѣ и его послѣдователяхъ. О необходимости стремиться къ нравственному совершенству Антоній говоритъ въ VI и VII письмахъ⁵⁾; объ этомъ же самомъ онъ говоритъ затѣмъ въ письмѣ VIII и X⁶⁾. — Мысли преп. Антонія о необходимости для каждаго христіанина отгонять отъ себя діавольскую пагубную гордость и облекаться смиреніемъ одинаково встрѣчаются какъ въ первыхъ семи, такъ и въ послѣднихъ тринадцати письмахъ⁷⁾. Точно также во всѣхъ письмахъ встрѣчаются увѣщанія Антонія любить отъ всего сердца и отъ всей души своей Бога и ближнихъ⁸⁾. (Очень характернымъ, по нашему мнѣнію, признакомъ, указывающимъ на происхожденіе отъ Антонія всѣхъ 20-ти писемъ, служить встрѣчающееся въ бѣльшей части писемъ увѣреніе Антонія въ своей великой любви къ духовнымъ своимъ дѣтямъ. Эти увѣренія встрѣчаются въ пяти письмахъ изъ первыхъ семи по счету⁹⁾, и въ семи письмахъ изъ послѣднихъ тринадцати¹⁰⁾). Такое

¹⁾ Ibid. p. 1001, 1014 1020, 1044.

²⁾ Ibid. p. 1014, 1020.

³⁾ Ibid. p. 1009.

⁴⁾ Ibid. p. 1045.

⁵⁾ Ibid. p. 1014, 1017—1018.

⁶⁾ Ibid. p. 1021, 1026.

⁷⁾ Epist. VI, 1013—1015; Epist. VII, p. 1017; Epist. VIII, p. 1020; Epist. XVI, p. 1032—1039; Epist. XX, p. 1056.

⁸⁾ Epist. VI, p. 1014; Ep. IX, p. 1022; Ep. XIV, p. 1029; Ep. XX, p. 1059.

⁹⁾ Epist. III, p. 1006, 1008; Epist. IV, p. 1008; Epist. V, p. 1009; Epist. VI, p. 1015; Epist. VII, p. 1017, 1018.

¹⁰⁾ Epist. VIII, p. 1020; Ep. IX, p. 1022; Ep. XII, p. 1027; Ep. XIII, p. 1027, 1028; Ep. XIV, p. 1029; Ep. XV, p. 1031; Ep. XX, p. 1061.

частое выраженіе своей любви къ духовнымъ дѣтямъ вполне соответствуетъ характеру любвеобильнаго Антонія и тѣмъ отношеніямъ, какія существовали всегда между нимъ и учениками. По своей искренности и задушевности всѣ эти увѣренія въ любви несомнѣнно принадлежатъ одному лицу.

Приведенное нами сходство семи и тринадцати писемъ показываетъ, что ученый маронитъ Авраамъ Энхелленскій имѣлъ основанія помѣстить ихъ въ одномъ сборникѣ. Очень можетъ быть, что арабскіе кодексы, въ которыхъ всѣ двадцать писемъ Антонія помѣщались вмѣстѣ, имѣли кромѣ внутреннихъ основаній еще внѣшнія доказательства и историческія свидѣтельства о принадлежности этихъ писемъ Антонію. Вотъ почему еще въ XVII вѣкѣ Комбефизій считалъ послѣднія тринадцать писемъ произведеніями Антонія. Онъ придавалъ имъ ту же цѣну, что и первымъ семи, и считалъ ихъ „достойнѣйшими, соответствующими божественной мудрости Антонія, человѣка поистинѣ богонаученнаго (θεοδιδάκτου), и его живому темпераменту“¹⁾. Лучшіе изслѣдователи твореній св. Антонія Великаго считаютъ всѣ 20 писемъ, дошедшихъ до насъ съ именемъ Антонія, произведеніемъ одного автора, и такимъ авторомъ называютъ Антонія Великаго²⁾. Если же въ нѣкоторыхъ изданіяхъ святоотеческихъ твореній съ именемъ Антонія встрѣчаются только семь писемъ, безъ упоминанія объ остальныхъ тринадцати³⁾, то это дѣлается исключительно на основаніи свидѣтельства Іеронима, признающаго Антонія авторомъ только семи писемъ.

¹⁾ *Combesis. Bibliotheca patrum concionatoria. tom. I, p. 5.*

²⁾ Проф. Казанскій. Исторія правосл. монашества на Востокѣ, ч. I, стр. 92—93. Извѣковъ. Преп. Антоній Великій. — Христ. Чтен. 1879 г. ч. II, стр. 291—292. *Gallandii—Bibliotheca veterum Patrum. t. IV. Prolegomena, p. XXVIII—XXIX.*

³⁾ Такъ, напримѣръ, *Bigne* приводитъ только семь писемъ Антонія, которыя всѣ неправильно адресованы къ Арсеноитамъ, за исключеніемъ перваго. — *Maxima bibliotheca veterum patrum. t. IV, 77—85. Ellies du Pin* точно также говоритъ только о семи письмахъ Антонія, и шесть изъ нихъ адресуетъ къ Арсеноитамъ, хотя и сомнѣвается въ подлинности такого надписанія. — *Nouvelle bibliothéque des auteurs ecclésiastiques. t. II, p. 67. Ceillier*, перечисляя писанія, приписываемыя Антонію, гово-

Такимъ образомъ всѣ двадцать писемъ, дошедшихъ до насъ съ именемъ Антонія, принадлежатъ несомнѣнно одному лицу. Если мы обратимся къ содержанію этихъ писемъ, то увидимъ, что авторомъ ихъ былъ Антоній. Самый духъ писемъ вполне согласенъ съ характеромъ Антонія, какимъ онъ изображается у Аѳанасія Великаго, Сократа и Созомена. Обстоятельства, въ которыхъ находится авторъ двадцати писемъ, прямо указываютъ намъ на Антонія; всѣ же наставленія и увѣщанія Антонія къ благочестивой жизни очень сходны съ наставленіями его, которыя сохранилъ намъ Аѳанасій въ „жизни Антонія“. Мы уже видѣли выше, что въ письмахъ часто говорится объ искушеніяхъ демоновъ, о средствахъ, какія они употребляютъ для прельщенія слабыхъ и неопытныхъ, предлагаются увѣщанія къ борьбѣ съ демонами и указываются способы веденія этой борьбы. То же самое только еще въ болѣе подробномъ и систематическомъ очеркѣ представилъ намъ Аѳанасій, какъ цѣльную рѣчь Антонія къ монахамъ¹⁾. Какъ въ этой рѣчи, такъ и въ письмахъ выступаетъ одинъ и тотъ же Антоній, проведеній 35 лѣтъ въ тяжелой борьбѣ съ искушеніями. Въ наставленіяхъ Антонія, записанныхъ Аѳанасіемъ, Антоній часто убѣждаетъ не имѣть никакого общенія съ аріанами, мелетіанами и другими отщепенцами, осуждаетъ аріанскую ересь и проситъ всѣхъ держаться истиннаго христіанскаго ученія²⁾. О чемъ Антоній лично говорилъ своимъ ученикамъ относительно аріанъ, о томъ же онъ и писалъ въ своихъ письмахъ, когда обстоятельства не позволяли ему са-

речь только о семи письмахъ, а 20 писемъ, изданныхъ Авраамомъ Энгелменскимъ, считаетъ произведеніями безъ авторитета. — *Histoire générale des auteurs sacrés et ecclésiastiques*. t. IV, p. 516—519. *Erdinger*, признавая подлинными семь писемъ Антонія, говоритъ и о „многихъ (plures)“ письмахъ, приписываемыхъ Антонію, но безъ всякой критики отвергаетъ ихъ, считая подложными. — *Septem epistolae s. Antonii abbatis*, p. 14. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ прошлаго столѣтія, которыя намъ пришлось имѣть подъ руками, также помѣщаются только семь писемъ Антонія первой редакціи, какъ, напримѣръ, въ изданіи *Guillon'a: Collectio selecta ss. Ecclesiae Patrum*, pag. 549—582. Paris. 1834.

¹⁾ Vita Ant. §§ 21—43.

²⁾ Ibid. §§ 68, 69, 82, 89.

мому придти къ нимъ. Въ IV и XVII письмахъ мы находимъ обличеніе Арія со всѣми его единомышленниками и убѣжденіе держаться здраваго ученія¹⁾, причемъ здѣсь почти буквально приводятся слова Антонія, находящіеся въ его жизнеописаніи²⁾. Ясно, что письма написаны Антоніемъ въ то время, когда ученіе Арія получило уже широкое распространеніе. Какъ передаетъ Аѳанасій, Антоній убѣждалъ своихъ учениковъ не смущаться и не приходить въ страхъ, слыша о добродѣтели; „она не далеко отъ насъ, говорилъ Антоній, не внѣ насъ образуется; дѣло ея въ насъ, и оно легко, если пожелаемъ только“³⁾; эти же слова почти буквально повторяются въ IV письмѣ Антонія⁴⁾. И въ „жизни Антонія“, и въ письмахъ одинаково говорится о совершенствѣ челоѣческой природы до грѣхопаденія и о необходимости для нашей души пребывать такою, какою она сотворена⁵⁾. Своимъ собственнымъ примѣромъ и устными наставленіями Антоній убѣждалъ подвизаться непрестанно и ослаблять свое тѣло, чтобы подавить въ себѣ плотское вождельніе и усовершенствоваться въ добродѣтели. Эти мысли, находящіеся въ жизнеописаніи Антонія, очень часто встрѣчаются и въ его письмахъ⁶⁾. Во время пребыванія съ учениками Антоній убѣждалъ ихъ подвизаться непрестанно, каждый день какъ бы умирать, и новый день начинать новыми подвигами, чтобы съ каждымъ днемъ становиться все болѣе и болѣе совершенными, и не обращаться назадъ, подобно женѣ Лотовой⁷⁾. Въ своихъ письмахъ Антоній также время отъ времени напоминаетъ монахамъ о необходимости непрерывнаго нравственнаго совершенствованія⁸⁾. Аѳанасій Великій свидѣтельствуешь, что наставленія Антонія не бы-

¹⁾ Migne XL, pag. 1009 et 1045.

²⁾ Сравни. Vita Ant. § 69 и Migne XL, p. 1045.

³⁾ Vita Ant. § 20.

⁴⁾ Migne XL, p. 1009; Сравни. Vita Ant. § 20.

⁵⁾ Vita Ant. § 20; Сравни. Epist. II, p. 1004, Epist. VI, p. 1011, Epist. VII, p. 1016, 1019, Epist. XX, p. 1063.

⁶⁾ Vita Ant. § 16—21; Сравни. Epist. I, p. 1001, Epist. VI, p. 1014, Epist. VIII, p. 1020, Epist. XVII, p. 1044.

⁷⁾ Vita Anton. § 19—20.

⁸⁾ Epist. VI, p. 1014; Epist. VII, p. 1017; Epist. XI, p. 1026.

нали особенно продолжительны, такъ какъ онъ старался обыкновенно уходить скорѣе въ уединеніе¹⁾. И письма его часто очень кратки, напримѣръ: IX, XII, XIII, XIV и XV-е. Въ письмахъ Антоній часто выражаетъ намѣреніе написать своимъ ученикамъ больше, но находитъ, что и краткихъ его наставленій достаточно²⁾. „Наставленія мои кратки, говоритъ Антоній въ одномъ изъ своихъ писемъ, ибо я знаю, что сердце, желающее очистить себя отъ грѣха, не имѣетъ нужды во множествѣ словъ“³⁾.

Содержаніе двадцати писемъ во многихъ мѣстахъ вполне соответствуетъ тѣмъ извѣстіямъ, какія сохранились объ Антоніи въ „Достопамятныхъ сказаніяхъ“. Антоній, напримѣръ, въ письмѣ XVI запрещаетъ инокамъ переходить съ одного мѣста на другое съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтать славу отъ людей⁴⁾; такое же самое запрещеніе Антонія мы находимъ и въ „Достопамятныхъ сказаніяхъ“ (§ 3). Въ письмахъ Антоній довольно подробно говоритъ объ искушеніяхъ, объ ихъ цѣли и значеніи для насъ. Настоящая наша жизнь, по Антонію, есть путь, исполненный искушеній и трудовъ, поэтому искушенія на жизненномъ пути неизбѣжны⁵⁾. Ту же мысль приписываютъ Антонію и „Достопамятныя сказанія“: „никто безъ искушенія, говорится здѣсь, не можетъ войти въ царство небесное. Ибо не будь искушеній, и никто не спасется“ (§ 5). Въ письмахъ Антонія мы замѣчаемъ стремленіе раздѣлять все на три части. Такъ, напримѣръ, тѣло и душа по Антонію переживаютъ три состоянія: отроческое, мужское и старческое, а душа переживаетъ въ тѣлѣ состояніе вѣры рождающейся, усовершенствующейся и усовершенствовавшейся⁶⁾; видѣніе Моисеемъ огненной купины заключало въ себѣ по Антонію три части⁷⁾; воля, дѣйствующая въ сердцѣ человѣка, бываетъ по Антонію троякаго рода⁸⁾; дѣйствія человѣческаго тѣла онъ также

раздѣляетъ на три рода¹⁾, даже въ толкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія (2 Тим. 1, 3—4) онъ видитъ три стороны²⁾. Такую любовь Антонія къ числу 3 приписываютъ ему и „Достопамятныя сказанія“; въ нихъ, напримѣръ, встрѣчается такое выраженіе Антонія: „въ тѣлѣ бываетъ троякое движеніе: одно естественное, другое отъ безразличнаго употребленія пищи, а третье отъ демоновъ“³⁾. Точно также и въ „Достопамятныхъ сказаніяхъ“, и въ письмахъ встрѣчаются обличенія и предостереженія, которыя дѣлалъ Антоній неопытнымъ монахамъ, желавшимъ жить безъ руководства старцевъ, и потому падавшимъ нравственно⁴⁾.

Кромѣ сходства писемъ Антонія съ наставленіями, записанными у Афанасія, и съ „Достопамятными сказаніями“, въ письмахъ есть прямые указанія на то, что они — произведенія Антонія и продиктованы имъ при концѣ жизни, когда онъ уже не могъ лично посѣщать своихъ учениковъ, жившихъ въ отдаленіи отъ него. Въ XX письмѣ авторъ говоритъ о себѣ, что онъ „много трудился на горахъ и въ пустыняхъ, и день и ночь просилъ Бога, чтобы Онъ открылъ ему волю Свою“⁵⁾; далѣе встрѣчаются замѣчанія, изъ которыхъ видно, что на этихъ горахъ и въ пустыняхъ авторъ писемъ подвизался съ молодыхъ лѣтъ до глубокой старости. Такъ, напримѣръ, въ VIII письмѣ говорится: „Господь нашъ отъ самаго отрочества моего до сего дня внималъ молитвамъ моимъ“⁶⁾; или въ другомъ письмѣ: „Подобнымъ образомъ (подобно Іакову) и я, ничтожный, молю Бога моего, Кото-

¹⁾ Epist. I, p. 1001.

²⁾ Epist. XII, p. 1026—1027.

³⁾ Достопам. сказ. § 22 и 11. Встрѣчающееся въ „Достопамят. сказ.“ (§ 22) выраженіе Антонія: „думаю, что въ тѣлѣ есть движеніе естественное, прирожденное ему (κίνησιν φυσικὴν συναναφύρεϊσιν αὐτῷ)“ буквально повторяется въ первомъ письмѣ Антонія (Migne XL, pag. 979 et 1001. Вообще почти весь 22 параграфъ „Достопамят. сказаній“ входитъ въ составъ I-го письма Антонія.

⁴⁾ Достопам. сказ. § 37; Сравни. Epist. VI, p. 1015; Epist. XVIII, p. 1050.

⁵⁾ Migne XL, p. 1065.

⁶⁾ Ibid. p. 1020.

¹⁾ Vita Ant. § 85.

²⁾ Epist. III, p. 1008; Epist. IX, p. 1022.

³⁾ Epist. VII, p. 1018.

⁴⁾ Migne XL, p. 1037.

⁵⁾ Epist. VI, p. 1013; Epist. XX, p. 1058—59, 1065.

⁶⁾ Epist. XVII, p. 1043.

⁷⁾ Ibid. p. 1041.

⁸⁾ Epist. XX, p. 1063.

рому до сего дня служу отъ юности моей, чтобы Онъ благословилъ васъ" ¹⁾).

Престарѣлый Антоній называетъ уже тѣло свое бrenнымъ и ожидаетъ блаженной кончины. „Я желалъ бы видѣть васъ и здѣсь на землѣ въ бrenномъ тѣлѣ моемъ, пишетъ онъ своимъ любимымъ ученикамъ, но ожидаю уже переселенія въ тѣ блаженныя обители, гдѣ нѣтъ ни печали, ни стенанія, но гдѣ всѣ святые непрестанно радуются" ²⁾. „Я, грѣшный, открываю вамъ о себѣ, говоритъ Антоній въ другомъ письмѣ, что когда Богъ пробудилъ умъ мой отъ сна смерти, вся протекшая довольно долговременная жизнь моя послѣ того была ничто иное, какъ непрестанный плачь и стesнаніе о грѣхахъ моихъ" ³⁾.

Всѣ такія краткія замѣчанія, разсѣяныя въ различныхъ письмахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что они написаны Антоніемъ въ послѣдній періодъ его жизни, когда онъ жилъ уединенно на горѣ въ сообществѣ двухъ учениковъ, прислуживавшихъ ему на старости, и другихъ, жившихъ недалеко отъ него и чаще другихъ навѣщавшихъ его ⁴⁾.

Такимъ образомъ на основаніи внѣшнихъ свидѣтельствъ и внутреннихъ доказательствъ необходимо признать, что XX писемъ, дошедшихъ до насъ съ именемъ Антонія, дѣйствительно принадлежатъ ему и написаны имъ при концѣ жизни. Конечно, нельзя думать, что Антоній писалъ ихъ своею рукою, потому что неграмотность его исторически доказана ⁵⁾, но это нисколько не мѣшаетъ Антонію быть авторомъ замѣчательныхъ по духу и силѣ слова

¹⁾ Epist. XIV, p. 1030.

²⁾ Epist. VI, p. 1015.

³⁾ Epist. VII, p. 1018.

⁴⁾ Что кромѣ двухъ указанныхъ учениковъ около Антонія жили въ недалекомъ разстояніи и другіе, это видно изъ XX письма, гдѣ Антоній говоритъ: „и я, и братья, живущіе при мнѣ, только тогда можемъ вполне чувствовать радость, когда слышимъ о вашемъ благочестіи". Migne XL, p. 1062.

⁵⁾ О неграмотности Антонія свидѣлствуютъ Аѳанасій Великій, Сократъ, Созоменъ, блж. Августинъ и Синазій, о чемъ мы подробно говорили въ описаніи жизни Антонія Великаго.

посланій.—Въ письмахъ Антонія встрѣчаются иногда выраженія, на основаніи которыхъ нѣкоторые поспѣшно могутъ заключить, что Антоній писалъ письма своею рукою. Антоній, на примѣръ, говоритъ своимъ ученикамъ: „я могъ бы болѣе написать вамъ" ¹⁾; „я пишу это вамъ по сильной любви сердца моего къ вамъ" ²⁾; „я пишу вамъ, какъ людямъ мудрымъ" ³⁾; или: „когда я писалъ письмо это къ вамъ, то Духъ Божій побудилъ меня написать вамъ" ⁴⁾; въ IX письмѣ Антоній говоритъ своимъ ученикамъ: „по любви моей къ вамъ я намѣренъ былъ много писать къ вамъ, но теперь нахожу достаточнымъ и это краткое письмо" ⁵⁾. Но всѣ указанныя нами выраженія о написаніи Антоніемъ писемъ нужно понимать такъ, что письма написаны ближайшими учениками подъ его диктовку, и въ этомъ смыслѣ Антоній справедливо могъ говорить своимъ ученикамъ, что „писалъ" имъ. Среди учениковъ Антонія были люди не только простые, но находились и болѣе или менѣе образованные; таковы, на примѣръ, Кроній и Исаакъ, знавшіе не только коптскій, но и греческій языкъ, и бывшіе переводчиками у Антонія ⁶⁾, не умѣвшего говорить по гречески; таковъ Макарій, имѣвшій даже нѣкоторыя свѣдѣнія изъ грамматики, риторики ⁷⁾, и проч. Они то и могли писать письма со словъ Антонія во время частыхъ посѣщеній своего аввы.

Мы не станемъ доказывать, что XX писемъ Антонія дошли до насъ во всей цѣлости и неповрежденности. При тогдашнихъ условіяхъ сохраненія письменныхъ памятниковъ и частой ихъ перепискѣ нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ письмахъ были неизбежны. Среди учениковъ, окружавшихъ Антонія, были такіе, какъ Павелъ Простой, Памво, Пименъ и другіе, люди весьма

¹⁾ Epist. III, p. 1008.

²⁾ Epist. VIII, p. 1020.

³⁾ Epist. III, p. 1007; Epist. IV, p. 1008.

⁴⁾ Epist. VIII, p. 1020. Сравни. Epist. XIX, p. 1054.

⁵⁾ Migne XL, p. 1022. Сравни. Epist. II, p. 1005; Epist. VI, p. 1015.

⁶⁾ Лавсакъ Палладія, § 23, стр. 89. Твор. блж. Іеронима, ч. IV, стр. 33.

⁷⁾ Духовныя бесѣды Макарія Египетскаго. стр. 3. Москва. 1852.

простые и неученые¹⁾; они, конечно, сохраняли въ памяти слышанныя отъ Антонія наставленія и передавали ихъ монахамъ уже послѣ смерти Антонія. Послѣдніе, вѣроятно, вносили въ письма Антонія часть изъ слышаннаго ими, благодаря чему въ письмахъ встрѣчаются повторенія и мысли, стоящія рядомъ, но не имѣющія внутренней связи. Но не смотря на такія измѣненія, письма Антонія все таки вѣрно передаютъ мысли великаго отшельника. Доказательствомъ этого служить поразительное сходство первыхъ семи писемъ обѣихъ редакцій, сходство не только по мыслямъ и по порядку изложенія ихъ, но даже по языку и буквѣ. Эти двѣ редакціи дошли къ намъ настолько независимо одна отъ другой, что даже и въ настоящее время 7 писемъ печатаются отдѣльно отъ двадцати; и не смотря на это, семь писемъ, издаваемыхъ отдѣльно, до того сходны съ соотвѣтствующими имъ семью письмами изъ двадцати, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ принадлежности ихъ одному лицу. Если же принять во вниманіе, что первая семь писемъ дошли до насъ во второмъ переводѣ (греческій, латинскій), а другія семь переведены съ арабскаго кодекса, сдѣланнаго египетскимъ монахомъ Авраамомъ²⁾, то небольшое различіе ихъ въ обѣихъ редакціяхъ будетъ вполне естественно.

Какъ на интерполяцію указываютъ въ письмахъ Антонія на замѣчанія о монашеской одеждѣ и символическомъ значеніи ея, каковыя замѣчанія могли появиться уже значительно позже, когда были введены особыя монашескія одежды³⁾. Но въ письмахъ Антонія вовсе нѣтъ рѣчи объ „одеждѣ покаянія“, какъ это стоитъ въ рускомъ ихъ переводѣ, и всѣ три мѣста писемъ объ одеждѣ не могутъ говорить противъ принадлежности писемъ Антонію, особенно если сравнить обѣ редакціи писемъ. По русскому переводу

¹⁾ Лавсаикъ Палладія, § 25, стр. 90.

²⁾ Gallandi. Veterum Patrum Biblioth. t. IV, Prolegom. p. XXIX; Migne XL, p. 957.

³⁾ Извѣковъ. Преп. Антоній Великій. Христ. Чтеніе. 1879 г. ч. II, стр. 293.

II-го письма Антоній побуждаетъ иноковъ заботиться о спасеніи и предостерегаетъ ихъ, чтобы они „не подверглись осужденію, не смотря на то, что облеклись въ одежду покаянія“¹⁾. Но по сравненіи указаннаго мѣста въ обѣихъ редакціяхъ этого письма оказывается, что здѣсь совсѣмъ другая мысль. Приводя слова пророка Іоиля (2, 13), преп. Антоній убѣждаетъ учениковъ заботиться о своемъ спасеніи и проситъ cadaго изъ нихъ раздирать свое сердце, а не одежды, „чтобы облеченные одеждою неправды, они не приготовили себѣ осужденія“²⁾. Въ III письмѣ по русскому переводу также выходитъ, что ученики Антонія „облеклись въ одежду покаянія“³⁾, между тѣмъ въ латинскомъ подлинникѣ стоитъ выраженіе: „induti sunt habitu religionis“⁴⁾, вовсе не говорящее объ особенныхъ монашескихъ одеждахъ, имѣющихъ символическое значеніе покаянія. Въ VII письмѣ, правда, говорится: „мы почтены именами святыхъ и облечены ихъ одеждою, которою хвалимся предъ невѣрными“⁵⁾, но изъ сопоставленія этого мѣста съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ изъ семи писемъ видно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ одеждѣ монашеской, а о внѣшнемъ образѣ святыхъ, который старались носить монахи⁶⁾.

На основаніи мнимаго указанія въ письмахъ Антонія на „одежду покаянія“, нѣкоторой несистематичности въ изложеніи содержанія и сходства нѣкоторыхъ мѣстъ различныхъ писемъ г. Извѣковъ хочетъ доказать, что письма Антонія сохранялись устно и только по смерти Антонія всѣ его наставленія собраны и запи-

¹⁾ Христ. Чтеніе. 1826 г. ч. XXII, стр. 58.

²⁾ „Observo vos, ne negligatis salutem propriam; sed unusquisque vestrum scindat cor, et non vestimenta, ne forte amicti habitu injusto, paremus nobis iudicium“. Migne XL, p. 994. Въ редакціи же двадцати писемъ стоитъ: „induti habitu monachatus“—pag. 1005, что указываетъ только на позднѣйшую ошибку переписчика.

³⁾ Христ. Чтен. 1826 г. ч. XXII, стр. 64.

⁴⁾ Migne XL, p. 1007. Въ редакціи семи писемъ этого выраженія вовсе нѣтъ.

⁵⁾ Migne XL, p. 1017.

⁶⁾ Quod nominibus amicti sumus, et sanctorum schemata bajulamur in conspectu infidelium gloriantes“. Epist. III, p. 990.

саны различными учениками, въ различныхъ мѣстахъ¹⁾). Но противъ этого говоритъ положительное свидѣтельство Іеронима, которому уже извѣстны были семь писанныхъ посланій Антонія, и многія выраженія писемъ, изъ которыхъ видно, что кромѣ личныхъ бесѣдъ и наставленій, передаваемыхъ устно, между Антоніемъ и его учениками существовали по временамъ и письменныя сношенія²⁾). Существованіе двухъ редакцій первыхъ семи писемъ и ихъ небольшія разности только еще болѣе подтверждаютъ нашу мысль, что письма были написаны Антоніемъ еще при жизни его, и указанія г. Извѣкова на „одежду покаянія“ нисколько не ослабляютъ этой мысли.

Содержаніемъ писемъ Антонія служатъ, главнымъ образомъ, наставленія въ христіанской нравственности и убѣжденія къ христіанскому подвигу, но есть здѣсь и изложеніе истинъ догматическихъ. Антоній говоритъ, на примѣръ, о грѣхопадѣніи человѣка, о великой любви Божіей, явленной намъ въ тайнѣ искупленія, о необходимости стремленія къ нравственному совершенству и о благодатныхъ средствахъ, даруемыхъ намъ Богомъ для этого. Говоритъ о ветхозавѣтномъ законѣ и новозавѣтной благодати, излагаетъ ученіе св. Писанія о воскресеніи мертвыхъ, о будущихъ наградахъ, наказаніяхъ и проч. Но догматическихъ истинъ Антоній касается настолько, насколько это было необходимо для разъясненія ученикамъ ихъ нравственныхъ обязанностей и для возбужденія въ нихъ неослабѣвающей ревности къ совершенію иноческихъ подвиговъ. Главнымъ же образомъ Антоній является въ письмахъ любвеобильнымъ отцомъ, желающимъ передать своимъ ученикамъ весь свой духовный опытъ. Письма Антонія переполнены наставленіями, какъ вести себя въ уединеніи, какъ предаваться молитвамъ, бдѣнію и воздержанію, бороться съ искушеніями и отражать козни демоновъ. Въ нихъ говорится о молитвѣ къ Богу и ближнимъ, о смиреніи, покаяніи, терпѣніи, незлобіи и другихъ добродѣтеляхъ, ведущихъ христіанина къ совершенству. Все это

¹⁾ Христ. Чтен. 1879 г. ч. II, стр. 293, 296.

²⁾ Epist. XIX, p. 1055; Epist. XX, p. 1062.

разнообразное содержаніе писемъ Антонія изложено просто и безъ риторическихъ украшеній, но, благодаря искренности писавшаго, изложено живо и увлекательно. Нельзя указать какого-либо плана и строгой послѣдовательности въ изложеніи содержанія писемъ. Часто въ различныхъ письмахъ упоминается объ одномъ и томъ же, и даже иногда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Такъ, на примѣръ, говоря о томъ, что рабство Христово есть истинная христіанская свобода, преп. Антоній въ трехъ различныхъ письмахъ приводитъ одни и тѣ же мѣста св. Писанія (Іоан. 15, 5; Рим. 8, 15—16¹⁾); и въ V и въ VI письмѣ говорится о добрыхъ и злыхъ ангелахъ и указываются ихъ имена²⁾). Иногда въ одномъ и томъ же письмѣ встрѣчаются повторенія разъ уже высказанной мысли, хотя и въ различныхъ видоизмѣненіяхъ³⁾). Но всѣ подобныя повторенія не нарушаютъ общаго пріятнаго впечатлѣнія, производимаго письмами Антонія на читателя. Недостатокъ въ нихъ системы обильно искупается богатствомъ содержанія, искренностью тона, ясностью и простотою изложенія. О письмахъ Антонія можно сказать то же самое, что сказалъ издатель ихъ Камперій въ своемъ письмѣ къ Гектору Даллу, протонотарію римской церкви: „не знаю, чему болѣе удивляться въ письмахъ Антонія, писалъ Камперій, важности ли ихъ, или пріятности. Ибо весьма кстати начинается Антоній, ясно рассказываетъ исторіи пророковъ, быстро влечетъ за собою, различно украшаетъ, искусно излагаетъ: такъ хорошо, такъ изящно, такъ полно и прекрасно говорилъ въ письмахъ Антоній. Что совершеніе этой Антоніевой рѣчи, что выше? какой способъ изложенія, какой планъ? Никогда, мой Гекторъ, я не услаждался такъ“⁴⁾). Какъ человѣкъ, не получившій

¹⁾ Epist. II, p. 1005; Epist. III, p. 1007; Epist. IV, p. 1008.

²⁾ Migne XL, p. 1011, 1013.

³⁾ Такъ, напр., въ VI письмѣ онъ нѣсколько разъ говоритъ о познаніи самого себя. Migne XL, p. 1014—1015.

⁴⁾ Migne XL, p. 56—Notit. ad Epist. s. Anton.; Bigne „Maxima biblioth. vet. Patrum“, t. IV, p. 77. Послѣднія слова Камперія: „Numquam, mi Hector, aequae delectatus sum“ г. Извѣковъ переводитъ такъ: „никакого (т. е. никакого цѣль плана въ письмахъ Антонія), мой Гекторъ, и однако я

образования, Антоній не могъ, конечно, давать въ своихъ письмахъ цѣльные трактаты съ строгимъ единствомъ содержанія, но это и не имѣлось имъ въ виду при написаніи писемъ. Антоній излагалъ свои нравственные увѣщанія, выходившія у него изъ глубины души, и поэтому вполне естественно повтореніе тѣхъ мыслей, которыя больше всего нравились ему, и которыя поэтому онъ хотѣлъ внушить ученикамъ для постояннаго памятованія, каковы, напримѣръ, мысли о любви къ Богу и ближнему, объ умерщвленіи тѣла, о необходимости нравственнаго совершенствованія и проч. Несомнѣнно также и то, что многія изъ этихъ повтореній вкрались въ письма или отъ ошибокъ переписчиковъ, или отъ несправности текста, или отъ благочестивой ревности монаховъ къ памяти Антонія, вслѣдствіе которой (ревности) они повторяли въ одномъ письмѣ мысль, заключающуюся и въ другомъ письмѣ, только сказанную по другому поводу и въ другомъ освѣщеніи. На чистоту текста писемъ не могъ не имѣть вліянія и переводъ ихъ на греческій и латинскій языки. Селлье, напримѣръ, говоритъ, что семь писемъ переведены Саразіемъ съ греческаго на латинскій языкъ слогомъ тяжелымъ, такъ что съ трудомъ можно понимать¹⁾.

Всѣ указанныя нами историческія обстоятельства, вліявшія на такое или иное измѣненіе текста писемъ Антонія, были причиною того, что они дошли до насъ въ двухъ совершенно самостоятельныхъ редакціяхъ, первая—въ количествѣ семи, а вторая—двадцати писемъ. Но, какъ мы замѣтили ранѣе, эти двѣ редакціи, сходныя почти до буквальности, только еще болѣе подтверждаютъ принадлежность писемъ Антонію. Семь писемъ, помѣщаемыхъ отдѣльно, соотвѣтствуютъ первымъ семи письмамъ изъ двадцати, хотя въ обоихъ изданіяхъ они слѣдуютъ не въ одинаковомъ порядкѣ. Только I-е и V-е письма помѣщены въ обоихъ изданіяхъ на одномъ и

восхищаюсь“, и на этомъ основаніи заключаетъ, что въ письмахъ Антонія даже по свидѣтельству Камперія нѣтъ никакого порядка въ изложеніи. Но ошибочность такого заключенія, основаннаго на невѣрномъ переводѣ словъ Камперія, очевидна.

¹⁾ Histoire générale des auteurs sacrés et ecclésiastiques, tom. IV, p. 516.

томъ же мѣстѣ, а остальные въ нумераціи не сходятся, такъ что II-е изъ семи соотвѣтствуетъ VI-му изъ двадцати, III-е — VII-му, IV-е — II-му, VI-е — III-му и VII-е — IV-му. Насколько соотвѣтствующія въ обѣихъ редакціяхъ письма сходны между собою и служатъ разными вариантами однихъ и тѣхъ же писемъ, можно видѣть изъ сравненія ихъ текста, ясно свидѣтельствующаго объ общемъ ихъ происхожденіи¹⁾.

¹⁾ Для примѣра сравнимъ текстъ VII-го письма изъ семи и соотвѣтствующаго ему IV-го изъ двадцати:

Письмо VII-е изъ семи писемъ:

Антоній всѣмъ возлюбленнымъ братамъ въ Господѣ желаетъ спасенія. Я не перестаю воспоминать о васъ, члены церкви каеолической. Я хочу, чтобы вы знали о любви, которую я имѣю къ вамъ, потому что это не тѣлесная, но духовная любовь божественнаго ученія. Безъ сомнѣнія дружба нашихъ тѣлъ несущественна и непостоянна, такъ какъ часто измѣняется отъ внѣшнихъ обстоятельствъ (вѣтровъ). Итакъ, всѣ, которые боятся Бога и сохраняютъ Его заповѣди, суть слуги Божіи.

Но совершенство не въ этомъ рабствѣ, кромѣ только того, что оно имѣетъ въ себѣ правду, приводящую къ усыновленію чадъ. Поэтому и пророки, и апостолы, и весь сонмъ святыхъ восприняты Богомъ, а такъ какъ по волѣ Отца этому сонму ввѣрена апостольская проповѣдь, то они—совершенные узники Христа. И Павелъ говоритъ: „я узникъ Иисуса Христа, названный Апостоломъ“ (Ефес. 3, 1).

Итакъ, пусть будетъ вамъ въ этомъ рабствѣ сотрудникомъ писанный законъ, при помощи котораго мы могли бы господствовать надъ всякимъ порокомъ, и чтобы мы по апостольскому повелѣнію усовершенались въ высочайшемъ служеніи до-

Письмо IV-е изъ двадцати писемъ:

Антоній возлюбленнымъ въ Господѣ дѣтямъ своимъ желаетъ спасенія. Никогда я не перестаю воспоминать о васъ, члены церкви православной. Я хочу, чтобы вы знали мою любовь къ вамъ, несколько не плотскую, но духовную. Вѣдь плотское общеніе неустойчиво и непостоянно, ибо измѣняется вмѣстѣ съ внѣшними обстоятельствами (вѣтрами). Итакъ, всякій, кто боится Бога и сохраняетъ Его заповѣди, сдѣлается слугою Божіимъ. Но это рабство, въ которомъ мы находимся, вовсе не есть рабство, но правда, приводящая къ жизни усыновленія. По этой причинѣ Господь нашъ избралъ пророковъ и апостоловъ и ввѣрилъ имъ апостольскую проповѣдь, и они—узники во Христѣ Иисусѣ. Ибо Апостолъ Павелъ сказалъ: „я узникъ Иисуса Христа, названный Апостоломъ“ (Ефес. 3, 1).

Книга закона также установила для насъ совершеннѣйшее рабство, чтобы мы могли господствовать надъ всѣми страстями, и усовершенять высочайшее служеніе добродѣтели, о которой говоритъ Апостолъ. Когда же мы будемъ ближе къ благодати,

Письма Антонія, какъ и слѣдовало ожидать, первоначально были написаны на египетскомъ языкѣ; хотя Иеронимъ подтверждаетъ это только относительно семи писемъ Антонія¹⁾, но въ виду несомнѣннаго единства всѣхъ писемъ, то же самое нужно сказать и относительно всѣхъ ихъ. Это вполне естественно: Антоній могъ говорить

бродягѣ. Потому что, если мы вполне будемъ подготовлены къ получению (благодати), то Господь скажетъ намъ: „Я уже буду называть васъ не рабами Моими, но друзьями и братьями, потому что все, что сказалъ Мнѣ Отецъ, Я открылъ вамъ“ (Іоан. 15, 5) и т. д.

Migne LX, pag. 998—999.

Представимъ еще одинъ небольшой примѣръ сравнительнаго текста обѣихъ редакцій.

Письмо IV-е изъ семи:

Возлюбленнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ желаю спасенія въ Господѣ.

Поистинѣ возлюбленнѣйшіе въ Господѣ, потому что не въ одно только время Богъ посѣщалъ Свои творенія, но отъ самаго сотворенія міра, и кто приходитъ къ Творцу Богу чрезъ завѣщанный законъ, тѣмъ однимъ только Богъ сопresentsъ прямо (въ простотѣ), по благодати, чрезъ Духа Своего. У естественныхъ же и разумныхъ силъ природы, въ которыхъ этотъ завѣтъ возобновленъ, — обязанности нашихъ душъ умерщвлены, такъ что послѣднія даже не могутъ узнать самихъ себя, соотвѣтственно съ своимъ первобытнымъ состояніемъ, а другіе сдѣлались совершенно неразумными, и служатъ твари болѣе, чѣмъ Творцу. Вслѣдствіе этого, конечно, Строитель по Своей благодати посѣтилъ насъ чрезъ завѣщательный законъ, потому что субстанція является безсмертною“ и т. д. — Migne XL, pag. 992.

¹⁾ De illustr. eccles. scriptor. c. 88.

то Господь нашъ Іисусъ Христосъ скажетъ намъ, какъ сказалъ Своимъ ученикамъ: „Я уже называю васъ не рабами, но Своими друзьями и братьями, потому что все, что Я слышалъ отъ Отца Моего, Я открылъ вамъ“ (Іоан. 15, 15) и т. д.

Migne XL, p. 1008.

Письмо II-е изъ двадцати:

Антоній, пишущій возлюбленнѣйшимъ въ Господѣ своимъ дѣтямъ, (желаетъ) спасенія.

Возлюбленнѣйшіе, не въ одно какое-либо время Богъ посѣтилъ Свои творенія, но поистинѣ во всякое время, отъ сотворенія міра, и до самаго конца его. Итакъ, кто ищетъ Господа съ усердіемъ и любовью, такъ какъ узналъ изъ Его ученія, съ тѣмъ Онъ и Самъ будетъ, и пошлетъ на него благодать Духа Святаго. А такъ какъ естественныя разумныя силы, причастныя тѣламъ, стали слабы и измѣнчивы вслѣдствіе движеній души, и умерщвлены настолько, что не могутъ размыслить о первоначальномъ своемъ состояніи, но сдѣлались подобны безсловеснымъ и служатъ Тварямъ болѣе, чѣмъ Творцу, — то Творецъ всяческихъ посѣтилъ Свои творенія добродѣтелью Своей благодати и Своими животворными законами“ и т. д. Migne XL, pag. 1004.

только по египетски, читатели его писемъ также были природные египтяне, не знавшіе греческаго языка, и если письма писались подъ диктовку Антонія, то, конечно, не иначе, какъ на египетскомъ языкѣ. Тотъ же Иеронимъ свидѣтельствуетъ¹⁾, что въ его время семь писемъ Антонія были переведены на греческій языкъ; такой скорый переводъ писемъ Антонія указываетъ съ одной стороны на глубокий слѣдъ, который оставилъ по себѣ Антоній, а съ другой стороны свидѣтельствуетъ, что нравственно-аскетическія воззрѣнія Антонія начали быстро распространяться среди монашествующихъ и легли въ основаніе аскетики, сильно развившейся впоследствии. Насколько извѣстенъ былъ Антоній и служилъ всеобщимъ образцомъ для подражанія, свидѣтельствуетъ Ефремъ Сиринъ, который цитуетъ мѣста изъ жизнеописанія Антонія, написаннаго Афанасіемъ на греческомъ языкѣ. Очевидно, что во времена Ефрема Сирина († 372 г.) оно уже существовало въ сирійскомъ переводѣ²⁾.

Въ настоящее время намъ извѣстенъ только латинскій переводъ писемъ Антонія. Первые семь писемъ были переведены съ греческаго на латинскій языкъ Валеріемъ Саразіемъ³⁾; но Галландій говоритъ, что въ этомъ первомъ довольно запутанномъ переводѣ нѣкоторыя вещи Саразій опустилъ не совсѣмъ удачно⁴⁾. Другой переводъ Саразія впервые былъ обнародованъ Симфоріаномъ Камперіемъ въ Парижѣ въ 1515 году. Спустя немного времени, именно въ 1536 году, эти письма издалъ Діонисій Картезианскій, присоединивъ ихъ къ своимъ комментаріямъ на сочиненія Діонисія Ареопагита. Послѣ этого семь писемъ издавались въ различныхъ мѣстахъ и много разъ; но нужно замѣтить, что въ такъ называемыхъ „Bibliothecis Patrum“, издававшихся въ Парижѣ, Колонѣ, и Ліонѣ, всѣ семь писемъ, за исключеніемъ перваго, адресовались къ Арсеноитамъ⁵⁾, между тѣмъ какъ по свидѣтельству Иеронима къ

¹⁾ Ibid. cap. 88.

²⁾ Твор. Ефрема Сирина. ч. I, стр. 479—480. Москва. 1858.

³⁾ Такъ думаетъ Росвейдъ и Элли-дю Пенъ.

⁴⁾ Galland. Biblioth. vet. Patrum t. IV, Prolegom. p. XXVIII.

⁵⁾ Таковы, напр.: Bigne. Maxima biblioth. vet. Patrum. tom. IV, pag. 77—85 и Ellies du Pin — Nouvelle bibliotheque des auteurs ecclésiastiques. t. II, p. 67.

Арсеноитамъ было адресовано только одно письмо¹⁾. Но эту ошибку въ свое время замѣтилъ и исправилъ Биварій въ своемъ ученомъ трудѣ „De veteri monachatu“²⁾, и уже въ настоящихъ изданіяхъ, каково, напримѣръ, изданіе Миня, къ Арсеноитамъ адресовано только одно письмо.

Двадцать писемъ, дошедшихъ до насъ въ отдѣльной отъ семи редакцій, до XVII^{-го} вѣка существовали въ разныхъ арабскихъ кодексахъ. По крайней мѣрѣ съ рукописнаго арабскаго кодекса былъ сдѣланъ первый переводъ ихъ на латинскій языкъ. Первымъ переводчикомъ двадцати писемъ Антонія на латинскій языкъ былъ ученый маронитъ Авраамъ Энхелленскій, приглашенный въ Парижъ въ качествѣ руководителя при изданіи великой Библии—Полиглотты. Въ 1641 году Авраамъ Энхелленскій издалъ въ Парижѣ 20 писемъ Антонія вмѣстѣ съ другими произведеніями, приписываемыми ему, о которыхъ у насъ рѣчь впереди. Энхелленскій въ предисловіи къ своему изданію говоритъ, что арабскій переводъ, какъ видно изъ надписанія нѣкоторыхъ арабскихъ кодексовъ, былъ сдѣланъ какимъ-то египетскимъ монахомъ Авраамомъ, который жилъ около 800 г. по Р. Х. и былъ настоятелемъ одного Антоніевскаго монастыря³⁾. Во всѣхъ новѣйшихъ изданіяхъ латинскій текстъ двадцати писемъ печатается по переводу упомянутого Авраама Энхелленскаго. Такимъ образомъ письма Антонія, написанныя на египетскомъ языкѣ, и вскорѣ затѣмъ переведенныя на греческій, мы имѣемъ только въ позднѣйшемъ латинскомъ переводѣ, да и то не вполне точномъ, такъ какъ оригиналомъ для него служилъ арабскій текстъ. Справедливо поэтому нѣкоторые ученые агіографы высказываютъ сожалѣнія, что этотъ латинскій переводъ писемъ не воспроизвелъ вполне и пріятности ихъ чистосердечія, и того, что они предлагали нѣжного, благороднаго и возвышеннаго, какъ во всемъ ихъ объемѣ, такъ и въ частныхъ выраженіяхъ⁴⁾. Такое отсутствіе коптскаго

¹⁾ De illustr. eccles. scriptor. cap. 88.

²⁾ Migne XL, pag. 956.

³⁾ Migne XL, p. 957.

⁴⁾ L'abbé Antoine prêtre. La Thébaïde chrétienne, ou s. Antoine le Grand. p. 213.

(египетскаго) и греческаго текстовъ писемъ Антонія тѣмъ болѣе возбуждаетъ сожалѣнія, что Антоній является основателемъ монастыря и, слѣдовательно, первымъ представителемъ нравственно-аскетическаго ученія. Последнее мы могли бы воспроизвести болѣе точно и правильно, если бы владѣли какимъ-либо изъ первоначальныхъ текстовъ. Ренодотъ утверждалъ, что въ его время (XVIII в.) письма Антонія на египетскомъ языкѣ находились еще въ монастыряхъ Оиваиды¹⁾. Нѣтъ ничего невозможнаго, если они и въ настоящее время находятся въ какомъ-либо изъ египетскихъ монастырей. Относительно греческаго текста этихъ писемъ какъ въ XVII, такъ и въ XIX столѣтіи раздавались голоса, что онъ не сохранился²⁾; но и въ послѣднее время не перестаютъ высказывать предположенія о существованіи этого текста³⁾.—Въ виду отсутствія въ настоящее время греческаго текста писемъ мы должны въ изложеніи нравственно-подвижническаго ученія Антонія ограничиться латинскимъ переводомъ; въ греческомъ же текстѣ будемъ пользоваться только тѣмъ, что возьмемъ для изложенія ученія преп. Антонія изъ Анастасіевой „жизни Антонія“ и изъ „Достопамятныхъ сказаній“.

Письмо преп. Антонія къ св. Θεодору. Къ двадцати письмамъ Антонія нужно еще присоединить небольшое письмо его къ св. Θεодору, преемнику Орсизія въ Тавеннскихъ монастыряхъ⁴⁾.

¹⁾ Ceillier. Histoire générale des auteurs sacrés et ecclés. tom. IV, p. 516.

²⁾ *Ellies du Pin*—Nouvelle biblioth. des auteurs ecclésiast. t. II, p. 67. L'abbé Antoine prêtre. La Thébaïde chrétienne, ou s. Antoine le Grand. p. 213.

³⁾ Архiep. Филаретъ въ своемъ трудѣ: „Историч. ученіе объ отцахъ церкви“ (т. II, стр. 32) говоритъ, что до нашего времени сохранился не только древній, латинскій переводъ семи писемъ Антонія, но и подлинникъ всего четвертаго письма, конецъ третьяго и начало пятого. Въ доказательство этого онъ указываетъ на Zoega Catal. Cod. M. 55. Borgian. Cod. Sahid. 181. p. 363. Romae. 1810. Отрывки другихъ писемъ, по словамъ Филарета, показываетъ Мингарелли—Catal. Cod. Naniar. Fascic. 1, p. 198 Bonon. 1785.

⁴⁾ Migne XL, p. 1065. Пахомій, основавшій монастыри въ Тавеннской пустынѣ, скончался въ 348 году. Преемникомъ его въ правленіи основанныхъ монастырей былъ нѣкто Петроній, скончавшійся мѣсяцъ спустя послѣ него. Мѣсто Петронія занялъ Орсизія, который, находя для себя обременительнымъ управленіе Тавеннскими монастырями, избралъ себя преемникомъ св. Θεодора, ученика Пахомія.

Оно взято изъ письма епископа Аммона къ Теофилу, епископу александрійскому, въ которомъ разсказывается о жизни и дѣлахъ Пахомія и Теодора. Письмо это издано продолжателемъ Болландова собранія жизнеописаній святыхъ Папелброхиємъ въ третьемъ томѣ „Acta Sanctorum“ за Май мѣсяцъ. Оно найдено въ рукописяхъ библиотекъ: Ватиканской, Миланской—Амвросіанской и Флорентинской). Это небольшое письмо Антонія написано было въ 354 или 355 году, когда святой отшельникъ началъ жить уже второе столѣтіе. Обстоятельства написанія были слѣдующія: св. Теодоръ послалъ къ Анастасію Александрійскому двухъ монаховъ Теофила и Копрія; послѣдніе во время своего путешествія не могли не посѣтить извѣстнаго всему Египту Антонія. Воспользовавшись случаемъ, Антоній и посылаетъ небольшое письмо начальнику Тавеннскихъ монастырей св. Теодору съ просьбою прочитатъ его всей братіи, что и было съ радостью исполнено Теодоромъ. Мы не имѣемъ никакого права сомнѣваться въ подлинности этого письма, содержаніе котораго вполне согласно съ духомъ другихъ писемъ Антонія. Въ этомъ небольшомъ письмѣ Антоній называетъ Теодора, какъ гораздо болѣе молодого²⁾, своимъ возлюбленнымъ сыномъ и сообщаетъ ему открытую Богомъ истину, что всякій человѣкъ, согрѣшившій послѣ крещенія и искренно раскаявшійся и оплакавшій свои грѣхи, получить отъ Господа прощеніе во всемъ содѣянномъ. Написано письмо просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно, и дышетъ такою же любовью святаго отшельника къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, какъ и первыя двадцать писемъ. Это небольшое, полное отеческой любви, письмо знаменитаго старца произвело необыкновенное впечатлѣніе на монаховъ Тавенны, и свято хранилось, какъ залогъ братскаго единенія съ Великимъ Антоніемъ и его учениками. Тотчасъ

¹⁾ Migne XL, p. 958; Galland. t. IV. Prolegom. pag. XXIX; Ceillier. Histoire génér. des auteurs sacrés et ecclésiastiques. t. IV, p. 518; Христ. Чтен. 1827 г. ч. XXVI, стр. 53—54.

²⁾ Теодоръ родился около 314 года, а умеръ около 367 г., слѣдовательно, во время написанія указаннаго письма ему было приблизительно 40 лѣтъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если столѣтній Антоній называетъ его своимъ сыномъ.

же по полученіи этого письма св. Теодоръ велѣлъ его перевести на греческій языкъ, такъ какъ оно было написано на египетскомъ языкѣ. Такая заботливость о письмѣ Антонія и глубокое уваженіе, какимъ онъ пользовался среди монаховъ Тавеннскихъ монастырей, служатъ залогомъ того, что въ дошедшемъ до насъ небольшомъ письмѣ мы имѣемъ подлинное письмо Антонія къ Теодору.

Двадцать рѣчей Антонія. *Двадцать рѣчей*, представляющихъ какъ бы двадцать краткихъ поученій преп. Антонія къ монахамъ, носятъ на себѣ несомнѣнные признаки происхожденія отъ Антонія. До XVII-го вѣка эти рѣчи извѣстны были въ арабскихъ рукописяхъ, и только Авраамъ Энхелленскій перевелъ ихъ на латинскій языкъ и издалъ въ Парижѣ въ 1646 году¹⁾. Этотъ ученый переводчикъ въ своемъ предисловіи говоритъ читателямъ, что нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ несомнѣнностью доказать происхожденіе этихъ двадцати словъ отъ Антонія. Внѣшнимъ доказательствомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить всеобщее преданіе различныхъ монаховъ, принадлежавшихъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, каковы, напри- мѣръ, Мелхиты, Яковиты, Несторіане, Копты, Эѳіопы, Марониты и др. ²⁾. Всѣ они приписываютъ двадцать рѣчей Антонію. Такое общее согласіе монаховъ различныхъ вѣроисповѣданій, жившихъ, слѣдовательно, отдѣльно другъ отъ друга, служитъ вѣскимъ аргументомъ въ пользу принадлежности этихъ рѣчей Антонію. Издатели произведеній св. Антонія замѣчаютъ объ этихъ рѣчахъ: „онѣ, конечно, кратки, но исполнены небеснаго ученія; ихъ, какъ передаютъ, св. отецъ держалъ къ дѣтямъ своимъ—монахамъ“ ³⁾. Иерониму эти рѣчи были неизвѣстны, и потому онъ объ нихъ ничего не говоритъ; кромѣ того, въ самыхъ рѣчахъ нѣтъ никакого указанія на то, чтобы онѣ были писаны при жизни Антонія. Очевидно, что

¹⁾ Архим. Порфирій Успенскій во время своего путешествія по Египту видѣлъ четыре арабскихъ рукописи, изъ которыхъ въ одной содержатся двадцать наставленій св. Антонія.—Путешествіе по Египту, стр. 205.

²⁾ Migne XL, p. 955.

³⁾ Ibid. et Galland. t. IV. Prolegom. p. XXVIII.

онѣ были написаны вскорѣ послѣ его смерти кѣмъ-либо изъ ревностныхъ учениковъ, часто слышавшихъ его наставленія. Самое количество рѣчей (20) показываетъ, что ученикъ этотъ постарался всѣ слышанныя имъ наставленія Антонія раздѣлить на двадцать рѣчей, не стѣняясь краткостью ихъ содержанія, лишь бы только онѣ по числу соответствовали двадцати письмамъ Антонія. Обращаясь къ содержанію рѣчей, мы еще болѣе убѣждаемся въ томъ, что мысли, изложенныя въ нихъ, принадлежатъ Антонію, за немногими, можетъ быть, исключеніями. Если и есть въ нихъ позднѣйшія вставки и измѣненія, то онѣ зависѣли отъ переписчиковъ, не всегда правильно копировавшихъ текстъ, и иногда дѣлавшихъ кажушіяся имъ необходимыми дополненія; эти измѣненія почти неизбѣжны во всякомъ древнемъ сочиненіи, особенно писанномъ со словъ автора, но послѣ его смерти. Предметомъ двадцати рѣчей служатъ нравственныя увѣщанія къ преусиѣнію въ добродѣтели и удаленію отъ пороковъ, причемъ главное вниманіе, конечно, обращено на тѣ добродѣтели и пороки, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ инокамъ. Говорится въ нихъ, напримѣръ, о страхѣ Божіемъ, о долготерпѣніи, незлобіи, смиреніи, чистотѣ, дѣвствѣ; здѣсь же идетъ рѣчь объ обузданіи языка, о тщеславіи, невѣріи, двуязычии, коварствѣ и другихъ порокахъ. Каждая рѣчь представляетъ собою отдѣльное увѣщаніе или къ какой-либо добродѣтели, или къ удаленію отъ порока. Вообще нужно сказать, что предметомъ рѣчей Антонія является то же, что служило и предметомъ писемъ. Антоній въ письмахъ также убѣждалъ вѣровать въ Бога, любить Его и исполнять заповѣди Его, убѣждалъ удалаться отъ грѣховъ и идти стезею добродѣтели, училъ незлобію, смиренію, терпѣнію, вниманію къ себѣ и другимъ монашескимъ добродѣтелямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ увѣщанія писемъ и рѣчей очень близко подходятъ другъ къ другу; такъ, напр., VI^е слово говоритъ о чистотѣ и подъ чистотою разумѣетъ удаленіе отъ женщинъ,—точно такія же мысли высказываетъ Антоній и въ своемъ XVII письмѣ къ монахамъ¹⁾. Въ 5-мъ словѣ Антоній говоритъ о смиреніи и гордости,

¹⁾ Migne XL, p. 1044 1045.

приводя въ примѣръ смиреніе Спасителя; въ письмахъ Антонія говорится объ этомъ много разъ, а XVI письмо исключительно говоритъ о смиреніи¹⁾. Увѣщанія 8-го слова къ молчанію встрѣчаются въ XVII письмѣ²⁾, а то, что говорится объ обузданіи языка въ 10 словѣ, можно найти кромѣ того въ I и XX письмахъ³⁾. Вообще содержаніе рѣчей Антонія не противорѣчитъ, но вполне согласно съ духомъ Антоніевыхъ наставленій, извѣстныхъ намъ изъ писемъ Антонія и изъ его жизни. По изложенію эти двадцать рѣчей кратки и сжаты; языкъ ихъ также, какъ и языкъ писемъ, простъ и лишенъ риторическихъ украшеній, но за то живой, убѣдительный и очень напоминаетъ языкъ писемъ.

Нѣкоторые указываютъ на сходство рѣчей Антонія съ произведеніями Макарія Египетскаго, Пахомія и Исаіи, и на основаніи этого сходства предполагаютъ, что въ рѣчи Антонія было внесено много мыслей, принадлежащихъ указаннымъ подвижникамъ. Такъ, говорятъ, рѣчи Антонія о вѣрѣ въ Господа (1-я), о смиреніи (5-я), о молчаніи (8-я), объ удаленіи отъ грѣховъ, объ обузданіи языка (10-я), о тщеславіи (13-я) и др. имѣютъ сходство съ наставленіями Макарія Египетскаго о вѣрѣ въ Бога (бесѣда 48-я), о терпѣніи и разсужденіи (слово 4-е), о совершенствѣ духовномъ (сл. 2-е),—съ духовными наставленіями аввы Исаіи: о смиреніи (слово 20-е), о покаяніи (сл. 21-е), о совершенствѣ (сл. 23-е), объ отреченіи отъ міра (сл. 15-е)⁴⁾. Но при сличеніи нами рѣчей Антонія съ бесѣдами и словами аввы Макарія и Исаіи мы вовсе не находимъ того сходства, на основаніи котораго можно было бы говорить о заимствованіяхъ въ рѣчахъ Антонія. Конечно, сходство есть въ томъ, что всѣ три подвижника говорятъ о вѣрѣ въ Бога, о терпѣніи, смиреніи, отреченіи отъ міра и т. п., но на этомъ основаніи вовсе нельзя заключать, что въ рѣчахъ много заимствовано изъ ученія

¹⁾ Ibid. Epist. III, p. 1007; Epist. VI, p. 1015; Epist. VII, p. 1017; Epist. VIII, p. 1020; Epist. XVI, p. 1032—1039; Epist. XX, p. 1056.

²⁾ Ibid. pag. 1045.

³⁾ Ibid. p. 1002 et 1057.

⁴⁾ Извѣковъ. Преп. Антоній Великій. Христ. Чтен. 1879 г. ч. II, стр. 301—302.

позднѣйшихъ подвижниковъ. Мысли о терпѣнн, смиренн, отреченн отъ міра и проч. — общи всѣмъ подвижникамъ, такъ какъ онѣ лежатъ въ основанн иноческой жизни, и если у кого перваго онѣ могли быть заимствованы, такъ это, конечно, у Антонія. Дѣйствительно, въ письмахъ Антонія мы всѣ ихъ и находимъ. Сравнивая рѣчи Антонія со словами аввы Исаи, и особенно Макарія, мы приходимъ къ тому убѣжденн, что первыя не зависятъ отъ послѣднихъ. У Антонія рѣчи кратки, наполнены текстами св. Писанія, дышатъ любовью и всегда содержатъ увѣщанія къ благочестію; преп. же Макарій разсматриваетъ добродѣтели и пороки сами въ себѣ, указываетъ ихъ появленіе, развитіе и пользу или вредъ для души, — вообще у Макарія больше разсужденій, чѣмъ увѣщаній¹⁾. Наставленія аввы Исаи по духу и внѣшней формѣ стоятъ нѣсколько ближе къ рѣчамъ Антонія²⁾, но особеннаго сходства и вліянія на содержаніе послѣднихъ онѣ также не имѣютъ. Принимая же во вниманіе, что Макарію и Исаи хорошо были извѣстны наставленія Антонія, память о которомъ была для нихъ священна, мы должны сказать, что, напротивъ, въ произведеніяхъ Макарія и Исаи находится много мыслей, заимствованныхъ у Антонія.

Такимъ образомъ мы признаемъ, что 20 рѣчей заключаютъ въ себѣ мысли, принадлежащія Антонію, и могутъ служить источникомъ при изложенн нравственно-подвижническаго ученія Антонія Великаго, тѣмъ болѣе, что въ нихъ нѣтъ анахронизмовъ и внутреннихъ противорѣчій.

Правила. Кромѣ писемъ и рѣчей Антонія до насъ дошли еще *правила*, которыя онъ будто бы давалъ монахамъ. Они были переведены съ арабской рукописи Авраамомъ Энхелленскимъ и изданы въ Парижѣ въ 1646 году вмѣстѣ съ другими произведеніями Антонія. Эти же правила, только въ нѣсколько измѣненной редакціи, предложилъ въ своемъ „Codex'us Regularum“ Бенедиктъ Аніанскій, жившій въ началѣ IX-го вѣка, и считавшій ихъ принадлежащими Антонію. „Codex Regularum“ Бенедикта

¹⁾ Макарія Египетск. Бесѣды, посланіе и слова. Добротолубіе, т. I.

²⁾ Духовно-нравств. слова аввы Исаи. Москва. 1860.

былъ изданъ въ Парижѣ Лукою Гольстеніусомъ въ 1663 году. Въ настоящее время обѣ редакціи правилъ печатаются параллельно (напр. у Миня¹⁾). Въ этихъ правилахъ нѣтъ ничего неназидательнаго, но въ то же время нѣтъ и никакихъ доказательствъ ихъ принадлежности Антонію. Ни св. Аѳанасій, ни Іеронимъ не упоминаютъ о томъ, чтобы Антоній давалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ какія-либо правила. Между тѣмъ, если бы преп. Антоній написалъ правила, то Аѳанасій Великій несомнѣнно зналъ бы объ ихъ существованн, и не преминулъ бы упомянуть объ этомъ въ „Vita Antonii“. Точно также и Іеронимъ, которому были извѣстны семь писемъ Антонія, зналъ бы о существованн его правилъ, которыя должны были имѣть для монастырей гораздо большее значеніе, чѣмъ письма. Опредѣлять жизнь своихъ учениковъ подробными правилами и предписаніями было совсѣмъ не въ духѣ созерцательнаго Антонія. По мнѣнію Антонія для наученія достаточно Писаній, а для того, чтобы знаніе Писаній переходило въ исполненіе заповѣдей, онъ признавалъ приличнымъ утѣшать другъ друга вѣрою и наставлять назидательнымъ словомъ²⁾. Но слово это было у преп. Антонія всегда словомъ назиданія, а не приказанія. Можно сказать вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Великимъ, что жизнь Антонія была совершеннѣйшимъ образцомъ, на которомъ монахи могли бы основать свое поведеніе³⁾, а подробныя правила только затемняли бы этотъ высокій живой образъ, выдвигая на мѣсто него сухое предписаніе. Вотъ почему Іоаннъ Златоустъ убѣждалъ своихъ слушателей читать жизнеописаніе Антонія, чтобы научиться истинной жизни изъ примѣра святаго, который по славѣ и добродѣтелямъ почти равенъ Апостоламъ, который казался исполненнымъ духа пророческаго, и показалъ собственнымъ примѣромъ, какъ нужно

¹⁾ Правила, приписываемыя Антонію, переведены въ Христ. Чтенн за 1830 г. ч. XXXVII, стр. 127 — 136, но съ опущеніемъ правилъ 4-го, 5-го и 16-го; при цитаціи правилъ мы будемъ держаться той нумераціи ихъ, какая существуетъ у Миня въ редакціи правилъ Авраама Энхелленскаго. Migne XL, p. 1065 — 1073.

²⁾ Vita Anton. § 16.

³⁾ In vitam Anton. Prooemium.

исполнить заповѣди Христовы¹⁾. Правила, приписываемыя Антонію, по своему духу и содержанію настолько несогласны съ жизнью Антонія и его произведеніями, что ему принадлежать не могутъ²⁾. Уже въ небольшомъ заглавіи или предисловіи къ этимъ правиламъ звучитъ такой тонъ и заключается такое содержаніе, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приписаны Антонію. Въ переводѣ Авраама Энхелленскаго съ арабскаго кодекса надъ правилами находится слѣдующее надписаніе: „тѣмъ, которые хотятъ нести тяжелое иго монашества, я предписываю эти правила, такъ какъ Господь говоритъ моими устами. Всѣ должны быть послушны этимъ заповѣдямъ, и кто нарушитъ одну изъ нихъ, тотъ меньшимъ наречется въ царствѣ небесномъ“ (Мѡ. 5, 19³⁾). Такимъ образомъ въ предисловіи къ правиламъ указывается съ одной стороны ихъ общеобязательность для монаховъ, а съ другой опредѣляется тяжелое наказаніе за нарушеніе даже одного какого-либо правила. Преп. Антоній, дѣйствовавшій всегда въ духѣ христіанской любви словомъ увѣщанія и назиданія, не могъ дать предписанія непременно исполнять данныя имъ правила и угрожать за неисполненіе ихъ лишеніемъ царства небеснаго; точно также какъ не могъ и хвалиться, что Самъ Господь говоритъ его устами. Затѣмъ обращаетъ на себя наше вниманіе то обстоятельство, что въ правилахъ совсѣмъ не говорится о борьбѣ съ демонами, между тѣмъ, вся рѣчь Антонія къ монахамъ, сохраненная въ „Vita Antonii“ Аѳанасіемъ Великимъ, носитъ демонологическій характеръ: въ ней очень подробно говорится о всевозможныхъ искушеніяхъ демоновъ и указываются различныя средства для успѣшной борьбы съ ними. Точно также въ правилахъ ничего не говорится о твер-

¹⁾ Бес. 8-я на Еванг. Матѳея.

²⁾ Амелино смотритъ на эти правила, какъ на сборникъ апокрифовъ. — *Annales du musée Guimet. Histoire des monastères de la Basse-Egypte. t. XXV, Introd. p. XXII.*

³⁾ „*Has praescribo Regulas, prout loquetur Dominus per os meum illis, qui gravi huic monachatus iugo se subicere volunt. Istis igitur obediant oportet praeceptis, et qui unum solvet ex illis, minimus vocabitur in regno coelorum.*“ Migne XL, p. 1065.

дости въ вѣрѣ противъ аріанъ и не встрѣчается характеристическихъ мыслей Антонія о необходимости самоисправленія и освобожденія себя отъ пороковъ. Все это не позволяетъ признать авторомъ ихъ преп. Антонія. Очевидно, что правила эти составлены много времени спустя послѣ смерти Антонія, а надписаніе къ нимъ сдѣлано настоятелемъ какого-либо общежительнаго монастыря, желавшимъ чрезъ имя Антонія придать правиламъ большій авторитетъ, и побудить монаховъ къ болѣе точному исполненію ихъ. Судя по тому, что въ этихъ правилахъ запрещается приступать къ какому бы то ни было дѣлу, не испросивъ на то разрѣшенія отъ начальника монастыря (пр. 32), можно думать, что такимъ монастыремъ былъ одинъ изъ монастырей Пахомія, въ правилахъ котораго мысль о повиновеніи настоятелю монастыря проводится съ особенною настойчивостью (прав. 30, 32, 39 и 41-е). Контценъ смотритъ на правила, приписываемыя Антонію, какъ на *добавленіе* къ другимъ монашескимъ правиламъ, имѣющее въ виду упорядочить собственно внутреннюю монастырскую жизнь¹⁾.

Содержаніе правилъ ясно показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ, появившимся гораздо позже Антонія. Въ правилахъ мы находимъ указанія на такіе обычаи монаховъ, образъ ихъ жизни и управленія, которые ни въ какомъ случаѣ не могли имѣть мѣста при Антоніи и его ближайшихъ ученикахъ. Правила даются для монаховъ, живущихъ въ одномъ монастырѣ и находящихся въ строгомъ подчиненіи начальнику монастыря; монастыри представляются благоустроенными: въ нихъ есть церкви, въ которыхъ богослуженіе совершается въ опредѣленные часы и въ которыхъ бываетъ много народа, есть монастырскія собранія для разсужденія объ общихъ дѣлахъ монастыря, есть монастырскія земли и проч. Въ правилахъ же говорится объ опредѣленныхъ одеждахъ монаховъ, которыхъ они не должны снимать даже во время сна (клобукъ, ряса и проч.), о символическомъ значеніи монашеской одежды, есть намекъ на существованіе извѣстнаго искуса при приѣмѣ

¹⁾ Contzen. Die Regel des heiligen Antonius. s. 64—65.

новыхъ лицъ въ монашество и т. д.¹⁾ Все это показываетъ, что настоящія правила не могли быть даны Антономъ. Организация монашескаго института при Антоніи только устанавливалась, но Антоній даже не старался сообщить ему строго опредѣленную форму и закрѣпить ее точными узаконеніями. „Наставленія мои кратки, говорилъ онъ въ своемъ письмѣ къ монахамъ, потому что сердце, желающее очиститься отъ грѣха, не имѣетъ нужды во множествѣ словъ“²⁾. Антоній, слѣдовательно, видѣлъ въ монахахъ прежде всего людей, желающихъ очиститься отъ грѣха, и поэтому не хотѣлъ стѣснять ихъ свободный добровольный подвигъ различными обязательными предписаніями. Въ монастыряхъ Антонія вовсе не было такой строгой дисциплины и такихъ строгихъ правилъ монастырскаго общежитія, какія представляются въ „правилахъ“, а

¹⁾ Чтобы судить, насколько эти правила далеки отъ наставленій преп. Антонія, мы представимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Второе правило, напр., говоритъ: „вставши отъ сна, узнавай о состояніи больныхъ, которые находятся у васъ“. Третье правило требуетъ ежедневнаго поста до 9-го часа, исключая субботы и воскресенья, а 6 и 44-е правила говорятъ объ опредѣленныхъ часахъ для молитвы. Правила 9 и 11-е запрещаютъ дружбу съ мірскими людьми и посѣщеніе монахами родственниковъ, равно, какъ и наоборотъ; 12-е правило говоритъ о раздачѣ милостыни бѣднымъ людямъ, находящимся въ монастырѣ. Правило 13 и 45-е, буквально сходныя между собою, требуютъ, прежде чѣмъ пойти въ церковь, совершать молитву въ келліи; 17-е правило говоритъ объ отлученіи монаха въ городъ, 42-е — объ отлученіи на жатву; 25, 28 и 29-е правила говорятъ о церкви и о поведеніи въ ней, причемъ запрещается ходить въ ту церковь, въ которую собирается много народа. Правило 26-е говоритъ о монастырскихъ собраніяхъ; 30-е — запрещаетъ ходить на пиршества и обѣды, за которые нужно давать деньги, но гдѣ предложенъ обѣдъ въ видѣ милостыни, тамъ присутствовать не возбраняется. Правило 32-е повелѣваетъ приступать къ какому-либо дѣлу всегда съ разрѣшенія начальника монастыря; 37-е правило запрещаетъ монаху снимать съ себя клобукъ, рясу и вообще одежду не только днемъ, но и ночью; правило 43-е запрещаетъ одѣваться въ одежду, которою можно тщеславиться. Правило 51-е говоритъ о томъ, чтобы исправлять дѣтей своихъ и не прощать имъ слабостей ихъ; наконецъ правила 78 и 79-е говорятъ о поведеніи молодого монаха за общею трапезою. Изъ представленнаго извлеченія правилъ, мы думаемъ, видно, насколько они несогласны съ духомъ наставленій Антонія и не могли быть приложимы въ жизни ближайшихъ учениковъ его.

²⁾ Epist. VII, p. 1018.

извѣстно, что многіе изъ учениковъ Антонія жили даже совершенными анахоретами, какъ, напр., Павелъ Простой, и разсматриваемыя нами правила были вовсе неприменимы къ ихъ жизни; между тѣмъ составитель ихъ за неисполненіе даже одного правила угрожаетъ лишеніемъ царства небеснаго. Очевидно, что правила эти даны были для монаховъ общежительныхъ монастырей. Извѣстно, что основателемъ общежительнаго монашества былъ Пахомій. Онъ устроилъ нѣсколько общежительныхъ монастырей и далъ имъ уставъ, которымъ строго опредѣляетъ жизнь иноковъ¹⁾. Сравнивая уставъ Пахомія съ правилами, приписываемыми Антонию, нельзя не замѣтить ихъ сходства и вліянія перваго на послѣдня²⁾. Несомнѣнно, что составитель правилъ, жившій послѣ Антонія, приписалъ ему тѣ правила, которыя были даны другими аввами, напримѣръ, Пахоміемъ, Исаіею и т. д. Конечно, нѣкоторыя наставленія Антонія, возведенныя потомъ въ правила, могли быть сходны по содержанию съ нравственными наставленіями другихъ отцовъ-подвижниковъ, но поразительное сходство правилъ, приписываемыхъ Антонию, съ правилами Пахомія и Исаіи неопровержимо говоритъ, что писатель Антоніевыхъ правилъ имѣлъ подъ руками сборники пра-

¹⁾ Уставъ Пахомія въ цѣломъ видѣ не сохранился до насъ; много извлеченій изъ него есть у Иеронима (Migne, ser. lat. t. XXIII, p. 62 et sequ.). Многія правила и письма Пахомія находятся у Галландія (t. IV, p. 718—737). Нѣкоторыя извлеченія изъ устава Пахомія есть въ Лавсикѣ Палладія (§ 34) и въ Церковной исторіи Созомена (кн. III, гл. 14).

²⁾ Такъ, напр., 15-е правило Антонія говоритъ о томъ, чтобы пришельца не скоро облачать въ монашескую одежду, по уставу же Пахомія даже опредѣляется трехлѣтній искусъ молодого монаха, прежде чѣмъ допустить его къ высшимъ подвигамъ (Лавс. § 34). Правило 37-о говоритъ, чтобы ни днемъ, ни ночью не снимать съ себя клобука, рясы и вообще всей монашеской одежды, — точно также и уставъ Пахомія требуетъ, чтобы монахи спали въ льняныхъ левитонахъ, въ козьей милоти (μῆλωτὴ αἰγία) и препоясанные (Лавс. § 34); Церк. Истор. Созомена кн. III, гл. 14, стр. 195). Уставъ Пахомія требуетъ совершать по 12 молитвъ днемъ, вечеромъ, ночью, и три въ девятомъ часу (Лавс. § 34, стр. 16; Церк. Истор. Созомена, кн. III, гл. 14, стр. 95). Правила Антонія также говорятъ о непрестанной молитвѣ и объ опредѣленныхъ временахъ частной молитвы (прав. 3-е, 6-е и 80-е).

нилъ Пахомія и Исаіи, или же, будучи инокомъ общежительнаго монастыря, зналъ эти правила на память. Ближайшее сопоставленіе правилъ Антонія съ правилами указанных подвижниковъ послужитъ наиболѣе нагляднымъ доказательствомъ нашей мысли, потому что между ними часто существуетъ даже буквальное сходство. Такъ, напримѣръ, 25-е правило Антонія запрещаетъ разговоры въ церкви; буквально того же требуетъ 3-е правило Пахомія и налагаетъ даже эпитимію на ослушника¹⁾. Въ 78 и 79 правилахъ Антонія говорится о томъ, какъ долженъ держать себя монахъ во время общей трапезы: запрещается протягивать руку къ пищѣ раньше старшихъ и проч.; объ этомъ же самомъ говорится и въ 8—15 правилахъ Пахомія. Въ 32 правилѣ Антонія запрещается приступать къ какому-нибудь дѣлу, не испросивъ на то позволенія отъ начальника монастыря. Въ правилахъ Пахомія мысль о повиновеніи начальнику монастыря проводится съ особенною настойчивостью; безъ разрѣшенія начальника монаху запрещается выходить изъ монастыря (пр. 30 и 32), не позволяется брать для своего пользованія вещь, принадлежащую другому иноку (пр. 41); даже для того, чтобы остричь волосы, необходимо испрашивать разрѣшеніе отца (пр. 39). Но авторъ правилъ Антонія гораздо болѣе заимствовалъ изъ правилъ аввы Исаіи²⁾. Такъ, 1-е и 18-е правила аввы Исаіи запрещаютъ входить въ дружбу съ отрокомъ и спать съ юнымъ на одной постелѣ; буквально то же повторяется въ 4, 5 и 16-мъ правилахъ Антонія. О неосужденіи согрѣшающаго брата говоритъ 8-е правило Исаіи и 23 и 47-е правила Антонія. Составитель правилъ Антонія не постѣснялся даже взять цѣлыя отдѣлы изъ правилъ аввы Исаіи и выдать ихъ за произведенія Антонія. Такъ, напр., 64, 65, 66, 67 и 68-е правила Антонія представляютъ собою буквальное повтореніе 10, 11, 12 и 13-го правилъ Исаіи³⁾, даже безъ измѣненія порядка

¹⁾ Приводимыя нами правила Пахомія находятся у Миня, t. XL, ser. gr. p. 947—952 и у Галландія, t. IV, p. 735—737.

²⁾ Добротолюбіе, т. I; Migne t. CIII, ser. lat. p. 427.

³⁾ Эти же наставленія буквально повторяются въ 9-мъ словѣ Исаіи. — Migne XL, ser. gr. p. 1134. Добротолюбіе, т. I, стр. 343. Москва. 1883.

ихъ расположенія; въ нихъ говорится о смиреніи, о троякомъ занятіи въ келліи, о воздержаніи и о трудѣ. — 74-е правило Антонія и 16-е правило аввы Исаіи одинаково говорятъ о томъ, чтобы быть всегда печальнымъ, и только тогда имѣть веселый видъ, когда придутъ братія изъ другого монастыря. Въ 17-мъ правилѣ аввы Исаіи говорится: „если идешь куда съ братіями, отступай немного отъ нихъ, чтобы хранить молчаніе. Не оборачивайся туда и сюда, но углубляйся въ псалмы и молись Богу въ умѣ своемъ“¹⁾; эти же самыя предписанія буквально повторяются въ 75 и 76 правилахъ Антонія. Изложенныя въ 78—79 правилахъ Антонія наставленія, какъ вести себя во время монашеской трапезы, въ тѣхъ же выраженіяхъ предложилъ и авва Исаія въ 20 и 17-мъ правилахъ. Правило аввы Исаіи, запрещающее ѣсть до сыта (пр. 56), также повторяется въ 52 правилѣ Антонія²⁾.

Изъ представленнаго нами сравненія правилъ Антонія съ правилами другихъ подвижниковъ видно, насколько далеки эти правила отъ наставленій Антонія, а съ другой стороны, какъ много они имѣютъ общаго съ правилами монастырей общежительныхъ, въ основу жизни которыхъ былъ положенъ уставъ Пахомія. Но мы впади бы въ ошибку, если бы сказали, что правила, приписываемыя Антонію, не имѣютъ ничего общаго съ нимъ. Среди нихъ встрѣчаются такія правила, которыя несомнѣнно могли быть сказаны Антоніемъ въ его наставленіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ 66 правилѣ говорится: „размышляй въ себѣ и говори: теперь я провожу послѣдній день въ этомъ мірѣ,—и ты не согрѣшишь предъ Богомъ“.

¹⁾ Объ этомъ же говорится въ 3 словѣ аввы Исаіи. — Migne XL, p. 1108—9.

²⁾ Многія правила Антонія буквально сходны съ наставленіями аввы Исаіи, находящимися въ его словахъ. Такъ, напр., 59-е правило Антонія, предписывающее снисходительность къ согрѣшающему брату, 61-е правило о любви къ смиренію, 64-е—о томъ, чтобы не считать себя мудрымъ, точно также 64 и 72 правила о христіанскомъ смиреніи, мудріи и незлобіи,—все эти правила Антонія почти буквально сходны съ такими же наставленіями аввы Исаіи, которыя находятся въ его 9-мъ словѣ. Migne XL, col. 1134.

Но изъ жизнеописанія Антонія извѣстно, что онъ особенно любилъ говорить объ этомъ и всегда убѣждалъ своихъ учениковъ жить какъ-бы ежедневно умирая¹⁾. Правило 68-е о томъ, чтобы никогда не ослабѣвать въ трудахъ своихъ, вполне согласно со словами Антонія, находящимися въ его жизнеописаніи²⁾. Точно также правило 46 и 36-е о ежедневномъ умерщвленіи тѣла и непрестанномъ сокрушеніи о грѣхахъ, правило 61 и 71-е о непрестанномъ трудѣ, смиреніи и прочихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ вполне согласны съ жизнью Антонія и его наставленіями³⁾. То же нужно сказать и относительно нѣкоторыхъ другихъ правилъ, приписываемыхъ Антонію⁴⁾, въ которыхъ говорится о воспитаніи въ себѣ христіанскихъ добродѣтелей.

Такимъ образомъ составитель правилъ, извѣстныхъ съ именемъ Антонія, не даромъ приписалъ ихъ этому св. подвижнику. Онъ взялъ нѣкоторыя мысли Антонія, но прибавилъ къ нимъ правила другихъ подвижниковъ, частіе опредѣляющія жизнь иноковъ общежительныхъ монастырей, и для большаго ихъ авторитета поставилъ въ надписаніи имя основателя монашества съ требованіемъ обязательнаго исполненія предложенныхъ правилъ. Очень возможно, какъ думаетъ Контценъ, что собирателемъ этихъ правилъ было не одно, а нѣсколько лицъ, по меньшей мѣрѣ два лица⁵⁾. Основаніемъ для такого мнѣнія можетъ служить нѣкоторое различіе двухъ частей правилъ, изъ которыхъ первая часть, заканчивающаяся по кодексу Бенедикта Аніанскаго славословіемъ св. Троицѣ (пр. 35), нѣсколько отличается по своему содержанію отъ второй части (пр. 36 — 80), имѣющей преимущественное сходство съ правилами аввы Исаіи. Правила Антонія, дошедшія до насъ

¹⁾ Vita Anton. § 19, 91.

²⁾ Ibid. § 16.

³⁾ Vita Anton. §§ 16—21, 45; правило 71-е даже по языку подходитъ къ наставленіямъ, какія Антоній давалъ монахамъ.

⁴⁾ Такъ, напр., правила 59, 23 и 47-е о неосужденіи согрѣшающаго брата и снисхожденіи къ нему вполне согласны съ поступками Антонія, описанными въ „Достопамятныхъ сказаніяхъ“ (§ 21 и 29).

⁵⁾ Contzen. Die Regel des heiligen Antonius. s. 64.

въ редакціи Авраама Энхелленскаго и Бенедикта Аніанскаго¹⁾, Антонію ни въ какомъ случаѣ принадлежать не могутъ; это — извлеченія изъ правилъ и наставленій различныхъ египетскихъ подвижниковъ, составленные послѣ ихъ смерти, и ошибаются тѣ изслѣдователи святоотеческихъ твореній, которые безъ всякой критики всѣ правила, дошедшія до насъ съ именемъ Антонія, признаютъ произведеніями этого великаго подвижника²⁾. Контценъ, критически разсматривая приписываемыя Антонію правила, говоритъ, что часть правилъ по своему содержанію почти навѣрное восходитъ къ св. Антонію и, слѣдовательно, заслуживаетъ его имени. Этою частью онъ считаетъ тѣ правила, которыя сходны со словами аввы Исаіи³⁾. „Если Антоній, говоритъ Контценъ, и не непосредственный составитель правилъ, то едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что его духъ проникаетъ ихъ“⁴⁾. Мы не можемъ согласиться съ такимъ заключеніемъ, потому что въ правилахъ слишкомъ много такого, что отдаляетъ ихъ отъ Антонія, а нѣкоторыя черты сходства ихъ съ наставленіями Антонія, которыя онъ при жизни давалъ своимъ ученикамъ, еще не говорятъ въ пользу тѣсной связи всѣхъ въ совокупности правилъ съ именемъ Антонія.

¹⁾ По содержанію оба эти кодекса правилъ одинаковы, за исключеніемъ того, что въ кодексѣ Бенедикта Аніанскаго по сравненію съ арабскимъ кодексомъ Авраама Энхелленскаго пропущены 9 и 16-е правила, а 35-е правило заканчивается славословіемъ св. Троицѣ. Но такъ какъ кодексъ Энхелленскаго раздѣленъ на 80 правилъ, а кодексъ Бенедикта только на 48, то часто одно правило послѣдняго кодекса соответствуетъ двумъ, тремъ, четыремъ, и даже шести правиламъ перваго. Такъ, напр., второе правило кодекса Бенедикта соответствуетъ 2 и 3-му правилу арабскаго кодекса, VII-е правило соответствуетъ 10 и 11-му, XX-е—28, 29 и 34-му, XXV—36—41-му, XXIX-е—61—64-му, XLVII-е—74—76-му и т. д.

²⁾ Эти правила приписываетъ Антонію профес. Казанскій въ „Исторіи правосл. монашества на востокѣ“ ч. I, стр. 96: архим. Агапий въ своей „Жизни преп. отца нашего Антонія Великаго“; архіеп. Филаретъ — „Историч. ученіе объ отцахъ церкви“, т. II, стр. 33. Въ Христ. Чтеніи они также помѣщаются, какъ произведенія Антонія. — 1830 г. ч. XXXVII, стр. 127.

³⁾ Contzen. Die Regel des heiligen Antonius s. 55, 59.

⁴⁾ Ibid. s. 64.

Духовныя наставленія. Дошедшія до насъ съ именемъ Антонія „духовныя наставленія“¹⁾ гораздо болѣе чѣмъ правила подходятъ къ письмамъ и рѣчамъ Антонія. Въ нихъ говорится о смиреніи, о любви къ Богу и ближнимъ, объ исполненіи заповѣдей Божіихъ (наст. 1-е); предлагаются увѣщанія о томъ, чтобы заботиться о своемъ спасеніи, сохранять чистоту вѣры и незлобіе (наст. 2-е); говорится объ умерщвленіи тѣла, о воздержаніи и молитвѣ (наст. 3 и 4-е), о кротости, о памятованіи смерти и воздержаніи отъ удовольствій плоти (наст. 5-е), о непрестанномъ подвигѣ и совершенствованіи во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Всѣ подобныя наставленія въ нравственно-подвижнической жизни вполне согласны съ тѣми наставленіями, какія предложены Антоніемъ въ письмахъ и рѣчахъ, и весьма возможно, что въ памяти монаховъ они сохранялись, какъ изреченія Антонія. Мы скажемъ даже болѣе: въ „наставленіяхъ“ есть такія мысли, относительно которыхъ можно даже утверждать, что онѣ принадлежатъ Антонію. Такъ напр., въ „наставленіяхъ“ говорится: „умирай ежедневно, чтобы жить вѣчно, какъ живетъ всякій боящійся Бога“²⁾; эта мысль несомнѣнно принадлежитъ Антонію³⁾. Замѣченная нами въ письмахъ любовь Антонія къ числу 3 проявляется и въ разбираемыхъ нами „наставленіяхъ“. Въ письмахъ Антоній говоритъ о троякомъ родѣ людей, которымъ преподается Евангельское ученіе⁴⁾, о трехъ состояніяхъ нашего тѣла⁵⁾, о трехъ родахъ воли человеческой⁶⁾ и проч. Въ „наставленіяхъ“ всѣ чувственныя удовольствія раздѣляются на три рода, и приводится текстъ изъ 1-го

¹⁾ Духовныя наставленія изданы тѣмъ же Авраамомъ Энхелленскимъ въ 1646 году вмѣстѣ съ другими произведеніями, приписываемыми Антонію, и переведены были на латинскій языкъ съ арабскаго кодекса. Ихъ можно найти у Мина — t. XL, p. 1073—1080 и у Галландія t. IV, p. 701—703. На русскій языкъ они очень плохо и съ пропусками переведены въ Христ. Чтеніи за 1826 г., ч. XXI.

²⁾ Migne XL, p. 1078.

³⁾ Vita Anton. § 19, 91.

⁴⁾ Epist. I, p. 999.

⁵⁾ Epist. XVII, p. 1043.

⁶⁾ Epist. XX, p. 1063; Сравни. Epist. XII, p. 1026.

посланія Іоанна (гл. 2, 16), гдѣ говорится о похоти плоти, похоти очей и гордости житейской¹⁾. Въ „наставленіяхъ“ говорится о любви дѣтей къ своимъ духовнымъ отцамъ²⁾; и все XII-е письмо Антонія говоритъ о превосходствѣ любви, соединяющей духовныхъ отцовъ и дѣтей предъ любовью, соединяющей родителей и дѣтей плотскихъ, такъ что это наставленіе можно вполне назвать наставленіемъ Антонія. Но много среди этихъ наставленій есть и такихъ, которыя давали своимъ ученикамъ другіе знаменитые подвижники, каковы, напримѣръ: Макарій Египетскій, Пахомій, авва Исаія и др., такъ что трудно, почти невозможно опредѣлить, что принадлежитъ Антонію, и что — позднѣйшимъ по времени подвижникамъ. Между тѣмъ въ „наставленіяхъ“ нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ мѣстъ, указывающихъ на болѣе позднее ихъ происхожденіе. Встрѣчаются, напримѣръ, такія выраженія: „какъ въ словахъ, такъ и въ молчаніи отцовъ нашихъ всегда видна была мудрость и благоразуміе“, или: „не оставляй уединенія; отцы наши говорятъ, что въ уединеніи удобнѣе непрестанно помнить смерть и удаляться отъ грѣховъ“³⁾. Эти выраженія показываютъ, что во время написанія „наставленій“ духовный опытъ предшествовавшихъ знаменитыхъ подвижниковъ уже служилъ руководствомъ къ иноческой жизни, и что, слѣдовательно, „наставленія“ были написаны гораздо позже Антонія. Въ „наставленіяхъ“ отношенія начальника монастыря и подчиненныхъ ему иноковъ представлены въ такомъ видѣ, что скорѣе могутъ имѣть мѣсто въ общечитальныхъ монастыряхъ Пахомія, чѣмъ въ монастыряхъ, основанныхъ Антоніемъ. Далѣе, въ нихъ преподается совѣтъ не приближаться къ себѣ многихъ людей, даже и изъ приближенныхъ не всѣмъ довѣрять, „потому что міръ утвердился въ лукавствѣ“⁴⁾. Такое недовѣріе къ людямъ и взглядъ на міръ несогласны съ жизнью и ученіемъ Антонія; любвеобильный Антоній всякаго при-

¹⁾ Migne XL, p. 1078.

²⁾ Ibid. p. 1075.

³⁾ Migne XL, p. 1075—1077.

⁴⁾ „Quoniam mundus est confirmatus in dolo“. Migne, XL, col. 1077.

нималъ ласково, и если принимаемый былъ человѣкомъ недостойнымъ, то онъ заботился не объ удаленіи его, а о нравственномъ исправленіи¹⁾. Съ другой стороны, не смотря на то, что высшей степени совершенства Антоній достигъ въ пустынѣ, онъ не отрицалъ того, что и въ мірѣ есть люди, среди соблазновъ достигшіе высокаго нравственнаго совершенства²⁾. Въ „наставленіяхъ“, между прочимъ, есть такое мѣсто: „сынъ мой, не отступай отъ Бога изъ за тлѣнныхъ благъ, но помни то, что обѣщаль во время твоего горячаго порыва. Знака, т. е. одежды твоей, которою ты былъ нѣкогда очищенъ, старайся не забыть, но помни о пролитыхъ тобой слезахъ покаянія“³⁾. Здѣсь, такимъ образомъ, ясно указывается если не на особый чинъ постриженія въ монашество, то по крайней мѣрѣ на установившіеся опредѣленные обряды принятія въ иноческій санъ. Но намъ неизвѣстно, чтобы Антоній соблюдалъ какіе-либо обряды при принятіи въ иночество желающихъ подвизаться; изъ того же, какъ Антоній принялъ въ число иноковъ своего ученика Павла Простаго⁴⁾, мы можемъ заключить, что при немъ не существовало никакихъ обрядовъ для принятія въ иночество, и для того, чтобы стать инокомъ, требовалось только сердечное расположеніе и выраженіе твердой рѣшимости къ подвижничеству.

Такимъ образомъ „наставленія“ во всей цѣлости принадлежать Антонію не могутъ, и несправедливо называются наставленіями Антонія, но все же они содержатъ въ себѣ значительную долю мыслей этого подвижника, и гораздо ближе чѣмъ правила подходятъ къ рѣчамъ и письмамъ Антонія.

Увѣщанія. Помѣщенные Авраамомъ Энхелленскимъ непосредственно за „наставленіями“ „Увѣщанія къ дѣтямъ своимъ монахамъ (*admonitiones ad filios suos monachos*)“ арабскимъ

¹⁾ Достоп. сказ. § 21, 29.

²⁾ Ibid. § 24.

³⁾ Migne XL, p. 1078.

⁴⁾ Лавсакъ § 25.

кодексомъ также признаются произведеніями Антонія¹⁾. Но ихъ можно бы назвать скорѣе правилами, чѣмъ увѣщаніями, такъ какъ они близко подходятъ къ правиламъ, и назвать даже не правилами Антонія, а сборникомъ правилъ первыхъ египетскихъ подвижниковъ. Здѣсь отчасти повторяются правила, приписываемыя Антонію, а затѣмъ правила и наставленія другихъ подвижниковъ, какъ, напр., аввы Исаіи и Пахомія; приводятся, конечно, и такія наставленія въ нравственности, которыя были извѣстны всякому монаху, и могутъ принадлежать Антонію также, какъ и всякому другому. О томъ, какъ велики въ „увѣщаніяхъ“ заимствованія изъ „правилъ Антонія“, Пахомія и Исаіи, можно судить изъ сравненія ихъ съ указанными правилами. Въ „увѣщаніяхъ“, напр., говорится о томъ, чтобы младшіе монахи подражали старшимъ, а старшіе чтобы исправляли погрѣшности младшихъ безъ снисхожденія; это же самое говорится въ правилахъ Антонія (51-е) и Пахомія (пр. 3 и 4-е). Наставленія, какъ держать себя за столомъ во время общей трапезы встрѣчаются въ правилахъ Антонія (пр. 78, 79-е), Пахомія (пр. 8 — 15-е). Правила „увѣщаній“ о непосѣщеніи родителей и родственниковъ, о троюкомъ занятіи въ келліи, о необходимости для монаха заботиться о своемъ спасеніи, объ уступчивости и нѣкоторыя другія служатъ буквальнымъ повтореніемъ правилъ Антонія (прав. 11, 65, 69, 62-е). Многія изъ правилъ „увѣщаній“ находятся въ одно и то же время и въ правилахъ Антонія, и въ правилахъ или въ словахъ аввы Исаіи. Таковы, напр., увѣщанія къ тому, чтобы непрестанно плакать о своихъ грѣхахъ²⁾, любить смиреніе, которое предохраняетъ человека отъ грѣховъ³⁾, не считать себя мудрымъ⁴⁾, не укорять со-

¹⁾ Они находятся у Миня, t. XL, ser. gr. p. 1079 и у Галландія, t. IV, p. 703. Въ Христ. Чтеніи (за 1830 г. ч. XXXVII, стр. 246) они переведены на русскій языкъ, но съ нѣкоторыми пропусками.

²⁾ Правило Антонія 36-е и Исаіи 4-е.

³⁾ Антонія прав. 61-е; Исаіи 10-е.

⁴⁾ Антонія прав. 63-е; Исаіи слово IX-е — Migne XL, ser. gr. p. 1134.

грѣшающаго брата¹⁾, не всякому открывать свои мысли, такъ какъ это можетъ послужить соблазномъ для нѣкоторыхъ²⁾; таково же увѣщаніе быть смиреннымъ и приучить свой языкъ говорить всегда: „прости мнѣ“³⁾, таковъ совѣтъ, чтобы представлять будто мы живемъ послѣдній день въ мірѣ⁴⁾ и проч. Въ „увѣщаніяхъ“ встрѣчается такое выраженіе: „не ходи въ тотъ городъ (въ другомъ мѣстѣ говорится: „не живи въ томъ городѣ“ и т. д.), въ которомъ ты нѣкогда грѣшилъ предъ Богомъ⁵⁾; оно несомнѣнно взято у аввы Исаи, такъ какъ находится въ его 9-мъ словѣ въ буквально тождественныхъ выраженіяхъ⁶⁾. У Исаи же взяты и правила „увѣщаній“ о томъ, чтобы не ѣсть никогда съ женщиною, и къ тремъ мѣрамъ вина не присоединять четвертой⁷⁾. Въ „увѣщаніяхъ“ между прочимъ говорится: „когда ударяютъ въ кампанъ, не лѣнись тотчасъ идти въ церковь“; это правило служить буквально повтореніемъ 1-го правила Пахомія. Послѣднее выраженіе, указывающее на существованіе среди монаховъ кампановъ, точно также, какъ и то мѣсто, гдѣ говорится, что „церковныя дѣла должны быть поручены человѣку вѣрному, который боится Бога“⁸⁾, говорятъ о болѣе позднемъ происхожденіи „увѣщаній“. Существованіе кампановъ и правильная организація въ устройствѣ церковныхъ дѣлъ, что представляется въ „увѣщаніяхъ“, какъ уже данное, приводятъ къ заключенію, что писатель „увѣщаній“ былъ монахомъ общежительнаго монастыря, устроеннаго на началахъ устава Пахомія, а слѣдовательно, и наставленія предназначались для монаховъ такого же монастыря. Писателемъ же ихъ былъ или тотъ же писатель „правилъ Антонія“, или настоятель какого-либо монастыря, потому что надписаніе „правилъ“ и заключеніе „увѣ-

¹⁾ Антонія пр. 23, 47, 59; Исаи пр. 8-е.

²⁾ Антонія пр. 41; Исаи слово IX, Migne, ibid.

³⁾ Антонія пр. 64, 72-е; Исаи пр. 10, 15-е, слово IX-е.

⁴⁾ Антонія пр. 66-е; Исаи пр. 12-е и слово IX-е.

⁵⁾ Migne XL, p. 1079—1080.

⁶⁾ Migne XL, p. 1134.

⁷⁾ Исаи прав. 1, 42 и 2-е.

⁸⁾ Migne XL, p. 1079.

щаній“ очень сходны между собою. „Я, Антоній, говорится въ концѣ „увѣщаній“, изрекаю тебѣ истину; будь внимателенъ къ словамъ моимъ и сохрани ихъ въ сердцѣ твоёмъ; знай, что этими рѣчами и правилами я предаю тебя Творцу. Если ты сохранишь ихъ, то будешь радоваться со всѣми ангелами, а всѣхъ злыхъ духовъ поразишь скорбію“¹⁾. Но, отрицая принадлежность „увѣщаній“ Антонію, и указывая на ихъ сходство и съ наставленіями и съ правилами другихъ подвижниковъ, мы не отрицаемъ того, что въ нихъ находятся нѣкоторыя мысли Антонія; это можно замѣчать тамъ, гдѣ авторъ „увѣщаній“ является отъ имени Антонія не предписывателемъ правилъ, а учителемъ въ нравственно-подвижнической жизни. Это тѣмъ болѣе справедливо, что въ „увѣщаніяхъ“ встрѣчаются такія замѣчанія и сравненія, которыя приписываютъ Антонію „Достопамят. сказанія“, „Vita Antonii“ и Созоменъ. Въ „увѣщаніяхъ“, напр., встрѣчаются замѣчанія Антонія, что живущій въ пустынѣ свободенъ отъ трехъ искушеній: отъ искушенія слуха, языка и взора²⁾, что монахъ относительно всякой капли воды, которую хочетъ выпить, долженъ руководствоваться совѣтами старшихъ³⁾. Сюда же нужно отнести употребившееся Антоніемъ сравненіе монаха съ рыбою: „какъ рыба, говорилъ Антоній, вынесенная изъ воды, умираетъ, такъ погибаетъ и страхъ Божій въ сердцѣ монаха, если онъ напрасно выходитъ изъ келліи“⁴⁾. Всѣ подобныя выраженія „увѣщаній“ приближаютъ ихъ къ Антонію, но не настолько, чтобы они могли служить источникомъ для изложенія его нравственно-подвижническаго ученія.

Рѣчь о гибели міра и о воскресеніи мертвыхъ.
Преп. Антонію приписывается небольшая „Рѣчь о гибели міра и о воскресеніи мертвыхъ“⁵⁾. Она была взята изъ древняго

¹⁾ Migne XL, p. 1082.

²⁾ Migne XL, col. 1079; Сравн. Достоп. сказ. § 11.

³⁾ Ibid. col. 1082. Сравн. Достоп. сказ. § 38.

⁴⁾ Ibid. col. 1084; Сравн. Vita Anton. § 85, Достоп. сказ. § 10 и

Церк. ист. Созомена кн. I, гл. 13.

⁵⁾ Она находится у Миня—том. XL, col. 961 и у Галландія—т. IV, p. 652; есть и въ русскомъ переводѣ — Христ. Чтеніе 1825 г. ч. XX, стр. 180.

рукописного латинского кодекса Альды Минуция, и впервые издана въ 1604 году Герардомъ Воссіемъ Тунгренскимъ, который помѣстилъ ее въ „смѣси твореній свв. отцовъ“, присоединивъ къ твореніямъ св. Григорія Чудотворца. Но мы вовсе не относимъ эту рѣчь къ произведеніямъ преп. Антонія, хотя Герардъ Воссій и считаетъ ее произведеніемъ этого отца. Рѣчь эта представляетъ собою какъ бы проповѣдь, наполненную обличеніями во грѣхахъ; въ концѣ авторъ убѣждаетъ слушателей прибѣгнуть къ покаянію, и говоритъ о судѣ Божіемъ и воскресеніи. Ни по духу, ни по языку она не подходитъ къ письмамъ и рѣчамъ Антонія. Хотя въ ней и замѣтно нѣкоторое подражаніе слогу Антонія, но на самомъ дѣлѣ слогъ этой рѣчи болѣе ясенъ, болѣе послѣдователенъ и изященъ¹⁾. Развитіе мыслей идетъ въ ней стройно и послѣдовательно, нѣтъ никакихъ уклоненій въ сторону, но одна высказанная мысль часто имѣетъ въ свое подтвержденіе нѣсколько доказательствъ; съ другой стороны, нѣтъ той, такъ сказать, субъективности и сердечности, которая служитъ характеристическимъ признакомъ всѣхъ наставленій Антонія. Кромѣ авторитета манускрипта Альды Минуция „рѣчь о погибели міра и воскресеніи мертвыхъ“ не имѣетъ никакихъ другихъ доказательствъ, на основаніи которыхъ можно было бы считать ее произведеніемъ Антонія Великаго, вотъ почему большинство критиковъ рѣшительно отвергаютъ принадлежность этой рѣчи Антонію²⁾.

Наставленія для нравственности человѣковъ и доброй жизни въ 170 главахъ. Несправедливо Антонію приписываютъ „Наставленія для нравственности человѣковъ

¹⁾ Приписывая Антонію кромѣ двадцати рѣчей „рѣчь о погибели міра и воскресеніи мертвыхъ“, нѣкоторые гомилеты причисляютъ его къ церковнымъ ораторамъ, какъ, напр., Karl Paniel.—Pragmatische Geschichte der christlichen Beredsamkeit und der Homiletik. B. I, Abth. I. s. 366, Leipzig. 1839.

²⁾ Напр., Ceillier. — Histoire générale des auteurs sacrés et ecclésiastiques. t. IV, p. 519; *Ellies du Pin*. Nouvelle biblioth. des auteurs ecclésiastiques. t. II, p. 67. Проф. Казанскій кратко упоминаетъ объ этой рѣчи, ничего не говоря противъ принадлежности ея Антонію. — Истор. правосл. монаш. на Востокѣ, ч. I, стр. 96.

и доброй жизни, въ 170 главахъ“. Эти „наставленія“ въ первый разъ были изданы съ именемъ Антонія Іоанномъ Маврокордато и помѣщены имъ въ греческомъ „Добротолубіи (φιλοκαλία)“, откуда они переведены и на русскій языкъ¹⁾. Маврокордато считаетъ ихъ подлинными произведеніями Антонія, и въ доказательство своей мысли ссылается на ихъ древній образъ рѣчи и на свидѣтельство преподобномученика Петра Дамаскина, жившаго въ половинѣ VIII вѣка; русскій переводчикъ также считаетъ эти главы произведеніями Антонія Великаго. Но критики XVII и XVIII столѣтія Каве, Уденъ и Фабрицій приписываютъ это произведеніе не Антонію Великому, а Антонію Мелиссѣ²⁾. Этого Антонія Мелиссу нужно относить къ XII вѣку, такъ какъ въ его сочиненіяхъ есть указанія на Іоанна Дамаскина, Фотія Константинопольскаго и Теофилакта Болгарскаго³⁾. Въ изданіи произведеній Антонія, переведенныхъ съ арабскихъ кодексовъ Авраамомъ Энхелленскимъ и съ греческаго языка Валеріемъ Саразіемъ, ничего не упоминается о „Наставленіяхъ въ 170 главахъ“, которыя приписываетъ Антонію Маврокордато; нѣтъ ихъ и въ изданіяхъ святоотеческихъ твореній Галланди, Миня и др. Все это, вмѣстѣ взятое, не даетъ намъ никакого права считать „Наставленія въ 170 главахъ“ подлиннымъ произведеніемъ Антонія Великаго.

Если обратимся къ содержанію 170 главъ, ихъ слогу, языку и проч., то необходимо придемъ къ тому же заключенію. Прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе общій характеръ наставленій. Если въ письмахъ и рѣчахъ Антонія всегда говорится о томъ, что касается нравственного совершенства и слышится любвеобиль-

¹⁾ Они переведены въ Христ. Чтеніи за 1821 г. ч. I, стр. 237—297 и въ Добротолубіи, т. I, стр. 63—94. Изд. 3-е. 1895 г.

²⁾ *Fabricii*—Bibliotheca Graeca. t. VIII, p. 822. Hamburg. 1717. Трудъ Антонія Мелиссы Конрадъ Геснеръ издалъ въ Венеціи въ 1546 г. на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Sententiarum seu Capitum Theologicorum praecipue ex sacris Scripturis et Prophanis libris tomi tres per Antonium et Maximum Monachos olim collecti“. Это произведеніе раздѣлено было на 176 главъ.

³⁾ *Ordin*. Supplementum de scriptoribus vel scriptis ecclesiasticis. p. 409.

ное слово Антонія, призывающаго монаховъ къ непрестанному подвигу, то нельзя сказать этого о наставленіяхъ въ 170 главахъ. Въ нихъ больше разсужденій, чѣмъ наставленій; авторъ излагаетъ общія правила благоразумія и нравственности, но излагаетъ сухо и объективно, часто прибѣгая для доказательства своей мысли къ сложнымъ силлогизмамъ и софистическимъ приѣмамъ. Онъ, напри- мѣръ, разсуждаетъ: „Тому, кто не умѣетъ различить, что добро и что зло, не пристало судить, кто добръ и кто злъ изъ людей. Человѣкъ, знающій Бога,—добръ; а когда онъ не добръ, то значить не знаетъ (Бога) и никогда не будетъ познанъ (отъ Него): ибо единственный способъ къ познанію Бога есть доброта“¹⁾. Говоря о томъ, что не всякая душа спасается, авторъ употребляетъ слѣдующее умозаключеніе: „Въ душѣ дѣйствуетъ умъ, а въ тѣлѣ природа. Умъ обожаетъ душу, а природа разлагаетъ тѣло. Въ каждомъ тѣлѣ дѣйствуетъ природа, но не въ каждой душѣ бываетъ умъ, почему не всякая душа спасается“²⁾. Авторъ наставленій въ 170 главахъ былъ, очевидно, человѣкомъ образованнымъ и поклонникомъ науки. „Не- образованные и простецы, говоритъ онъ, смѣшнымъ дѣломъ счи- таютъ науки и не хотятъ слушать ихъ, потому что ими обличается ихъ невѣжество,—и они хотятъ, чтобы все были подобны имъ“³⁾. „Человѣкотворцемъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, должно на- звать того, кто успѣваетъ умягчить нравъ необразованныхъ и за- ставитъ ихъ полюбить науки и образованіе“⁴⁾. 13-е и 14-е на- ставленія называютъ человѣкомъ только того, у кого есть умъ (умность); если же онъ не имѣетъ этой умности, то разнится отъ бесловесныхъ однимъ расположеніемъ членовъ и даромъ слова; объ умныхъ людяхъ говорится также и въ другихъ наставленіяхъ⁵⁾.

Все подобныя замѣчанія ни въ какомъ случаѣ не могутъ принадлежать Антонію. Антоній, по словамъ Созомена, „грамоты не зналъ и не уважалъ, но хвалилъ добрый умъ, какъ старшину

¹⁾ Глава 29.

²⁾ Гл. 135.

³⁾ Гл. 8.

⁴⁾ Гл. 11.

⁵⁾ Гл. 78, 79, 130 и др.

и изобрѣтателя грамоты“¹⁾; слѣдовательно, онъ вовсе не былъ защитникомъ научнаго образованія, и подобныя мысли 170-ти главъ не могли имѣть мѣста въ наставленіяхъ Антонія. Изъ бесѣдъ Антонія съ философами видно, что онъ признавалъ достаточнымъ для человѣка естественный здравый умъ: „въ комъ здравый умъ, говорилъ онъ, тому не нужны письма“²⁾; отъ такихъ людей, не получившихъ научнаго образованія, но имѣющихъ природный здра- вый умъ, Антоній не стыдился даже принимать наставленія, если находилъ въ нихъ что-либо полезное³⁾. Въ 170 главахъ мы на- ходимъ неизвѣстное Антонію ученіе объ умѣ. Умъ представляется здѣсь чѣмъ-то самостоятельнымъ, подобно тѣлу и душѣ, но онъ не есть душа, а только даръ Божій, спасающій душу⁴⁾. „Душа въ тѣлѣ, въ душѣ—умъ. Умъ обожаетъ душу. Душа есть въ мірѣ, какъ рожденная, а умъ выше міра, какъ нерожденный. Умъ все видитъ, даже то, что на небѣ, и ничто не помрачаетъ его, кромѣ одного грѣха. Для чистаго же ничего нѣтъ неудобопонят- наго, какъ для слова его,—неизглаголаннаго“⁵⁾. Последняя мысль нѣсколько приближается даже къ воззрѣніямъ гностиковъ, претен- довавшихъ на обладаніе истиннымъ знаніемъ. Такія же гностико- манихейскія воззрѣнія слышатся и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ 170 главъ, гдѣ высказывается взглядъ на матерію, какъ на зло само въ себѣ. „Первоначальная добродѣтель человѣка, говорится въ „наставленіяхъ“, есть презрѣніе плоти“⁶⁾. „Грѣхъ нашелъ себѣ опору въ вещественномъ, и тѣло стало сѣдалищемъ его. Но умная душа, понявъ сіе, свергаетъ съ себя бремя вещественнаго, и, воз- никнувъ изъ подъ сего бремени, познаетъ Бога всяческихъ и вни- мательно смотритъ за тѣломъ, какъ за врагомъ и противоборцемъ, не довѣряя ему. И такимъ образомъ душа, побѣдившая злыя

¹⁾ Созоменъ. Церк. Истор. кн. I, гл. 13, стр. 49.

²⁾ Vita Anton. § 73.

³⁾ Ibid. § 67.

⁴⁾ Наставл. гл. 93—94.

⁵⁾ Гл. 98, 135, 136 и 106.

⁶⁾ Глава 129.

страсти и вещество, вѣчается отъ Бога¹⁾. „Тѣло, соединяясь съ душою, выходитъ на свѣтъ изъ мрака чрева; а душа, соединяясь съ тѣломъ, заключается во мракѣ тѣла. Посему надобно не жалѣть, а обуздывать тѣло, какъ врага и противоборца души“²⁾. Авторъ 170 главъ видитъ зло во всей природѣ, и отсюда дѣлаетъ выводъ, что необходимо все презирать; при этомъ онъ употребляетъ своеобразное софистическое умозаключеніе. „Истинный человѣкъ, говоритъ онъ, старается быть благочестивымъ. Благочестивъ тотъ, кто не желаетъ чуждаго ему; чуждо же человѣку все сотворенное. Итакъ, презри все, такъ какъ ты образъ Божій“³⁾. Такая аскетика чужда Антонію. Правда, онъ убѣждалъ своихъ учениковъ къ посту и воздержанію, убѣждалъ даже умерщвлять и поработать тѣло свое, но вовсе не смотрѣлъ на него, какъ на зло. Онъ смотрѣлъ на тѣло, какъ на оболочку духа, въ которой онъ усовершенствуетъ себя въ добродѣтели; тѣло, по Антонію, должно быть жертвенникомъ, на которомъ сожигаются всѣ нечистыя мысли⁴⁾. Оно есть одно изъ средствъ для достиженія нравственного совершенства. Поэтому не презирать нужно тѣло, а ослаблять его, однако ослаблять мудро и благоразумно, чтобы вмѣстѣ ослабить и погасить въ себѣ чувственныя желанія⁵⁾. Умерщвленіе тѣла Антоній не считалъ единственно возможнымъ способомъ достиженія нравственного совершенства, такъ какъ допускалъ возможность спастись и въ мірѣ, безъ умерщвленія тѣла⁶⁾. Высокое же христіанское воззрѣніе Антонія на міръ и на все сотворенное видно изъ того, что онъ смотрѣлъ на окружающую его природу, какъ на открытую книгу, по которой можно всегда читать слово Божіе и пріобрѣтать истинныя познанія о Богѣ и человѣкѣ⁷⁾.

¹⁾ Гл. 50.

²⁾ Гл. 117.

³⁾ Глава 87.

⁴⁾ Migne XL. Epist. VI, p. 1014.

⁵⁾ Ibid. Epist. XVII, p. 1014 С.

⁶⁾ Достоп. сказ. § 24.

⁷⁾ Сократъ. Церк. Истор. кн. IV, гл. 23, стр. 355.

Въ 170 главахъ встрѣчается незнакомое Антонію ученіе о душѣ вообще, и о человѣческой въ частности. „Всякая человѣческая душа, говорится здѣсь, есть приснодвижна“¹⁾. Приписывая людямъ умъ, душу и дыханіе, авторъ говоритъ, что животныя имѣютъ дыханіе и душу. Въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ: „когда затворишь дверь жилища твоего и останешься одинъ, вѣдай, что тебѣ соприсущъ опредѣленный отъ Бога каждому человѣку Ангель, котораго Элліны называютъ домашнимъ духомъ“²⁾. Последнее мѣсто говоритъ, что авторъ 170 главъ былъ или природный грекъ, или получилъ греческое образованіе. Нѣкоторые изъ „наставленій“ предназначены вовсе не для монаховъ, а для людей мірскихъ, занимающихъ иногда видное положеніе въ обществѣ³⁾. Но, очевидно, Антонію они принадлежать не могутъ, такъ какъ онъ писалъ наставленія въ письмахъ только „дѣтямъ своимъ монахамъ“⁴⁾. Точно также странными являлись бы въ устахъ Антонія филологическія объясненія слова „Богъ“⁵⁾.

Такимъ образомъ „Наставленія въ 170 главахъ“ не только не выражаютъ высокаго нравственно-подвижническаго ученія Антонія, но даже стоятъ съ нимъ иногда въ прямомъ противорѣчій. На основаніи разсмотрѣнныхъ нами внѣшнихъ свидѣтельствъ о принадлежности 170 главъ Антонію и внутренняго ихъ содержанія, наконецъ на основаніи формы ихъ рѣчи и слога, мы признаемъ эти произведенія *подложными*, и носящими одно только имя Антонія, хотя и не отрицаемъ, что въ нихъ могутъ иногда встрѣчаться и мысли преп. Антонія.

Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ. Обозрѣвая писанія Антонія Великаго, мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы обошли молчаніемъ „изреченія (*sententiae*) и отвѣты (*responsiones*)“ Анто-

¹⁾ Гл. 166.

²⁾ Гл. 62.

³⁾ Гл. 21, 35, 81.

⁴⁾ За исключеніемъ писемъ къ императору Константину и военачальнику Валакію.

⁵⁾ Гл. 162.

нія на нѣкоторые вопросы, предложенные ему братією, и „Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ“ (*Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων ἡρώτων*)¹⁾, въ которыхъ заключается много мыслей, высказанныхъ преп. Антоніемъ, и записанныхъ его учениками. Хотя эти произведенія и не выдаются за произведенія Антонія, но, собственно говоря, они скорѣе могутъ быть названы его произведеніями, чѣмъ правила, увѣщанія и проч., такъ глубоко содержащіяся въ нихъ мысли, и такъ живо и вѣрно рисуется въ нихъ высокая личность Антонія. Афанасій Великій, препровождая монахамъ написанное для нихъ жизнеописаніе Антонія, прибавляетъ между прочимъ: „я сообщу вамъ только немногое, что припомню объ Антоніи. И вы не переставайте спрашивать у всякаго, кто плыветъ отсюда. Ибо изъ рассказовъ каждаго о томъ, что кто знаетъ, составится, можетъ быть, и полное повѣствованіе объ Антоніи“²⁾. И дѣйствительно, мы знаемъ, что всѣ изреченія великихъ подвижниковъ иноки тщательно сохраняли въ памяти, а грамотные записывали, что сами слышали, или о чемъ слышали черезъ посредство болѣе раннихъ по времени жизни иноковъ. „Монахи египетскіе, говоритъ Созоменъ, любили говорить о подвигахъ отцевъ. Они считали важнымъ дѣломъ, чрезъ преемство неписаннаго преданія, тщательно хранить память о добродѣтеляхъ древнѣйшихъ подвижниковъ“³⁾. Такія записи были въ обычаѣ въ Египтѣ въ IV и V вѣкахъ, и постоянно пополнялись, такъ какъ не было недостатка въ благочестивыхъ подвижникахъ. Извѣстны были эти сказанія подъ именемъ *μοναχικῶν*, *ἡρώτικῶν*, *πατερικῶν* и проч. Изъ записей монаховъ о жизни и дѣяніяхъ замѣчательныхъ подвижниковъ въ Египтѣ составила цѣлая книга подъ названіемъ „Великаго Лимонаря“, въ которомъ собраны были рассказы объ Антоніи и болѣе позднихъ по времени жизни подвижникахъ до половины V-го вѣка⁴⁾. Сказанія старцевъ или патерики пользовались среди монаховъ большимъ уваженіемъ, и

¹⁾ *In vitam Antonii Prooemium.*

²⁾ Церк. ист. к. I, гл. 14.

³⁾ *Photii Biblioth. cod. 198. Migne CIII, ser. gr. p. 664—665.*

отдѣлы изъ нихъ читались во время общей трапезы для назиданія¹⁾. Но вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ многія изъ этихъ записей исчезли, а другія появились въ болѣе сокращенномъ видѣ. Теофанъ и Кедренъ рассказываютъ, что императоръ Константинъ Копронимъ всѣ книги подобнаго рода велѣлъ сожигать²⁾. Великій Лимонарь въ полномъ своемъ видѣ до насъ не дошелъ, но изъ него едѣланы были два большихъ извлеченія; по крайней мѣрѣ Фотію извѣстна была книга подъ заглавіемъ: „Ἀνδρῶν ἁγίων βιβλος“, раздѣлявшаяся на 22 главы³⁾. Объ этой книгѣ самъ Фотій замѣчаетъ, что она представляетъ собою сокращенное изложеніе сказаній Великаго Лимонаря о дѣяніяхъ подвижниковъ⁴⁾. Другое, также очень пространное извлеченіе представлено Котелеріемъ, который извлекъ его изъ такъ называемаго Царскаго кодекса⁵⁾, и издалъ въ 1677 году подъ заглавіемъ: „Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων ἡρώτων“⁶⁾. Патріархъ антioxійскій Іоаннъ, жившій въ XII в., говоритъ, что ранѣе другихъ книгъ, описывающихъ образъ жизни монаховъ, составлена была въ Египтѣ обширная книга святыхъ подвижниковъ Скита, Оиваиды и Ливіи, излагающая дѣянія отцевъ (*ἱεράς πολιτείας καὶ ἀποφθέγματα*) въ алфавитномъ порядкѣ⁷⁾. Несомнѣнно, что это—указаніе на суще-

¹⁾ Изъ „Луга Духовнаго“ Іоанна Мосха мы видимъ, что въ началѣ VII вѣка чтеніе такихъ книгъ было очень распространено среди монаховъ; назывались они книгами старческими (*βιβλίον ἡσωντικόν*), раемъ (*παράδεισος*) и проч.—Лугъ Дух. гл. 54 и 110. Москва. 1871.

²⁾ „Ὅσα δὲ εὗρεν Μοναχικὰ καὶ πατερικὰ βιβλία πρὸς κατέχουσε“. *Fabricii—Biblioth. Graeca. t. IX, pag. 25—26*

³⁾ Шестнадцать первыхъ главъ этой книги еще въ концѣ VI-го вѣка были переведены діакономъ Пелагіемъ, а четыре главы вподіакономъ Іоанномъ на латинскій языкъ. *Fabricii—Biblioth. Graeca t. IX p. 25.*

⁴⁾ *Biblioth. cod. 198.*

⁵⁾ № 2466. *Fabricii—Biblioth. Graeca. t. IX, p. 26.*

⁶⁾ *Ecclesiae Graec. monumenta. t. I, p. 338—712.* На русскомъ языкѣ переводъ этихъ апофегмъ извѣстенъ подъ именемъ „Достопамятныхъ сказаній о подвижничествѣ св. и блаженныхъ отцевъ“. Москва. 1845.

⁷⁾ Существуящія у насъ патерики, извѣстныя подъ именемъ скитскихъ, содержатъ въ себѣ также очень древнія сказанія о подвижникахъ отъ начала IV-го и до конца VI вѣка. Въ нихъ многое повто-

ствовавшую въ его время книгу „Αποφθέγματα τῶν ἁγίων ὑερῶν-
των“, такъ какъ въ ней дѣянія отцевъ изложены по алфавитному
порядку ихъ именъ. Общее сходство всѣхъ сказаній объ Антоніи,
включающихся въ Достопамятныхъ сказаніяхъ и въ скитскихъ
патерикахъ (которые представляютъ собою извлеченія изъ бывшаго
Великаго Лимонаря), доказываетъ только ихъ истинность.

По своему содержанію Достопамятныя сказанія вполне со-
гласны съ духомъ Антоніевыхъ наставленій и его жизнью. Въ нихъ
Антоній является главнымъ образомъ строгимъ подвижникомъ и
опытнымъ учителемъ въ нравственно-аскетической жизни, — не стро-
гимъ и карающимъ, но любвеобильнымъ и исправляющимъ согрѣшив-
шихъ. Встрѣчается здѣсь иногда и повтореніе того, что было ска-
зано Антоніемъ въ письмахъ, или же записано церковными исто-
риками, какъ его изреченіе. Такъ, напр., приписываемое Антонію
изреченіе, что безъ искушенія никто не можетъ войти въ царство
небесное, вполне согласно съ мыслями VI письма Антонія, въ
которомъ онъ говоритъ о неизбежности искушеній и пользѣ ихъ
для нравственнаго совершенства человѣка¹⁾. Весь 22-й § Досто-
пам. сказаній, гдѣ говорится о троякаго рода движеніяхъ, бываю-
щихъ въ тѣлѣ, служитъ повтореніемъ сказаннаго въ I письмѣ
Антонія²⁾. Приводимое въ § 37 Достопамятныхъ сказаній замѣ-
чаніе Антонія, что многіе монахи послѣ усиленныхъ иноческихъ
подвиговъ пали, такъ какъ понадѣялись на свои силы, вполне
соотвѣтствуетъ сказанному объ этомъ же въ VI и XVIII пись-
махъ Антонія³⁾. Несомнѣнно также, что приписываемое Антонію
въ Достопам. сказаніяхъ (§ 10) сравненіе монаховъ съ рыбами
было одно изъ его любимыхъ сравненій⁴⁾. Если при всемъ этомъ

рассуждается изъ того, что содержится въ Достопамят. сказаніяхъ. Такъ, напр.,
въ скитскомъ рукописномъ патерикѣ XV вѣка, который намъ пришлось
имѣть подъ руками, буквально повторяются §§ 9, 10, 12, 13, 16, 32-й и
др. Достопамятныхъ сказаній. — Рукопись библиотеки Кіево-Михайлов-
скаго монастыря подъ № 1674, листы 75—76, 206 и др.

¹⁾ Достопамят. сказ. § 5. Сравни. Migne XL, ser. gr. pag. 1013.

²⁾ Migne XL, pag. 979—1001.

³⁾ Ibid. p. 1015 et 1050.

⁴⁾ Vita Anton. § 85. Церк. Истор. Созомена, кн. I, гл. 13, стр. 50.

принять во вниманіе, что и все вообще содержаніе Достопамятныхъ
сказаній вполне соотвѣтствуетъ жизни и дѣяніямъ Антонія, не за-
ключаетъ въ себѣ никакихъ анахронизмовъ и внутреннихъ проти-
ворѣчій, то станетъ понятно, какимъ они являются цѣннымъ источни-
комъ для характеристики личности Антонія Великаго и изложенія
его ученія.

Мнѣнія и отвѣты. „Мнѣнія и отвѣты“¹⁾ по харак-
теру своему то же самое, что и Достопамятныя сказанія. Въ нихъ
большею частью предлагается какое-либо мѣсто изъ Достопамятн.
сказаній въ видѣ вопроса²⁾ и требуется объясненіе изреченія Анто-
нія; въ отвѣтѣ заключается объясненіе этого изреченія. Такимъ
образомъ эти мнѣнія являются какъ бы краткимъ извлеченіемъ
изъ Достопам. сказаній съ приложенными здѣсь же объясненіями
старѣйшихъ подвижниковъ. Въ отвѣтахъ, приписываемыхъ Анто-
нію³⁾, заключаются высокія нравственныя наставленія, вполне до-
стойныя такого великаго подвижника, какъ Антоній⁴⁾. Такъ, на
вопросъ монаха: „чѣмъ можетъ человѣкъ угодить Богу“? — дается
отвѣтъ, что „исполненіе закона и дѣла любви — предметы самые
богоугодныя“. На вопросъ: „можно ли посмѣяться надъ кѣмъ-
нибудь“? Антоній отвѣчаетъ, что лучше оплакивать грѣхи согрѣ-
шившихъ, чѣмъ смѣяться надъ ними. На вопросъ: „какъ долженъ
всякій служить своимъ братьямъ“? Антоній отвѣчаетъ: „примѣромъ
Иисуса Христа, послужившаго предъ тайной вечерей Апостолу Петру“.
На вопросъ братіи: „что значитъ радость для Бога“ — Антоній
отвѣчаетъ: „всякая заповѣдь, исполненная съ охотою и во славу
Божію, производитъ въ душѣ нашей радость для Бога“. Человѣка,
желающаго провести свою жизнь безъ дѣлъ милосердія, Антоній

¹⁾ Они помѣщены у Миня, t. XL, ser. gr. pag. 1083—1100.

²⁾ Приводятся, напр., изъ Достопам. сказаній §§ 7, 10, 11, 19,
23, 28 и др.

³⁾ Отвѣты Антонія переведены въ Христ. Чтеніи за 1837 г. ч. II,
стр. 261—271 и въ „Сочиненіяхъ и переводахъ Евсевія, Архiep. Карта-
линскаго“, стр. 36—45.

⁴⁾ Въ началѣ отвѣтовъ приводятся два мѣста изъ Достопам. ска-
заній (§§ 3 и 6-й). — Migne XL, p. 1093.

называет жестокосерднымъ и имѣющимъ звѣрскую душу. Въ одномъ изъ отвѣтовъ (7-мъ) Антоній говоритъ о самоиспытаніи и благо-разуміи, необходимыхъ иноку для достиженія нравственнаго совершенства, и приводитъ извѣстное уже намъ замѣчаніе, что многіе монахи измощдали свое тѣло чрезвычайнымъ постомъ, бдѣніями, удалялись въ пустыню и предавались тамъ изнурительнымъ трудамъ, но не смотря на все это пали, такъ какъ не имѣли вышеуказанныхъ добродѣтелей¹⁾. Въ шестомъ отвѣтѣ Антоній пророчески указываетъ на то время, когда монахи подвержены будутъ различнымъ порокамъ: сластолюбію, плотоугодію и проч., будутъ жить среди міра, — и не будутъ стыдиться украшать себя ложнымъ именемъ монаховъ²⁾.

Изъ представленнаго краткаго содержанія „отвѣтовъ“ видно, что по своему характеру они вполне подходятъ къ наставленіямъ Антонія. По нашему мнѣнію эти „отвѣты“ дѣйствительно принадлежатъ Антонію и записаны были его учениками, хотя и послѣ его смерти.

Раздѣленіе приписываемыхъ Антонію Великому произведеній на группы. Такимъ образомъ все извѣстныя съ именемъ Антонія Великаго произведенія могутъ быть раздѣлены на три разряда. *Первый разрядъ* составляютъ подлинныя его произведенія, т. е. записанныя учениками съ его словъ при его жизни или вскорѣ послѣ его смерти. Таково его „Слово къ монахамъ“, помѣщенное въ жизнеописаніи Антонія, XX писемъ и XX рѣчей Антонія къ монахамъ. Какъ и всякія почти произведенія древности, они претерпѣли извѣстнаго рода измѣненія отъ частой переписки и переводовъ, но измѣненія эти несущественны, и не мѣшаютъ считать авторомъ этихъ произведеній Антонія. Сюда же

¹⁾ Сравни. Epist. Anton. VI, pag. 1015 et Epist. XVIII, p. 1050; Достоп. сказ. § 37.

²⁾ Сравни. Новооткрытыя изреченія преп. Антонія Великаго § 28. Такая прозорливость Антонія, человѣка высокой нравственной жизни, вполне возможна. Изъ его жизни мы знаемъ, что онъ за два года предсказалъ гоненіе аріанъ на православныхъ, соединенное съ насилиемъ надъ православными храмами. — Vita Anton. § 82.

нужно отнести „Достопамятныя сказанія“ объ Антоніи и „отвѣты“ Антонія на нѣкоторые вопросы, предложенные ему братією. Они хотя и не приписываются Антонію, какъ его произведенія, но могутъ быть названы его произведеніями, такъ какъ представляютъ собою изложеніе его мыслей. *Ко второму разряду* должны быть отнесены тѣ произведенія, которыя появились не скоро послѣ смерти Антонія. Въ нихъ вмѣстѣ съ наставленіями Антонія помѣщены наставленія и изреченія другихъ подвижниковъ, многія изъ наставленій обращены въ правила, пригодныя только для монаховъ общежительныхъ монастырей. Трудно и даже невозможно точно разграничить, что въ нихъ принадлежитъ Антонію, и что другимъ подвижникамъ; вотъ почему они не могутъ быть чистымъ и несомнѣннымъ источникомъ для воспроизведенія образа великаго старца и изложенія его ученія. Къ этого рода произведеніямъ нужно отнести извѣстныя съ именемъ Антонія правила, наставленія и увѣщанія. Наконецъ, къ *третьему разряду* мы относимъ тѣ произведенія, которыя только носятъ имя Антонія, но вовсе ему не принадлежатъ, короче сказать — произведенія подложныя, которымъ присвоено имя Антонія только для авторитета. Сюда относятся: „рѣчь о гибели міра и воскресеніи мертвыхъ“, „двѣ книги латинскихъ рѣчей“ и „наставленія для нравственности человѣковъ въ 170 главахъ“. Естественно, что при изложеніи нравственно-подвижническаго ученія Антонія Великаго, которое будетъ предметомъ нашей слѣдующей части, мы будемъ держаться почти исключительно источниковъ перваго разряда, и только въ немногихъ случаяхъ, и то съ большою осторожностью, будемъ пользоваться произведеніями указаннаго нами втораго разряда.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Нравственно-подвижническое учение св. Антонія Великаго.

До настоящаго времени въ русской богословско-патрологической литературѣ не появлялось въ свѣтъ систематическаго изложенія нравственно-подвижническаго учения св. Антонія Великаго. Если и встрѣчаются извлеченія изъ его писемъ, рѣчей и наставленій¹⁾, то они большею частью бываютъ кратки, приводятся безъ строго опредѣленнаго плана и не даютъ полнаго представленія о нравственно-подвижническихъ воззрѣніяхъ св. отца. А между тѣмъ эти воззрѣнія великаго подвижника для насъ чрезвычайно интересны и важны, такъ какъ онъ первый положилъ начало монашеству въ собственномъ смыслѣ этого слова. Его нравственно-аскетическіе взгляды легли въ основу аскетическихъ воззрѣній почти всѣхъ послѣдующихъ подвижниковъ, и впоследствии только видоизмѣнялись и дополнялись вмѣстѣ съ развитіемъ самыхъ формъ монашеской жизни. Изложить, поэтому, его учение—значить, по нашему мнѣнію, дать первый опытъ христіанской аскетики, какъ она воплотилась въ лицѣ преп. Антонія, отца и основателя монашества. Эту трудную задачу мы принимаемъ на себя въ настоящее время и постараемся выполнить ее по мѣрѣ силъ и возможности. Для того, чтобы яснѣе доказать высказанную нами мысль о вліяніи аскетическихъ воззрѣній преп. Антонія на послѣдующихъ подвижниковъ, мы рѣшили при

изложеніи нравственно-подвижническаго учения Антонія указывать въ примѣчаніяхъ на параллельныя мѣста изъ твореній нѣкоторыхъ подвижниковъ, бывшихъ или современниками Антонія, или жившихъ вскорѣ послѣ него. Думаемъ, что такимъ путемъ нагляднѣе всего будетъ указана связь аскетическихъ воззрѣній Антонія Великаго съ таковыми же воззрѣніями первыхъ его учениковъ и послѣдователей.

Въ изложеніи нравственно-подвижническаго учения Антонія мы не будемъ держаться сухихъ и дробныхъ дѣленій, а просто возьмемъ аскета съ самаго вступленія его въ пустыню и изобразимъ его постепенное отрѣшеніе отъ міра и восхожденіе по ступенямъ добродѣтели къ высшему совершенству. Такое изложеніе нравственно-аскетическихъ воззрѣній св. отца будетъ болѣе цѣльнымъ и нагляднымъ, а съ другой стороны, будетъ вполне согласоваться съ характеромъ учения Антонія, которое тѣсно связано съ его жизнью. Жизнь Антонія была непрерывнымъ подвигомъ и постояннымъ живымъ образцомъ: это было учение дѣломъ. Аѳанасій Великій, посылая италійскимъ монахамъ жизнеописаніе Антонія, говоритъ имъ: „прочтите это жизнеописаніе и другимъ братьямъ, пусть узнаютъ, какова должна быть жизнь иноческая“¹⁾. Слѣдовательно, по словамъ Аѳанасія, жизнь Антонія сама по себѣ представляетъ живую книгу, изъ которой можно черпать уроки иноческаго любомудрія. Въ этой тѣсной органической связи жизни преп. Антонія съ его нравственно-подвижническимъ ученіемъ заключается живость и глубина послѣдняго. Антоній испыталъ на себѣ всѣ искушенія пустыни, долговременными тяжелыми подвигами достигъ высокой степени нравственнаго совершенства, поэтому онъ такъ полно и глубоко изобразилъ всѣ стороны аскетической жизни.

Нравственно-подвижническое учение преп. Антонія вытекаетъ изъ его воззрѣній на Бога, міръ и человѣка, и на взаимныя отношенія между Богомъ и человѣкомъ. Поэтому предметомъ перваго отдѣла настоящей главы служатъ указанныя воззрѣнія св. отца, а второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ его аскетику въ собственномъ смыслѣ.

¹⁾ Vita. Anton. § 94.

¹⁾ Казанскій. Исторія правосл. монашества на Востокѣ, ч. I. Извѣстовъ. Преп. Антоній Великій. Христ. Чтеніе, 1879 г., ч. II.

ОТДѢЛЪ I.

Возвръненія св. Антонія Великаго на взаимныя отношенія между Богомъ и человѣкомъ до грѣхопаденія прародителей и послѣ него.

Воспитанный въ религіозной и благочестивой семьѣ, и съ ранняго дѣтства всегда прилежно внимавшій чтенію Св. Писанія, преп. Антоній въ своихъ аскетическихъ возвръненіяхъ твердо держится хорошо извѣстнаго ему богооткровеннаго ученія во всѣхъ вопросахъ вѣры и нравственной жизни. По возвръненіямъ Антонія человѣкъ, вызванный къ бытію изъ ничтожества, уже самымъ появленіемъ своимъ на свѣтъ принимаетъ на себя обязанность служить своему Творцу и Владыкѣ. Онъ, по словамъ Антонія, рабъ Господень, обязанный работать своему Владыкѣ непрерывно, не озираясь назадъ, и не указывая на свои прежніе труды, какъ на достаточное удовлетвореніе за всѣ благодѣянія Божіи¹⁾, ибо сколько бы мы ни совершили добрыхъ дѣлъ, они никогда не могутъ равняться смиренію Господа, которому Онъ подвергся за насъ²⁾. Богъ не имѣетъ нужды въ нашихъ трудахъ, такъ какъ Онъ и безъ того безконечно совершенъ, но всѣ наши подвиги необходимы для нашей нравственной пользы и для Его прославленія. Не только мы, говоритъ Антоній, но и всѣ свѣтлыя, умныя небесныя силы сотворены для того, чтобы прославлять Бога, какъ своего Творца³⁾, и извѣщать Ему свою любовь и благодарность за всѣ благодѣянія. Мы должны воздавать Ему приличное поклоненіе и служить Ему такъ, чтобы этому служенію не предпочитать служеніе ближнимъ⁴⁾, потому

¹⁾ Vita Anton. § 18.

²⁾ Migne, t. XL, ser. gr. Epist. VII, p. 1016 C.; Сравни Epist. VI, p. 1015 AB.

³⁾ „ad unum conditas esse a sui principio, quod est Dei laudacio“. Epist. V Migne XL, 1011 A.

⁴⁾ Migne XL, ser. gr. Sectio nona, p. 969. То же самое повторяетъ и преп. Маркъ Подвижникъ. — Περὶ νηστείας. Migne LXV, ser. gr., p. 1131D—1132A.

что въ служеніи Богу и исполненіи Его заповѣдей заключается наше истинное блаженство¹⁾. Гнѣвъ Божій низойдетъ на тѣхъ, которые познали Бога, но по причинѣ безумія (insipientiam), которое не можетъ принимать премудрости Божіей, не прославили Его²⁾. Служеніе Богу можетъ и должно выражаться, по Антонію, въ добрыхъ дѣлахъ. „Посильное и сообразное съ волею Божіею упражненіе въ добрыхъ дѣлахъ, говоритъ онъ, есть обязанность наша, необходимая по самому свойству нашей природы“³⁾. Но вопросъ въ томъ, какова эта природа? Можетъ-ли она своими собственными силами достигнуть того, къ чему должна стремиться, и сохранила ли она свою первоначальную чистоту, съ какою вышла изъ рукъ Творца? — Здѣсь св. Антоній говоритъ о грѣхопадении и указываетъ на ту большую перемену, какая произошла въ человѣкѣ послѣ преслушанія заповѣди Божіей. По ученію Антонія первый человѣкъ былъ созданъ чистымъ и святымъ, безъ всякаго поврежденія; тѣло его не господствовало надъ душою и не противоборствовало, находясь въ полномъ подчиненіи ей и гармоніи. Нравственно-разумныя силы его были въ полной гармоніи съ природою (κατὰ φύσιν)⁴⁾, будучи вполне готовыми и способными осуществлять свое назначеніе. Въ этомъ блаженномъ первобытномъ состояніи первый человѣкъ былъ соединенъ съ Богомъ и сдѣлался участникомъ предложеннаго ему божественнаго наслѣдія. Онъ былъ облеченъ въ первобытную духовную одежду, которой къ сожалѣнію не сохранилъ, такъ какъ непослушаніе волѣ Божіей совлекло съ него эту одежду⁵⁾. Прародительница Ева, услышавши лстивыя слова діавола, который обѣщалъ дать ей безсмертіе и божественность, приняла ихъ за истину, потому что не вникла въ ихъ смыслъ. Но такъ какъ она вкусила отъ запрещеннаго плода и предложила

¹⁾ Созоменъ. Церк. Истор., кн. I, гл. 13, стр. 49.

²⁾ Epist. VIII, Migne, 1017 B.

³⁾ Ibid., p. 1017 D. „Кто ищетъ славы Божіей, говоритъ авва Исаія, тотъ отгоняетъ отъ себя нечистоту“. Сл. XVII, Migne XL, ser. gr., p. 1148 B.

⁴⁾ Epist. I, Migne 1001 C; Vita Ant. § 20. Сравни. Макарія Египетскаго Homil. XI, c. 5, Migne XXXIV, ser. gr., p. 548 B; Hom. XII, c. 5, M. 561 D; Hom. XXVI, c. 1, M. 676 AB.

⁵⁾ Epist. VII, M. 1019 B.

вкусить Адаму, то оба подверглись великому бѣдствію и упали съ высоты своей¹⁾.

Грѣхонаденіе по воззрѣніямъ преп. Антонія извратило чистую и совершенную природу человека, лишило его тѣхъ нравственно-разумныхъ силъ, какими онъ обладалъ прежде, возбудило въ немъ невѣдомыя прежде грѣховныя стремленія, породило борьбу между духомъ и тѣломъ, оторвало человека отъ прежняго тѣснаго единенія съ Богомъ и поставило его лицомъ къ лицу съ врагомъ рода человеческого—дѣволомъ. Преп. Антоній очень часто указываетъ на великую потерю, которую человекъ понесъ въ своемъ грѣхонаденіи. „Наша духовная природа, говоритъ онъ, съ высоты славы и достоинства своего ниспала въ бездну безславія и униженія“²⁾; вслѣдствіе склонности нашей ко грѣху и согласія съ волею нашего врага, отца лжи, мы изъ существъ разумныхъ сдѣлались неразумными (irrationales)³⁾. Непослушаніе перваго человека сдѣлалось причиною того, что всѣ души начали переселяться въ адъ (ad inferos), въ Адамъ всѣ умерли (1 Кор. 15, 22)⁴⁾. „Наши естественныя разумныя силы, причастныя тѣламъ, стали слабы и измѣнчивы вслѣдствіе движеній души, и умерщвлены настолько, что не могли размыслить о первоначальномъ своемъ состояніи, но сдѣлались подобны безсловеснымъ,

¹⁾ Epist. XVIII, M. 1049 C.; Epist. XX, M. 1063 B.

²⁾ „Cecidit in profundum ignominiae et miseriae“. — Epist. VI, M. 1011 B. Маркъ Подв говоритъ, что душа наша, омрачившись снотолубіемъ и тщеславіемъ, ниспала въ глубину невѣжества (Περὶ τοῦ Θεοῦ βαπτίσματος. Migne LXV, 1020 D). „Врагъ, по словамъ Макарія Егип., отнялъ у Адама славу, какою онъ былъ облеченъ“ (Περὶ ὑπομονῆς καὶ διακρίσεως. с. 5, M. XXXIV, 868 D—869 A). Авва Исаія съ глубокимъ соболюзнованіемъ говоритъ о первоначальной чистотѣ души и о послѣдующемъ рабствѣ ея дѣволу и суетности (Сл. XXVI, Migne XL, 1192 B).

³⁾ Epist. VI, M. 1012 A. Макарій Египетскій говоритъ, что Адамъ принялъ въ себя закваску (ζύμη) зловредныхъ страстей, которая заквасила весь родъ ветхаго Адама — Hom. XXIV, с. 2, M. XXXIV, 664 A. „Со времени грѣхонаденія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, противленіе и явно и тайно во всемъ владѣло нами“. — Hom. XXI, с. 2, M. 656 D.

⁴⁾ Epist. XVIII, M. 1047 B. „Со времени преступленія, говоритъ Макарій Египетскій, тѣла вѣка сего лежатъ на всей твари, на всемъ естествѣ человеческомъ“. Hom. XLIII, с. 7, Migne XXXIV, 777 A; Сравни. Hom. XI, с. 5, M. 548 C; Ibid., с. 11, Migne 552 D; Hom. XXVIII, с. 4, M. 712 D—713 A.

и служили твари болѣе, чѣмъ Творцу (servierint creaturis, plusquam Creatori)¹⁾. „Мы, говоритъ преп. Антоній, были созданы по образу Божію, но потеряли этотъ образъ; мы подверглись смерти, хотя духовная наша природа и бессмертна. Рождаясь въ тѣлѣ, мы уже бываемъ жилищемъ грѣха“²⁾. Въ грѣхонаденіи мы лишились всѣхъ нравственныхъ силъ, какими въ избыткѣ надѣленъ былъ первый человекъ. Согрѣшившій человекъ по выходѣ изъ рая оказался безсильнымъ и безпомощнымъ. Находясь въ раю, онъ находился въ тѣсномъ общеніи съ Богомъ, которое было для него источникомъ нравственнаго совершенства и невыразимаго блаженства, по удаленіи же изъ рая онъ былъ лишенъ этого общенія, удаленъ отъ лицезрѣнія Божія. Такимъ образомъ по Антонію слѣдствіемъ грѣхонаденія явилась съ одной стороны привязанность человека къ міру, черезъ которую онъ забываетъ о своей главной обязанности—служеніи Богу и стремленіи къ тѣсному единенію съ Нимъ, а съ другой—наше нравственное безсиліе вслѣдствіе того, что дѣволъ послѣ грѣхонаденія сталъ властвовать надъ нами.

Но милосердый Господь не предоставилъ согрѣшившаго человека самому себѣ; со времени сотворенія человека Онъ непрестанно заботился о немъ и изливалъ на него безчисленные дары Своей благодати. И послѣ паденія перваго человека Господь не оставилъ его³⁾, но возлюбилъ еще больше, прилагая всѣ средства къ возвращенію его въ первобытное состояніе. Помраченной душѣ человека Онъ открывалъ Себя постоянно⁴⁾, и по безконечной Своей благодати научилъ человека, какъ онъ долженъ угождать Ему⁵⁾. Онъ посѣтилъ людей Своею благодатію, далъ имъ животворные и спасительные законы, исполняя которые человекъ могъ бы сдѣлаться достойнымъ любви Божіей. Богъ, по словамъ

¹⁾ Epist. II, Migne, 1004 B et 992 C; Сравни. Макарія Егип. Hom. IV, с. 8, Migne XXXIV, 477 D.

²⁾ Epist. VII, Migne, p. 1016. Преп. Макарій Егип. говоритъ, что лукавый князь облекъ душу и весь составъ человека грѣхомъ и всю ее плѣнилъ въ царство свое:—ἐνέδουσε τὴν ψυχὴν ἐν τῇ ἐξουσίᾳ τοῦ σκότους ὡς ἀνὴρ ἄνθρωπον. — Hom. II, с. 1, Migne XXXIV, 464 A.

³⁾ Epist. III, Migne, 1006 CD.

⁴⁾ Epist. II, M. 1004 A.

⁵⁾ Epist. III, M. 1006 C.

преп. Антонія, восхотѣлъ спасти родъ человѣческій и возстановить его къ первобытному его состоянію. Когда Онъ увидѣлъ, что нравственная болѣзнь человѣка усилилась, и нуженъ врачъ для ея исцѣленія, Онъ послалъ къ людямъ проповѣдниковъ истины и благочестія¹⁾. Чрезъ Моисея, величайшаго изъ пророковъ, Онъ открылъ людямъ законъ Свой и, такимъ образомъ, положилъ основаніе истинному дому Своему — церкви избранныхъ. Моисей, положившій основаніе дому Божію, началъ созидать его, но не окончивши скончался. Послѣ Моисея Богъ Духомъ Святымъ посылалъ многихъ пророковъ, которые продолжали созидать домъ Божій на основаніи, положенномъ Моисеемъ²⁾. Это созиданіе должно было состоять въ томъ, чтобы исправить поврежденную грѣхомъ природу человѣка, возстановить ее въ первобытное состояніе и возвратить утраченную близость къ Богу.

Состояніе подзаконнаго человѣка было, по изображенію преп. Антонія, очень печально. Онъ хотѣлъ избавиться отъ грѣха, но не въ состояніи былъ этого сдѣлать, такъ какъ вслѣдствіе непослушанія Адама поврежденіе коснулось всѣхъ духовно-нравственныхъ силъ его и извратило ихъ. Послѣ грѣхопаденія человѣкъ добровольно предалъ себя грѣху. Грѣхъ усилился въ людяхъ и вслѣдствіе ихъ безумія началъ господствовать въ нихъ³⁾. Всѣ проповѣдники и строители церкви Божіей увидѣли, что не только они, но и никакое сотворенное существо не можетъ исцѣлить закоренѣлой болѣзни, какой подвергся весь родъ человѣческій вслѣдствіе грѣха Адамова. Они увидѣли, что сдѣлать это можетъ только благость Единороднаго Сына Божія, Который есть образъ и подобіе существа Отца, и Которымъ сотворены всѣ твари⁴⁾. Самъ Богъ долженъ былъ сойти на землю, чтобы искупить вину согрѣшившаго человѣка, такъ какъ послѣдній былъ безсильнъ. „Богъ видѣлъ, говоритъ преп. Антоній, что мы не можемъ перенести Его

¹⁾ Ibid. M. 1006 D.

²⁾ Epist. II, M. 1004 BC; Epist. VI, M. 1011 B. Сравни. Макарія Егип. Hom. XXX, с. 2; Περὶ ὑπομον. καὶ διακρ. с. 18.

³⁾ Epist. VII, M. 1017 A.

⁴⁾ Epist. II, M. 1004 C; Epist. III, M. 1007 A; Сравни. Макарія Егип. Hom. XX, с. 5-6, Migne XXXIV, 652 D—653 B; Hom. XXX, с. 8.

явленія въ собственномъ и истинномъ Его образѣ, и потому послалъ Единороднаго Сына Своего, Который принялъ на Себя наше бренное тѣло и уничижилъ Себя¹⁾, принявъ видъ раба, уподобился намъ во всемъ, кромѣ грѣха (Евр. 4, 15)“. Жертва за міръ должна была быть великая, но Богъ по безконечной любви Своей къ людямъ не пощадилъ даже Единороднаго Сына Своего, Котораго предалъ за насъ, чтобы избавить насъ отъ грѣховъ. „Наша немощь, говоритъ преп. Антоній, была причиною того, что Сынъ Божій принялъ на Себя образъ немощи; наша нищета побудила Его облечься въ образъ нищеты; наша мертвенность подвергла Его позорной смерти“²⁾. Сынъ Божій, по словамъ Антонія, принесъ Себя въ жертву за насъ и этимъ жертвоприношеніемъ исцѣлилъ насъ отъ душевныхъ болѣзней, силою слова Своего собралъ насъ отъ всѣхъ концовъ земли и соединилъ въ Себѣ, открылъ душамъ нашимъ средство къ духовному воскресенію отъ грѣховной смерти, и показалъ, что мы должны быть таинственными членами Его, чтобы быть наслѣдниками благъ, которыя Онъ намъ приготовилъ³⁾. Своею смертію и воскресеніемъ Спаситель совершилъ дѣло нашего спасенія; Онъ уничтожилъ власть смерти, т. е. діавола и положилъ начало нашему воскресенію⁴⁾. Преп. Антоній указываетъ на воплощеніе, какъ на актъ безконечнаго милосердія и величайшей любви Божіей къ роду человѣческому, которыя проявились помимо всякихъ заслугъ со стороны человѣка⁵⁾. Чрезъ явленіе Іисуса Христа мы, говоритъ Антоній, усыновлены Богу, сдѣлались дѣтьми Его (Іоан. 15, 15). Чрезъ пришествіе

¹⁾ Epist. VП, M. 1016 C. Сравни. Макарія Егип. Hom. IV, с. 9 — 10, M. 480 A—C. Авва Исаія также часто говоритъ о воплощеніи Спасителя и о значеніи для насъ Его искупительныхъ страданій.—Сл. VIII, Migne XL, 1130 C. 1131 C; Сл. XXV, M. 1184 A, 1188 C.

²⁾ Epist. VI, M. 1011 C. Сравни. Макарія Египет. Hom. XI, с. 9, M. XXXIV, 549 CD; Hom. XV, с. 42, M. 605 BC.

³⁾ Epist. III, Migne, 1007 A; Epist. II, M. 1005 A. Сравни. Макарія Египет. Hom. XXVIII, с. 3. Migne XXXIV, 712 C.

⁴⁾ Epist. VII, M. 1017 A; Epist. XVIII, M. 1047 B; Epist. III, M. 1007 B.

⁵⁾ Epist. VI, M. 1011 C

Сына Божія намъ открыть путь ко спасенію и, въ виду слабости и несовершенства нашей природы, дарованы благодатныя средства для полученія вѣчныхъ благъ¹⁾. Какъ въ Адамѣ всѣ умерли, такъ во Христѣ всѣ получаютъ жизнь (1 Кор. 15, 2). Онъ есть жизнь для всѣхъ разумныхъ тварей, созданныхъ по образу и подобию Божію²⁾. Со времени Своего воплощенія Иисусъ Христосъ, давши намъ силу и власть попираť діавола, является непрестаннымъ ходатаемъ предъ Богомъ Отцомъ о нашемъ спасеніи³⁾.

Излагая въ краткихъ чертахъ отношеніе Бога къ человѣку до его грѣхонаденія и послѣ него, указывая на воплощеніе Спасителя и значеніе этого великаго акта для человѣчества, преп. Антоній опредѣляетъ, въ чемъ должны состоять обязанности человѣка въ отношеніи къ Богу за всѣ Его безчисленныя благодѣянія роду человѣческому. Прежде всего, говоритъ онъ, человѣкъ долженъ всѣми силами своей души изъявлять Богу любовь и благодарность за всѣ Его благодѣянія⁴⁾. Онъ долженъ любить Бога всею душою своею, всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею мыслию своею, и во всемъ повиноваться Ему⁵⁾, и ничего въ мірѣ не предпочитать любви ко Христу⁶⁾. По ученію преп. Антонія людямъ „дана свобода избирать добро и подражать добродѣтелямъ святыхъ“⁷⁾. Поэтому мы должны очистить сердце свое отъ всякой нечистоты

¹⁾ Epist. III, M. 1007 A, 1006 D.

²⁾ Epist. VII, Migne, 1016 B.

³⁾ Sermo XX, Migne XL, 976 D.

⁴⁾ Epist. II, M. 1005 A.

⁵⁾ Epist. XVІІІ, M. 1050 D. Преп. Макарій Египетскій требуетъ отъ человѣка всецѣлой любви къ Богу (ὅλην τὴν ἀγαπήν). — Hom. V, c. 6, Migne XXXIV, 501 C; сравн. Hom. IV, c. 18, M. 485 C; Hom. V, c. 6, M. 512 A; Hom. X, c. 2, M. 541 B; Hom. XLІІІ, c. 3, M. 773 AB; Hom. V, c. 6, M. 509 A et cet... Авва Исаія также говоритъ о необходимости совершенной любви къ Богу — Сл. XXІІІ, Migne XL, 1171 A. По словамъ Марка Подвижника нѣтъ ничего выше любви къ Богу (Περὶ τῶν οἰομένων. c. 89, Migne LXV, 944 A), и потому необходимо всякій день умирать, чтобы достигнуть совершенной любви Христовой. — Περὶ βαπτισματος. Migne, 1009 B.

⁶⁾ Vita Anton. § 14.

⁷⁾ Epist. V, M. 1010 D.

чтобы въ день Господа нашего Иисуса Христа войти въ радость Его¹⁾, должны сообразовать волю свою съ волею Божіею, и освящать всѣ чувства свои, которыя способны дѣлать и добро и зло; должны непрестанно обновляться, чтобы быть достойными посѣщенія (adventus) Господа Иисуса Христа²⁾. Все это мы сдѣлаемъ въ томъ случаѣ, если ревностно будемъ исполнять данныя Богомъ заповѣди и растворять свои отношенія къ ближнимъ дѣлами христіанской любви. Когда братія спросили Антонія, чѣмъ можетъ человѣкъ угодить Богу, онъ отвѣтилъ, что исполненіе закона и дѣла любви предметы самые богоугодныя³⁾. Въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, въ любви къ Богу и ближнимъ заключается залогъ нашего спасенія, на достиженіе котораго человѣкъ долженъ, по Антонію, посвятить всю свою жизнь. Объ этомъ спасеніи преп. Антоній говоритъ всегда, призывая къ заботѣ о немъ всѣхъ своихъ учениковъ. Большую часть писемъ онъ начинаетъ пожеланіемъ спасенія своимъ возлюбленнымъ дѣтямъ⁴⁾, и въ самыхъ письмахъ старается говорить только о томъ, что можетъ его духовнымъ дѣтямъ послужить ко спасенію⁵⁾. Именемъ Господа Иисуса Христа онъ проситъ ихъ заботиться о спасеніи и о приобрѣтеніи жизни вѣчной, выражая опасеніе, чтобы „короткое время жизни на землѣ не похитило у насъ блаженной вѣчности“⁶⁾. Человѣкъ, по словамъ Антонія, долженъ увѣриться въ необходимости святой жизни ко спасенію, потому что онъ исполненъ грѣха, а кто имѣетъ правильное познаніе о самомъ себѣ, слѣдовательно, знаетъ свою мертвенную грѣховность, тотъ необходимо стремится къ исправленію и усовершенію себя, стремится къ небесной славѣ, отъ которой удаленъ вслѣдствіе своей грѣховности⁷⁾.

¹⁾ „...nos liberos fieri oportet, ut laetemur in ejus adventu“. — Epist. III, M. 1007 B.

²⁾ Epist. VІІ, M. 1017 B.

³⁾ Отв. на вопр., — Христ. Чтеніе 1837 г. ч. II, стр. 261.

⁴⁾ 8-е письмо и начинается и оканчивается пожеланіемъ спасенія.

⁵⁾ Epist. XXІІ, M. 1027 C.

⁶⁾ „Nec permittatis modicum hoc tempus momentaneum subripere vobis tempus aeternum“. — Epist. V, M. 1010 C. Сравн. Epist. II, M. 1005 C.

⁷⁾ Epist. VI, M. 1015 C.

Идея спасения полагается преп. Антоніемъ въ основу всей нравственной дѣятельности человѣка и всѣхъ разнообразныхъ формъ его служенія Богу, съ каковымъ служеніемъ эта идея имѣетъ тѣсную органическую связь. Въ служеніи Богу и въ исполненіи Его заповѣдей человѣкъ, по словамъ Антонія, исполняетъ то, что ему назначено Богомъ, а исполняя заповѣди своего Творца, онъ совершенствуется и возвращаетъ первобытную, утраченную Адамомъ чистоту, которая приведетъ его къ тѣсному единенію съ Богомъ и доставитъ ему спасеніе. „Когда душа человѣческая, говоритъ преп. Антоній, возвращаетъ первобытную свою чистоту, то тѣло уже теряетъ свое господство надъ нею, такъ какъ оно зависитъ тогда отъ воли души, которая и предписываетъ ей правила воздержанія и управляетъ имъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ“¹⁾. Но для возвращенія первобытной чистоты человѣку необходимо избавиться отъ всего того, что вошло въ нашу природу вмѣстѣ съ грѣхомъ Адама. Грѣхъ, которому человѣкъ добровольно поработилъ себя. Антоній называетъ „рабствомъ египетскимъ“, изъ котораго намъ необходимо освободиться, чтобы войти въ землю обѣтованную²⁾. „Будемъ, восклицаетъ онъ, постоянно упражняться въ подвигахъ благочестія, пока мы еще находимся въ тѣлѣ, и лечить раны душъ нашихъ, пока время еще не ушло отъ насъ“³⁾. Душа наша должна пребывать такою, какою она создана, тогда мы будемъ добродѣтельны. „Добродѣтель, говоритъ Антоній, образуется въ душѣ, у которой разумныя силы дѣйствуютъ согласно съ ея естествомъ. А сего достигаетъ душа, когда пребываетъ, какою сотворена; сотворена же она доброю и совершенно правою“⁴⁾; поэтому всякое уклоненіе души отъ своей при-

¹⁾ Epist. I, M. 1001 C.

²⁾ Epist. XVI, M. 1037 D. 1038 A. Преп. Макарій Египетъ говоритъ о необходимости душамъ нашимъ измѣниться въ Божественное естество и изъ ветхихъ сдѣлаться новыми (γενέσθαι καινούς ἐκ παλαιῶν). — Hom. XLIV, c. 8. Migne XXXIV, 784 C. Сравн. Ibid. c. 5 M. 781 BC.

³⁾ Epist. XX, M. 1060 C.

⁴⁾ Vita Anton. § 20.

роды есть уже порокъ души¹⁾, добрыя же дѣла являются необходимыми по самому свойству ея природы²⁾. Мы должны истреблять въ себѣ всѣ силы грѣха и усовершенствоваться въ добродѣтели, потому что для этой именно цѣли духъ человѣческій заключенъ на время въ брѣнное наше тѣло³⁾. Человѣкъ, по Антонію, предназначенъ къ будущему блаженству, но для полученія этого блаженства ему необходимо непрестанно противиться силѣ грѣха, уменьшать и искоренять ее въ себѣ, необходимо уготовлять себя Богу въ жертву чистую и непорочную (hostia sancta, immaculata), чтобы сдѣлаться достойнымъ милосердія Божія⁴⁾. Преп. Антоній молить Бога о своихъ ученикахъ, чтобы они познали достоинство сокровенной жизни въ Богѣ⁵⁾ и упражнялись въ добрыхъ дѣлахъ, которыя сдѣлали бы ихъ достойными невидимаго наслѣдія⁶⁾, ибо не имя христіанина оправдываетъ человѣка предъ Богомъ, а святая жизнь, которая удостоиваетъ его Божественнаго усыновленія⁷⁾, т. е. такого тѣснаго единенія съ Богомъ, какое можетъ существовать только между отцомъ и роднымъ его сыномъ.

Такимъ образомъ преп. Антоній кратко излагаетъ ученіе Св. Писанія о домостроительствѣ Божіемъ въ дѣлѣ спасенія человѣка отъ его сотворенія и до искупленія кровію Сына Божія. Отсюда у него сами собою вытекаютъ и обязанности человѣка по отноше-

¹⁾ Преп. Макарій Египетск. говоритъ, что намъ необходимо изгнать порокъ изъ естества нашего и возстановить себя въ первобытную чистоту (εἰς τὴν ἀρχαίαν ἡμᾶς καθαρότητα κατεστῆναι). — Περὶ ὁψώσεως τοῦ νόου. c. 5, Migne XXXIV, 893 B. Умъ нашъ долженъ возвратитъ себѣ естественную прозорливость — καθαρὸν τὸν νοῦν ἀποκαθίστησιν — Hom. XV, c. 10, Migne 673 C. О необходимости для человѣка придти въ свое первоначальное естественное состояніе говоритъ и авва Исаія. — Cl. VIII, Migne XL, 1131 C; Cl. XXV, M. 1179 D. 1180 A.

²⁾ ...id esse quod debemus, cum nostrae substantiae id naturale sit. — Epist. VII, M. 1017 D.

³⁾ Epist. VI, M. 1014 A.

⁴⁾ Ibid., M. 1011 B.

⁵⁾ „Ut percipiatis vestram in vobis abditam vitam“. — Epist. VII, Migne 1017 D.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Epist. II, M. 1005.

нию къ Богу, къ ближнимъ и къ самому себѣ, въ исполненіи которыхъ заключается все благо человѣка, вся цѣль его жизни на землѣ, и вѣчное спасеніе на небѣ. Вся жизнь человѣка, которая, по словамъ Антонія, есть „путь, исполненный искушеній и труда“¹⁾, должна быть, такимъ образомъ, направлена къ согласованію своей воли съ волею Божіею и къ достиженію своего спасенія, которое является плодомъ всей нравственной дѣятельности человѣка на землѣ. Но, говоря о необходимости непрерывнаго нравственнаго совершенствованія на землѣ, преп. Антоній разсматриваетъ естественныя нравственныя силы новозавѣтнаго человѣка, и приходитъ къ тому заключенію, что самъ собою, безъ благодатной помощи, человѣкъ безсиленъ и не можетъ достигнуть спасенія. Душа человѣческая, по воззрѣніямъ Антонія, такъ глубоко пала въ грѣхонаніи, и такъ слаба, будучи предоставлена самой себѣ, что когда духъ злобы нападаетъ на нее, или чувственныя желанія требуютъ удовлетворенія, — она рѣдко можетъ противиться имъ, и большею частью порабощается ими, потому что она тѣсно соединена съ тѣломъ, хотя и бессмертна. „Отсюда ясно, говоритъ преп. Антоній, что сама собою душа наша не можетъ возвратить себя къ первобытному состоянію“²⁾. Если въ первобытномъ человѣкѣ разумныя силы души были въ согласіи съ совершенною ея природою³⁾, то нельзя этого сказать о человѣкѣ настоящемъ. Въ немъ, по словамъ Антонія, происходитъ постоянная борьба духа и тѣла. Приводя слова Ап. Павла изъ посланія къ Галатамъ (5, 17), преп. Антоній говоритъ, что тѣло всегда противится духу и враждуетъ съ нимъ⁴⁾. Появившись на свѣтъ въ тѣлѣ, человѣкъ

¹⁾ Epist. XX, Migne, 1065 A.

²⁾ Epist. III, M. 1006 C. Преп. Макарій Египетскій, разсматривая это грѣховное состояніе падшаго человѣка, говоритъ: „невозможно, и не по силамъ человѣку искоренить грѣхъ собственною своею силою; это можетъ быть совершенно только силою Божіею“. — Hom. III, с. 4, Migne XXXIV, 469 C.

³⁾ Vita Anton. § 20.

⁴⁾ Epist. VIII, M. 1018 A; Epist. XX, M. 1066 A.

уже представляетъ собою домъ, полный состязанія¹⁾. Поэтому человѣкъ не можетъ собственными силами сохранить свою нравственную чистоту въ этой борьбѣ. Вслѣдствіе тѣснаго единенія души съ грѣховнымъ тѣломъ въ ней, по словамъ Антонія, рождаются порочныя пожеланія, которыя являются для человѣка препятствіемъ къ достиженію имъ своего спасенія. Эти пожеланія всегда стремятся ослабить душу и подвергнуть ее власти духа злобы²⁾. При небреженіи человѣка о своемъ спасеніи чувственныя желанія въ немъ усиливаются и окончательно порабощаютъ душу господству тѣлесныхъ страстей³⁾. Преп. Антоній очень живо рисуетъ намъ положеніе человѣка, предоставленнаго въ своихъ дѣйствіяхъ самому себѣ. „Неправедныя дѣла наши, говоритъ онъ, услажденіе страстями и множество діавольскихъ искушеній ослабили наше чувство; сила душъ нашихъ почти уничтожилась; мы уже не можемъ видѣть достоинства духовной своей природы по причинѣ страстей, которыми мы предались“⁴⁾. Но выражаясь такъ, преп. Антоній вовсе не проводитъ той мысли, что человѣкъ въ грѣхонаніи потерялъ не только способность дѣлать добро, но даже и желать его. Человѣкъ, правда, палъ очень глубоко, но не настолько глубоко, чтобы совсѣмъ не могъ подняться. И послѣ грѣхонанія человѣкъ можетъ быть отзывчивымъ къ преподаваемымъ ему истинамъ Евангелія и голосу Духа Божія, призывающаго его къ благочестивой жизни⁵⁾. Преп. Антоній ясно предполагаетъ въ падшемъ человѣкѣ способность не только желать, но и дѣлать добро. „Намъ, говоритъ онъ, дана свобода избирать добро и подражать добродѣтелямъ святыхъ“⁶⁾. Но дѣло въ томъ, что при относительной сво-

¹⁾ „In carne nati sumus, facti sumus domus plena certaminis“. — Epist. VII, M. 1016 C.

²⁾ Epist. V, M. 1010 A.

³⁾ Epist. I, M. 1002.

⁴⁾ Epist. VI, M. 1016 B.

⁵⁾ Epist. I, M. 999 D.

⁶⁾ Epist. V, M. 1010 D. Эту мысль еще болѣе поясняетъ ученикъ Антонія Великаго преп. Макарій Египетскій, когда говоритъ: „καὶ οὐχ ὥς τινὲς φασὶ κακοδιδασκαλίας ὑπαγόμενοι, ὅτι καθάπαξ ἀπέθανεν

бодѣ чловѣка дѣлать и добро и зло естественныя силы его все таки слабы, природа его слишкомъ глубоко потрясена, а сила врага его очень велика. Часто чловѣкъ хочетъ бороться со зломъ и со своею грѣхомъ поврежденною природою, но если онъ надѣется на свои собственныя силы, то изнемогаетъ въ неравной борьбѣ и побѣждается сильнѣйшимъ его діаволомъ. Собственная немощь такого чловѣка должна внушить ему, что не въ себѣ надобно искать опоры въ нравственной дѣятельности, не въ своихъ слабыхъ естественныхъ силахъ, а въ помощи Божіей, благодатной.

Ученіе о благодати Божіей раскрыто преп. Антоніемъ довольно подробно и обстоятельно. Благодать Божія, по ученію Антонія, подается намъ обильно не за какія-либо собственныя наши дѣла и заслуги¹⁾, а единственно по благодати Божіей, благодаря искупительнымъ заслугамъ пострадавшаго за насъ Сына Божія. Подается она не избраннымъ только, а каждому, ищущему помощи Божіей и взывающему о ней²⁾. „Кто ищетъ Господа отъ всего сердца своего, говоритъ преп. Антоній, и ищетъ такъ, какъ Онъ Самъ научаетъ въ словѣ Своемъ, тому Онъ даетъ благодать Духа Своего Святаго“³⁾. Благодать Божія какъ бы стучится въ сердце каждаго христіанина⁴⁾ (Апокал. 3, 20), и если кто отво-

ὁ ἄνθρωπος, καὶ ὁλως οὐ δύναται τι ἀγαθὸν διαπράξασθαι.—
Hom. XLVI, с. 3, Migne XXXIV, 793 B. Если же чловѣкъ дѣлаетъ зло, то,
по словамъ Макарія, дѣлаетъ это собственною волею.—Hom. V, с. 6,
Migne 501 C.

¹⁾ Epist. VI, M. 1014 B.

²⁾ Epist. V, M. 1009 C. Сравн. Макарія Егип. Hom. IV, с. 4, Migne XXXIV, 476 A. По словамъ Макарія безпредѣльная и непостижимая премудрость Божія многообразно совершаетъ раздаяніе благодати для испытанія свободной воли чловѣка, чтобы обнаружились любящіе Бога всѣмъ сердцемъ. Однимъ благодать посылается еще въ мірѣ, только по вѣрѣ и молитвѣ ихъ, безъ всякихъ трудовъ съ ихъ стороны, а другіе получаютъ ее только послѣ отреченія отъ міра и продолжительныхъ подвижническихъ трудовъ. Но все это дѣлается Богомъ съ премудрою цѣлью для спасенія всѣхъ.—Hom. XXIX, с. 1—3, Migne XXXIV, 716 B—717 B. Сравн. Hom. XVІІІ с. 9, M. 649 D.

³⁾ Epist. II, Migne, 1004 A.

⁴⁾ Преп. Макарій Египетскій сравниваетъ благодать съ неводомъ, который распростирается для уловленія всѣхъ рыбъ. Hom. XV, с. 50.

ряетъ ей двери сердца своего, то вмѣстѣ съ нею, по словамъ Антонія, принимаетъ залогъ будущихъ благъ¹⁾. Черезъ евангельскую проповѣдь Духъ Святыи призываетъ всѣхъ людей къ святой и благочестивой жизни, указывая имъ путь спасенія, чтобы они могли усвоить себѣ искупительныя заслуги пострадавшаго за насъ Сына Божія. „Любовь Божія, говоритъ Антоній, всегда посѣщаетъ души наши, и помогаетъ всѣмъ тѣмъ, которые днемъ и ночью готовятъ помысленія сердца своего къ воспоминанію о церкви первородныхъ (Евр. 12, 23), не обращая вниманія на все остальное²⁾. Такимъ образомъ преп. Антоній признаетъ въ чловѣкѣ свободу въ дѣлѣ принятія или непринятія стучащейся въ двери его сердца Божественной благодати. Не всѣ одинаково относятся къ призывающему голосу благодати Божіей: одни внимаютъ ему, а другіе или не слышатъ, или не хотятъ его слышать. Но разъ чловѣкъ открылъ для благодати двери сердца своего, она уже начинаетъ въ немъ дѣйствовать: „Духъ Святыи постепенно³⁾ истребляетъ въ чловѣкѣ природное его поврежденіе, чтобы возстановить его въ первобытное состояніе, и чтобы не осталось въ немъ ничего, что собственно принадлежитъ врагу его“⁴⁾. Дѣйствующая

¹⁾ Epist. I, M. 1000 C. Преп. Макарій Египетскій говоритъ, что благодать никогда не дѣйствуетъ противъ воли чловѣка.—Hom. XXVII, с. 10, Migne XXXIV, 700 CD. По словамъ Марка Подвижника, когда на насъ дѣйствуетъ благодать Божія, то отъ насъ зависитъ дѣлать или не дѣлать добро.—Περὶ τῶν οἰομένων. Migne LXV, 937 D.

²⁾ Epist. XII, Migne, 1026 C.

³⁾ О постепенномъ дѣйствіи благодати Божіей на чловѣка говоритъ и преп. Макарій Египетскій.—Hom. I, с. 4, Migne XXXIV, 820 C; Περὶ φυλακῆς καρδίας.—Migne, 829 D—832 D.

⁴⁾ Epist. I, Migne 1001 C. А открываетъ чловѣкъ двери сердца своего благодати тогда, когда возненавидитъ грѣхъ. Авва Исаія говоритъ: „доколѣ грѣхъ властвуетъ надъ сердцемъ, дотолѣ Богъ въ немъ не обитаетъ, и духъ Его не нашель еще Себѣ въ немъ покоя“.—Сл. подобную мысль высказываетъ и преп. Макарій Египетскій, когда говоритъ, что дѣйствіе благодати Божіей открывается въ чловѣкѣ только послѣ долговременнаго боренія, послѣ искушеній и испытаній, когда испытано будетъ свободное его произволеніе.—Hom. IX, с. 7, Migne, XXXIV, 536 BC.

въ человѣкѣ благодать показывать и облегчаетъ ему путь къ вѣчному блаженству¹⁾. „Въ началѣ, говоритъ преп. Антоній, Духъ Святый обыкновенно дѣлаетъ для него легкими всѣ духовные подвиги, чтобы раскаяніе во грѣхахъ не было трудно и непріятно. Онъ показываетъ ему истинный путь къ благочестію, болѣе и болѣе усиливаетъ въ немъ духъ покаянія, укрѣпляетъ его въ добродѣтеляхъ, научаетъ обуздывать свое тѣло и очищать свое сердце, и, такимъ образомъ, содѣлываетъ его наслѣдникомъ жизни вѣчной“²⁾.

Такимъ образомъ при условіи свободнаго стремленія человека къ Богу ему подается божественная благодать, которая, смотря по ревности къ благочестію подвизающагося и степени его нравственной чистоты, или умножается или умалется. Когда человѣкъ начинаетъ идти по пути добра и преодолеваетъ искушенія, Духъ Святый помогаетъ ему во всемъ³⁾. „Если Божественная благодать, говоритъ преп. Антоній, не находитъ препятствій своимъ дѣйствіямъ въ сердцѣ человѣка, она искореняетъ изъ души его всѣ страсти, какъ тѣ, сѣмя которыхъ скрывается въ тѣлѣ, такъ и рождающіяся собственно въ сердцѣ. Она просвѣщаетъ взоры человѣка, чтобы они были свѣтлы и чисты, и чтобы въ нихъ не было ничего, помрачающаго или ослѣпляющаго ихъ; исправляетъ слухъ его, чтобы человѣкъ обращалъ его только къ голосу истины, а не къ клеветѣ и поношенію, и чтобы съ чистотою и милосердіемъ приклонялъ его ко всякому созданію Божию; исправляетъ языкъ

¹⁾ Epist. VI, Migne, XL, p. 1011.

²⁾ Epist. I, M. 1001 B. О различныхъ дѣйствіяхъ благодати Божіей на душу человѣка совершенно согласно съ Антоніемъ Великимъ говорятъ очень подробно Макарій Египетскій (Hom. VIII; Hom. IX, c. 1, Migne XXXIV, 532 D—533 A; Hom. XVIII, c. 9, Migne 649 D.) и Маркъ Подвижникъ. „Какъ дождь, говоритъ Маркъ Подвижникъ, излившійся на землю, подаетъ произведеніямъ свойственное имъ качество, такъ и благодать, входящая въ сердца вѣрныхъ, не измѣняясь, даруетъ соотвѣтственные добродѣтелямъ силы“. — *Περὶ τῶν οἰομένων*, c. 109, Migne LXV, 945 BC. Сравни *Περὶ βαπτίσματος*, Migne, 1022 A.

³⁾ Epist. XVIII, Migne XL, p. 1051.

его, чтобы говорилъ въ чистотѣ, и чтобы душа научила его постоянно говорить благое“⁴⁾.

Послѣ принятія человѣкомъ благодати Божіей спасеніе его и возстановленіе въ первобытное состояніе совершается какъ дѣйствующею въ немъ благодатию, такъ и самимъ человѣкомъ. Духъ, по словамъ преп. Антонія, только тогда показываетъ душѣ средства управлять дѣйствіями своего тѣла, когда она постоянно питаетъ въ себѣ духъ покаянія⁵⁾, потому что Духъ Святый не обитаетъ въ душахъ гордыхъ, а вселяется только въ сердца чистыя и смиренныя⁶⁾. Зная свою слабость и нравственное безсиліе при отсутствіи благодатной помощи Божіей, человѣкъ, желающій себѣ спасенія, долженъ, по словамъ Антонія, стараться, чтобы и душа и тѣло его были совершенны и покорны благодати⁷⁾, потому что, говоритъ Антоній, „я знаю нѣкоторыхъ, которые, получивъ Духа благодати, лишились его, ибо перестали усовершенствовать себя въ святости“⁸⁾. Но если душа человѣка, призванная благодатию Божіею на путь истины, охотно и съ радостью идетъ по этому пути, и сама прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы постоянно усовершенствовать себя въ свято-

¹⁾ Мысль объ умноженіи и умаленіи благодати прекрасно выражена у Макарія Египетскаго. По его словамъ благодать иногда воспламеняется (*ἐξάπτει*), или, какъ выражается онъ въ другомъ мѣстѣ, возгрѣвается и кипитъ (*ἐψεται καὶ βράσσει*), а иногда умалется и меркнетъ (*ὑποστέλλεται καὶ στυγνάζει*). — Hom. VIII, 2—5, Migne XXXIV, 528 D—532 A; Hom. XL, c. 7, Migne, 965 D, 968 A. Сравни *Περὶ ἀγάπης*, c. 9, Migne 916 D. Подобное этому сравненіе благодати съ горящимъ свѣтильникомъ дѣлаетъ и Маркъ Подвижникъ. — *Ἀντιβολή πρὸς σχολαστικόν*, Migne LXV, 1064 D. По словамъ преп. Макарія Егип. „въ самой благодати есть мѣры и чины (*μέτρα καὶ ἀξιώματα*)“. — Hom. XVI, c. 12, Migne, XXXIV, 621 C.

²⁾ Epist. I, M. 1002 A.

³⁾ Epist. XIX, M. 1051; Epist. VIII, M. 1021 B; Epist. XVII, M. 1041 A.

⁴⁾ Необходимость для человѣка въ его нравственной дѣятельности помощи благодати Божіей признаетъ и Макарій Египет., когда говоритъ, что безъ благодати никто не можетъ благоугождать Богу и нравственно усовершенствоваться. Hom. XV, c. 5, Migne XXXIV, 580 B; Hom. XXIV, c. 5, Migne, 665 B; Hom. XVII, c. 10, M. 629 C; Hom. V, c. 5, M. 497 D.

⁵⁾ Epist. VIII, Migne, XL, p. 1021.

сти, то „Духъ Святый, по словамъ Антонія, вселяется въ такую блаженную душу, открываетъ ей великія тайны, даетъ ей радость и покой въ этомъ мірѣ, и ночь дѣлаетъ для нея днемъ“¹⁾. Если въ такой облагодатствованной душѣ и возникаютъ нечистыя пожеланія, угрожающія ей совращеніемъ съ истиннаго пути, то она подъ водительствомъ благодати, которой всегда покорена, спокойно удаляетъ ихъ и сохраняетъ себя въ чистотѣ.

Такимъ образомъ въ вопросѣ о дѣйствіяхъ благодати Божіей на человѣка преп. Антоній училъ, что для достиженія спасенія и тѣснаго единенія съ Богомъ каждому человѣку необходимо упражняться во всемъ добромъ и усовершенствоваться подъ водительствомъ Св. Духа, потому что естественными силами онъ не можетъ освободиться отъ всѣхъ искушеній плоти, побѣдить козни діавола и достигнуть совершенства.

ОТДѢЛЪ II.

Аскетика св. Антонія Великаго.

Отреченіе отъ міра. По ученію преп. Антонія цѣль жизни человѣка состоитъ въ томъ, чтобы онъ добрыми дѣлами прославлялъ Бога, въ стремленіи къ единенію съ Богомъ постоянно усовершеншался въ добродѣтели, и еще здѣсь, на землѣ, приготовлялъ себѣ вѣчное блаженство на небесахъ. Жизнь по его словамъ есть даръ Божій, который человѣкъ долженъ употребить на служеніе

¹⁾ Epist. XIX, Migne, p. 1032. Преп. Макарій Египетскій подобнымъ же образомъ изображаетъ состояніе души облагодатствованной. Душа, говоритъ онъ, удостоенная Духомъ, уготовавшимъ ее въ сѣдалище и обитель (καθέδραν καὶ οἰκητήριον) себѣ, (удостоенная) приобщиться свѣта Его, и осіянная красотою неизреченной славы Его, дѣлается вся свѣтомъ, вся лицомъ, вся окомъ (ὅλη φῶς γίνεται, καὶ ὅλη πρόσωπον, καὶ ὅλη ὀφθαλμός). — Ном. I, с. 2, Migne XXXIV, 448 A. Сравни. Ном. V, с. 11, Migne 516 CD. По словамъ Марка Подвижника такой облагодатствованный человѣкъ „посольствуя предъ Богомъ отъ многой любви къ Нему, какъ всецѣлый Адамъ, начинаетъ молиться о мірѣ, чтобы спасся весь міръ“ — Ἀντιβολή πρὸς σχολαστ. — Migne LXV, 1068 CD.

своему Владыкѣ. Она, поэтому, должна быть посвящена исполненію воли Божіей, искорененію въ себѣ всѣхъ грѣховъ и нечистыхъ пожеланій, восстановленію человѣка въ его первобытное блаженное состояніе, при которомъ только и возможно тѣсное единеніе съ Богомъ и Его лицезрѣніе. Поэтому не о наслажденіяхъ долженъ думать человѣкъ, а о своемъ спасеніи, ибо, предавшись наслажденіямъ, онъ погрязнетъ во грѣхахъ, отдалитъ себя отъ Бога и приготовитъ себѣ вѣчное осужденіе. „Остерегайтесь, увѣщаетъ преп. Антоній своихъ учениковъ, идти черезъ широкія врата и легкимъ путемъ, который приводитъ къ погибели, и по которому идутъ многіе, но входите черезъ тѣсныя врата (per januam angustam), и идите по пути трудному и печальному, приводящему къ жизни, которымъ ходятъ немногіе“¹⁾. Время жизни нашей, по словамъ преп. Антонія, есть время сѣтованія (moerendi)²⁾, потому что „жизнь каждого изъ насъ исполнена горести, и путь, который намъ должно проходить, труденъ. Посему, говоритъ онъ, должно идти намъ этимъ путемъ не съ лѣнностью, неосмотрительностью и разбѣянностью, но съ большою осторожностью и постоянствомъ (caute et cum stabilitate“³⁾. Жизнь наша коротка, поэтому тѣмъ болѣе не должно быть безпечнымъ, чтобы не переселиться намъ изъ міра тогда, когда мы не успѣемъ еще очиститься отъ грѣховъ, ибо по смерти возвращеніе въ міръ уже невозможно⁴⁾. Удовольствія міра и плотскія пожеланія увлекаютъ человѣка на путь погибели, но ему необходимо отвращаться отъ всего тлѣннаго, которое можетъ лишить его небеснаго наслѣдія. „Никакъ не дадимъ овладѣть нами плотскому вожделѣнію, или другому нечистому удовольствію, говоритъ Антоній, будемъ отвращаться сего, какъ преходящаго, пребывая въ непрестанномъ страхѣ, и имѣя всегда предъ очами день суда. Пребудемъ въ подвигѣхъ и не предадимся унынію“⁵⁾. Но для того,

¹⁾ Epist. XX, Migne XL, 1061 C.

²⁾ Ibid. M. 1057 C.

³⁾ Epist. XVII, M. 1042 D — 1043 A.

⁴⁾ Epist. XX, M. 1060 B.

⁵⁾ Vita Anton. § 19.

чтобы проводить такую жизнь, не нужно быть привязаннымъ къ міру, потому что, по словамъ евангелиста Іоанна Богослова, все, что въ мірѣ, — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская. Міръ исполненъ соблазновъ, грѣховъ и неправды, поэтому въ немъ трудно содѣлать свое спасеніе; онъ есть земля мертвыхъ (*terra mortuorum*), и все, что въ немъ, — мертво и скоропреходяще; поэтому не должно къ нему привязываться, чтобы получить отъ Бога награду на землѣ живыхъ (*in terra viventium*¹⁾). Зная все это, каждый изъ насъ, желающій быть благочестивымъ, пусть удаляется отъ мірскаго шума и того, что отъ него исходитъ, чтобы и тѣломъ, и сердцемъ, и умомъ своимъ быть свободнымъ отъ той суеты, какая всегда существуетъ среди людей²⁾.

¹⁾ Epist. XVI, M. 1039 A.

²⁾ „Quoniam perturbatio semper inter homines versatur“. — Epist. XVII, M. 1045 D—1046 A. Все послѣдующіе подвижники, повторяя слова преп. Антонія, говорили о томъ, что ради любви къ Господу и для безпрепятственнаго Ему служенія человѣку необходимо отречься отъ міра и устранившись отъ любви къ нему. Такъ, напр., Макарій Египетскій неоднократно говоритъ, что надо отречься отъ самихъ себя, отречься отъ любви къ міру и выйти изъ него (*ἀποτάξασθαι καὶ ἐξελθεῖν ἐκ τοῦ κόσμου*). — Hom. XXVI, с. 19, Migne XXXIV, 688 B; Hom. I, с. 6, M. 456 C; Hom. IV, с. 27, M. 493 B; V, с. 6, M. 504 AB, 508 B; IX, с. 13, M. 540 C; XI, с. 8, M. 549 BC. Болѣе подробно преп. Макарій опредѣляетъ отреченіе отъ міра тогда, когда говоритъ, что намъ необходимо „выйти изъ міра, обнищать во всемъ видимомъ (*πτωχεῦσαι ἀπὸ πάντων τῶν φαινομένων*), не имѣть попеченія о земномъ, день и ночь стоять при дверяхъ и ждать, когда Господь отверзетъ заключенныя сердца и изліетъ на насъ даръ Св. Духа“. — Hom. XI, с. 6, M. 548 D. Отрекшійся отъ міра долженъ, по словамъ Макарія, и душою и мыслями переселиться въ другой міръ. — Hom. XLIX, с. 2, M. 813 B. Христіанамъ преп. Макарій противопоставляетъ людей, привязанныхъ къ міру. „Иное, говоритъ онъ, — христіане, иное міролюбцы; между тѣми и другими разстояніе велико“. — Hom. V, с. 1, M. 493 D. Маркъ Подвижникъ говоритъ объ оставленіи всего ради Господа. — *Περὶ τῶν οἰσμένων*, с. 47, Migne LXV, 937 A. Авва Исаія говоритъ нѣсколько разъ о томъ, чтобы не прилѣпляться къ благамъ міра и лучше убѣжать отъ него. — Сл. XVII, Migne, XI, 1147 B; Сл. XXI, M. 1159 B. Невозможность служить Богу и любить въ то же время міръ онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Quemadmodum nemo potest oculum unum in coelum tollere, et alterum humi defigere; ita mens nequit, quae Dei et quae mundi sunt simul curare“. — Сл. XV, Migne, 1141 AB.

Такимъ образомъ преп. Антоній первую ступенью въ достиженіи нравственнаго совершенства поставляетъ отреченіе отъ міра, отъ всѣхъ его благъ, соблазновъ и удовольствій. Обращенныя къ богатому юношѣ слова Спасителя: „аще хощешь совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и гради въ слѣдъ Мене“ (Мѣ. 19, 21) онъ самъ осуществляетъ въ своей жизни, и другимъ, желающимъ быть совершенными, совѣтуетъ то же. Отреченіе отъ земныхъ благъ не является, по воззрѣніямъ преп. Антонія, великимъ подвигомъ съ нашей стороны, потому что за него мы получаемъ гораздо большія блага на небесахъ. Взирая на міръ, говоритъ Антоній, не будемъ думать, что отреклись мы отъ чего-либо великаго, ибо и вся земля эта очень мала предъ цѣлымъ небомъ. Поэтому, если бы мы были господами надъ всею землею, и отреклись отъ всей земли, то и это не было бы еще равноцѣнно небесному царству. Если же вся земля не равноцѣнна небесамъ, то оставляющій небольшія поля какъ бы ничего не оставляетъ. Притомъ должны мы разсудить, что если и не оставимъ сего ради добродѣтели, то оставимъ впоследствии, когда умремъ, и оставимъ, какъ часто бываетъ, кому не хотѣли бы. Итакъ, почему же не оставить намъ сего ради добродѣтели, чтобы наслѣдовать за то царство¹⁾. Поэтому никто изъ насъ да не питаетъ въ себѣ пожеланія пріобрѣтати. Ибо какая выгода пріобрѣсти то, чего не возьмемъ съ собою? Не лучше ли пріобрѣсти намъ то, что можемъ взять и съ собою, какъ-то: благоразуміе, справедливость, цѣломудріе, мужество, разсудительность, любовь, нищелюбіе, вѣру во Христа, безгнѣвіе, страннолюбіе? Эти пріобрѣтенія уготовятъ намъ пристанища въ землѣ кроткихъ прежде, нежели придемъ туда²⁾. Отречься отъ міра человѣкъ долженъ для того, чтобы безпрепятственно посвятить себя на служеніе Богу. Міръ со своею похотью по воззрѣніямъ преп. Антонія увлекаетъ душу человѣка къ дѣйствіямъ, несообразнымъ съ ея духовно-разумною природою, и потому

¹⁾ Подобныя же разсужденія мы встрѣчаемъ и у преп. Макарія Египетскаго. — Hom. XI, с. 8, Migne XXXIV, 549 BC.

²⁾ Vita Anton. § 17.

похоть его должна быть предметом ненависти для совершающего свое спасение человека. Имѣя въ виду именно эту грѣховную сторону міра, влекущую человека къ гибели, преп. Антоній говоритъ: „возненавидѣте (μισήσατε) міръ и все, что въ немъ; возненавидѣте всякое плотское успокоеніе; отрекитесь сей жизни, дабы жить для Бога; помните то, что вы обѣщали Богу: ибо Онъ взыщетъ сего отъ васъ въ день суда. Алкайте, жаждайте, наготуйте, бодрствуйте, плачьте, рыдайте, воздыхайте въ сердцѣ своемъ; испытывайте себя, достойны ли вы Бога; презирайте (καταφρονήσατε) плоть, чтобы спасти вамъ души свои“¹⁾. Преп. Антоній проповѣдуетъ полное и совершенное отреченіе отъ благъ міра, безъ всякаго пожеланія владѣть хотя бы то незначительнымъ имуществомъ, такъ какъ послѣднее бываетъ источникомъ многихъ искушеній, и можетъ совратить подвизающагося съ пути добродѣтели²⁾. Каждому человеку предстоитъ избирать между Богомъ и міромъ и, конечно, выборъ долженъ быть всегда въ пользу перваго, отъ міра же необходимо отречься, удалиться отъ него, чтобы не погрузиться въ его похоти. Преп. Антоній указываетъ на три образа удаленія отъ міра и обращенія къ Богу. Одни, по его словамъ, бываютъ вполне готовы къ принятію Божественной истины; услышавши слово Евангелія, они слѣдуютъ ему подобно тому, какъ Авраамъ, по повелѣнію Божию, послѣдовалъ въ землю обѣтованную (Быт. 12, 1), и, такимъ образомъ, предавши себя волѣ Божіей, готовятъ сердце свое для обитанія въ немъ Духа Святаго. Другіе начинаютъ вести благочестивую жизнь только потому, что узнаютъ изъ

¹⁾ Достопамят. сказ. § 33. Почти тѣ же мысли повторяетъ и авва Исаія, когда говоритъ: „Quae mundi sunt, et ipsam etiam corporis quietem odio persequere, quoniam avocant te ab amicitia Dei“ (Сл. XXVI, Migne XL, 1193 A). Преп. Макарій Египет. говоритъ, что этотъ міръ противится горнему міру (τῷ κόσμῳ τῷ ἄνω ἐναντιοῦται), и этотъ вѣкъ противоположенъ горнему вѣку (Ном XXIV, с. 1, Migne XXXIV, 661 D).

²⁾ Достопамят. сказ. § 20. Такого же полного отреченія отъ міра во всемъ (κατὰ πάντα) требуетъ отъ инока преп. Макарій Египетскій (Ном. XIX, с. 1, Migne, XXXIV, 641 D) и авва Исаія. „Si mundo renuntiasti, говоритъ послѣдній инокъ, tibi nihil omnino reserva“.—Сл. IV, Migne XL, 1115 A.

Евангелія о наградахъ, уготованныхъ праведникамъ, и о наказаніяхъ, ожидающихъ грѣшниковъ; на нихъ исполняются слова Псалмопѣвца, что „законъ Господень обращаетъ души“ (Псал. 18, 8). Наконецъ, третьи по грубости и развращенію сердца своего, по сильной и долговременной привычкѣ ко грѣхамъ, не могутъ оставить своей порочной жизни подъ первыми двумя образами. Тогда милосердый Господь посылаетъ на нихъ бѣдствія и несчастія, чтобы совѣсть ихъ пробудилась отъ грѣховнаго усыпленія, и чтобы случившіяся съ ними несчастія побудили ихъ раскаяться отъ всего сердца своего и послѣдовать Божественному призыву, подобно первому и второму роду людей¹⁾.

Удаленіе въ пустыню. Человекъ, послѣдовавшій голосу евангельской истины, приходитъ къ сознанію суетности всего земнаго и отрекается отъ всѣхъ благъ міра во имя высшихъ, нравственныхъ интересовъ. Онъ уже аскетъ, такъ какъ умерщвляетъ всѣ свои грѣховныя пожеланія и возвышаетъ духъ свой къ Богу. Но преп. Антоній не оставляетъ его въ мірѣ, отъ котораго тотъ отрекся. Онъ не отрицаетъ возможности достигнуть нравственнаго совершенства и въ мірѣ²⁾, но только находитъ, что трудно жить въ мірѣ такъ, чтобы не увлечься его соблазнами. Антоній ведетъ своего монаха въ пустыню, чтобы тамъ, въ тиши уединенія, неразвлекаемый соблазнами міра, онъ всецѣло предалъ свой духъ на служеніе Богу, чтобы былъ въ полномъ смыслѣ монахомъ (μόνος—одинъ). Пустыню преп. Антоній считаетъ лучшимъ мѣстомъ для аскетическихъ подвиговъ. „Кто живетъ въ пустынѣ и безмолвіи, говоритъ онъ, тотъ свободенъ отъ трехъ искушеній: отъ искушенія слуха, языка и взора; одно только у него искушеніе,—искушеніе

¹⁾ Epist. I, M. 999 C—1001 A. Преп. Маркъ Подв. указываетъ на три мысленныя состоянія ума: естественное, противоестественное и сверхъестественное. Первое характеризуется сознаніемъ и исповѣданіемъ своихъ грѣховъ, второе, наоборотъ,—ожесточенностью во грѣхъ и третье—ощущеніемъ въ себѣ плодовъ Духа Святаго (Περὶ τῶν οἰομένων. с. 83, Migne LXV, 941 C).

²⁾ Достопамят. сказ. § 24.

въ сердцѣ¹⁾. Цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ священной исторіи Новаго и Ветхаго Завета преп. Антоній показываетъ пользу и необходимость уединенія для инока²⁾. Образецъ уединенія, по его словамъ, показалъ намъ Господь Иисусъ Христосъ; Онъ удалился въ пустыню въ уединеніе и тамъ побѣдилъ діавола, который искушалъ Его. „Иисусъ Христосъ, говоритъ преп. Антоній, могъ побѣдить врага и живя между людьми, но Онъ побѣдилъ его въ уединеніи, дабы научить насъ, что въ уединеніи и молчаніи мы легче можемъ побѣждать врага и достигать совершенства“³⁾. Спаситель не показывалъ ученикамъ Своей славы предъ всѣми людьми, но, удаливъ ихъ отъ людей, возшелъ съ ними на гору, и тамъ показалъ имъ славу Свою. Іоаннъ Креститель жилъ въ пустынѣ до своего свидѣтельства предъ Израилемъ. Апостолъ Петръ въ уединеніи удостоился видѣнія спустившагося съ неба сосуда, наполненнаго различными животными, и слышалъ голосъ Божій (Дѣян. 10, 11—17). Пророкъ Іезекииль также удостоился видѣнія въ уединеніи, будучи одинъ на полѣ; Псалмопѣвецъ Давидъ и пророкъ Іеремія говорятъ объ уединеніи (Пс. 4, 10; Плачъ Іерем. 3, 27, 28). Пророкъ Ілія чудесно получалъ пищу отъ ангеловъ не въ городѣ или селеніи, а въ пустынѣ. По словамъ преп. Антонія всѣ необыкновенныя происшествія, случившіяся со святыми въ пустыняхъ, описаны и переданы намъ для нашего наставленія, чтобы мы имъ подражали и любили уединеніе, которое приводитъ насъ къ Богу, доставляетъ великое утѣшеніе и дѣлаетъ насъ совершенными. Тѣ, которые уединяются и любятъ смиреніе всѣмъ сердцемъ своимъ, получаютъ болѣе славы и уваженія, чѣмъ

¹⁾ Достоп. сказ. § 11. Послѣднія слова въ греческомъ текстѣ читаются такъ: „πρὸς ἑνα ἔχει, τὸν τῆς πορνείας“.

²⁾ Ученики Антонія также требуютъ отъ инока уединенія, когда говорятъ ему удалиться и выйти изъ міра (ἐξελεῖν ἐκ τοῦ κόσμου): — Макарій Егип. — Ном. XXVI, с. 19, Migne XXXIV, 688 B; Ном. XI, с. 6, M. 548 D; авва Исаія — Сл. XXI, Migne XL, 1159 B; Маркъ Подв. — Περὶ τῶν οἰομένων. с. 47, Migne LXV, 937 A.

³⁾ Epist. XVII, M. 1046 D.

живущіе въ городахъ и селеніяхъ. „Посему, возлюбленные дѣти мои въ Господѣ, говоритъ Антоній, старайтесь какъ должно утвердиться въ уединеніи, чтобы оно привело васъ къ видѣнію Бога, которое есть уже духовное созерцаніе (spiritualis speculatio)¹⁾. Сравнивая подвиги въ мірѣ и въ пустынѣ, преп. Антоній рѣшительно склоняется на сторону послѣднихъ. Это особенно характерно выступаетъ въ его изъясненіи ученикамъ видѣнія пророка Іезекиіля (1 гл.). Объясняя символическое значеніе четырехъ лицъ (человѣка, тельца, льва и орла), которыя имѣли шестокрылатые серафимы, Антоній говоритъ, что человѣческое лицо означаетъ тѣхъ вѣрующихъ, которые, находясь въ мірѣ, стараются исполнять свои обязанности; если кто-нибудь изъ живущихъ въ мірѣ вступаетъ въ монашеское званіе, — онъ подобенъ волу, такъ какъ долженъ трудиться и переносить тѣлесные подвиги. Но исполняющій обязанности монашескаго званія и удалившійся въ пустыню, чтобы тамъ побѣждать невидимыхъ враговъ, подобенъ льву, который есть царь полевыхъ звѣрей. Такимъ образомъ подвиги пустыни имѣютъ, по мнѣнію преп. Антонія, какое-то царственное величіе, такъ какъ доставляютъ подвижнику побѣду надъ невидимымъ врагомъ. Орлу Антоній уподобляетъ инока тогда, когда послѣдній, побѣдивши невидимыхъ враговъ и свои страсти, возносится Духомъ Святымъ на высоту совершенства и паритъ въ своемъ духовномъ созерцаніи подобно орлу²⁾.

Отшельничество и безмолвіе. Въ тѣсную связь съ отреченіемъ отъ міра преп. Антоній ставитъ отшельничество и безмолвіе. Мѣстомъ подвиговъ для инока должна быть, по Антонію, уединенная келлія, которую онъ старался построить на достаточномъ разстояніи отъ другихъ келлій, чтобы частыми взаимными посѣщеніями иноки не развлекали одинъ другаго. Когда однажды преп. Антоній пришелъ въ гору нитрійскую къ аввѣ Аммону и послѣдній попросилъ у него указанія, на какомъ разстояніи по-

¹⁾ Epist. XVII, M. 1046 D—1047 A.

²⁾ Epist. XIX, Migne XL, p. 1054.

строить келліи для желающихъ подвизаться въ безмолвіи, Антоній, отираившись въ путь съ Аммономъ въ девятый часъ, шелъ по пустынь до самаго захода солнца и, наконецъ, на разстояніи почти 12 верстъ (συνεῖα δεκάδου) отъ прежнихъ поселеній иноковъ указалъ мѣсто для новыхъ келлій¹⁾. „Если ты живешь со Христомъ, говоритъ Антоній монаху, пусть твоя келлія будетъ для тебя темницей; помни во всякое время о твоёмъ исшествіи изъ тѣла и никогда не забывай о будущемъ судѣ, и совсѣмъ не будетъ грѣха у души твоей. Будь причастникомъ Духа Святаго, чтобы тебѣ жить съ Господомъ до конца. Если ты будешь терпѣть для Господа, то достигнешь жизни вѣчной и Богъ изгладитъ грѣхи твои и снова помѣститъ тебя въ царствѣ Своемъ“²⁾. „Очень полезно для насъ, говоритъ Антоній въ другомъ мѣстѣ, чтобы мы убѣгали въ нашу келлію и назирали много за собою во всю нашу жизнь, пока мы не узнаемъ, каковы мы“³⁾. Здѣсь, вдали отъ міра и человѣческаго лица, духъ инока можетъ отрѣшиться отъ всего земнаго и помышлять только о небесномъ и потребномъ для спасенія; но здѣсь также могутъ возникать у неопытнаго подвижника нечистыя пожеланія и стремленіе выйти изъ уединенія. Антоній предвидитъ возможность такого стремленія въ молодомъ монахѣ и запрещаетъ ему выходить изъ келліи, когда это является для него особенно соблазнительнымъ. Когда одинъ инокъ, подавляемый мыслями о томъ, чтобы выйти изъ своей келліи, рассказалъ обо всемъ преп. Антонію, послѣдній сказалъ ему: „иди, сиди въ своей келліи, отдай свое тѣло въ залогъ стѣнамъ и не выходи. Пусть твой помыслъ ходитъ туда, куда ему захочется, только не давай своему тѣлу выходить вонъ изъ келліи. Оно будетъ страдать, оно не будетъ дѣлать ничего; наконецъ, оно взалчетъ и придетъ въ часъ вкушенія пищи, требуя у тебя пищи. Если оно скажетъ тебѣ около

¹⁾ Достоп. сказ. § 34.

²⁾ Архим. Палладій. Новооткрытыя изреченія преп. Антонія Великаго, § 9. О постоянномъ пребываніи въ своей келліи въ безмолвіи и страхѣ Господнемъ говоритъ также авва Исаія. — Сл. I. Migne XL, 1105 С; Сл. IV, М. 1114 ВС.

³⁾ Архим. Палладій. Новооткр. изреч. преп. Антонія Великаго, § 38.

этого часа: „сѣнь себя немного хлѣба“, ты скажи ему въ свою очередь бодрствуя: „человѣкъ не хлѣбомъ однимъ будетъ жить, но и всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“. Оно скажетъ тебѣ: „выпей немного вина, какъ блаженный Тимофей“, а ты отвѣчай ему: „помни о дѣтяхъ Аминадава, которые соблюдали заповѣдь своего отца“. Если оно принесетъ тебѣ сонъ, не принимай его, ибо написано въ св. Евангеліи: „бодрствуйте и молитесь“; и еще написано: „они уснули и не получили никакой пользы“. Питай свою душу словами Божіими, бдѣніями, молитвами, болѣе же всего непрестанною памятью о имени Господа нашего Іисуса Христа, и въ этомъ ты найдешь наставленіе, такъ что узнаешь побѣду надъ худыми помыслами“¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь Антоній Великій указываетъ какъ на необходимость уединеннаго пребыванія инока въ келліи, такъ и на средства, при помощи которыхъ онъ можетъ утвердиться въ этомъ пребываніи. Пребывая въ келліи, монахъ, по словамъ Антонія, пребываетъ въ безмолвіи и внутреннемъ бдѣніи надъ самимъ собою, оставленіе же ея необходимо влечетъ за собою ослабленіе внутренняго бдѣнія, разсѣянность и потерю любви къ безмолвію. „Если я, говоритъ преп. Антоній, выхожу изъ своей келліи, чтобы идти къ людямъ, я совлекаю съ себя свою одежду и иду обнаженнымъ; если же я вхожу, я опять надѣваю ее въ другой разъ; т. е., если я иду съ

¹⁾ Тамъ же. § 18. Ученіе о безмолвіи болѣе подробно развито у аввы Исаіи. Онъ прежде всего требуетъ отъ инока молчанія (Сл. XVII, Migne XL, 1149 А; Сл. XXVII, М. 1197 А), такъ какъ безмолвіе, по его словамъ, рождаетъ въ инокѣ подвижничество (Сл. XVII, М. 1150 В). Поставивъ себя вопросъ: „Что значитъ безмолвствовать въ келліи“, авва Исаія отвѣчаетъ: „Is in cella recte quietem et silentium colit, qui supplex ante Deum prostratus assidue vacat orationi, et totis viribus improbas omnes inimici repellit“ (Сл. XXI, М. 1159 АВ). По словамъ Марка Подвижника „безмолвіе есть отрѣшеніе зла (ήσυχία ὠφέλει, τῶν κακῶν ἀργήσασα)“.

— Περὶ τῶν οἰομένων. Migne LXV, 936 А. Безмолвствующему, по словамъ аввы Исаіи, должно испытывать себя каждый часъ (Сл. XXVI, М. 1191 В) и имѣть страхъ срѣтенія Бога такой, чтобы онъ упреждалъ дыханіе его (Сл. XXVI, М. 1192 А). По словамъ аввы Исаіи исиному безмолвнику необходимы три добродѣтели: непрестанный страхъ, постоянная молитва и непрерывное бдѣніе сердца (continua cordis custodia). — Сл. XXVI, М. 1194 С.

людьми, я дѣлаюсь человекомъ, а если возвращаюсь въ свое жилище, я дѣлаюсь духомъ: я дѣлаюсь человекомъ съ людьми, и дѣлаюсь духомъ съ Богомъ. Тѣло есть жилище сердца: оно имѣетъ дверь и окна; если я иду къ людямъ, они (окна) всѣ открываются, бури и волны входятъ въ нихъ, т. е. они слышатъ, видятъ, говорятъ, чувствуютъ. Если же я нахожусь въ своей келліи, окна закрыты, и я неприступенъ: только съ своимъ сердцемъ я долженъ бороться и свободенъ отъ четырехъ (браней)¹⁾. Всякое вообще посѣщеніе инока мірскими людьми и удаление его изъ келліи на продолжительное время погашаетъ въ немъ внутренняго человека и любовь къ безмолвію. „Какъ рыбы, любилъ повторять преп. Антоній, оставаясь долго на сушѣ умираютъ, такъ и монахи, находясь долго внѣ келліи, или пребывая съ мірскими людьми, теряютъ любовь къ безмолвію. Посему, какъ рыба рвется въ море, такъ и мы должны спѣшить въ келлію, дабы, оставаясь внѣ ея, не забыть о внутреннемъ бдѣніи²⁾. Средствами, при помощи которыхъ монахъ можетъ оставаться въ келліи, являются, по ученію Антонія: ежедневный постъ, бдѣніе, размышленіе, борьба противъ худыхъ мыслей, кротость, памятованіе о смерти и смиреніе сердца³⁾.

Стремленіе къ совершенству. Отрекшійся отъ міра и удалившійся въ пустыню инокъ уже послѣдовалъ голосу благодати Божіей, который услышалъ въ сердцѣ своемъ. Онъ увидѣлъ свое нравственное недостойство, всѣмъ сердцемъ обратился къ Богу и вступилъ на спасительный путь добродѣтели. Но что такое добродѣтель, къ которой стремится ушедшій въ уединеніе инокъ? Добродѣтель, по словамъ Антонія, не далеко отъ насъ, не внѣ насъ образуется; дѣло ея въ насъ, и оно легко, если только пожелаемъ. Добродѣтель образуется въ душѣ, когда послѣдняя пребываетъ

¹⁾ Новооткр. изреч. преп. Антонія Вел. § 41. Въ другомъ мѣстѣ преп. Антоній говоритъ, что пустыня и безмолвіе освобождаютъ инока отъ трехъ искушеній: отъ искушенія слуха, языка и взора, но искушеніе въ сердцѣ остается (Достоп. сказ. § 11).

²⁾ Достоп. сказ. § 10; Сравни. Vita Ant. § 85.

³⁾ Новооткр. изреч. преп. Антонія Великаго. § 42.

такою, какою сотворена; поэтому, если мы пребываемъ какими созданы, то мы добродѣтельны¹⁾. „Если бы добродѣтель, говоритъ Антоній, была чѣмъ-либо приобретаемымъ отъ внѣ, то, безъ сомнѣнія, трудно было бы стать добродѣтельнымъ. Если же она въ насъ, то будемъ охранять себя отъ нечистыхъ помысловъ, и соблюдаемъ Богу душу, какъ пріятый отъ Него залогъ, чтобы призналъ Онъ въ ней твореніе Свое, когда душа точно такова, какою сотворилъ ее Богъ²⁾. Вступивши на путь добродѣтели, инокъ, по словамъ Антонія, долженъ напрягать силы свои и простираться впередъ, не обращаясь назадъ, подобно женѣ Лотовой, и всегда помня изреченіе Спасителя, что „никтоже возложъ руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи“ (Лук. 9, 62). „Ибо, говоритъ Антоній, обратиться назадъ не иное что значитъ, какъ сожалѣть и думать снова о мірскомъ³⁾. По словамъ Антонія недостаточно имѣть одну добродѣтель⁴⁾, но необходимо съ каждымъ днемъ усовершенствоваться совокупно во всѣхъ добродѣтеляхъ⁵⁾ и

¹⁾ Преп. Макарій Египетскій на этомъ основаніи говоритъ, что порокъ есть нѣчто странное (ξένην) для нашей природы, такъ какъ явился только послѣ преступленія перваго человека (Περὶ ὁψώσεως τοῦ νόου. с. 5, Migne XXXIV, 893 AB).

²⁾ Vita Ant. § 20. Сравни. Epist. IV, Migne XL, 1009 A. Маркъ Подв. называетъ добродѣтель „дѣланіемъ Богу“ (Περὶ τῶν οἰομένων. с. 189, Migne LXV, 960 B) и говоритъ, что начало всякой добродѣтели Богъ, какъ и дневнаго свѣта солнце (Περὶ νόμου πνευμ. с. 40, M. 912 A). Макарій Египетскій указываетъ на пять главныхъ добродѣтелей, изъ которыхъ образуются и всѣ остальные. Эти добродѣтели: молитва (εὐχή), воздержаніе (ἐγκράτια), милостыня (ἐλεημοσύνη), нищета (πτωχεία) и долготерпѣніе (μακροθυμία). — Ном XXXVII, с. 8, Migne XXXIV, 756 B. Главною изъ этихъ добродѣтелей онъ считаетъ молитву; κεφαλὴ πάσης ἀρετῆς, говоритъ онъ, καὶ κορυφὴ τῶν κατορθωμάτων ἐστὶν ἡ προσευχῆς προσκαρτέρησις (Περὶ φυλακῆς καρδ. с. 8, Migne 828 A). Маркъ Подвижникъ главнѣйшими добродѣтелями считаетъ молитву и смиренномудріе (Ἀντιβολὴ πρὸς σχολαστ., Migne LXV, 1076 B).

³⁾ Vita Ant. § 20.

⁴⁾ Epist. XVII, M. 1039 C.

⁵⁾ Макарій Египетскій и Маркъ Подвижникъ также говорятъ, что всѣ добродѣтели связаны между собою подобно звеньямъ одной цѣпи, и что съ отсутствіемъ одной добродѣтели уничтожаются и всѣ остальные.

какъ бы по ступенямъ духовной лѣстницы восходить все выше и выше, отъ менѣе совершенной добродѣтели къ добродѣтели болѣе совершенной¹⁾. Инокъ долженъ оказывать одинаковое усердіе въ подвигѣ и избѣгать нерадѣнія, подобнаго нерадѣнію Іуды, который за одну ночь погубилъ трудъ всего протекшаго времени²⁾. Для уничтоженія лѣности преп. Антоній совѣтуетъ иноку постоянно имѣть въ мысли апостольское изреченіе: „по вся дни умираю“ (1 Кор. 15, 31), „ибо, говоритъ онъ, если будемъ жить, какъ ежедневно готовящіеся умереть, то не согрѣшимъ“. „Каждый день, пробуждаясь отъ сна, мы должны думать, что не доживемъ до вечера, и также засыпая, должны представлять, что не пробудимся отъ сна; потому что мѣра жизни нашей намъ неизвѣстна, и каждый день измѣряется Промысломъ. А при такомъ образѣ мыслей, говоритъ Антоній, такъ живя каждый день, не будемъ мы ни грѣшить, ни питать въ себѣ какого-либо пожеланія“³⁾.

Искушенія діавола. Тотъ, кто по искреннему и сердечному расположенію принялъ на себя иноческую жизнь и удалился въ пустыню, долженъ, по словамъ Антонія, прежде всего научиться терпѣнію, чтобы противостоять кознямъ врага. Духъ Святый призываетъ такихъ людей и дѣлаетъ для нихъ всѣ подвиги легкими для того, чтобы облегчить для нихъ раскаяніе; Онъ показываетъ истинные пути его, чтобы привести ихъ къ раскаянію и духомъ и тѣломъ⁴⁾. Но первые же шаги подвижничества начинающаго

ния (преп. Макарія — *Περὶ τελειότη. ἐν πνεύμ.* с. 16, Migne XXXIV, 852 BC; *Περὶ φυλακῆς καρδ.* с. 8. М. 825 D; *Hom. XL*, с. 1, М. 764 A; *Hom. XXXVII*, с. 9, М. 756 C. Марка Подвижника — *Περὶ τῶν οἰομένων.* с. 38, Migne LXV, 936 C.).

¹⁾ Epist. XVII, М. 1042 B.

²⁾ Vita Ant. § 18. „Горе душѣ, говоритъ преп. Макарій Египетскій, если она останавливается на своей природѣ и уповаетъ на свои только дѣла“ (*Hom. I*, с. 11, Migne XXXIV, 461 B).

³⁾ Vita Ant. § 19. Подобно Антонію Великому и авва Исаія совѣтуетъ иноку постоянно имѣть предъ очами смерть, и жить такъ, какъ будто бы онъ проводитъ послѣдній день въ этомъ мірѣ (Сл. I, Migne XL, 1105 C; Сл. IX, М. 1134 C).

⁴⁾ Epist. I, М. 1001 B.

инока находятъ для себя преграды въ искушеніяхъ, которыми врагъ рода человѣческаго старается отклонить подвизающихся отъ добродѣтели и совратить ихъ на путь гибели¹⁾.

Объ искушеніяхъ діавольскихъ преп. Антоній говоритъ много и подробно, такъ какъ въ нихъ видитъ одно изъ наиболѣе сильныхъ препятствій къ подвигу. Онъ называетъ демоновъ злыми духами, которые сами, будучи низвергнуты съ высоты за свою гордость, препятствуютъ нашему восхожденію на небеса²⁾. Всякому христіанину, а тѣмъ болѣе монаху, который начинаетъ преуспѣвать въ подвигѣ, они стараются положить на пути соблазны; соблазны ихъ — лукавые помыслы (*πονηροὶ λογισμοί*³⁾). Подъ вліяніемъ демоновъ молодой инокъ начинаетъ думать о мірскомъ и сожалѣть объ оставленномъ имуществѣ, родныхъ, друзей и знакомыхъ. Демоны представляютъ ему подвижничество безполезнымъ, возбуждаютъ въ немъ отвращеніе къ монашеской жизни, какъ самой тяжелой и обременительной, и препятствуютъ ему усовершаться въ добродѣтели⁴⁾. Пока еще молодой инокъ не научился различать истину отъ лжи и не утвердился въ добродѣтели, онъ не можетъ

¹⁾ Epist. VI, М. 1011 D—1012 A. Преп. Макарій Египетскій видитъ весь подвигъ инока въ томъ, чтобы противиться лукавому и лукавымъ помысламъ (*Περὶ ὑπομονῆς καὶ διακρ.* с. 9, Migne XXXIV, 872 C).

²⁾ Vita Ant. § 22; Epist. VI, М. 1014 D—1015 A. По словамъ Макарія Египетскаго лукавый оставленъ для искушенія и испытанія челоѣка (*Περὶ ὑπομον. καὶ διακρ.* с. 2, Migne XXXIV, 868 A).

³⁾ Маркъ Подвижникъ согласно съ Антоніемъ Великимъ говоритъ, что діаволь внушаетъ намъ дурные помыслы, чтобы искушать наше внутреннее расположеніе, куда оно клонится: къ его ли совѣту или къ заповѣди Божіей (*Περὶ βλαπτήματος.* Migne, LXV, 1016 B. Сравни. Макарія Егип. *Hom. XXVI*, с. 7, Migne XXXIV, 680 A). „Но часто, говоритъ преп. Макарій, сатана какъ бы подъ видомъ добрыхъ помысловъ, что можно благоугодить симъ Богу, дѣлаетъ свои внушенія душѣ и вовлекаетъ ее въ предпріятія тонкія и благовидныя; и вовлекаемый не умѣетъ различить, и оттого впадаетъ въ сѣть и гибель діавольскую“ (*Hom. XXVI*, с. 12, М. 681 D).

⁴⁾ Vita Anton. § 25. Сравни. Epist. X, М. 1023 C. Почти буквально то же самое повторяетъ и авва Исаія (Сл. XVI, Migne XL, 1142 CD). По словамъ Макарія Египетскаго безчисленное множество демоновъ въдыхается въ сердечные помыслы инока, внушая преуспѣвающимъ въ добродѣтели лукавое, и стараясь развратить ихъ (*Hom. XLIII*, с. 7, Migne

знать всѣхъ хитростей діавола и тѣхъ способовъ, какими онъ уловляетъ преданныхъ Богу. Діаволь, по словамъ Антонія, является иногда подъ видомъ истиннаго наставника или свѣтлаго ангела, и неопытный инокъ, прельстившись его наружностью, обманывается и увлекается въ соблазнъ. Діаволь увлекаетъ его къ себѣ подобно рыболову, который, привѣсивъ къ удѣ соблазнительную приманку, извлекаетъ изъ воды рыбу. Какъ рыба, не вѣдая опасности, позволяетъ рыболову обмануть себя и бросается на гибельную приманку (*escam*), такъ и начинающій подвизаться монахъ не знаетъ всѣхъ козней діавола, и потому легко можетъ быть вовлеченъ имъ въ соблазнъ¹⁾. Безстыдная женщина, расширяющая свои крылья (*mulier impudica, extendens alias suas*) для того, чтобы уловлять въ сѣти грѣха, является для врага нашего самымъ сильнымъ орудіемъ²⁾. Испытанія демоновъ, по словамъ Антонія, весьма разнообразны. „Демоны, говоритъ онъ монахамъ, скрываютъ какъ ненависть свою къ намъ, такъ и враждебныя дѣйствія противъ насъ, внушаютъ намъ богохульныя мысли, побуждаютъ сомнѣваться въ истинахъ вѣры, чтобы привести насъ къ невѣрію, потемняютъ разумъ нашъ, рождаютъ въ сердцѣ нашемъ порочныя желанія, повергаютъ насъ въ уныніе и отчаяніе, возбуждаютъ въ насъ гнѣвъ, рождаютъ и укрѣпляютъ въ насъ склонность осуждать другихъ, но всегда оправдывать самихъ себя, научаютъ насъ злословить ближнихъ нашихъ, ласково и дружелюбно говорить съ тѣми, къ которымъ мы, по ихъ же внушенію, питаемъ сильную ненависть, показываютъ намъ внѣшніе недостатки ближняго, но скрываютъ отъ насъ внутреннее наше развращеніе, производятъ между нами распри и несогласія, когда мы по ихъ внушенію почитаемъ себя лучше другихъ. Кромѣ этого они побуждаютъ насъ

XXXIV, 777 A; Hom. XXXVIII, с. 4, М. 761 A). Иногда же подъ предлогомъ смиренія сатана старается ввергнуть человѣка въ отчаяніе, и этимъ самымъ уничтожить всѣ его прежніе подвиги (*Περὶ ἐλευθερίας νόος*, с. 2, М. 937 A; Сравни. Hom. XI, с. 15, М. 556 BC; Hom. XXVI, с. 7, М. 680 A).

¹⁾ Epist. XVIII, М. 1049 A.

²⁾ Epist. XVII, М. 1046 B.

предпринимать такіа дѣла, которыя превышаютъ наши силы, и отклоняютъ насъ отъ исполненія того, что для насъ и полезно и нужно¹⁾. Демоны, по словамъ Антонія, очень дерзки и настойчивы въ испытаніяхъ и своихъ нападеніяхъ на человѣка. Если они замѣчаютъ, что внушаемые ими лукавые помыслы не соблазняютъ инокъ, они стараются устрашить его мечтательными привидѣніями, принимая на себя образы женщинъ, звѣрей пресмыкающихся, необыкновенныхъ великановъ, и т. п.²⁾. Если и эти средства не дѣйствуютъ, они принимаютъ на себя видъ прорицателей и предсказываютъ будущее. Нерѣдко сами, будучи невидимы, представляются поющими псалмы, припоминаютъ изреченія изъ Св. Писанія. Иногда, принявъ на себя монашескій образъ, они являются какъ бы благоговѣйными собесѣдниками, и обманувшагося неопытнаго инокъ увлекаютъ къ гибели³⁾. Діаволь употребляетъ всевозможныя хитрости, чтобы погубить подвизающагося инокъ, разставляя свои гибельныя сѣти подобно птицелову. Известно, что птица, опасаясь быть пойманною, летаетъ на высокихъ мѣстахъ; тамъ она вьетъ себѣ гнѣзда, отдыхаетъ отъ усталости, и спитъ спокойно, зная, что не подвергается никакой опасности. Но птицеловъ разставляетъ на землѣ сѣти около гнѣзда ея, кладетъ около сѣти пищу, и, такимъ образомъ, побуждаетъ птицу сойти внизъ и сдѣлаться плѣнницею. Такъ и діаволь уловляетъ тѣхъ людей, которые, возвышаясь въ добродѣтели, не достигли еще совершен-

¹⁾ Epist. VI, М. 1012 BC. По словамъ аввы Исаіи демоны обыкновенно разгорячаютъ человѣка на всякое дѣло, для котораго онъ не силенъ, чтобы онъ попалъ въ руки ихъ, и они порадовались надъ нимъ (Сл. IV, Migne XL, 1114 CD).

²⁾ По словамъ Макарія Египетскаго лукавый врагъ всякую невозрожденную отъ Бога душу (*μὴ γεγεννημένην ἐκ τοῦ θεοῦ*) обуреждаетъ помышленіями, сотрясаетъ, какъ пшеницу въ рѣшетѣ (*ὥσπερ ἐν τῷ σιτίῳ ὁ σίτρος*), и всячески уловляетъ ее (*Περὶ ὁποῦν καὶ διακρ.* с. 20, Migne XXXIV, 881 B; Hom. V, с. 2, М. 496 B).

³⁾ Vita Anton. §§ 23, 25. Объ этихъ ухищреніяхъ діавола почти словами же своего учителя рассказываетъ и Макарій Египетскій (*Περὶ ἐλευθ. νόος*, с. 2, Migne XXXIV, 940 BD. Сравни. аввы Исаіи Сл. IV, Migne XL, 1116 D).

ства. Онъ побуждаетъ ихъ свергнуться съ высоты, на которой они стоятъ, и сдѣлаться жертвою его обмана, какъ сдѣлалась такою жертвою прародительница Ева, повѣрившая ложнымъ обѣщаніямъ древняго змія¹⁾. Такая участь, по словамъ Антонія, постигаетъ тѣхъ монаховъ, которые, надѣясь на самихъ себя, живутъ по волѣ своего сердца, исполняютъ свои собственные желанія и не хотятъ руководиться наставленіями опытныхъ подвижниковъ. Діаволъ представляетъ имъ различные призраки и видѣнія, показываетъ имъ много ложныхъ сновъ и чудесъ, чтобы они обманулись въ немъ и приняли его за Ангела Божія. Достигши этого, онъ свергаетъ ихъ съ высоты, на которой они стоятъ, и уловляетъ въ свои гибельныя сѣти²⁾. Испытанія діавольскія тѣмъ опаснѣе для инока, что злые духи невидимы и дѣйствуютъ на насъ не тѣлеснымъ, но духовнымъ образомъ. Они не имѣютъ видимаго намъ тѣла, наши же тѣла для нихъ видимы. Наши души они побуждаютъ къ худымъ мыслямъ, вызвавши которыя уже явно господствуютъ въ нашемъ тѣлѣ³⁾. Посему, говоритъ Антоній, кто живетъ, слѣдуя чувственнымъ влеченіямъ своего сердца, тотъ находится уже во власти злыхъ духовъ. Они днемъ и ночью тайно бросаютъ въ него стрѣлы свои, не давая ему нигдѣ покоя⁴⁾, влагаютъ въ сердце его гордость, тщеславіе, склонность къ оклеветанію и осужденію

¹⁾ Epist. XVIII, M. 1049 BC. Маркъ Подвижникъ подобно Антонію Великому сравниваетъ ухищренія діавола съ многосложною сѣтью, составленною для уловленія людей. Кто, запутавшись въ этой сѣти, хотя отчасти вознерадитъ объ этомъ, тотъ, по словамъ Марка, весь опутывается ею (Περὶ νόμου πνευματ. с. 173, Migne LXV, 925 C).

²⁾ Epist. XVIII, M. 1050 AB.

³⁾ Epist. V, Migne XL, p. 1013.

⁴⁾ Эту же мысль повторяетъ и преп. Макарій Египетскій, когда говоритъ, что „ὁ Σατανᾶς οὐδέποτε ἡσυχάζει πολέμῳ“ (Hom. XXVI, с. 14, Migne XXXIV, 684 B). Маркъ Подв. также замѣчаетъ, что діаволъ „οὐ παύεται πολέμῳ ἡμᾶς“ (Περὶ μετανοίας, Migne LXV, 981 A). Въ другомъ мѣстѣ преп. Макарій замѣчаетъ: „нѣтъ человѣка, на котораго врагъ пересталъ бы нападать. Сатана немилосердъ и человѣконенавистенъ, поэтому не лѣнится нападать на всякаго человѣка, но, повидимому, не на всѣхъ наступаетъ онъ съ одинаковымъ усиленіемъ“ (Hom. XV, с. 18, Migne 585 D).

другихъ, гнѣвъ, вспыльчивость и многія другія безчисленныя страсти, чтобы приготовить ему не жизнь, а смерть¹⁾.

Разсказывая подробно объ испытаніяхъ демоновъ и о различныхъ средствахъ, какія употребляютъ они для совращенія инока на путь гибели, преп. Антоній убѣждаетъ монаховъ противостоять всѣмъ кознямъ діавольскимъ, говоря, что если мы только попустимъ діаволу посѣять сѣмя зла въ сердцѣ нашемъ, то сѣмя это скоро вырастетъ, укоренится и размножится, такъ что мы сдѣлаемся добычею врага²⁾. Преп. Антоній совѣтуетъ иноку быть всегда готовымъ къ брани съ діаволомъ, твердо сохраняя въ памяти, что съ нами всегда Господь, низложившій и приведшій его въ бездѣйствіе. Потому что къ тѣмъ, которые готовы на борьбу, демоны приступаютъ нерѣшительно и скоро удаляются отъ нихъ. „Демоны, говоритъ Антоній, какими насъ находятъ приходя къ намъ, такими и сами дѣлаются въ отношеніи къ намъ. Поэтому, если найдутъ насъ боязливыми и смущенными, то немедленно нападаютъ, какъ разбойники, нашедшіе неохраемое мѣсто, и что сами въ себѣ думаемъ, то и производятъ въ большемъ видѣ. Если видятъ насъ утрашающимися и боязливыми, то еще больше увеличиваютъ боязнь привидѣніями и угрозами. Но если найдутъ насъ радующимися о Господѣ и помышляющими о будущихъ благахъ, содержащими въ мысляхъ дѣла Господни, и разсуждающими, что все въ рукѣ Господней, что демонъ не въ силахъ побороть христіанина, и вообще ни надъ кѣмъ не имѣетъ власти,—то, видя душу, подкрѣпляемую такими мыслями, демоны со стыдомъ обращаются назадъ. Такъ врагъ, видя Іова огражденнымъ, удалился отъ него, но сдѣлалъ плѣнникомъ своимъ Іуду, нашедши, что онъ лишентъ такой защиты“³⁾. Преп. Антоній указываетъ признаки, по которымъ можно узнать, злой ли духъ явился иноку, или добрый.

¹⁾ Epist. XX, M. 1057 A.

²⁾ Epist. VI, M. 1012.

³⁾ Vita Anton. § 42. Сравни. Epist. VI, Migne XL, p. 1012; Epist. XVIII, M. pag. 1048. Преп. Макарій Египетскій также приводитъ въ примѣръ Іова, какъ доказательство того, что подвизающійся инокъ можетъ посрамлять діавола (Hom. XXVI, с. 8, Migne XXXIV, 680 B).

Нашествіе и видѣніе злыхъ духовъ бываетъ, по его словамъ, шумно и непріятно для инока. „Отъ этого, говоритъ онъ, въ душѣ немедленно происходитъ боязнь, смятеніе, безпорядокъ помысловъ, грусть, ненависть къ подвижникамъ, уныніе, печаль, воспоминаніе о сродникахъ, страхъ смертный и, наконецъ, худое пожеланіе, не-радѣніе о добродѣтели и нравственное разстройство“¹⁾. Преп. Антоній убѣждаетъ монаховъ не бояться діавольскихъ привидѣній, потому что они ложны, а сами демоны безсильны. Они только угрожаютъ намъ смертію, но на самомъ дѣлѣ ничего не могутъ намъ сдѣлать, такъ какъ по пришествіи Іисуса Христа силы врага изнемогли. Если бы у демоновъ было могущество, то они приходили бы въ одиночку, а не толпою, являлись бы въ своемъ естественномъ видѣ, а не приходили бы обманомъ, принимая на себя чуждые имъ образы²⁾. „Посему, говоритъ Антоній монахамъ, когда демоны приходятъ къ вамъ ночью, хотятъ возвѣстить будущее, или говорятъ: „мы—ангелы“, не внимайте имъ, потому что лгутъ. Если будутъ они хвалить ваше подвижничество и ублажать васъ, не слушайте ихъ и нимало не сближайтесь съ ними, лучше же запечатлѣйте себя и домъ свой крестомъ, и помолитесь. Тогда увидите, что они сдѣлаются невидимыми, потому что боязливы, и особенно страшатся знаменія креста Господня. Ибо, крестомъ отъявъ у нихъ силу, посрамилъ ихъ Спаситель“³⁾. Отличать же явленія злыхъ духовъ отъ явленія духовъ добрыхъ можно еще и слѣдующимъ образомъ. Если во время явленія душа продолжаетъ чувствовать страхъ, то, слѣдовательно, явившійся есть злой духъ, потому что демоны не уничтожаютъ боязни, какъ въ Маріи и Захаріи уничтожилъ страхъ Архангелъ Гавріиль, и въ женахъ явившійся во гробѣ Ангелъ⁴⁾. Въ случаѣ появленія злаго духа преп. Антоній совѣтуетъ спрашивать его, кто онъ и откуда?—тогда духъ немедленно исчезнетъ⁵⁾. Говоря о томъ, что демоны

¹⁾ Vita Ant. § 36.

²⁾ Ibid. § 28—30.

³⁾ Ibid. § 35. Справн. Epist. XVIII, Migne XL, p. 1049.

⁴⁾ Vita Anton. § 35, 37.

⁵⁾ Ibid. § 43.

часто предсказываютъ будущее, преп. Антоній совѣтуетъ инокамъ пренебрегать такими предсказаніями. „Какая, говоритъ онъ, важность въ такомъ предвѣдѣніи, хотя бы мы и узнали правду? Это не составляетъ добродѣтели и, безъ сомнѣнія, не служитъ признакомъ добрыхъ нравовъ. Ибо никто изъ насъ не осуждается за то, что не знаетъ, и никто не ублажается за то, что научился и узналъ; но каждый подлежитъ суду въ томъ, соблюлъ ли вѣру, искренно ли сохранилъ заповѣди. Посему должно не высоко цѣнить такое предвѣдѣніе, подвизаться и трудиться не для того, чтобы предузнавать, но чтобы доброю жизнію угодить Богу. Если же, продолжаетъ далѣе Антоній, у насъ есть забота и о предвѣдѣніи, то будемъ чисты разсудкомъ. Ибо я увѣренъ, что душа, во всемъ чистая и вѣрная своей природѣ, сдѣлавшись прозорливою, можетъ видѣть больше и дальше демоновъ, потому что отъ Господа дается ей откровеніе“¹⁾.

Всѣ многочисленныя искушенія демоновъ по воззрѣніямъ Антонія являются для инока сильными препятствіями при слѣдованіи по пути добродѣтели и очень часто служатъ причинами его нравственного паденія, но эти искушенія и вообще различныя испытанія по мнѣнію Антонія для человѣка неизбежны. „Никто говоритъ Антоній, безъ искушенія не можетъ войти въ царство небесное. Ибо не будь искушеній,—и никто не спасется“²⁾. Богъ при созданіи одарилъ насъ свободою волею, поэтому мы должны по своей волѣ отражать нападенія врага и побѣждать его³⁾. Иску-

¹⁾ Ibid. § 33—34.

²⁾ Мысль о неизбежности искушеній очень часто высказывалась и Макаріемъ Египетскимъ. По его словамъ человѣку предстоятъ на пути многія искушенія, испытанія, скорби... (πειρασμοί, καὶ δοκιμασίαι, πολλάί, καὶ θλίψεις, καὶ ἀγῶνες, καὶ ἰδρώτες.—Hom. V, с. 6, Migne XXXIV, 512 A). которые однако являются залогомъ нравственного совершенства (Hom. V, с. 5, M. 544 C), такъ какъ посылаются человѣку для испытанія его (Hom. XV, с. 29, M. 596 A). „Если трудно, говорить Маркъ Подвижникъ, найти человѣка, безъ искушенія благоугодившаго Богу, то должно благодарить Бога за всякій встрѣтившійся съ нами случай“ (Περὶ τῶν οἰομένων, с. 187, Migne LXV, 960 B).

³⁾ Въ силу этого, по словамъ Макарія Египетскаго, искушенія терпятъ и люди, достигшіе высокой степени нравственного совершенства,

шенія, по словамъ Антонія, даютъ возможность иноку показать доброе направленье своей воли и утвердить ее въ добръ при возможности избирать злое. Только жизнь, исполненная борьбы со зломъ, покажетъ нашу вѣру и любовь къ Богу и искреннее стремленье къ единенію съ Нимъ—Источникомъ свѣта и добра¹⁾. Преп. Антоній называетъ великимъ подвигомъ для человѣка раскаяніе предъ Богомъ въ своихъ грѣхахъ и ожиданіе искушенія до послѣдняго издыханія (ἕως ἐσχάτης ἀναπνοῆς)²⁾. Господь, по словамъ Антонія, никогда не попускаетъ намъ впадать въ такіа искушенія, которыя превышаютъ силы человѣка, ибо знаетъ, что нынѣ люди слабы (ἀσθενεῖς) и не перенесутъ ихъ³⁾. Но искушенія, посылаемые Господомъ, необходимы намъ для нашего нравственного очищенія и усовершенія, ибо какъ золото очищается огнемъ, такъ и человѣкъ—искушеніями. Кого благодать Божія не испытываетъ искушеніями, трудами и несчастіями, чтобы научить его терпѣнію и усовершить въ добродѣтели, тотъ, по словамъ Антонія, не получить отъ Бога славы. Примѣромъ для всѣхъ могутъ послужить блаженная Сусанна и Іосифъ, прославившіеся своимъ цѣломудріемъ только благодаря искушеніямъ⁴⁾. При посѣщающихъ насъ искуше-

духовные (οἱ πνευματικοί), какъ онъ ихъ называетъ, потому что въ нихъ еще остается свободное произволеніе (τὸ αὐτεξούσιον). — Нот. XXVII, с. 10, Migne XXXIV, 700 D.

¹⁾ Сравни. Макарія Егип. — Περὶ ὑπομονῆς καὶ διακρ. с. 27, Migne XXXIV, 888 D.

²⁾ Достоп. сказ. § 4. Авва Исаія буквально повторяетъ слова Антонія Великаго, когда говоритъ, что Господь, зная слабость человѣка, далъ ему покаяніе, пока онъ въ тѣлѣ, до послѣдняго издыханія (usque ad extremum spiritum). — Сл. XVII, Migne XL, 1147 B et 1152 C.

³⁾ Достоп. сказ. § 23; Epist. XX, М. 1058 А. Эту же самую мысль Антонія высказываетъ Макарій Египетскій (Περὶ ἐλευθ. νόου. с. 13, Migne XXXIV, 945 BC) и Маркъ Подвижникъ. Послѣдній говоритъ иноку: „будь постояненъ въ мысли, и не изнеможешь въ искушеніяхъ“ (Περὶ νόου πνευματ. с. 164, Migne LXV, 925 B).

⁴⁾ Epist. XX, М. 1058 D—1059 А. По словамъ Макарія Египетскаго и Марка Подвижника скорби и искушенія дѣлаютъ людей совершеннѣйшими, научаютъ ихъ быть трудолюбивыми и невольно влекутъ къ покаянію (Макарія Егип. — Περὶ ὑπομον. καὶ διακρ. с. 6, Migne XXXIV,

ніяхъ мы, по словамъ Антонія, не предоставлены своимъ собственнымъ слабымъ силамъ, но получаемъ Божественную помощь для борьбы съ врагомъ нашимъ. Иисусъ Христосъ, Который сказалъ вѣрующимъ: „се даю вамъ власть наступати на змію, и на скорпію, и на всю силу вражію“ (Лук. 10, 19), подаетъ намъ Свою благодать, при помощи которой мы можемъ поражать демоновъ, такъ что всѣ ихъ предначинанія противъ насъ по благодати Христовой обращаются въ ничто¹⁾.

Средства для борьбы съ искушеніями. Средствами для борьбы съ искушеніями демоновъ является, по Антонію, прежде всего благочестивая вѣра во Христа, затѣмъ подвижническій постъ, бдѣнія и молитвы. Боятся демоны также кротости, безмолвія, несребролюбія, нетщеславія, смиренномудрія, нищелюбія милостыни и прочихъ христіанскихъ добродѣтелей²⁾.

Вѣра въ Бога является, по Антонію, первымъ условіемъ вступленія человѣка на путь богоугодной жизни, и потому естественно, что во время подвиговъ инока вѣра въ Бога дѣлаетъ его несокрушимою твердынею противъ всѣхъ искушеній. Но подробнѣе о вѣрѣ мы скажемъ послѣ, когда будемъ говорить о развитіи въ душѣ инока главнѣйшихъ христіанскихъ добродѣтелей. Теперь же обратимся къ подвигамъ, при помощи которыхъ молодой инокъ отгоняетъ отъ себя искушенія демоновъ. Такимъ подвигомъ, по Антонію, является прежде всего *подвижническій постъ и бдѣніе*. Пока инокъ, удалившійся отъ міра, не достигъ извѣстной степени нравственного совершенства, въ немъ происходитъ упорная борьба духа и тѣла. По словамъ Апостола Павла „тѣло всегда противится духу“ (Гал. 5, 17)³⁾; отъ тѣла рождаются грѣховныя чувственныя желанія, которыя инокъ привыкъ удовлетворять еще въ мірѣ; эти желанія борются его и настойчиво требуютъ своего удо-

869 B; Марка Подв. — Περὶ τῶν οἰομένων. с. 8, Migne LXV, 932 А. Сравни. Достоп. сказ. § 5.

¹⁾ Vita Anton. § 30, 24.

²⁾ Ibid. § 30.

³⁾ Epist. VII, Migne XL, p. 1018; Epist. XX, М. p. 1066.

влетворенія. При слабости воли инока и при удовлетвореніи ихъ они усиливаются, вслѣдствіе тѣснаго единенія души съ тѣломъ порабащаютъ первую послѣднему и, такимъ образомъ, отдають инока въ полную власть діавола¹⁾. Для отраженія искушеній иноку необходимо всѣми силами стараться, чтобы духовнымъ своимъ стремленіямъ дать рѣшительный перевѣсъ надъ чувственными пожеланіями. „Все попеченіе, говорилъ преп. Антоній, прилагать надобно болѣе о душѣ, а не о тѣлѣ, и тѣлу уступать по необходимости малое время, все же остальное посвящать наиболѣе душѣ и искать ея пользы, чтобы не увлекалась она тѣлесными удовольствіями, но болѣе ей порабощалось тѣло“²⁾. Въ нашемъ тѣлѣ, по словамъ Антонія, есть движеніе, происходящее отъ питанія и разгоряченія (ἐκ τοῦ τρέφειν καὶ θαλπεῖν) тѣла пищею и питіемъ. Чрезмѣрное питаніе производитъ въ тѣлѣ изобиліе крови, и происходящій отсюда внутренній огонь (calor sanguinis—ἡ θερμότης) разжигаетъ тѣло и возбуждаетъ въ немъ порочныя желанія³⁾. Поэтому мы должны повиноваться Спасителю, Который сказалъ Своимъ ученикамъ: „внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пиянствомъ“ (Лук. 21, 34), и апостолу Павлу, который запрещаетъ „упиваться виномъ, въ немже есть блудъ“ (Ефес. 5, 18). Поэтому слѣдуетъ, чтобы подвижники пустыни говорили вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ: „умерщвляю тѣло мое и порабащаю“ (1 Кор. 9, 27). Тѣло же умерщвляется долговременнымъ постомъ, бдѣніемъ, состязаніями (certaminibus), трудами и другими служеніями⁴⁾. Монахъ, по словамъ Антонія, долженъ ослаблять

¹⁾ Epist. III, Migne, p. 1006; Epist. I, p. 1001, 1002, 1003; Epist. V, M. p. 1010

²⁾ Vita Anton. § 45, 55.

³⁾ Это изобиліе крови (εἰσροή αἵματος) по словамъ Марка Подвижника удаляетъ отъ насъ Духа (Πρὸς Νικόλαον νοῦθεῖται ψυχωφελῆς. Migne LXV, 1040 D).

⁴⁾ Достоп. сказ. § 22; Epist. I, M. 1001 B. Всѣ послѣдующіе подвижники считали постъ дѣломъ первой необходимости для инока. Такъ, напр. преп. Макарій Егип. говоритъ, что „должно въ постъ (ἐν νηστείᾳ) и съ любовію ожидать Господа“ (Hom. XXXI, с. 2, Migne XXXIV, 729 A;

тѣло свое, но ослаблять его мудро и благоразумно, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить и погасить въ себѣ чувственныя желанія, потому что это ослабленіе тѣла усовершенствуетъ насъ въ добродѣтели цѣломудрія (puritatis). Апостолъ Павелъ говоритъ: „егда немощствую, тогда силенъ есмь“ (2 Кор. 12, 10), показывая этимъ, что при ослабленіи въ немъ чувственныхъ потребностей духъ его былъ особенно сильнымъ. Пророкъ Давидъ хвалился своею немощью, говоря: „нѣсть исцѣленія въ плоти моей“ (Псал. 39, 4). Эти слова, говоритъ Антоній, показываютъ, что пророкъ весьма много ослаблялъ тѣло свое, чтобы получить спасеніе, которое уже не есть безсиліе и болѣзнь, но крѣпость и здоровье, потому что при ослабленіи тѣла укрѣпляется душа¹⁾. „Если мы будемъ, говоритъ Антоній, ослаблять тѣло свое и приводить его въ послушаніе душѣ, то плотскіе помыслы, которые враждебны Богу, умертвятся въ этомъ ослабленіи; душа наша тогда просвѣтится (illuminatur) и сдѣлается храмомъ Божиимъ“²⁾.

Такимъ образомъ преп. Антоній не требуетъ отъ инока умерщвленія тѣла для смерти самого тѣла, но требуетъ только подавленія въ себѣ чувственныхъ грѣховныхъ влеченій тѣла, пре-

Сравни. Hom. X, с. 4, M. 544 A), опредѣляя этимъ общій характеръ подвижничества инока. Авва Исаія замѣчаетъ, что и тѣлу необходимо давать только потребное, но не разслаблять его излишествомъ; онъ совѣтуетъ ѣсть однажды въ день, и вставать отъ трапезы тогда, когда еще хочется поѣсть (Сл. IV, Migne XL, 1114 BC). По словамъ Марка Подвижника „юношеская плоть, утучненная различными снѣдами и питіемъ вина, есть какъ бы вепрь (ὡς χοῖρον), готовый на закланіе разжениемъ тѣлесныхъ сластей. Поэтому юношество ради духовнаго воздержанія не должно и воды вкушать до сытости“ (Πρὸς Νικόλαον νοῦθετ. ψυχωφελ. — Migne LXV, 1040 D, 1041 A). „Всякую влагу плотской похоти (πᾶσάν τε νοτίδα ἐπιθυμίας σαρκικῆς), говоритъ Маркъ Подвижникъ, иноку, заставъ изсякнуть и изсуши малояденіемъ, малопитіемъ и всемоощными бдѣніями“ (Ibid., Migne 1040 A).

¹⁾ „...debilitatio corpore corroboratur anima“. — Epist. XVII, M. 1044 C; Сравни. Vita Ant. § 7. „Кто, говоритъ Маркъ Подвижникъ, божественнымъ желаніемъ побѣдилъ душевное расположеніе къ тѣлу, тотъ сдѣлался неограниченнымъ, хотя онъ и находится въ тѣлѣ“ (Κεφάλαιον νηπτικόν. Migne LXV, 1064 C). Такимъ образомъ здѣсь выражается та же мысль Антонія Великаго, что при ослабленіи тѣла укрѣпляется душа и освобождается отъ земныхъ оковъ.

²⁾ Epist. XVII, M. 1044 D.

тотъ уже не можетъ считаться добродѣтельнымъ, такъ какъ всякій порокъ оскверняетъ человѣка и отклоняетъ его отъ пути Божія¹⁾. Даже того, кто исполняетъ только одну добродѣтель, нельзя назвать благочестивымъ, ибо благочестіе состоитъ въ соединеніи всѣхъ добродѣтелей²⁾.

Бдѣнія инока всегда сопровождаются теплыми и усердными молитвами. При искушеніяхъ демоновъ мы можемъ обманываться и явленія злыхъ духовъ принимать за явленія добрыхъ ангеловъ. „Поэтому, говоритъ преп. Антоній инокамъ, намъ необходима постоянная молитва (πολλὴς εὐχῆς ἐστὶ χρεια), чтобы пріять отъ Бога дарованіе различенія духовъ и узнать, какъ можно низложить каждаго изъ демоновъ“³⁾. Чувствуя свою слабость и несовершенство, инокъ непрестанно изливаетъ свои молитвы (preces) предъ благимъ и милосерднымъ Отцемъ Небеснымъ, прося о томъ, чтобы Онъ предохранилъ его отъ всѣхъ бѣдствій и искушеній, происходящихъ отъ тѣла, и содѣйствовалъ ему во всѣхъ дѣлахъ⁴⁾. Молитва бодрствующаго инока должна быть непрестанною: ему днемъ и ночью должно взывать къ Богу (exclamare ad Deum diu postulare), и мыслями своими возноситься на небо съ искреннимъ желаніемъ очистить свое сердце⁵⁾. „Молись непрестанно (συνεχῶς),

¹⁾ Новооткр. изреч. преп. Антонія Великаго. § 29, 30.

²⁾ Epist. XVII, M. 1039 C.

³⁾ Vita Ant. § 22, 38. Маркъ Подвижникъ и Макарій Египетскій считали молитву матерью всѣхъ добродѣтелей (Маркъ Подв. — Περὶ τῶν οἰομένων, с. 33, Migne LXV, 936 B; Макарія — Hom. XXXVII, с. 8, Migne XXXIV, 756 B) и прилежаніе въ молитвѣ считали верхомъ преслѣбанія и заслугъ человѣка (κεφάλαιον πάσης σπουδῆς ἀγαθῆς). Макарія Егип. Hom. XI, с. 2, Migne 764 B; Περὶ προσευχῆς, с. 1, Migne 853 A.

⁴⁾ Epist. VI, M. 1012 D; Epist. VII, M. 1018 A. По словамъ Макарія Егип. молитвы должно совершать въ безмолвіи и мирѣ, и въ великомъ благодушіи (Hom. VI, с. 1, 3, Migne XXXIV, 517 C, 520 B).

⁵⁾ О прилежаніи къ молитвѣ, непрестанномъ пребываніи въ молитвѣ и бдѣніи, и понужденіи себя къ молитвѣ постоянно говорятъ: Макарій Египетскій, авва Исаія и Маркъ Подвижникъ (Макарія Егип. Hom. I, с. 9, Migne XXXIV, 460 A; Hom. III, с. 3, M. 469 B; Hom. XIX, с. 1, 2—3, M. 644 A, 644 B—645 A; XXVI, с. 19, M. 688 B; XXXIII, с. 1, M. 741 BC; Περὶ φυλάξεως καρδ. с. 13, M. 837 A; аввы Исаія Сл. I, Migne XL, 1105 C; Сл. IV, M. 1112 B; Сл. VII, M. 1127 A; Сл. IX, M. 1134 A, D; Сл. X, M. 1135 C; Сл.

пой псалмы передъ сномъ и послѣ сна“, говоритъ преп. Антоній подвижающемуся¹⁾, указывая этимъ самымъ на то, что потребность молитвы должна быть въ инокѣ безпредѣльною. Инокъ долженъ возсылать молитвы чистыя (pures) и святыя, потому что Богъ внимлетъ только молитвамъ тѣхъ, которые любятъ и ищутъ его всѣмъ сердцемъ, но не внимлетъ молитвамъ грѣшниковъ, которые прилѣпляютъ сердце свое къ предметамъ суетнаго міра и ищутъ похвалы болѣе отъ людей, нежели отъ Бога²⁾. Истинно молящійся монахъ воздѣваетъ, по словамъ Антонія, руки свои къ небу, какъ свидѣтельство возвышенности и стремленія на небо своего духа; на немъ исполняется то, что сказано о святыхъ молитвахъ: „воздѣваніе руку моею, жертва вечерняя“ (Пс. 140, 2),³⁾ потому что онъ непрестанно славословитъ Бога и благодаритъ за Его великія благодѣянія⁴⁾. Монахъ, духовно возвышающійся въ своемъ подвигѣ,

XVII, M. 1147 B, 1149 D; Маркъ Подв. Περὶ τῶν οἰομένων, с. 87, Migne LXV, 944 A; Περὶ μετανοίας, M. 976 A; Ἀντιβολή πρὸς σχολαστ., M. 1080 B; Περὶ νόμου πνευματ. с. 19, M. 908 C), а авва Исаія даже частіице опредѣляетъ заповѣдь о непрестанной молитвѣ, удѣляя пзъ всей ночи половину ея на покой тѣла, а половину на молитвы (Сл. IV, M. 1114 D).

¹⁾ Vita Ant. § 55.

²⁾ По словамъ аввы Исаія „cordis munditia gratas Deo preces persolvit“ (Сл. XXII, Migne XL, 1170 A); этимъ самымъ указывается уже, что молитва къ Богу должна быть чистою. Макарій Египетскій часто говоритъ о необходимости чистой, духовной и достойной Бога молитвы (Hom. XXXII, с. 2, Migne XXXIV, 741 C; Hom. XV, с. 13, M. 584 C; Hom. XXVI, с. 21, M. 688 D). Чистота молитвы должна, по воззрѣніямъ подвижниковъ, состоять въ томъ, чтобы молитва была неразсѣяною (προσευχὴ ἀρρεμβος), не развлекаемою никакимъ мірскимъ попеченіемъ. Только такая молитва можетъ служить знакомъ истинной любви къ Богу молящагося „Молитву, говоритъ Маркъ Подвижникъ, разумѣю не только тѣломъ совершаемую, но и неразвлеченною мыслию приносимую Богу (δι' ἐννοίας ἀπερισπάστου τῷ Θεῷ προσφερομένην)“. — Ἀντιβολή πρὸς σχολαστ. — Migne LXV, 1076 B. Молитву же безъ мысленнаго призыванія (χωρὶς νοητῆς ἐπικλήσεως) онъ считаетъ несовершенною (Περὶ τῶν οἰομένων, с. 31, Migne 936 B).

³⁾ Epist. I, M. 1002 D.

⁴⁾ Маркъ Подвижникъ ставитъ истинную молитву въ тѣсную связь съ совѣстью человѣка; „добрая совѣсть, говоритъ онъ, пріобрѣтается

молится не только о себѣ, но и о другихъ людяхъ, которые преступаютъ законъ Божій и всю свою жизнь проводятъ во грѣхахъ; онъ молитъ Бога объ обращеніи этихъ грѣшниковъ, дабы не постигла ихъ смерть прежде покаянія¹⁾. Люди святые, облеченные Духомъ Божиимъ, говорятъ преп. Антоній, возносятъ къ Богу слезныя молитвы о нашемъ спасеніи и о томъ, чтобы мы соединились съ Богомъ (*ut Domino nostro uniamur*) и сдѣлались участниками того наслѣдія, которое было предложено намъ въ нашемъ первобытномъ состояніи²⁾. Но молодой монахъ, по словамъ Антонія, не долженъ надѣяться на молитвы святыхъ и чрезъ это допускать въ себѣ нерадѣніе къ молитвѣ. Молитва служитъ выраженіемъ внутренней настроенности человѣка, и потому прежде всего должна быть приносима лицомъ просящимъ. Это преп. Антоній ясно высказалъ въ отвѣтъ одному брату; когда послѣдній просилъ у него молитвы о себѣ, Антоній ему отвѣтилъ: „ни я, ни Богъ не сжалятся надъ тобою, если ты не будешь заботиться самъ о себѣ и молиться Богу“³⁾.

Помыслы. Такимъ образомъ (подвизающійся въ пустынѣ инокъ отгоняетъ отъ себя діавольскія искушенія постомъ, бдѣніемъ и молитвами). Но въ свободное отъ молитвы время у него могутъ возникать помыслы, отвлекающіе его отъ богомыслия и препятствующіе его спасенію. Преп. Антоній не развиваетъ подробно своего ученія о помыслахъ. Онъ дѣлаетъ только общую характеристику помысловъ, препятствующихъ нравственному усовершенствованію инока. Это, по словамъ Антонія, „лукавыя помыслы (*πονηροὶ λογισμοί*)“, которые суть ничто иное, какъ соблазны діавола, разставляемые имъ на пути подвизающагося инока. Поэтому бороться съ дурными помыслами, значитъ, по воззрѣніямъ Антонія, бороться съ искушеніями діавола⁴⁾. Известно, что и преп. Антоній, а чистая молитва — совѣстью“ (Περὶ νόμου πνεύματος. с. 199, Migne LXV, 929 B).

¹⁾ Отв. на вопр. Христ. Чтен. 1837 г. ч. II, стр. 265.

²⁾ Epist. VII, M. 1019 B.

³⁾ Достоп. сказ. § 16.

⁴⁾ Vita Ant. § 23. У Макарія Египетскаго и Марка Подвижника ученіе о помыслахъ развито болѣе подробно и обстоятельно. Оба они

ній, пребывая въ пустынѣ, впалъ однажды въ уныніе и въ глубокую тѣму помысловъ. При такомъ тяжеломъ душевномъ настроеніи онъ взывалъ къ Богу: „Господи, я хочу спастись, а помыслы не даютъ мнѣ. Что мнѣ дѣлать въ своей скорби? Какъ спастись?“ И ему ангеломъ Господнимъ было указано, что спасительнымъ средствомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить непрестанный трудъ¹⁾. Преп. Антоній во всю послѣдующую жизнь слѣдовалъ наставленію ангела²⁾, и ученикамъ своимъ для преодоленія разсѣянности и дурныхъ помысловъ заповѣдалъ непрестанно трудиться. Созоменъ свидѣтельствуетъ, что „лѣности Антоній и въ себѣ не терпѣлъ, и желавшихъ хорошо жить располагалъ къ работѣ“³⁾.

Повиновеніе старшимъ. Предоставленный своей собственной опытности въ борьбѣ съ искушеніями, молодой инокъ оказывается довольно слабымъ. Для него является необходимость прибѣгать къ духовной опытности старцевъ-подвижниковъ и руководиться ихъ совѣтами. „Если можно, говоритъ преп. Антоній, мо-

согласно съ Антоніемъ Великимъ признаютъ, что лукавыя помыслы, окружающіе душу человѣка подобно лѣсу (*ὄλη*), внушаются діаволомъ (Макарія — Ном. VI, с. 3, Migne XXXIV, 520 D; Ном. XL, с. 5, M. 765 B; Марка Подв. — Περὶ βαπτίσματος. — Migne LXV, 1016 B). По ихъ воззрѣніямъ помыслы рождаются въ сердцѣ, имѣющемъ много естественныхъ помысловъ (Макарія Ном. XV, с. 13, Migne XXXIV, 584 C; Ibid. с. 34, M. 600 A; Марка Подв. — Περὶ νόμου πνεύματος. с. 163, Migne LXV, 925 A), которые могутъ быть усыплены умомъ и совѣстью человѣка (Макарія Ном. XV, с. 34, M. 600 A), ибо совѣсть не даетъ согласія (*οὐ συνκρίνει*) на помыслы, повинующіеся грѣху (Ном. XV, с. 34, M. 597 D). По словамъ Макарія Египетскаго человѣкъ не въ состояніи избавить себя отъ скитанія (πλάνης) помысловъ (Ном. XXI, с. 4, M. 657 A), но, такъ какъ Господь сотворилъ помыслы чистыми (Ном. XV, с. 26, M. 593 A), и теперь, все-ляясь въ инока, предлагаетъ его помыслы, дѣлая ихъ божественными, небесными и добрыми (Ном. XXXI, с. 2, M. 729 B; Сравни. Ном. XLIX, с. 3, M. 813 CD), то должно хранить душу отъ непристойныхъ помысловъ (*λογισμῶν ἀτόπων*), и вообще необходимо быть всегда внимательнымъ къ своимъ помысламъ, необходимо испытывать ихъ и понуждать ихъ устремляться къ Господу (Περὶ ἐλευθ. νόου). с. 4, Migne 937 D; Ном. VI, с. 4, M. 521 A; Ном. XXXI, с. 2, M. 729 B; Сравни. Марка Подв. — Πρὸς Νικόλαον νοθεσ. ψυχωφελεῖς. — Migne LXV, 1036 D).

¹⁾ Достоп. сказ. § 1.

²⁾ Ibidem; Cotelerius. Eccles. Graecae monum. t. I, p. 531 § 4.

³⁾ Церк. Истор., кн. I, гл. 13, стр. 50.

нахъ долженъ откровенно сказывать старцамъ, сколько онъ дѣлаетъ шаговъ въ своей кельѣ, чтобы какъ-нибудь не погрѣшить и въ этомъ¹⁾. Для того, чтобы твердо и неуклонно отражать всѣ нападенія врага и идти по пути добродѣтели, монахъ долженъ приобрести опытность различать добро отъ зла²⁾, истину отъ лжи³⁾. Но различеніе добра отъ зла есть, по словамъ Антонія, даръ Божій, который имѣютъ далеко не всѣ иноки. Этотъ даръ является слѣдствіемъ известной духовной опытности въ подвигѣ и составляетъ принадлежность иноковъ совершенныхъ, долго подвизавшихся въ пустынѣ⁴⁾. Эта способность различенія истины отъ лжи носитъ у Антонія особое названіе— „spiritus discretionis“⁵⁾. Спо-

¹⁾ Достоп. сказ. § 38. Въ ученіи о старцествѣ ближе всего къ Антонію Великому подходит авва Исаія. Онъ также говоритъ о необходимости для новоначальныхъ открывать своему аввѣ всѣ свои помыслы и вообще всегда слѣдовать совѣту отцовъ, какъ болѣе опытныхъ въ духовномъ подвигѣ (Сл. I, Migne XL, 1107 A; Сл. IV, М. 1115 D; IX, М. 1134 BC; XII, М. 1136 C; XVII, М. 1149 A, 1150 A; XVI, М. 1144 C). Макарій Египетскій также говоритъ о послушаніи (Hom. IX, с. 11, Migne XXXIV, 537 D).

²⁾ „distinguere inter bonum et malum“. — Epist. III, М. 1008 A; Сравни. Epist. II, М. 1005 B; Epist. XVIII, 1049 D, 1050 B.

³⁾ Epist. III, Migne, 1008 A; Epist. XI, М. 1025 A; Epist. XVIII, М. 1049 D.

⁴⁾ Макарій Египетскій (Hom. IV, с. 1, Migne XXXIV, 472 D) и авва Исаія (Сл. XXVI, Migne XL, 1191 D) подобно Антонію Великому говорятъ, что для преспѣянія въ нравственномъ совершенствѣ надобно приобрести способность въ точности различать (διακρίνειν) доброе и худое; на эту способность они смотрятъ, какъ на особый даръ, котораго еще не имѣютъ новоначальные иноки. Преп. Макарій даетъ нѣкоторые указанія для различенія того, что отъ діавола, и того, что отъ благодати. „Что отъ благодати, говоритъ онъ, въ томъ есть радость, есть миръ, есть любовь, есть истина. Всякій же видъ грѣха исполненъ смятенія“ (Hom. VII, с. 3. М. 525 A). „Душа, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, по самому духовному ощущенію и дѣйствительности (ἐξ αὐτῆς τῆς νοεραῆς αἰσθησεως, καὶ τῆς ἐνεργείας) можетъ различать дарованія Духа и мечтанія чуждаго“ (Περὶ ὑπομονῆς καὶ διακρ. с. 13, Migne 876 D). Эти разсужденія Макарія являются въ сущности буквальнымъ повтореніемъ того, что говорилъ преп. Антоній о различеніи видѣній святыхъ и нашествіи злыхъ духовъ (Vita Antonii § 35—37).

⁵⁾ Epist. III, М. 1006 B.

собность яснаго различенія добра отъ зла преп. Антоній называетъ окомъ и свѣтильникомъ души¹⁾. Тѣ вѣрующіе, которые не достигли еще совершенства, — не имѣютъ еще въ себѣ этого духа различенія, и потому не могутъ различать, что добро и что зло²⁾. Въ виду такого отсутствія у молодого инока способности различать добро отъ зла ему, по словамъ Антонія, необходимо духовное руководство старшихъ. Преп. Антоній указывалъ на духовную опытность долго подвизавшихся иноковъ³⁾ и заповѣдалъ, чтобы не совершенные повиновались имъ и пользовались ихъ наставленіями, помня слова сына Сирахова: „не отступай отъ повѣсти старцевъ, ибо тѣ навывоша отъ отецъ своихъ“ (Сирах. 8, 11). Преп. Антоній часто указывалъ на библейскіе примѣры, гдѣ Исаакъ повиновался Аврааму, Іаковъ—Исааку, Іосифъ—Іакову, Елисей—Иліи, Тимоѳей—ап. Павлу и проч., и въ этомъ видѣлъ побужденіе инокамъ для послушанія отцамъ⁴⁾. Только при повиновеніи отцамъ возможно, по мнѣнію Антонія, нравственное возрастаніе и совершенствованіе инока. „Кто повинуется отцамъ своимъ, говоритъ онъ, тотъ Господу повинуется, а кто повинуется Господу, тотъ повинуется и отцамъ своимъ; кто же не повинуется отцамъ, тотъ не повинуется и Господу“⁵⁾. Тѣ, которые живутъ по своей собственной волѣ и думаютъ, что достигли совершенства, подобны птицамъ, которыя дѣлаютъ себѣ гнѣзда на высотѣ, но слетаютъ на землю, и здѣсь попадаютъ въ сѣти птицелововъ⁶⁾. Вотъ почему, по словамъ Антонія, многіе иноки, не смотря на свое монашество и дѣвство, долгое время не приобретаютъ чистаго ученія (doctrinam puram) и не достигаютъ совершенства⁷⁾.

Покаяніе и плачъ о грѣхахъ. Первымъ условіемъ нравственнаго совершенствованія инока является, по ученію преп. Анто-

¹⁾ Interrogationes, Migne XL, 1097 A.

²⁾ Epist. XVIII, М. 1049 D.

³⁾ Vita Ant. § 16.

⁴⁾ Epist. XVIII, М. 1050 BC; Epist. XX, М. 1064 BC.

⁵⁾ Epist. XX, М. 1065 AB.

⁶⁾ Epist. XVIII, М. 1049 D—1050 A.

⁷⁾ Epist. XX, М. 1057 A.

ніа, покаяніе (μετάνοια). Оградивши себя отъ искушеній діавола постомъ, бдѣніемъ, теплою молитвою, трудами рукъ своихъ и наставленіями духовныхъ отцовъ, инокъ обращаетъ взоръ на самого себя и видитъ въ себѣ множество грѣховъ, оскорбляющихъ безконечное величіе Божіе и препятствующихъ его единенію съ Богомъ. Такое нравственное недостоинство должно пробудить въ немъ плачь о грѣхахъ и искреннее раскаяніе въ совершенныхъ проступкахъ. „Называйте себя грѣшниками, говоритъ Антоній монахамъ, и плачьте о самихъ себѣ по причинѣ грѣховъ, которые вы совершили. Бодрствуйте, пока въ тѣлѣ, и оплакивайте самихъ себя; плачьте днемъ и ночью отъ всего сердца своего“¹⁾. Изъ примѣра Давида грѣшники должны научиться раскаянію во грѣхахъ своихъ. Никогда, по словамъ Антонія, не должно забывать грѣховъ, которые прощаетъ намъ Богъ, но необходимо всегда имѣть ихъ въ памяти, чтобы оправдаться предъ Нимъ²⁾; отъ всего сердца мы должны приносить себя въ жертву Богу³⁾ и очищать себя отъ всякаго грѣха, ибо

¹⁾ Epist. XVI, Migne 1037 C; Epist. XX, M. 1061 B. Всѣ послѣдующіе за Антоніемъ подвижники считаютъ первымъ дѣломъ кающагося грѣшника плачь и сѣтованіе о грѣхахъ. По словамъ Макарія Египетскаго намъ надо оплакивать свое паденіе и проливать слезы, предаваясь непрестанной скорби (Περὶ φυλακῆς καρδ. с. 10, Migne XXXIV, 829 C; Hom. XVI, с. 11, M. 620 D — 621 A). Слеза, проливаемая отъ великой скорби, есть пища души (βρωσίς ἐστι ψυχῆς, — Hom. XXV, с. 8, M. 672 D), поэтому онъ и заповѣдуетъ новонаначальному иноку: „плачь (κλαῖε), скорби (λυποῦ) и сѣтуй (ὀδυροῦ), потому что ты не приобрѣлъ еще вѣчнаго и духовнаго богатства“ (Hom. I, с. 12, M. 461 D; Сравни. Περὶ ὑψώσεως τοῦ νοῦς, с. 12, M. 900 C). Авва Исаія всегда убѣждалъ своихъ учениковъ подвизаться „со слезами предъ Богомъ, съ тайною сердечною скорбью (occulto cordis dolore) и стенаніемъ (gemitu)“. — Сл. XXV, Migne XL, 1190 C. Насколько авва Исаія былъ проникнутъ сознаниемъ необходимости для инока плача и скорби о своихъ грѣхахъ, видно уже изъ одного того, что имъ написано цѣлое слово (XXIX-ое) о рыданіяхъ. По словамъ Марка Подвижника всякая скорбь по Богу есть существенное (ἐνυπὶσταντον) дѣло благочестія (Περὶ νόμου πνευματ. с. 65, Migne LXV, 913 B).

²⁾ Epist. XVI, M. 1038 A. Повторяя слова Антонія Великаго (Достоп. сказ. § 4), авва Исаія говоритъ, что Богъ далъ человѣку покаяніе до послѣдняго издыханія (Сл. XVII, Migne XL, 1147 B, 1152 C). Маркъ Подвижникъ также говоритъ о необходимости для всѣхъ покаянія (Περὶ μετάνοιας. — Migne LXV, 981 B) и о томъ, что покаяніе должно продолжаться до самой смерти (Ibid., Migne 981 A).

³⁾ „Estote ex toto corde hostia Deo“. — Epist. I, M. 1007 D.

мы живемъ какъ бы въ домѣ разбойниковъ, и узы смерти обременяютъ насъ¹⁾. Богъ всѣхъ призываетъ къ Себѣ дѣйствіями Своей благодати²⁾. „Если душа инока, говоритъ преп. Антоній, сохранить себя въ добромъ терпѣніи и повиновеніи Духу Святому, Который привлекаетъ ее къ покаянію (ad poenitentiam), то Творецъ милостивъ бываетъ къ ея подвигамъ и тѣлеснымъ трудамъ, каковы: продолжительный постъ, частыя бдѣнія, размышленіе о божественныхъ писаніяхъ, непрерывная молитва, служеніе всѣмъ людямъ въ чистотѣ сердца, нищета духа“³⁾. Духъ покаянія является для инока утѣшеніемъ; онъ научаетъ его не возвращаться болѣе назадъ въ оставленный имъ міръ и не прилѣпляться къ предметамъ вѣка сего. Затѣмъ, онъ открываетъ взоры души для чистаго раскаянія, чтобы она очищалась вмѣстѣ съ тѣломъ и оба были въ чистотѣ. Все это производитъ въ немъ Духъ Святой, исправляющій духовное поврежденіе человѣка и возвращающій его къ первобытной чистотѣ⁴⁾. Но, по словамъ Антонія, необходимо всегда помнить, что Духъ Святой вселяется въ инока только послѣ продолжительныхъ трудовъ покаянія, и тогда только неотступно обитаетъ въ немъ⁵⁾. Инокъ, возбудившій въ себѣ искреннее раскаяніе и непрестанный плачь о своихъ грѣхахъ, чувствуетъ потребность исправленія и нравственного усовершенія⁶⁾. Онъ начинаетъ упражняться въ добродѣтеляхъ и, очищая себя отъ грѣховъ, приближаться къ Богу. Но онъ всегда долженъ помнить о своей собственной немощи и просить помощи благодатной, слѣдуя во всемъ указаніямъ Духа Святаго.

¹⁾ „.... vinculis mortis nos omnes cogentes vineti sumus“. — Epist. V, M. 1009 D.

²⁾ „Omnes suae gratiae effectibus excitat“. — Epist. V, M. 1009 C.

³⁾ Макарій Егип. говоритъ, что Богъ ожидаетъ нашего покаянія и принимаетъ всякаго кающагося (Hom. IV, с. 17 et 25, Migne, XXXIV, 485 A et 492 C; Hom. XV, с. 17, M. 585 D).

⁴⁾ Epist. I, M. 1001 C. Покаяніе, по словамъ аввы Исаіи, состоитъ въ томъ, чтобы отвращаться отъ грѣха (Сл. XXI, Migne XL, 1158 D — 1159 A), и потому при помощи покаянія человѣкъ можетъ возвратитъ себѣ первобытную чистоту (puritatem). — Сл. XXV, M. 1188 C.

⁵⁾ Epist. XIX, M. 1051 B.

⁶⁾ Авва Исаія (Сл. XV, Migne XL, 1141 C) и Маркъ Подвижникъ (Περὶ μετάνοιας. — Migne LXV, 984 A) ставятъ покаяніе въ тѣсную органическую связь съ смиренномудріемъ.

„Великій, кто упражняется въ дѣлахъ Божіихъ, говоритъ Антоній, пусть упражняется съ духовною мудростью“¹⁾, ибо есть люди, которые изнурили тѣло свое подвижничествомъ, — и однакожь удалились отъ Бога, потому что не имѣли разсудительности (*δὲ ἀκριβὲς*)“²⁾. Эта разсудительность должна, по словамъ Антонія, проявляться на первыхъ же порахъ, когда инокъ приступаетъ къ какой-либо добродѣтели. „Какъ кузнецъ, взявъ кусокъ желѣза, напередъ смотритъ, что ему сдѣлать: косу, мечъ или топоръ, такъ и мы, говоритъ Антоній, напередъ должны помышлять, къ какой намъ приступить добродѣтели, чтобы не напрасно трудиться“³⁾.

Духовные плоды покаянія. Обратившійся всѣмъ сердцемъ, всѣми мыслями и умомъ своимъ къ Богу, инокъ, по словамъ Антонія, прежде всего рождаетъ въ себѣ страхъ (*timorem*) Божій⁴⁾, т. е. опасеніе, чтобы своими грѣхами не оскорбить Бога и не навлечь на себя вѣчное осужденіе. Страхъ Божій, по воззрѣніямъ Антонія, стоитъ въ тѣсной и непосредственной связи съ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ: кто боится Бога, тотъ исполняетъ заповѣди Его и есть истинный рабъ Божій⁵⁾, и поэтому преп. Антоній говоритъ о страхѣ Божіемъ, какъ добродѣтели, наравнѣ съ вѣрою, надеждою и любовью, и заповѣдуетъ всегда имѣть его предъ глазами своими, и помнить Того, Кто „мертвитъ и живитъ“ (1 Цар. 2, 6)⁶⁾. „Будемъ же, братіе, ходить въ страхѣ Божіемъ, говоритъ онъ своимъ ученикамъ, ибо намъ предписано, чтобы мы служили со страхомъ и трепетомъ, и чтобы содѣвали свое спасеніе (Филип. 2, 12). Страхъ Божій есть слава и великая благодать; кто имѣетъ страхъ Божій, тотъ получаетъ

¹⁾ Epist. XII, M. 1027 A.

²⁾ Достоп. сказ. § 8. О необходимости разсудительности говорить согласно съ Антоніемъ Великимъ Макарій Египетскій (Hom. XXVII, с. 6, Migne XXXIV, 697 A; Hom. XXXI, с. 6, M. 732 C; Περὶ ὑψώσεως τοῦ νόου, с. 13, Migne 901 C).

³⁾ Достоп. сказ. § 35.

⁴⁾ Epist. IX, M. 1022 A.

⁵⁾ Epist. IV, M. 1008 C. Авва Исаія считаетъ страхъ Божій матерью всѣхъ добродѣтелей (Сл. XXXI, Migne XL, 1158 C).

⁶⁾ Epist. XX, M. 1062 C; Достоп. сказ. § 33.

великія сокровища вѣчныхъ благъ и уже освобожденъ отъ вѣчныхъ наказаній, уготованныхъ грѣшникамъ. Страхъ Божій изгоняетъ изъ души всѣ обманы и грѣхи; находясь въ человѣкѣ, страхъ Божій охраняетъ и оберегаетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не освободится отъ этого тяжелаго тѣла и не сдѣлается наслѣдникомъ вѣчныхъ благъ вмѣстѣ со святыми¹⁾. Но страхъ Божій является, по воззрѣніямъ Антонія Великаго, необходимымъ для инока только на первыхъ ступеняхъ его нравственного совершенствованія. Когда инокъ уже утвердился въ добродѣтели, страхъ у него смѣняется горячею любовью къ Богу, которая совершенно изгоняетъ всякій страхъ. Достигши высокой степени нравственного совершенства, преп. Антоній уже не боялся Бога, а только любилъ Его²⁾.

Покаяніе въ своихъ грѣхахъ необходимо приводитъ инока къ чистотѣ тѣла, ибо, по словамъ Антонія, въ раскаяніи душа и тѣло должны быть между собою въ полномъ согласіи³⁾. Преуспѣвая въ подвигѣ, инокъ освобождается отъ пороковъ, очищая свое сердце и тѣло, потому что безъ душевной и тѣлесной чистоты никто не можетъ быть чистымъ предъ Богомъ, а по словамъ Апостола (Евр. 12, 14) безъ чистоты никто не можетъ быть совершеннымъ предъ Богомъ и видѣть Его⁴⁾. Монахъ, по Антонію, долженъ быть чистымъ во всѣхъ членахъ тѣла своего и подражать цѣломудрію и чистотѣ Іосифа; онъ долженъ заниматься благочестивымъ созерцаніемъ и вооружаться противъ всякихъ плотскихъ пожеланій, возбуждаемыхъ хитрымъ врагомъ⁵⁾. Очевидно, что здѣсь преподобный указываетъ на необходимость для инока строгаго цѣломудрія даже вдали отъ женщинъ. Съ женщинами же

¹⁾ Sermo II, — De timore Domini. — Migne XL, 964 C — 965 A.

²⁾ Достоп. сказ. § 32.

³⁾ Epist. I, M. 1002 A.

⁴⁾ Epist. XX, M. 1056; Epist. V, M. 1009 D.

⁵⁾ Авва Исаія убѣждалъ своихъ слушателей очистить сердце свое и тѣло свое отъ похоти (Сл. XVII, Migne XL, 1147 B) и стараться отогнать отъ себя нечистоту (Сл. XVII, M. 1148 B). Чистоту (*munditia, puritas*) онъ опредѣляетъ, какъ возвышенное молитвенное настроеніе инока (Сл. XXII, M. 1170 A; XXVI, M. 1191 C).

Антоній запрещаетъ монаху всякія сношенія, не позволяя даже смотрѣть на нихъ. „Не будемъ смотрѣть, говоритъ онъ, на красоту женщинъ, потому что отъ нихъ произошла смерть; вѣрно то, что преступиѣ всего взирать на женщинъ съ плотскимъ пожеланіемъ. Многіе братья погибли изъ за женщинъ, нѣкоторые умерщвлены изъ за женъ, другіе изъ за сестеръ, и иные изъ за дочерей: но всѣ они погибли изъ за одной нечистоты (immunditiam). Итакъ, братія, говоритъ онъ, будемъ подвизаться въ чистотѣ, ибо плодъ чистоты есть свѣтъ, истина и бдѣніе“¹⁾. Для достиженія чистоты иноку, по словамъ Антонія, необходимо только неуклонно исполнять заповѣди Божіи, которыя представляютъ собою саму чистоту²⁾. Соблюденіе тѣлесной чистоты и *дѣвство* есть, по Антонію, высокій подвигъ, пріятный Господу и приводящій человѣка къ совершенству. „Дѣвство, говоритъ преп. Антоній, есть печать, которая не уничтожается, совершенный образъ, который не измѣняется, святая и духовная жертва, башня и видѣніе, при помощи котораго сохраняется путь, приводящій на высоту совершенства“³⁾.

О мирѣ, гнѣвѣ и незлобіи. Питая въ себѣ страхъ Божій, и стремясь къ тѣлесной и душевной чистотѣ, монахъ, по словамъ преп. Антонія, удаляетъ отъ себя все, что такъ или иначе оскверняетъ его и удаляетъ отъ пути добродѣтели. Онъ хранитъ въ душѣ своей полный миръ со всѣми, чтобы ничто не отвлекало его отъ подвиговъ. „Любящій миръ, говоритъ Антоній, уже находится въ общеніи съ Іисусомъ Христомъ и ангелами, и не смущается никакими неудачами“. „Будемъ узнавать миръ Божій, говоритъ онъ, и послѣвшимъ къ нему, чтобы не сказано было намъ, что миръ нашъ есть миръ грѣховъ нашихъ“⁴⁾. При взаимныхъ сношеніяхъ съ братьями монаху, по словамъ Антонія, необходимо быть скромнымъ и любвеобильнымъ, и не допускать раздраженія, даже при огорченіяхъ. „Будемъ стараться, говоритъ

¹⁾ Sermo VI, — De puritate. Migne XL, 967 A.

²⁾ Epist. XX, M. 1056 C.

³⁾ Sermo XVII. Migne XL, 974 D.

⁴⁾ Sermo VII, — De pace. Migne XL, 967 D

Антоній монахамъ, чтобы не властвовала надъ нами раздражительность (θυμὸν) и не преобладала нами похоть, ибо написано: „гнѣвъ мужа правды Божія не содѣловаетъ“ (Іак. 1, 20)¹⁾. Особенно Антоній совѣтовалъ непрестанно размышлять объ апостольскомъ изреченіи: „солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ“ (Ефес. 4, 26), чтобы этимъ самымъ подавлять въ себѣ всякую раздражительность и неудовольствіе противъ брата²⁾. По словамъ Антонія всякое страданіе, которое претерпитъ гнѣвающійся, теряетъ свою цѣну предъ Богомъ, и человѣкъ гнѣвающійся негоденъ Господу³⁾. Такъ какъ выраженіемъ нашего гнѣва бываетъ большею частью необузданность языка, то, по заповѣди преп. Антонія, монахъ долженъ налагать на уста свои печать молчанія и не позволять имъ произносить слова безразсудныя⁴⁾. Необходимо обуздывать языкъ свой, чтобы не произносилъ онъ худыхъ словъ, потому что худое слово хуже всякаго яда. Всякая рана, по словамъ Антонія, излечивается, рана же языка не поддается никакому леченію. Языкъ клеветника подобенъ жалу змѣи, такъ что болѣе безопасно жить со змѣею и скорпіономъ, чѣмъ съ клеветникомъ. „Итакъ, дѣти мои, говоритъ преп. Антоній, избѣгайте ропота и подвизайтесь въ молчаніи, потому что молчаливый близокъ къ Богу и ангеламъ Его, и стоитъ на высотѣ“⁵⁾. Обуздывать языкъ свой необходимо монаху изъ опасенія, чтобы, умножая слова, онъ не умножилъ грѣховъ своихъ, потому что человѣкъ много говорящій препятствуетъ обитать въ себѣ Духу Святому⁶⁾. Если случится монаху получить оскорбленіе отъ кого-либо, онъ не долженъ гнѣваться и раздражаться, но долженъ перенести оскорбленіе съ кротостью и незлобіемъ. Человѣкъ незлобивый, по словамъ Антонія, живетъ въ совершенномъ страхѣ Божіемъ. Кто владѣетъ незлобіемъ, тотъ

¹⁾ Vita Ant. § 21.

²⁾ Ibid. § 55; Epist. XX, M. 1060 A.

³⁾ Новооткр. изреч. преп. Антонія Вел. § 31.

⁴⁾ Epist. XVII, M. 1045 A; Сравни аввы Исаи (Сл. XVII, Migne XL, 1148 C).

⁵⁾ Sermo X. Migne XL, 969 D — 970 A.

⁶⁾ „Homo multiloquus nusquam Spiritui sancto inhabitandi in se relinquit locum“ (Sermo VIII, Migne XL, 968 C).

совершенъ и подобенъ Богу; онъ испускаетъ пріятнѣйшее благоуханіе, исполненъ радости и славы, и есть жилище (domicilium) Духа Божія¹⁾.

Вѣра, надежда и любовь. Инокъ, очищающій себя отъ всѣхъ грѣховъ и живущій такъ, какъ бы ежедневно готовый умереть²⁾, уже воспитываетъ въ себѣ основныя христіанскія добродѣтели: вѣру, надежду и любовь (fides, spes et charitas). Преп. Антоній ставитъ эти добродѣтели непосредственно одну за другою и считаетъ ихъ необходимыми для достиженія божественной радости и полученія брачной одежды въ чертогѣ Господа³⁾.

Прежде всего, конечно, инокъ, какъ и всякій христіанинъ, долженъ, по словамъ Антонія, *вѣровать въ Бога* и Господа нашего Иисуса Христа, Творца и Промыслителя, безъ Котораго мы не можемъ существовать; долженъ вѣровать въ Него и чтить Его, чтобы царствовать вмѣстѣ съ Нимъ, и въ вѣчности наслаждаться Его благами, такъ какъ Онъ есть Царь Царей и всѣ царства отъ Него пріемлются⁴⁾. Основой монашескихъ подвиговъ должна быть вѣра во Христа, въ Его воплощеніе, искупительную смерть за людей и воскресеніе, потому что только при помощи благодатныхъ средствъ, дарованныхъ намъ Искупителемъ, инокъ можетъ подавлять въ себѣ порочныя желанія, побѣждать искушенія врага и достигать совершенства. Вотъ почему преп. Антоній всякому входящему къ нему иноку прежде всего говорилъ: „вѣруй въ Господа и люби Его“⁵⁾. Даже въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи

¹⁾ Sermo IV, Migne 965 C.

²⁾ Vita Ant. § 19, 91.

³⁾ Epist. XX, M. 1062 C.

⁴⁾ Sermo I, Migne XL, p. 963—964.

⁵⁾ Vita Ant. § 55. Всѣ послѣдующіе подвижники говорятъ о необходимости для инока живой вѣры въ Бога, какъ основанія всѣхъ его подвиговъ, и перваго условія для достиженія нравственнаго совершенства (Макарія Егип. Hom. II, с. 5, Migne XXXIV, 465 D; Hom. IV, с. 14, M. 484 A; X, с. 4, M. 544 AB; XVIII, с. 11, M. 641 B; XIX, с. 1, M. 641 D; XXXI, с. 2, M. 729 B; XLVIII, с. 6, M. 812 C). Авва Исаія требуетъ отъ инока совершенной (perfectam) вѣры (Сл. XVI, Migne XL, 1142 C; Сл. XXVII

двумъ любимымъ ученикамъ онъ не забылъ преподать наставленіе о вѣрѣ въ Бога, какъ основѣ подвижнической жизни. „Не бойтесь демоновъ, говорилъ имъ Антоній, но болѣе укрѣпляйтесь всегда о Христѣ и вѣруйте въ Него“¹⁾. Невѣріе въ Бога служить всегда для инока источникомъ гибели, ибо, по словамъ Антонія, кто не ходитъ въ истинной вѣрѣ, тотъ готовится себя въ пищу червямъ, никогда не умирающимъ, и закаляетъ себя въ жертву князю тьмы; душа его чужда жизни вѣчной и отступила отъ исповѣданія Бога. Какъ вода вытекаетъ на покатую мѣстность и несется по ней стремительно, такъ, по словамъ Антонія, и слово Божіе вливается въ душу вѣрующаго. Поэтому преподобный совѣтуетъ иноку избѣгать невѣрія, какъ источника всякаго зла, и вѣровать во имя Бога Отца, Сына и Святаго Духа²⁾. Преп. Антоній указываетъ въ инокѣ различныя состоянія вѣры. „Подобно тому, говоритъ онъ, какъ тѣло, пока находится въ немъ душа, переживаетъ три состоянія: отроческое, мужское и старческое, такъ и душа имѣетъ три состоянія, пока она сокрыта въ тѣлѣ: состояніе вѣры рождающейся, усовершенствующейся и совершенной³⁾. Первоначально, когда душа начинаетъ вѣрить, человекъ рождается во Христѣ, какъ говорится въ Евангеліи. Св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ указалъ намъ даже на признаки этихъ трехъ состояній: рожденія, средняго состоянія и состоянія совершеннаго (nativitatis et medii et perfectionis), когда говорилъ: „я писалъ вамъ, юноши, писалъ вамъ, дѣти, писалъ вамъ, отцы“ (1 Іоан. 2, 12—15). „Это посланіе, говоритъ преп. Антоній, написано было не къ друзьямъ его по плоти, но къ вѣрующимъ, сообразно тремъ со-

М. 1194 D). По словамъ Марка Подвижника несомнѣнная вѣра есть крѣпкій столбъ (ἡ βεβαία πίστις πύλος ἐστὶ ἰσχυρός) для всякаго вѣрующаго, потому что Христосъ тогда бываетъ для него всѣмъ (Περὶ νόμου πνεύμ. с. 3, Migne LXV, 905 B). По словамъ Макарія Египетскаго отъ вѣры и надежды рождается боголюбивая и человеколюбивая любовь (Hom. XXXVII, с. 1, Migne XXXIV, 749 D).

¹⁾ Vita Ant. § 91.

²⁾ Sermo XV, Migne XL, 973 C.

³⁾ „Initium fidei, progressum et perfectionem“. — Epist. XVII, Migne XL, 1043 C.

стояніямъ ихъ вѣры¹⁾. Діаволь, по словамъ Антонія, побуждаетъ инока сомнѣваться въ истинахъ вѣры и старается привести его къ невѣрію, но послѣдній всегда прибѣгаетъ съ молитвою къ Богу о помощи и, отражая козни діавола, возгрѣваетъ въ себѣ вѣру, какъ драгоценный даръ Божій²⁾. Приводя слова ап. Павла изъ посланія къ Ефесянамъ (1, 15—18; 3, 14—18), преп. Антоній рисуетъ состояніе инока, который дѣлается сыномъ Божиимъ чрезъ вѣру (per aditum ad fidem). Такой инокъ, по его словамъ, не чувствуетъ никакого труда въ своихъ подвигахъ и не испытываетъ никакого страха, но днемъ и ночью услаждается радостью Божіею, и подвиги его пріятны ему во всякое время. Богъ же ему открываетъ великія тайны будущаго вѣка, которыя мы не можемъ изъяснить плотскимъ языкомъ³⁾.

Съ теплою и твердою вѣрою инока въ Бога въ немъ, по словамъ Антонія, непременно рождается и надежда на милосердіе Творца и на спасеніе. Вѣра неразрывно соединена въ инокѣ съ надеждою⁴⁾, ибо если бы инокъ не вѣровалъ въ Бога и въ искупительныя заслуги Христа Спасителя, онъ бы не надѣялся при помощи своихъ слабыхъ силъ получить оправданіе отъ грѣховъ и спасеніе. Увѣренный въ благодатной помощи Божіей и милосердіи Творца, подвижающійся инокъ увѣренъ и въ томъ, что его отреченіе отъ міра и самоотверженные подвиги въ пустынѣ не останутся тщетными, но доставятъ ему неизреченное блаженство въ будущемъ вѣкѣ. Благодать Божія, вселяющаяся въ подвижника, производитъ въ немъ твердую надежду (fiduciam) на Бога и облегчаетъ всю трудность суровыхъ подвиговъ⁵⁾. Здѣсь, на землѣ, инокъ долженъ только подвизаться, и всѣ свои надежды возлагать на жизнь вѣчную. „Господь нашъ не сказалъ, говоритъ преп. Антоній, что

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Epist. VI, Migne, p. 1012.

³⁾ Epist. XI, M. 1025 CD. Макарій Египетскій говоритъ, что кто однажды увѣровалъ въ Бога, тому Богъ прилагаетъ небесную вѣру (Hom. XV, c. 22, Migne XXXIV, 589 C).

⁴⁾ Epist. XX, M. 1062 C.

⁵⁾ Epist. IX, M. 1022 D.

воздаяніе (renumeratio) будетъ здѣсь, на землѣ; здѣсь искушенія (tentationes), опасности (angustiae), труды (labores) и сѣтованіе (moerore), а воздаяніе тамъ¹⁾. Въ существованіи будущей загробной жизни и въ полученіи Божественнаго воздаянія на землѣ живыхъ (in terra viventium) инокъ, по словамъ Антонія, долженъ быть твердо увѣренъ²⁾. Эта надежда тѣмъ болѣе должна поддерживать его духовное мужество и терпѣніе въ подвигѣ, что за небольшое число лѣтъ жизни своей, проведенныхъ въ подвигѣ, онъ получитъ вѣчное блаженство на небесахъ³⁾. Убѣждая инокѣвъ къ непрестанному подвигу и одушевляя ихъ надеждою на полученіе небеснаго блаженства, преп. Антоній говоритъ: „Жизнь человѣческая весьма коротка въ сравненіи съ будущими вѣками; почему и все время жизни нашей предъ вѣчною — ничто. И хотя каждая вещь въ мірѣ продается за должную цѣну, и человѣкъ обмѣниваетъ равное на равное, но обѣтованіе вѣчной жизни покупается за малую цѣну. Ибо написано: „дніе лѣтъ нашихъ въ нихже семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осьмдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь“ (Пс. 89, 9). Посему, если и всѣ семьдесятъ, и даже сто лѣтъ пребудемъ въ подвигѣ, то примемъ наслѣдіе не на землѣ, но, по обѣтованіямъ, имѣемъ его на небесахъ; притомъ же, сложивъ съ себя тлѣнное тѣло, мы воспримемъ тѣло нетлѣнное“⁴⁾. Въ полученіи небеснаго наслѣдія заключаются для вѣрующихъ такія блага, о которыхъ мы, по словамъ Антонія, не можемъ и рассказать нашимъ плотскимъ языкомъ; „тамъ, говоритъ онъ, нѣтъ никакой скорби, ни болѣзни, ни тьмы, ни злыхъ духовъ, но есть непрестанная радость, свѣтъ, жизнь вѣчная, вѣнцы неувиданіи и другое, чего человѣческимъ языкомъ и передать невозможно“⁵⁾.

¹⁾ Epist. XX, M. 1064 D—1065 A.

²⁾ „firma sit spes vestra“, говорилъ Антоній своимъ ученикамъ. — Epist. XVI, M. 1039 A.

³⁾ Vita Ant. § 16.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Epist. VIII, M. 1020 C. Совершенно согласно съ Антоніемъ Великимъ говорятъ о надеждѣ Макарій Египетскій (Hom. II, c. 5, Migne XXXIV, 465 D; Hom. IV, c. 14, M. 484 A; XVI, c. 6, M. 617 B; XXVI, c. 11, M. 681 C;

Съ вѣрою и надеждою, по воззрѣніямъ преп. Антонія, неразрывно связывается и *любовь*¹⁾, потому что эти три христіанскія добродѣтели всегда развиваются въ человѣкѣ совмѣстно, въ одно и то же время. Вѣра христіанина не можетъ быть мертвою: она необходимо требуетъ живаго проявленія, а это проявленіе сказывается прежде всего и главнымъ образомъ въ исполненіи закона и дѣлахъ любви²⁾. Такъ какъ человѣкъ исполняетъ на землѣ свои обязанности по отношенію къ Богу, къ ближнимъ и самому себѣ, то и дѣятельная любовь его проявляется въ трехъ указанныхъ направленіяхъ. Прежде всего и больше всего мы должны *любить Бога*, какъ своего Творца и Промыслителя, и проявлять свою любовь во всецѣломъ искреннемъ служеніи Ему. При жизни своей преп. Антоній давалъ наставленія каждому приходящему иноку, чтобы вѣровать въ Бога и любить Его³⁾, „внушая всѣмъ ничего въ мірѣ не предпочитать любви ко Христу, и увѣщевая содержать въ памяти будущія блага и человеколюбіе къ намъ Бога“⁴⁾. Любовь инока къ Богу (*charitas Dei*) должна состоять по словамъ Антонія въ томъ, чтобы подвижникъ любилъ Бога всею душею своею, всѣмъ сердцемъ

XXXI, с. 2, М. 729 В), авва Исаія (Сл. XVI, М. XL 1142 С) и Маркъ Подвижникъ (*Ἀντιβολή πρὸς σχολαστ.*—Migne LXV, 1080 В, 1081 D).

¹⁾ Epist. XX, М. 1062 С.

²⁾ Отв. на вопр.—Христ. Чтеніе 1837 г. ч. II, стр. 261. Другіе отцы—подвижники также говорятъ вообще о любви, какъ христіанской добродѣтели, и притомъ первой изъ всѣхъ добродѣтелей по достоинству, хотя и послѣдней по порядку (Маркъ Подв.—*Περὶ τῶν οἰομένων*, с. 35, Migne LXV, 936 В; *Ἀντιβολή πρὸς σχολαστ.*, Migne 1073 CD; Макарія Егип.—Ном. II, с. 5, Migne XXXIV, 468 А; Ном. XIX, с. 3, М. 644 D; XXVI, с. 16, М. 685 АВ; XXVII, с. 14, М. 704 В). Преп. Макарій подобно Антонію Великому отличаетъ отъ плотской любви истинную небесную любовь (Ном. IV, с. 13, М. 481 D; Ibid. с. 15, М. 484 ВС; V, с. 6, М. 501 А) и говорить, что истиннымъ послѣдователямъ Своимъ Господь даетъ любовь неизмѣнную (*ἀτρέπτου*), небесную (*ἐπουράνιον*).—Ном. XXVI, с. 21, М. 688 D. „Кто, по словамъ Макарія Египетскаго, достигъ любви и упоенъ ею, тотъ погруженъ и отведенъ плѣнникомъ въ другой міръ (*αἰχμαλωτός ἐστιν εἰς ἄλλον κόσμον*), какъ бы не чувствуя собственной своей природы“ (Ном. XXVII, с. 16, М. 705 А).

³⁾ Vita Anton. § 55.

⁴⁾ Ibid. § 14. Авва Исаія говоритъ, что не можетъ быть въ насъ любви Божіей, когда душа раздѣлена,—и Бога ищетъ, и мірское любитъ (Сл. XXV, Migne LXV, 1181 А).

своимъ, всею мыслию своею (*ex tota anima sua, ex toto corde suo et ex tota mente sua*), и всецѣло повиновался Ему¹⁾. Инокъ, постоянно размышляющій о своемъ ничтожествѣ и о безконечномъ величіи Божіемъ, приводящій себѣ на память всѣ безконечныя блага, которыя даровалъ намъ милосердый Господь, рождаетъ въ себѣ постоянную любовь къ Богу по заповѣди Писанія: „возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и отъ всея силы твоея“ (Втор. 6, 5). Подобно оленю, жаждущему водныхъ источниковъ, иннокъ, по словамъ Антонія, жаждетъ любви Божіей и исполняетъ этотъ законъ въ отношеніи къ Богу, чтобы исполнились на немъ слова Апостола: „кто ны разлучитъ отъ любви Божіи: скорбь-ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ?“²⁾. Преп. Антоній всегда молился о своихъ ученикахъ, чтобы Господь умножилъ въ ихъ сердцахъ любовь къ Богу и открылъ имъ величіе таинъ Божіихъ, которыя онъ не могъ выразить языкомъ³⁾. Тѣ, которые вполнѣ утвердятся въ любви къ Богу, духовно возвышаются настолько, что ихъ уже не искушаетъ никакое внутреннее движеніе⁴⁾. Когда монахъ утверждается въ любви къ Богу, Господь, по словамъ Антонія, посылаетъ ему великую добродѣтель и радость; служеніе Богу дѣлается для него сладкимъ, подобно меду; всѣ тѣлесныя труды, размышленія, бдѣнія и несеніе

¹⁾ Epist. XVIII, М. 1050 D; Epist. IX, М. 1022 С. Подобно Антонію Великому всецѣлой и совершенной любви къ Богу (*ὅλην τὴν ἀγαπήν*), любви пламенной и ненасытимой (*ἐμπύρως καὶ ἀκορέστως*), подобной любви Іова и Авраама требуютъ отъ инока и всѣ послѣдующіе подвижники (Макарія Егип.—Ном. V, с. 6, Migne XXXIV, 501 С; Ном. X, с. 2, М. 541 В; V, с. 6, М. 508 D—509 А, 505 А; IV, с. 18, М. 485 С; IX, с. 13, М. 540 С; XXVI с. 19 М. 688 В; XLIII, с. 3, М. 773 АВ; *Περὶ ὑπομον. καὶ διακρ.* с. 27, М. 288 В; *Περὶ ἐλευθ. νόου*, с. 20, М. 953 D. Авва Исаія—Сл. XVII, Migne XI, 1148 D; Сл. XXIII, М. 1171 А; Сл. XXV, М. 1181 А. Маркъ Подв.—*Περὶ τῶν οἰομένων*, с. 89, Migne LXV, 944 А; *Περὶ βαπτίσματος*, Migne 1009 В).

²⁾ Отв. на вопр.—Христ. Чтен. 1837 г. ч. II, стр. 261—262.

³⁾ Epist. XIII, М. 1027 D—1028 А.

⁴⁾ „Omnes, qui decertarunt donec imperturbabiles sunt effecti, de nullo penitus solliciti sunt“—Epist. XIV, 1029 CD.

ига Божія дѣлается для него легкимъ и пріятнымъ, такъ что онъ ничѣмъ уже не можетъ быть удаленъ отъ любви Божіей¹⁾.

Любовь къ ближнему. О любви къ ближнему (*dilectio ad invicem*) преп. Антоній говоритъ такъ, какъ учитъ объ этомъ Св. Писаніе. Подвижникъ, пламенѣющій чистою любовью къ Богу, не можетъ не любить ближняго своего: „кто любитъ Бога, говоритъ Антоній, тотъ любитъ всѣхъ“²⁾. Всѣ мы по Антонію произошли отъ одного и того же начала и одной субстанціи³⁾; такъ какъ, далѣе, Іисусъ Христосъ есть Глава Церкви, то всѣ мы порознь члены, а вмѣстѣ составляемъ одно тѣло во Христѣ Іисусѣ; какъ члены одного тѣла, мы должны любить другъ друга, любить неослабно и непрестанно (*impigre atque indesinenter*), ибо только въ такомъ случаѣ будетъ усовершенъ наша любовь къ Богу⁴⁾. Совершенною же любовь инока бываетъ тогда, когда она дѣлается духовною, а не плотскою, ибо плотская любовь по словамъ Антонія неустойчива и непостоянна⁵⁾. Любовь инока къ ближнему состоитъ

¹⁾ Epist. XVIII, M. 1050 D—1051 A; Epist. IX, M. 1022 C. Макарій Египетскій прекрасно изображаетъ высокія качества души уязвленной небесною любовью Духа (ἔρωτι πνεύματος οὐρανίου τετρωμένη). — Hom. X, c. 4, Migne XXXIV, 544 A).

²⁾ Epist. VI, M. 1014 A. Макарій Египетскій часто говоритъ о необходимости взаимной любви другъ къ другу (Hom. III, c. 1, 2, Migne XXXIV, 468 A, 468 C—469 A; Hom. XVI, c. 19, M. 688 B; Hom. XXXVII, c. 3, M. 752 C) и указываетъ на тѣсную связь между любовью къ Богу и любовью къ ближнимъ (Περὶ τελείας ἐν πνεύμ. c. 11, Migne 849 A); послѣднюю мысль высказываетъ и авва Исаія, когда говоритъ, что всякій долженъ подчиняться ближнему ради Господа (Сл. VIII, Migne XL, 1131 C). Убѣждая иноковъ любить своего ближняго (Сл. XVII, M. 1147 A) и заботиться о томъ, чтобы не дать преткновенія ближнему (Сл. IX, M. 1134 B), авва Исаія истинною любовью считаетъ ту, которая не осуждаетъ ближняго (Сл. XXII, M. 1170 A). Маркъ Подвижникъ также видитъ истинную любовь въ неосужденіи ближняго. Онъ заповѣдуетъ раскаявшагося не обличать болѣе (Περὶ νόμου πνεύμ. c. 39, Migne LXV, 909 D—912 A) и совѣтуетъ лучше съ благоговѣніемъ молиться о ближнемъ, чѣмъ обличать его во всякомъ грѣхѣ (Ibid. c. 133, Migne 921 B).

³⁾ „Omnes ex uno eodemque sint principio et ex eadem substantia“. — Epist. VI, M. 1013 C.

⁴⁾ Epist. VI, M. 1014 A; Сравни. Epist. XX, M. 1059 C, 1064 A; Sermo VII, Migne XL, 968 B; Sermo XX, M. 977 A.

⁵⁾ „instabilis et inconstans est: movetur namque cum ventis externis“ (Epist. IV, M. 1008 C).

въ искреннемъ и чистосердечномъ служеніи всѣмъ людямъ, съ которыми ему приходится встрѣчаться¹⁾.

Преп. Антоній указалъ инокамъ, каковъ долженъ быть характеръ служенія ближнимъ. Когда братія спросили его: „какъ долженъ всякій служить своимъ братьямъ?“ — онъ отвѣтилъ: „братья, желающіе служить своимъ братьямъ, должны служить имъ также, какъ рабы служатъ своимъ господамъ, и какъ послужилъ Господь Апостолу Петру. Хотя Онъ былъ Владыка и Творецъ его, однако не возгнушался послужить ему. Въ этомъ случаѣ Господь показалъ, что немилосерды какъ тѣ, которые отказываются отъ предлагаемой имъ услуги, и никому не позволяютъ, подобно Апостолу Петру, послужить себѣ, такъ и тѣ, которые сами стыдятся служить своимъ братьямъ; почему они и не будутъ имѣть части съ Господомъ, какъ Онъ же сказалъ Петру (Іоан. 13, 8). Ибо Самъ Господь научилъ насъ взаимно служить другъ другу“²⁾. По словамъ Антонія милосердіе (*miser cordia*) и сострадательность (*miseratio*) къ ближнимъ должны быть у инока необходимыми спутниками любви къ ближнему³⁾, поэтому у него не можетъ случиться того, что случилось съ немилосерднымъ рабомъ, который, получивъ отъ господина своего прощеніе долга, состоявшаго изъ талантовъ, поступилъ немилосердно со своимъ товарищемъ, задолжавшимъ ему только сто динаріевъ⁴⁾. Злые духи знаютъ, что кто любитъ брата своего, тотъ любитъ и Бога, и поэтому стараются вселить въ сердце инока ненависть къ ближнему⁵⁾, но инокъ дѣлами любви поддерживаетъ и возгрѣваетъ въ себѣ любовь къ ближнему. „Отъ ближняго, говорилъ преп. Антоній, зависитъ и жизнь и смерть. Ибо если мы приобрѣтаемъ брата, то приобрѣтаемъ Бога, а если соблазняемъ брата, то грѣшимъ противъ Христа“⁶⁾. „Кто грѣшитъ противъ брата или противъ ближняго

¹⁾ Epist. I, M. 1003 D.

²⁾ Отв. на вопр. — Христ. Чтен. 1837 г. ч. II, стр. 263.

³⁾ Epist. I, M. 1002 D; Epist. VI, M. 1013 D.

⁴⁾ Epist. XVI, M. 1037 D.

⁵⁾ Epist. VI, M. 1015 A.

⁶⁾ Достоп. сказ. § 9. Мысль Антонія Великаго о невозможности спастись иначе, какъ чрезъ ближняго своего, буквально повторяетъ и Макарій Егип. (Hom. XXXVII, c. 3, M. XXXIV, 752 C).

своего, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, тотъ грѣшитъ противъ самого себя; и кто предпринимаетъ злое (*molitur malum*) противъ ближняго своего, или равнаго себѣ по рожденію, тотъ на самомъ дѣлѣ предпринимаетъ его противъ своей собственной души“¹⁾.

Изъ любви къ Богу и ближнему вытекаетъ и любовь инока къ самому себѣ. „Кто любитъ Бога, говоритъ Антоній, тотъ любитъ самого себя“²⁾. Конечно, здѣсь преп. Антоній разумѣетъ не плотскую любовь къ самому себѣ, а любовь духовной природы своей, созданной по образу и по подобию Божію, и призванной къ Богоуподобленію на землѣ и вѣчному блаженству на небесахъ. „Всѣ разумныя творенія Божіи, говоритъ преп. Антоній въ одномъ изъ своихъ писемъ, будутъ ли они мужескаго или женскаго пола, привязаны или къ божественному, или къ человѣческому; божественные любятъ божественное, а плотскіе любятъ плотское“³⁾, поэтому вполне справедливо, что любящій Бога любитъ и себя самого, насколько онъ служитъ отображеніемъ совершенствъ безконечно совершеннаго Творца. Питая же любовь къ ближнему и совершая дѣла любви христіанской, инокъ любитъ и самого себя, потому что благодаря любви къ ближнимъ онъ исполняетъ одну изъ главнѣйшихъ заповѣдей Божіихъ, и тѣмъ готовится себѣ вѣчное блаженство на небесахъ. Но въ любви къ самому себѣ не должно допускать любви къ своей чувственной грѣховной природѣ, къ плотскимъ пожеланіямъ и удовольствіямъ плоти, потому что это уже будетъ ложная любовь, приводящая къ гибели души. Имѣя въ виду эту именно чувственную любовь къ самому себѣ, преп. Антоній говоритъ: „не будемъ любить самихъ себя, чтобы не сдѣлаться намъ добычею врага“⁴⁾.

Гордость и тщеславіе. Утвердивши въ себѣ главнѣйшія христіанскія добродѣтели: вѣру, надежду и любовь, инокъ, по словамъ преп. Антонія, укрѣпляется въ добрѣ и шествуетъ узкою стезею добродѣтели, уготоуля себѣ вѣчное спасеніе. Подвиги,

¹⁾ Epist. VI, M. 1013 C.

²⁾ Ibid. M. 1014 C.

³⁾ Epist. XIII, M. 1027 D.

⁴⁾ Epist. VI, M. 1013 D.

прежде казавшіеся ему трудными и тяжелыми, теперь представляются удобоисполнимыми и пріятными. Волненія плотскихъ страстей въ немъ улеглись и не борются противъ духа, послѣдній же, облегченный отъ тяжкихъ узъ брэннаго тѣла, возвышается въ своемъ духовномъ созерцаніи и приближается къ Богу. Но инокъ еще не свободенъ отъ опасности. Если на него не вліяютъ искушенія плоти, то духъ инока можетъ соблазниться и низвергнуть его съ нравственной высоты. Діаволь, низвергнутый съ неба за свою гордость, неустанно старается погубить тѣхъ людей, которые живутъ по волѣ Божіей; онъ старается погубить ихъ такимъ же образомъ, какимъ и самъ погибъ, т. е. гордостью и славолубіемъ, внушая инокамъ, что по духу своему они велики и славны и превосходятъ другихъ людей¹⁾. Гордость и тщеславіе (*superbia et inanis gloria*) могутъ появиться въ инокѣ тогда, когда онъ достигнетъ уже высокой степени нравственного совершенства. Благодаря внушеніямъ діавола инокъ начинаетъ думать о достигнутомъ имъ нравственномъ совершенствѣ, о тяжести своихъ подвиговъ и великомъ ихъ значеніи въ глазахъ Божіихъ; сюда примѣшивается также желаніе быть извѣстнымъ среди людей болѣе, чѣмъ другіе подвижники. Все это вмѣстѣ взятое возмущаетъ духъ инока и увлекаетъ его на путь гибели. Есть основанія думать, что отъ движеній гордости не были вполне свободны и такіе великіе подвижники, какъ Антоній Великій и Аммонъ Нитрійскій²⁾; но упомянутые отцы подавляли въ себѣ порывы гордости смиреніемъ. Преп. Антоній, указывая на

¹⁾ Epist. VI, M. 1014 D—1015 A; Epist. XVIII, M. 1050 A. Макарій Египетскій говоритъ, что и въ чистой природѣ есть возможность превозношенія (Hom. VII, c. 4, Migne XXXIV, 525 C), поэтому и достигшій извѣстной степени нравственного совершенства иногда падаетъ (Hom. V, c. 6, M. 500 D—501 A). Не можетъ падать (*ἀπτότος ἐστι*), по словамъ преп. Макарія, только тотъ, кто имѣетъ совершенную любовь (Hom. XXVII, c. 14, M. 704 B). По словамъ аввы Исаіи не имѣетъ паденія безстрастіе (*tranquillitas*), но это безстрастіе онъ, между прочимъ, называетъ и любовью, которой научилъ насъ Христосъ (Сл. XXIV, Migne XL, 1174 C).

²⁾ Достоп. сказ. § 24. Сказаніе объ Аммонѣ. Cotelierius. — Ecclesiae Graecae monum. tom. I, p. 392.

достоинство подвигов инока, которые онъ совершаетъ при данной ему благодатной помощи, говорить, что подвиги эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ равняться смиренію Господа, которому Онъ подвергся за насъ, принеся Себя въ жертву за грѣхи людей¹⁾. Бранный человѣкъ не можетъ принести Богу избытокъ подвиговъ, не можетъ служить Ему и прославлять, какъ должно, не можетъ почтить и восхвалить его по достоинству. Поэтому иноку надобно остерегаться, чтобы избѣжать губительнаго самомнѣнія. „Многіе монахи, говоритъ преп. Антоній, далеко прошли уже по пути нравственнаго совершенства, но погибли по своему неблагоразумію, потому что впали въ губительную страсть гордости; они много думали о себѣ, говоря: „кто больше насъ? никто съ нами не сравнится“²⁾. Если инокъ возгордится своими дѣлами, и будетъ думать, что онъ уже владѣетъ всѣми добродѣтелями, то, по словамъ Антонія, онъ уже впадетъ въ діавольскій недугъ, который состоитъ въ лишеніи благоразумія (*prudentialis privatio*); думая, что онъ близокъ къ Богу и утвержденъ во свѣтѣ, онъ на самомъ дѣлѣ находится во мракѣ³⁾. Гордость, по словамъ преп. Антонія, есть великій грѣхъ, котораго инокъ долженъ всѣми силами избѣгать. Первое движеніе гордости было то, которое низвергло насъ съ неба⁴⁾; появляясь въ инокѣ, гордость служитъ для него корнемъ презрѣнія ко всѣмъ людямъ⁵⁾ и источникомъ многихъ грѣховъ. „Всѣ грѣхи, говоритъ преп. Антоній, ненавистны (*despecta sunt*) Богу, но всѣхъ ненавистиѣ гордость сердца. Кто ищетъ или даетъ

¹⁾ Epist. VII, M. 1016 C.

²⁾ Epist. VI, M. 1015 A; Epist. XX, M. 1056 A. Достоп. сказ. § 8, 37. Самомнѣніе (*οἷσις*) по словамъ Макарія Египетскаго есть мерзость предъ Господомъ (*βδέλυγμα Κυρίου*), ослѣпленіе (*πύρωσις*) души, никакъ ей не позволяющее познавать свою немощь (*Περὶ ἀγαπῆς*. с. 3. Migne XXXIV, 909 B; *Περὶ ὑπομονῆς καὶ διακ.* с. 17, Migne 877 D).

³⁾ Epist. VI, M. 1015 A. Макарій Египетскій заповѣдуетъ иноку быть нищимъ духомъ и не возноситься своими подвигами (*Περὶ φουλακῆς καρδ.* с. 10 Migne XXXIV, 829 B).

⁴⁾ Epist. VI, M. 1015 B.

⁵⁾ Epist. XX, M. 1055 D – 1056 A.

совѣтъ гордому сердцемъ, тотъ подобенъ человѣку, вливающему воду въ просверленный сосудъ, или подобенъ тому, который говоритъ съ пролетающею мимо птицею“¹⁾. Естественно, что по возрѣніямъ преп. Антонія гордый человѣкъ препятствуетъ обитанію въ себѣ Духа Святаго и неугоденъ Богу²⁾.

Какъ негодна Богу гордость, такъ негодно ему и тщеславіе, потому что тщеславный совершаетъ свои подвиги не для угожденія Богу и полученія спасенія, а для того, чтобы люди видѣли и прославляли его. Тщеславія необходимо иноку избѣгать со всѣмъ стараніемъ, потому что оно вкрадывается въ его душу благовидно и незамѣтно. Много, по словамъ преп. Антонія, есть такихъ иноковъ, которыхъ люди прославляютъ, какъ вѣрныхъ, и которые совершаютъ дѣла милосердія, но и ихъ также поражаетъ злой духъ. Къ другимъ онъ приходитъ во время самыхъ подвиговъ, уничтожаетъ ихъ плоды и отвлекаетъ отъ подвижничества, побуждая, чтобы они упражнялись въ добродѣтеляхъ и милосердіи, исполненныхъ пустой славы. О такихъ людяхъ думаютъ, что они имѣютъ совершенные плоды, но въ дѣйствительности они лишены ихъ. Они по внѣшности представляютъ собою дикую смоковницу, на которой думаютъ найти пріятные плоды, если смотрятъ на нее издали, и ничего не находятъ, если подходятъ къ ней близко. О такихъ людяхъ думаютъ, что они приносятъ совершенные плоды по благодати Божіей, на самомъ же дѣлѣ они ничего не приносятъ³⁾, потому что тщеславіе есть корень плодовъ мертвыхъ⁴⁾. Тщеславіе побуждаетъ инока къ многоразличнымъ подвигамъ, постамъ, молитвамъ, частымъ ночнымъ бдѣніямъ, ко многимъ дѣламъ милосердія, совершаемымъ предъ людьми, и другимъ подобнымъ вещамъ; но за всѣмъ этимъ ничего другаго не будетъ слѣдовать, какъ только

¹⁾ Sermo XI, Migne XL, 970 D.

²⁾ Epist. XIX, M. 1051 C.

³⁾ Epist. X, M. 1023 D – 1024 A.

⁴⁾ Epist. XV, M. 1031 D. По словамъ аввы Исаія слава человѣческая мало по малу рождаетъ гордость (Сл. XVII, Migne XL, 1148 D). „Какъ плоть, говорятъ Исаія, сплетшись съ виноградомъ, уничтожаетъ плодъ его, такъ тщеславіе уничтожаетъ трудъ монаха, если онъ увлекается имъ“ (ibid. M. 1149 B).

стыдъ и позоръ (*confusionem et opprobrium*)¹⁾. Такого тщеславія инокъ долженъ избѣгать, какъ какой-нибудь заразы. „Бѣгай тщеславія (*χευδοξία*)“, постоянно говорилъ Антоній всякому приходящему къ нему иноку²⁾, зная, какъ опасенъ и губеленъ этотъ порокъ для ревнителей любомудрія. Еще во время жизни преп. Антонія многіе иноки старались приобрѣсти себѣ славу у людей, и когда приобрѣтали ее въ одномъ мѣстѣ, то переходили въ другое, чтобы и тамъ сдѣлаться извѣстными. Преп. Антоній строго осуждаетъ такое исканіе иноками земной славы. Всякій инокъ долженъ быть простъ своимъ сердцемъ, какъ дитя, и долженъ подражать ученикамъ Іоанна Крестителя, которые не оставляли его и не искали славы у другаго учителя; но когда узнали отъ Іоанна, что Іисусъ Христосъ болѣе его, то послѣдовали за Христомъ, чтобы обновиться въ добродѣтели, подобно дѣтямъ³⁾. Такимъ образомъ переходъ инока къ другому наставнику преп. Антоній позволяетъ только въ томъ случаѣ, если второй наставникъ совершеннѣе перваго по своимъ нравственнымъ качествамъ и духовной опытности въ подвигѣ.

Смирение. Для того, чтобы съ корнемъ уничтожить въ себѣ сѣмя гордости, инокъ, по словамъ преп. Антонія, всѣми силами долженъ воспитывать въ себѣ противоположное гордости качество — глубокое смирение (*humilitas*)⁴⁾. Насколько великимъ и опаснымъ для инока порокомъ считаетъ преп. Антоній гордость, настолько великою добродѣтелью онъ называетъ смиренномудріе, какъ качество инока, уничтожающее гордость въ самомъ ея основаніи. „Если кто-либо, говоритъ преп. Антоній, будетъ великимъ среди людей, но не покажетъ смиренія отъ всего сердца, отъ всей мысли, отъ всей души и отъ всего тѣла своего, тотъ не наслѣдуетъ царства Божія,

¹⁾ Маркъ Подвижникъ считаетъ тщеславіе и сласть (*χευδοξία καὶ ἡδονή*) причиною всякаго порока, и потому требуетъ полного отреченія отъ этихъ страстей (*Περὶ νόμου πνευμ.* с. 102, Migne LXV, 917 С; Opusc. VIII, Migne 1108 D).

²⁾ Vita Ant. § 55.

³⁾ Epist. XVI, М. 1037 В; Достоп. сказ. § 3.

⁴⁾ Epist. XX, М. 1062 С.

какъ и написано объ этомъ¹⁾. Въ образецъ смиренія преп. Антоній приводитъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, каковы, на примѣръ: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іосифъ, Моисей, Девора и Варакъ, Гедеонъ, Давидъ, Ілія, Елисей и др., а затѣмъ указываетъ на Апостоловъ, которые также всегда помнили о своей бѣдности, сопровождая Іисуса Христа во время Его проповѣди²⁾. Въ лицѣ Спасителя къ намъ, по словамъ Антонія, сошла съ высоты Сама Кротость Божія и сдѣлалась смиренною до послѣдней степени; Самъ Господь назвалъ Себя Сыномъ Давида и сказалъ о Себѣ: „Сынъ Человѣческій не придетъ, да послужатъ Ему, но послужити“ (Мѣ. 20, 28). Своимъ смиреніемъ Онъ научилъ насъ смиренію, чтобы мы подражали Ему³⁾. Желаніе оставить намъ примѣръ смиренія побудило Его во время тайной вечера снять съ Себя одежды, опоясаться лентіемъ и, вливши воду въ умывальницу, умытъ ноги ученикамъ⁴⁾. Смирение, по словамъ Антонія, избавляетъ инока отъ сѣтей діавола. Когда преп. Антоній

¹⁾ Epist. VI, М. 1015 В. О необходимости смиренномудрія, великой важности этой добродѣтели, и значеніи ея для нравственнаго преслѣдованія инока говорятъ много и подробно всѣ послѣдующіе подвижники (Макарія Египетскаго *Hom. XV*, с. 27, Migne XXXIV, 593 С; *Ibid.* с. 37, М. 601 В; *Hom. XIX*, с. 1, М. 644 А; *Ibid.* с. 5, М. 645 С; *XXVII*, с. 23, М. 709 С; *XXXIV*, с. 3, М. 745 D; *XLI*, с. 3, М. 769 В; *Περὶ φυλακῆς καρδ.* с. 10, М. 829 В; *Περὶ ἐλευθ. νόου.* с. 19, М. 953 А.—Авва Исаія—Сл. III, Migne XL, 1108 D; Сл. IX, М. 1134 В; XV, М. 1141 С; XVII, М. 1147 А; XVI, М. 1146 А.—Маркъ Подвижника—*Περὶ νόμου πνευματ.* с. 4, 7, 12, Migne LXV, 905 В, 905 С, 908 А; *Περὶ τῶν οἰομένων.* с. 27, М. 936 А; *Ἀντιβολή πρὸς σχολαστ.*, Migne 1072 В, 1084 В; *Περὶ νηστείας.*—Migne 1116 А). Авва Исаія видитъ смиренномудріе въ неосужденіи другихъ и въ осужденіи прежде всего самого себя (Сл. VIII, Migne XL, 1130 В; Сл. XXII, М. 1170 А). Въ двухъ мѣстахъ авва Исаія даетъ даже довольно подробное опредѣленіе смиренномудрія, но кратко оба эти опредѣленія онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Ἡ ταπεινότης ἐστὶ, τὸ λογίσασθαι ἑαυτὸν ἁμαρτωλὸν εἶναι, καὶ μηδὲν καλὸν ποιεῖν ἐνώπιον τοῦ Θεοῦ“ (Сл. XX, М. 1157 АВ; Сл. XXVI, М. 1192 С).

²⁾ Epist. XVI, Migne XI. Подобно Антонію Великому Макарій Египетскій также приводитъ въ образецъ смиренія Авраама и Давида (*Hom. XII*, с. 3—4, М. XXXIV, 557 D—560 А).

³⁾ Epist. XVI. Тѣ же самыя мысли повторяетъ и Макарій Египетскій (*Hom. XIX*, с. 2, Migne XXXIV, 644 В; *Hom. XXVII*, с. 5, М. 696 D; *Περὶ φυλακῆς καρδ.* с. 12, М. 832 С).

⁴⁾ Epist. VI, М. 1015 В.

увидѣлъ однажды распростертыя на землѣ сѣти врага и со вздохомъ спросилъ себя: кто избѣгнетъ этихъ сѣтей? то услышалъ отвѣтъ: „смиреномудріе (ταπεινοφροσύνη)“¹⁾. Благословеніе Господне, по словамъ Антонія, обитаетъ на всякомъ мѣстѣ, гдѣ есть смиреніе²⁾, поэтому и Духъ Святый не обитаетъ въ душахъ гордыхъ, а только въ душахъ смиренныхъ³⁾. Смиреніе нельзя пріобрѣсти ни золотомъ, ни серебромъ, ни мѣдью, ни приближеніемъ къ царю земному или къ войску и вождямъ его. Инокъ необходимо избѣгать смиренія притворнаго; многіе, говоритъ Антоній, повидимому смиренны, но на самомъ дѣлѣ они не ходятъ въ истинѣ сердца своего, потому что смиренны только по вѣнности, предъ людьми, въ дѣйствительности же они очень мало служатъ Богу⁴⁾.

Внутренняя жизнь инока.

Благочестивыя размышленія. Когда инокъ освободится отъ искушеній плоти и движеній гордости, тогда, по словамъ преп. Антонія, онъ предается въ тиши уединенія благочестивымъ размышленіямъ (contemplatio)⁵⁾. Размышленія возникаютъ прежде всего

¹⁾ Достоп. сказ. § 7. Авва Исаія, повторяя это, говоритъ, что смиреніемъ разстраиваются всѣ козни врага (Сл. III, Migne XL, 1108 D), а Макарій Египетскій указываетъ на великую нравственную высоту инока, имѣющаго смиреномудріе: „смиранный, говоритъ онъ, никогда не падаетъ (ὁ ταπεινὸς οὐδέποτε πίπτει). — Ном. XIX, с. 8, Migne XXXIV, 648 D; Пері φυλακῆς καρδ. с. 14, М. 840 D; Пері ἐλευθ. νόου. с. 19, Migne 953 A.

²⁾ Epist. XX, М. 1066 A.

³⁾ Epist. XIX, М. 1051 C. Подобно Антонію Великому Макарій Египетскій говоритъ, что смиреномудріе вмѣстѣ съ прочими добродѣтелями служитъ обителью Св. Духа (Ном. XIX, с. 6, Migne XXXIV, 648 D).

⁴⁾ Epist. XVI, М. 1036 B. Преп. Маркъ Подвижникъ (Пері μετανοίας. — Migne LXV, 984 C) и авва Исаія (Сл. XV, Migne XL, 1141 C) ставятъ смиреномудріе въ тѣсную связь съ поканіемъ. Отсюда ясно вытекаетъ мысль, что у кого нѣтъ непритворнаго раскаянія въ своихъ грѣхахъ, тотъ не можетъ имѣть и истиннаго смиреномудрія. Маркъ Подвижникъ противопоставляетъ смиренію словооправданіе (δικαιολογία). — Пері νόμου πνευμ. с. 126, Migne LXV, 921 A.

⁵⁾ Epist. XX, М. 1062 C.

тогда, когда онъ читаетъ Св. Писаніе и благоговѣнно размышляетъ о прочитанномъ¹⁾. Благочестивый инокъ размышляетъ о кратковременности и суетности всего земнаго, о своемъ нравственномъ недовѣренствѣ предъ Богомъ, о благодѣяніяхъ Божіихъ, явленныхъ роду человѣческому, и о величайшемъ изъ этихъ благодѣяній — ниспосланіи на землю Единороднаго Сына Божія, и въ этихъ размышленіяхъ находитъ для себя новый источникъ силъ для борьбы съ искушеніями и для нравственнаго преуспѣянія. „Для насъ важно, говоритъ преп. Антоній, постигнуть тотъ образъ, который принялъ за насъ Господь нашъ²⁾, во всемъ уподобившись намъ, кромѣ грѣха, ибо Онъ сдѣлалъ насъ свободными, чтобы мы возвеселились въ пришествіе Его³⁾. Размышляя о силѣ многочисленныхъ искушеній, которыя уже приходилось испытывать, и о будущей славѣ, которая ожидаетъ перенесшихъ эти искушенія, инокъ дѣлается твердымъ и мужественнымъ, такъ что для него уже не страшны всѣ нападенія врага.

Вниманіе къ себѣ. Вниманіе къ себѣ (σεαυτοῦ προσέχειν) или духовное бодрствованіе является, по словамъ Антонія, необходимымъ для инока, на какой бы ступени нравственнаго совершенства онъ ни находился, потому что при невнимательности и ослабленіи духовнаго бдѣнія надъ собою можно впасть въ сѣти никогда не дремлющаго діавола и погубить плоды всѣхъ прежнихъ подвиговъ. Невнимательный, по словамъ Антонія, подобенъ ослу, подвиговъ. Невнимательный, по словамъ Антонія, подобенъ ослу, на котораго всякій садится безъ сопротивленія⁴⁾. Когда преп. Антоній задумался однажды надъ тѣмъ, что одни люди бѣдны, а другіе богаты, одни умираютъ въ молодости, а другіе живутъ до глубокой старости, и захотѣлъ проникнуть въ глубину судовъ Божіихъ, то услышалъ голосъ, говорящій: „себѣ внимай

¹⁾ Это, по словамъ преп. Антонія, — „meditatio divinarum Scripturarum“. — Epist. I, М. 1003 D; Epist. III, М. 1007 B.

²⁾ „Cognoscere formam Domini nostri, quam pro nobis assumpsit“. — Epist. III, 1007 B.

³⁾ Ibidem; Epist. II, М. 1005 B.

⁴⁾ Sermo XVI, М. 974 B.

(σεαυτοῦ πρόσεχε)¹⁾. Эти слова показали ему, что прежде всего иноку долженъ быть внимателенъ къ себѣ самому, и не испытывать судовъ Божіихъ. Вотъ почему Антоній въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи заповѣдуетъ двумъ бывшимъ при немъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ инокамъ, чтобы они были внимательны къ самимъ себѣ²⁾, и не ослабляли внутренняго духовнаго бдѣнія надъ собою. Для того, чтобы не ослабѣло въ инокѣ духовное бдѣніе, преп. Антоній совѣтуетъ подвижникамъ постоянно испытывать (ἀνακρίνειν) себя, согласно заповѣди апостола Павла (2 Кор. 19, 5). „Пусть каждый инокъ, говоритъ онъ, ежедневно даетъ себѣ отчетъ въ дневныхъ и ночныхъ своихъ поступкахъ. И если согрѣшилъ, да престанетъ грѣшить, если же не согрѣшилъ да не хвалится тѣмъ, но да пребываетъ въ добрѣ и не предается нерадѣнію“³⁾. Для того, чтобы слѣдить за собою, онъ совѣтуетъ иноку замѣчать и записывать свои поступки и душевныя движенія, какъ

¹⁾ Достоп. сказ. § 2.

²⁾ „Πρόσεχοντες ἑαυτοῖς“, говоритъ онъ имъ въ своемъ завѣщаніи (Vita Ant. § 91). Вопросъ о вниманіи къ себѣ и духовномъ бдѣніи надъ собою является однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ у всѣхъ аскетическихъ писателей. Изъ подвижниковъ, ближайшихъ къ Антонію Великому, подробно говорятъ о вниманіи къ себѣ авва Исаія и Макарій Египетскій. Авва Исаія въ своихъ наставленіяхъ очень часто повторяетъ инокамъ: „внимай себѣ (attende tibi)“, „внимай сердцу своему (attende cordi tuo), брате“ (Сл. XVII, Migne XL, 1150 A; Сл. XXV, М. 1183 CD—1184 A), и даже написалъ цѣлое слово о „внемли себѣ“ (Сл. XXVII, М. 1194 et sequ.). Макарій Егип. повторяетъ то же Антоніево „внимай себѣ (πρόσεχε σεαυτῷ)“, требуя отъ инока постоянной бдительности надъ собою (Hom. XXXI, с. 6, Migne XXXIV, 732 C; Hom. IX, с. 11, М. 537 D; XXIX, с. 7, М. 720 D; XVII, с. 6—8, М. 628 B—629 B; XLIII, с. 4, М. 773 D) и непрерывной тайной борьбы (τὸν κρυπτὸν ἀγῶνα) съ самимъ собою (Περὶ τελειότη. ἐν πνεύμ. с. 14, Migne 852 A; Сравни. Περὶ φυλακῆς καρδ. с. 7, М. 825 B).

³⁾ Vita Ant. § 55. Почти то же буквально повторяетъ и авва Исаія „Испытывай, говоритъ онъ иноку, каждый день самого себя (tecum ipse considera), какую страсть побѣдилъ ты, и однакожъ не думай много о себѣ, потому что то милость и сила Божія есть“ (Сл. XVII, Migne LX, 1147 CD; Сл. XV, М. 1141 C). Авва Исаія идетъ въ этомъ случаѣ еще далѣе своего учителя: онъ не довольствуется ежедневнымъ испытаніемъ себя, а требуетъ, чтобы безмолвствующій инокъ испытывалъ себя *каждый часъ* (Сл. XXVI, М. 1191 D).

будто съ намѣреніемъ сообщить ихъ другимъ. „И будьте увѣрены, говоритъ Антоній, что, стыдясь извѣстности, непременно перестанемъ грѣшить, и даже содержать въ мысляхъ что-либо худое. Ибо кто, когда грѣшитъ, желаетъ, чтобы это видѣли? Или кто, согрѣшивъ, не пожелаетъ лучше солгать, только бы утаить грѣхъ?“¹⁾. Такія и подобныя имъ мысли показываютъ въ Антоніи глубокаго психолога и знатока человѣческаго сердца; онъ пользуется присущимъ всякому человѣку чувствомъ стыда, чтобы при помощи его удерживать человѣка отъ грѣховъ. Изъ „Vitae Antonii“ мы знаемъ, что во время своихъ подвижническихъ трудовъ Антоній „ежедневно былъ мученикомъ въ совѣсти своей“²⁾, т. е. непрерывно бодрствовалъ не только надъ всѣми своими дѣйствіями, но даже надъ сокровенными помыслами своего сердца³⁾.

Познаніе самого себя. Истинно совершеннымъ инокъ, по словамъ Антонія, можетъ быть только тогда, когда духовно бодрствуя надъ собою и предохраняя себя отъ всѣхъ грѣховъ, онъ углубляется мыслию въ самого себя, чтобы познать себя и очистить свою природу отъ всего того, что вошло въ нее вслѣдствіе грѣхопаденія. Для того, чтобы постигать божественное, умъ человека долженъ прекратить связи съ внѣшнимъ міромъ и удалиться въ самого себя (solum versantem)⁴⁾, потому что все внѣшнее мѣшаетъ сосредоточиться иноку на себѣ самомъ. „Очень полезно для насъ, говорилъ преп. Антоній монахамъ, чтобы мы убѣгали въ нашу келлію и назирали много за собою во всю нашу жизнь, пока мы не узнаемъ, каковы мы“⁵⁾. Тотъ же Антоній непрестанно

¹⁾ Vita Ant. § 55. Созоменъ. Церк. Истор., кн. I, гл. 13, стр. 50.

²⁾ Vita Ant. § 47.

³⁾ Макарій Египетскій заповѣдуетъ непрестанно разбирать свою совѣсть и испытывать дѣла сердца своего (Hom. XXIX, с. 7, Migne XXXIV, 720 D—721 A). Точно также и Маркъ Подвижникъ говоритъ о необходимости пребывать въ разсѣиваніи своей совѣсти (ἐν θεωρίᾳ συνειδήσεως). — Περὶ νόμου πνεύμ. с. 186, Migne LXV, 928 C.

⁴⁾ Epist. XVII, М. 1041 C.

⁵⁾ Новооткр. изреченія преп. Антонія Вел. § 38. Самоуглубленія требуетъ отъ инока и Макарій Египетскій, когда говоритъ иноку: „ἐνδον ἐν τῇ ψυχῇ σου γίγνου“ (Hom. XXX, Migne XXXIV, 725 D).

молить Бога о своих ученикахъ, чтобы они познали достоинство сокровенной жизни въ Богѣ и чрезъ это совершали дѣла, которыя содѣлали бы ихъ достойными видимаго наслѣдія¹⁾. Человѣкъ, какъ существо разумное, для того, чтобы быть готовымъ въ день пришествія Господа нашего Иисуса Христа, долженъ познать самого себя въ своей духовной субстанціи²⁾. Познаніе себя необходимо, по словамъ Антонія, для каждаго инока, потому что кто имѣетъ правильное познаніе о самомъ себѣ, тотъ необходимо чувствуетъ нужду въ нравственномъ исправленіи и усовершеніи себя. Инокъ же, познавшій самого себя, имѣетъ правильное познаніе о тваряхъ, которыя произвелъ Богъ изъ ничего, и о промыслительныхъ дѣйствіяхъ Божіихъ въ отношеніи ко всему сотворенному; онъ знаетъ также достоинство и безсмертіе умнаго человѣческаго духа, заключеннаго на время въ бренное тѣло, знаетъ объ искупительныхъ заслугахъ Христа Спасителя и о вѣчномъ наслѣдіи, въ которомъ будутъ участвовать совершенные вмѣстѣ со святыми³⁾. Углубляясь въ самого себя, инокъ, по словамъ Антонія, замѣчаетъ въ себѣ три рода воли: одну, происходящую отъ діавола, другую свою собственную, а третью—волю Божію, и всѣми своими силами старается исполнять только самую совершенную изъ нихъ—волю Божію⁴⁾.

Познаніе Бога. Въ познаніи инокомъ самого себя заключается и познаніе Бога: кто знаетъ себя, тотъ, по словамъ преп.

¹⁾ „Numquam Deum pro vobis deprecari cesso, говорилъ Антоній ученикамъ, ut percipiat vestram in vobis abditam vitam“. — Epist. VII, M. 1017 D.

²⁾ „...agnoscat semetipsum intellectuali substantia“ (Epist. III, M. 1006 A). Преп. Макарій Египетскій говоритъ иноку: познай свое благородство (εὐγένειαν), а именно, что призванъ ты въ царское достоинство (Ном. XXXVII, с. 4. Migne XXXIV, 696 B); мысль та же, что и у Антонія Великаго. Въ другихъ мѣстахъ преп. Макарій также говоритъ объ испытываніи себя, своихъ душевныхъ склонностей, достоинствъ и недостатковъ (Ном. XXIX, с. 4. M. 717 B; Ном. LXVIII, с. 3. M. 809 B). Авва Исаія, убождая иноковъ познавать самихъ себя, говоритъ: „разсматривай себя (explora te ipsum), брате, ежедневно, если желаешь узнать сердце свое, что есть въ немъ предъ Богомъ“ (Сл. XXV, Migne XL, 1183 B).

³⁾ Epist. IV, M. 1009 AB; Epist. VI, M. 1013 D—1014 A.

⁴⁾ Epist. XX, M. 1063 D—1064 A.

Антонія, уже знаетъ Бога и всѣ пути Промысла Божія о спасеніи людей¹⁾. Кто старается узнать Бога, тотъ никогда не увидитъ въ себѣ нечестиваго²⁾, поэтому познаніе Бога инокомъ преп. Антоній считаетъ явнымъ свидѣтельствомъ высокой чистоты тѣла и сердца послѣдняго³⁾, ибо безъ чистоты никто не можетъ не только познать Бога, но даже видѣть Его⁴⁾.

Различныя степени нравственнаго совершенства.

Аскетъ, непрерывно усовершеняющійся въ подвигахъ добродѣтели, проходитъ, по воззрѣніямъ преп. Антонія, различныя ступени нравственнаго преуспѣянія, пока не достигнетъ предназначенной ему мѣры (mensuram) совершенства⁵⁾. Кто подверженъ какому-либо пороку, говоритъ преп. Антоній, тотъ еще далекъ отъ совершенства, точно также нельзя назвать добродѣтельнымъ и того, кто совершенъ въ одной только добродѣтели⁶⁾. Подвизающійся инокъ

¹⁾ Epist. IV, M. 1009 A; Epist. III, M. 1016 A.

²⁾ Epist. XVII, M. 1042 C.

³⁾ Epist. XX, M. 1056 D.

⁴⁾ Epist. V, M. 1009 D.

⁵⁾ Epist. XI, M. 1026 A. Всѣ подвижники согласно говорятъ о томъ, что много есть духовныхъ степеней совершенства, и что нравственное восхожденіе инока, пріившаго въ себя благодать, совершается не сразу, а постепенно (Марка Подв.—Κεφάλαια νηπτικᾶ. — Migne LXV, 1068 C; Макарій Егип. XV, с. 7, Migne XXXIV, 580 D; Ibid. с. 42, M. 604 D; Ном. XXXVI, с. 1. M. 749 A; аввы Исаія Сл. XIX, Migne XL, 1156 CD). Причемъ души правдолюбивыя по словамъ Макарія Египетскаго ежедневно сознаютъ въ себѣ ощущеніе духовнаго преслѣянія (πνευματικῆς προκοπῆς). — Ном. X, с. 1. Migne 541 A Макарій Египетскій и Маркъ Подвижникъ говорятъ, что для достиженія нравственнаго совершенства необходимо пройти какъ бы 12 ступеней духовнаго преслѣянія (Макарія Егип. Ном. VIII, с. 4, Migne XXXIV, 529 C; Περὶ ἀγαπῆς, с. 10. M. 916 D; Марка Подв.—Κεφάλαια νηπτικᾶ. Migne LXV, 1065 C). Но совершенство инока, прошедшаго всѣ 12 ступеней нравственнаго преслѣянія, все же понимается указанными подвижниками, какъ совершенство относительное, а не абсолютное. „Совершенная мѣра (τὸ τέλειον μέτρον), говорятъ оба эти подвижника, не дана человѣку, чтобы онъ могъ заниматься попеченіемъ о братіи и служеніемъ слову“; (Макарія Егип. Ном. VIII, с. 4. M. 529 D; Сравни Ibid. с. 5, M. 532 AB Марка Подв.—Κεφάλαια νηπτικᾶ. Migne LXV, 1065 D; Сравни Ibid. Migne 1068 A.

⁶⁾ Epist. XVII, M. 1039 C.

не останавливается на одной какой-либо добродѣтели, но съ каждымъ днемъ усовершенствуется въ новыхъ подвигахъ, восходя все выше и выше по ступенямъ духовной лѣстницы. Онъ преображается отъ славы въ славу, отъ вѣры въ вѣру, отъ менѣе совершенной добродѣтели къ добродѣтели болѣе совершенной¹⁾; такое духовное возрастание приближаетъ его къ Богу и дѣлаетъ способнымъ понимать пути Промысла Божія²⁾. Давидъ, по словамъ Антонія, зналъ, что душа имѣетъ на землѣ различныя степени совершенства, и потому, когда былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не хотѣлъ разрѣшиться отъ тѣла; онъ молился Господу: „не возведи мене въ преполовѣніе дней моихъ“ (Пс. 101, 25), опасаясь, чтобы Господь не взялъ его прежде исполненія духовныхъ дней его, и чтобы смерть не постигла его, когда онъ не достигъ еще совершенства³⁾. Преп. Антоній различаетъ три степени совершенства инока въ соотвѣтствіе тремъ періодамъ человѣческаго возраста; отрочеству, возмужалости и старости. Всѣ три степени нравственного совершенства являются необходимымъ слѣдствіемъ трехъ состояній вѣры: рождающейся, усовершенствующейся и совершенной⁴⁾. Инокъ, по воззрѣніямъ преп. Антонія, тогда находится въ духовномъ отрочествѣ (*in spirituali pueritia*), когда послѣдовалъ голосу благодати въ сердцѣ своемъ и, оставивъ все плотское и скоропреходящее, началъ стремиться къ безсмертному и вѣчному; онъ — въ отрочествѣ, пока не приобрѣлъ еще духовной опытности, и пока путь жизни его далеко отстоитъ отъ Бога⁵⁾. Но если инокъ искренно и усердно подвизается, стараясь очистить себя отъ грѣховъ, то Богъ уже приближается къ нему⁶⁾. Пробудившій въ себѣ сознаніе своей виновности предъ Богомъ, и слезами покаянія очищающій себя отъ грѣховъ, допускаетъ, чтобы въ немъ дѣйствовала не грѣхов-

¹⁾ „De gloria in gloriam, et de fide in fidem, et de imperfectiori virtute ad perfectiorem virtutem“. — Epist. XVII, M. 1042 B.

²⁾ Ibid.

³⁾ „...sciens statum dierum perfectionis animae“. — Epist. XVII, M. 1043 D.

⁴⁾ Epist. XVII, M. 1043 C.

⁵⁾ Ibid. M. 1042 D.

⁶⁾ Epist. XX, M. 1056 D. 1057 A.

ная воля человѣческая, но воля Божія (*voluntas Domini*), которая одна можетъ привести человѣка ко спасенію¹⁾. Воля Божія обновляетъ въ инокѣ силы къ совершенію добра и возгрѣваетъ въ немъ внутреннюю духовную теплоту (*calor*). Теплота эта, по словамъ преп. Антонія, не скоропреходяща и не подобна теплотѣ земной; она дается тѣмъ, которые ищутъ ее. Подобна она огню, скрывающемуся въ искрахъ, и поэтому можетъ усиливаться и уменьшаться. Какъ для того, чтобы сварить что-либо, человѣкъ раздуваетъ искры до тѣхъ поръ, пока не появится огонь, такъ и для совершенныхъ плодовъ добродѣтели необходимо, чтобы Божественная теплота не погасла въ инокѣ вслѣдствіе лѣности и нерадѣнія, но чтобы согрѣвалась слезами покаянія, и огонь, происшедшій отъ этой теплоты, производилъ бы въ инокѣ кипѣніе добрыхъ дѣлъ²⁾. Когда инокъ неустанно трудится и отъ духовнаго отрочества переходитъ въ состояніе возмужалости, Господь посылаетъ ему Свой невидимый и невещественный огонь (*invisibilem immaterialemque ignem*), который освобождаетъ его отъ страстей и очищаетъ его разумъ. Этотъ огонь, по словамъ Антонія, подобенъ тому огню, который имѣли Ілія, Елисей и другіе пророки³⁾. Въ такомъ инокѣ уже начинаетъ обитать Духъ Святой, Который научаетъ его достойно служить Богу⁴⁾. Преданная и покорная Богу душа, въ которую вселился Божественный огонь, подобна, по словамъ Антонія, птицѣ, имѣющей крылья, посредствомъ которыхъ она летаетъ по воздуху. Крылья души, преданной Господу, при помощи которыхъ она можетъ возлетать на небо, составляютъ добродѣтель Боже-

¹⁾ Epist. XVI, M. 1037 C.

²⁾ Epist. X, M. 1024 B.

³⁾ Epist. VIII, M. 1020 D—1021 A. Макарій Египетскій часто говоритъ объ этомъ небесномъ, невещественномъ и Божественномъ огнѣ (τὸ ἐπουράνιον πῦρ, πῦρ τῆς θεότητος), называя его огнемъ любви Христовой, который освящаетъ души христіанъ, принимающихъ его въ себя, и испытываетъ ихъ, какъ неподдѣльное золото въ горнилѣ (Hom. IV, c. 13, Migne XXXIV, 481 D; Ibid c. 14, M. 484 A; IX, c. 9, M. 537 A; XI, c. 1, M. 544 D; XXV, c. 9, M. 673 B; Περὶ δὲ ψώσεως τοῦ νόου, c. 9, M. 896 C).

⁴⁾ Epist. V, M. 1010 C.

ственного огня. Если душа не имѣетъ Божественнаго огня, она подобна птицѣ, которая не имѣетъ крыльевъ и не можетъ летать. Душа человѣческая, говоритъ Антоній, подобна птицѣ и потому еще, что обѣ получаютъ жизнь посредствомъ теплоты. Если бы птица не согрѣвала лицъ своею теплотою, она не могла бы произвести дѣтенышей, потому что они получаютъ жизнь свою только посредствомъ теплоты. Точно также и инокъ дѣлаетъ добрую дѣла и усовершенсается въ добродѣтели только тогда, когда согрѣвается теплотою Божественнаго огня¹⁾. Иноку надлежитъ опасаться людей, у которыхъ вмѣсто теплоты холодъ (*algor*), чтобы они не уничтожили въ немъ теплоту²⁾. Вѣрою, надеждою, любовію, смиреніемъ, страхомъ Божиимъ, различеніемъ добра отъ зла, благочестіемъ, миромъ, внутреннимъ созерцаніемъ и любовью къ ближнимъ подвижникъ нравственно усовершенсается и приобрѣтаетъ небесную радость³⁾. Духъ Божій, увидѣвши плоды благочестивыхъ подвиговъ души, привлекаетъ ее къ Себѣ, и она вмѣстѣ съ ангелами наслаждается небесною радостью (*laetitia, gaudium Domini*)⁴⁾ и веселіемъ, которая непрестанно возгрѣваютъ въ ней Божественную теплоту⁵⁾. Всѣ подвиги дѣлаются тогда для нея легкими и пріятными; инокъ не чувствуетъ труда ни въ исполненіи добродѣтелей, ни въ служеніи Богу, ни въ ночныхъ бдѣніяхъ; онъ не гнѣвается на людей за обиды; онъ совсѣмъ не боится ни людей, ни животныхъ, ни духовъ, потому что днемъ и ночью съ нимъ находится радость Господня, которая просвѣщаетъ его умъ и питаетъ его⁶⁾. Божественная радость составляетъ для души инока

¹⁾ Epist. XVIII, M. 1047 B D.

²⁾ Epist. XI, M. 1026 A.

³⁾ Epist. XX, M. 1062 C.

⁴⁾ Epist. IX, M. 1022 A.

⁵⁾ Epist. X, M. 1023 B.

⁶⁾ Epist. XVIII, M. 1048 D. Сравни Макарія Египц. Hom. X, c. 1. Migne XXXIV, 540 D 541 A. Преп. Макарій говоритъ, что для такого человѣка всякое упражненіе въ добродѣтели обращается какъ бы въ природу; къ нему приходитъ Господь, въ немъ пребываетъ, и онъ пребываетъ въ Господѣ, и Самъ Господь безъ труда творитъ въ немъ Свои божественныя заповѣди, исполняя его духовныхъ плодовъ (Hom. XIX, c. 6. Migne 648 A; Сравни. Пері φυλακῆς καρδ. c. 13. M. 840 B).

пищу (*alimentum*), безъ которой она не можетъ жить¹⁾. Какъ дерево не можетъ расти, если не имѣетъ влаги, такъ и душа, по словамъ Антонія, не можетъ расти и возвышаться въ добродѣтеляхъ, если не будетъ имѣть небесной радости. Но тѣ души, которыя приняли въ себя Духа Божія и напоены небесною радостью, имѣютъ силу возрастать и усовершенсаться, если стараются исполнять заповѣди Божіи²⁾.

Когда инокъ побѣдитъ невидимыхъ враговъ и всѣ страсти, когда вообще освободится отъ всего нечистаго, тогда на него проливается духовный дождь — благодать Духа Утѣшителя, и онъ достигаетъ *высшей мѣры совершенства*³⁾. Духомъ своимъ онъ возносится на высоту совершенства, дѣлается достойнымъ божественныхъ видѣній и уподобляется орлу; такъ высоко паритъ онъ въ своемъ духовномъ созерцаніи. Умъ его подобно серафиму имѣетъ тогда шесть крыльевъ, въ которыхъ находится много глазъ, чтобы всесторонне разсматривать окружающее; онъ дѣлается духовнымъ серафимомъ и наслѣдникомъ жизни вѣчной⁴⁾. Совершенный инокъ уже не чувствуетъ никакого труда въ тѣлесныхъ подвигахъ и даже не замѣчаетъ ихъ. Живущій въ немъ Духъ Божій является для него источникомъ несказанной небесной радости, которую совершенный испытываетъ и днемъ и ночью; находясь въ тѣлѣ, онъ уже предвкушаетъ сладость будущаго блаженства и чувствуетъ себя какъ будто на небѣ (*in regno*)⁵⁾. Обитающій въ совершенномъ инокъ Духъ Божій не только изливаетъ на него обильно всѣ духовныя дары Божіи, которые составляютъ большое богатство для человѣка⁶⁾, но и открываетъ ему высокія и непостижимыя для несовершенныхъ тайны царства небеснаго⁷⁾, которыя нельзя выразить

¹⁾ Epist. XVIII, M. 1048 D.

²⁾ Epist. XIII, M. 1028 A.

³⁾ Epist. VI, M. 1014 B.

⁴⁾ Epist. XIX, M. 1054 B.

⁵⁾ Epist. VIII, M. 1021 B; Epist. XI, M. 1025 D.

⁶⁾ Epist. VIII, M. 1020 A.

⁷⁾ Эти тайны называются у преп. Антонія: „*revelationes magnorum arcanorum futuri saeculi*“, „*magnitudo arcanorum Dei*“, „*arcana regni coelorum*“, „*excelsa arcana*“ и проч.

человѣческимъ языкомъ¹⁾; подвижникъ получаетъ внутренній, ничѣмъ невозмутимый миръ, а обитающій въ немъ Духъ Святый дѣлаетъ для него все яснымъ, какъ день²⁾. Инокъ, достигшій высшаго совершенства, своимъ просвѣтленнымъ умомъ познаетъ богатства царствія Божія (divitas regni Dei), которымъ нѣтъ мѣры и конца³⁾, видитъ величіе добродѣтели и Божества, и то сіяніе Бога, которое отражается въ Его твореніяхъ⁴⁾. У такого подвижника открываются очи сердца, при помощи которыхъ онъ спокойно и безъ труда созерцаетъ великій духовный свѣтъ, потому что въ глазахъ усовершенствовавшихся не остается мѣста никакому грѣху или мраку⁵⁾. Сердце такого инока настолько чисто предъ Богомъ, и умъ его настолько высокъ и отрѣшенъ отъ всего земного, что онъ чистымъ сердцемъ и умомъ своимъ воспаряетъ на небо и созерцаетъ тамъ Иисуса Христа, сѣдѣющаго одесную Бога Отца; Христосъ предложить его Отцу, какъ нѣчто драгоцѣннѣйшее и совершеннѣйшее⁶⁾. Въ такомъ состояніи иннокъ уже не боится никакого зла⁷⁾, потому что онъ всецѣло утвердился въ добрѣ и достигъ совершенства; совершенный уже старается о томъ, чтобы другихъ, не имѣющихъ въ себѣ силы и мужества, освободить отъ власти грѣха и діавола; онъ усердно и горячо молить Бога объ обращеніи грѣшниковъ, чтобы не по-

¹⁾ Epist. XI, M. 1025 D; Epist. XIII, M. 1028 A; Epist. XIX, M. 1052 A.

²⁾ Epist. XIX, M. 1052 A.

³⁾ Epist. XIII, M. 1028 B.

⁴⁾ Epist. XVII, M. 1041 D. Макарій Египетскій очень часто изображаетъ состояніе души совершенной, получившей Духа Божественной жизни и уязвленной Божественною любовью (εἰς ἔρωτα θεῖον). — Nom. V, c. 6, Migne XXXIV, 509 BC; Nom. XIV, c. 6, M. 573 C; XVII, c. 3-4, M. 625 B-D; XIX, c. 6, M. 648 A; XXVIII, c. 5, M. 713 B; IV, c. 15, 27, Migne 484 C, 493 C. Сравн. аввы Исаіи Сл XXI, Migne XL, 1165 B; Сл. XVII, M. 1150 D). Совершенное общеніе съ Богомъ преп. Макарій видитъ въ любви (Nom. XLV, c. 7, M. 792 B; Nom. XXVI, c. 16, M. 685 A), которая дѣлаетъ иноковъ безпристрастными и непоколебимыми (ἀπαθεῖς καὶ ἀσαλεύτους).

⁵⁾ Epist. XVII, M. 1042 A.

⁶⁾ Макарій Египетскій говоритъ, что души святыхъ еще здѣсь на землѣ сподобляются получать умныя крылья Св. Духа, при помощи которыхъ онѣ воспаряютъ умомъ къ небесному мудрствованію (Nom. V, c. 6, Migne XXXIV, 516 C; Περὶ ὑψώσεως τοῦ νόου, c. 2, M. 892 B).

⁷⁾ Epist. XVIII, M. 1051 A.

стигла ихъ смерть прежде покаянія¹⁾. Подобно Моисею онъ готовъ пожертвовать собою, лишь бы только по его молитвамъ были очищены отъ грѣховъ и спасены его ближніе²⁾. Всѣ люди, говоритъ преп. Антоній, облеченные Духомъ Божиимъ, непрестанно молятся о насъ, чтобы мы соединились съ Господомъ и наслѣдовали то, что предложено было намъ въ нашемъ первобытномъ состояніи, и чего мы лишились вслѣдствіе непослушанія перваго человѣка³⁾. Иноки, достигшіе высшаго нравственнаго совершенства, въ день страшнаго суда сядутъ, по словамъ Антонія, на своихъ сѣдалищахъ, и каждый изъ нихъ будетъ судить людей своего возраста (aetatis) за то, что превозмогли всѣ трудности пути въ царство небесное и достигли совершенства на землѣ⁴⁾. Состояніе инока, достигшаго высшей степени нравственнаго совершенства, — состояніе облагодатствованное. Его воля настолько соединилась съ волею Божіею, что дѣйствія ея проявляются въ области одного только добра, сердце его чисто, какъ слеза, и чуждо всякаго плотскаго грѣховнаго пожеланія, умъ его просвѣтленъ и озаренъ Божественнымъ свѣтомъ и открытыми ему великими тайнами царства Божія; самое тѣло его одухотворено и, находясь въ полной и совершенной гармоніи съ дѣйствіями души, еще здѣсь на землѣ предвкушаетъ сладость неизреченнаго небеснаго блаженства. Страхъ предъ Богомъ разсѣвается въ душѣ совершеннаго инока, уступая мѣсто совершенной любви къ Богу⁵⁾, потому что у достигшаго нравственнаго совершенства нѣтъ грѣховъ, за которые постигаетъ людей гнѣвъ Божій. Эта высочайшая ступень нравственнаго совершенства инока характеризуется тѣмъ, что, находясь на землѣ, иннокъ живетъ уже небесною жизнью вмѣстѣ со Христомъ. Проникая своимъ просвѣтленнымъ умомъ черезъ завѣсу вѣчности, онъ духомъ живетъ уже на небѣ, и только тѣлесная оболочка удерж-

¹⁾ Отв. на вопр., — Христ. Чтен. 1837 г. ч. II, стр. 265.

²⁾ Epist. VIII, M. 1021 BC.

³⁾ Epist. VII, M. 1019 B; Сравн. Марка Подвижника Κεφάλαια νηπτικᾶ. Migne LXV, 1068 C.

⁴⁾ Epist. XIII, M. 1028 C.

⁵⁾ Достоп. сказ. § 32; Epist. XI, M. 1025 D.

живаетъ его на землѣ. Онъ подобенъ апостолу Павлу, который достигъ такого совершенства, что еще будучи въ тѣлѣ желалъ разрѣшиться отъ него и отойти ко Господу¹⁾. Достигши такого высокаго нравственнаго совершенства, Апостолъ этотъ говорилъ: „миѣ еже жити, Христосъ, и еже умерети, приобрѣтеніе есть“ (Филип. 1, 21). Такъ точно и достигшій совершенства инокъ уже живетъ, по словамъ Антонія, не земною, но духовною и небесною жизнью во Христѣ Иисусѣ, настолько духовною, что смерть тѣла является для него не потерей, а прибрѣтеніемъ²⁾.

Для нѣкоторыхъ этотъ совершенный инокъ, возвысившійся въ своемъ духовномъ созерцаніи до пониманія высокихъ тайнъ царствія Божія, покажется только созерцателемъ, никого незнающимъ кромѣ себя, и неисполняющимъ заповѣдь о любви къ ближнимъ. Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно, обязанность каждаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы заботиться не только о себѣ, но и о ближнихъ въ дѣлѣ ихъ спасенія. Поэтому, кто нравственно окрѣпъ и утвердился въ добрѣ, тотъ долженъ помогать болѣ слабымъ и нравственно поддерживать ихъ въ борьбѣ съ грѣхомъ. Подвизающійся въ пустынѣ инокъ былъ бы глубоко виновенъ, если бы вовсе не думалъ о своихъ ближнихъ и не хотѣлъ поддержать ихъ въ борьбѣ съ грѣхомъ. Но онъ и не уклоняется отъ помощи. Онъ удалился въ пустыню только для того, чтобы достигнуть совершенства, къ которому долженъ стремиться каждый христіанинъ. Если онъ остается въ пустынѣ и не идетъ къ ближнимъ, то только потому, что любить Бога больше, чѣмъ ближнихъ. Но этимъ вовсе не исключается любовь его къ послѣднимъ: кто любитъ Господа, тотъ необходимо любить и брата своего, потому что кто не любитъ ближняго, тотъ, по словамъ Евангелиста Іоанна Богослова, не любитъ и Бога (1 Іоан. 4, 20). Въ достигшемъ

¹⁾ Epist. XVII, M. 1043 A.

²⁾ По словамъ Макарія Египетскаго даже самая тѣла такихъ святыхъ еще на землѣ прославляются и дѣлаются блестящими (δοξάζεται καὶ ἡ σὰρξ αὐτῶν, — Ном. XV, с. 38. Migne XXXIV, 601 C), потому что еще на землѣ они сподобляются прибрѣсти небесное одѣяніе (τὸ ἐπουρανίου ἐνδύειν, — Ном. XXXII, с. 2, M. 733 D).

совершенства инокъ любовь къ Богу неразрывно соединена и съ любовью къ ближнимъ. Эту свою любовь къ ближнимъ онъ проявляетъ въ теплой и непрестанной молитвѣ объ ихъ спасеніи¹⁾ и соединеніи съ Господомъ. Такое выраженіе дѣятельной любви совершеннаго инокъ нисколько не менѣе любви, проявляемой по отношенію къ ближнимъ въ мірѣ, тѣмъ болѣе, что молитва инокъ непрестанна, усердна и горяча, а предстательство святыхъ за насъ предъ Богомъ имѣетъ великую силу. Кромѣ того, совершенный инокъ служитъ высокимъ образцомъ подражанія для всѣхъ христіанъ, и безмолвною проповѣдью своей высоко-благочестивой жизни онъ производитъ на ближнихъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ многіе подвиги христіанской любви, проявляемой въ мірѣ. Высоко-нравственная жизнь инокъ есть его дарованіе, данный ему Богомъ талантъ, при помощи котораго онъ исполняетъ свои обязанности по отношенію къ ближнимъ. Онъ—яркій свѣтильникъ, горящій для вѣрующихъ, и среди мрака мірскихъ соблазновъ указывающій имъ истинный путь къ нравственному совершенству.

¹⁾ Epist. VII, M. 1019 C.

Оглавление.

ВВЕДЕНИЕ.

	Стр.
Источники и пособия	III—XXVI

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Начало монашества и св. Антоній Великій.

Аскетизмъ внѣ христіанства	1—2
Ученіе о дѣвствѣ Іисуса Христа и Апостоловъ	2—4
Аскетическій характеръ жизни первыхъ христіанъ	4—7
Свидѣтельства мужей апостольскихъ, христіанскихъ апологетовъ и другихъ церковныхъ писателей.	7—11
Удаленіе нѣкоторыхъ египетскихъ христіанъ въ пу- стыню, какъ выраженіе христіанскаго аскетизма	11—13
Свидѣтельства отцовъ и учителей церкви о существо- ваніи аскетической жизни въ первые три вѣка христіанства.	13—15
Примѣры киновитской жизни аскетовъ въ первые три вѣка	15—16
Мѣсто и значеніе Антонія Великаго въ исторіи христі- анскаго монашества	16—23

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жизнь св. Антонія.

Глава I.

Время и мѣсто рожденія Антонія Великаго.	24—28
Дѣтство и отрочество Антонія	28—34

Начало подвиговъ Антонія и первыя искушенія	Стр. 34—39
Пятнадцать лѣтъ подвижнической жизни Антонія въ уединенной гробницѣ	39—42
Удаленіе Антонія въ Оивайдскую пустыню и новые 20- лѣтніе его подвиги	42—45

Глава II.

Первый выходъ Антонія Великаго изъ уединенія	46—47
Демонологія преп. Антонія.	47—58
Посѣщенія Антоніемъ Александріи	58—61
Удаленіе преп. Антонія во внутреннюю пустыню для новыхъ подвиговъ	61—64
Слава о подвигахъ Антонія и посѣщеніе его горы мона- хами и мірянами	65—68
Мѣсто подвиговъ преп. Антонія.	68—70
Общеніе преп. Антонія съ окружавшими его подвижни- ками	70—75

Глава III.

Догматическое ученіе преп. Антонія	75—86
Отношеніе преп. Антонія къ клирикамъ и мірянамъ	86—94
Посѣщенія преп. Антонія философами.	94—99
Монастыри, основанные Антоніемъ Великимъ	99—106
Жизнь монаховъ по правиламъ Антонія Великаго	106—118

Глава IV.

Послѣдніе годы жизни преп. Антонія и смерть его	119—127
Свидѣтельства западныхъ писателей о судьбѣ остан- ковъ св. Антонія	128—131
Общій взглядъ на характеръ подвижничества преп. Антонія	131—134
Развитіе монашества послѣ Антонія великаго и значе- ніе послѣдняго въ исторіи монашества	134—138

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Писанія св. Антонія Великаго.

Разнообразіе писаній, дошедшихъ до насъ съ именемъ Антонія Великаго	139—140
Произведенія, приписываемыя Антонію Великому:	140—141
Слово Антонія къ монахамъ	141—143
Двадцать писемъ преп Антонія	143—163
Письмо преп. Антонія къ св. Феодору.	163—165
Двадцать рѣчей Антонія	165—168
Правила	168—177
Духовныя наставленія	178—180
Увѣщанія	180—183
Рѣчь о погибели міра и о воскресеніи мертвыхъ.	183—184
Наставленія для нравственности человѣковъ и доброй жизни въ 170 главахъ	184—189
Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ	189—193
Мнѣнія и отвѣты	193—194
Раздѣленіе приписываемыхъ Антонію Великому произве- деній на группы	194—195

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Нравственно-подвижническое ученіе св. Антонія Великаго.

Общій планъ четвертой части	196—197
---------------------------------------	---------

Отдѣлъ I.

Воззрѣнія св. Антонія Великаго на взаимныя отноше- нія между Богомъ и человѣкомъ до грѣхопаденія прародителей и послѣ него	198—214
--	---------

Отдѣлъ II

Аскетика св. Антонія Великаго.

Отреченіе отъ міра	214—219
Удаленіе въ пустыню	219—221
Отшельничество и безмолвіе	221—224
Стремленіе къ совершенству	224—226
Искушенія діавола	226—235
Средства для борьбы съ искушеніями.	235—242
Помыслы.	242—243
Повиновеніе старшимъ	243—245
Покаяніе и плачь о грѣхахъ	245—248
Духовныя плоды покаянія	248—250
О мирѣ, гнѣвѣ и незлобіи	250—252
Вѣра, надежда и любовь	252—258
Любовь къ ближнему	258—260
Гордость и тщеславіе	260—264
Смиреніе.	264—266

Внутренняя жизнь инока.

Благочестивыя размышленія	266—267
Вниманіе къ себѣ	267—269
Познаніе самого себя	269—270
Познаніе Бога	270—271
Различныя степени нравственнаго совершенства	271—279

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
IV	2 снизу (примѣч.)	ргооemіum	ргооemіum
6	17 сверху	коленопреклоненій	колѣнопреклоненій
20	2 снизу (примѣч.)	Migne	Migne
34	7 сверху	окончательнаго	окончательнаго
62	4 снизу (примѣч.)	Ἰπ' αὐτῷ	Ἰπ' αὐτῷ
96	18 сверху	истинъ	истинъ
122	8 снизу (примѣч.)	In. Vitam	In Vitam
151	10 снизу (прим.)	„Достоп. сказ.“	„Достоп. сказ.“
170	3 сверху	Антоція	Антонія
177	8 снизу (примѣч.)	приписываетъ	приписываетъ
197	1 снизу (примѣч.)	Vita. Anton.	Vita Anton.
198	11 снизу	изъявлять	изъявлять
203	8 сверху	причиною	причиною

Н. 358.
Н. 62806.

328.111

→ 779